

The background of the poster is a photograph of a large, two-story white house with a green roof and a curved porch. The house is surrounded by trees and foliage. In the foreground, a woman with long red hair is sitting on the grass, leaning against a tree trunk, looking away from the camera. To the left, a large white and brown dog is standing next to a small child in a grey hoodie. The title 'КРУГОВОРОТ ЧУЖИХ СТРАСТЕЙ' is written in large, white, stylized Cyrillic letters across the middle of the image. The author's name 'ЕКАТЕРИНА РИЗ' is at the bottom.

КРУГОВОРОТ ЧУЖИХ СТРАСТЕЙ

ЕКАТЕРИНА РИЗ

Что сделать молодой журналистке для того, чтобы обратить на себя внимание? Чтобы снять с себя клеймо «бедствия редакции»? Без сомнения нужна сенсация. Настоящая, а не какая-нибудь выдуманная и раздутая. Алёна Золотарёва тщетно такую отыскивала, но каждый раз ей не везло. То влипала в какую-то нелепую историю, а то и вовсе в очередной раз ставила себя в дурацкое положение. И всё, чего от начальства удостаивалась, это очередного укоряющего взгляда и чёткого запрета делать её же работу. Это было фантастически несправедливо, и нужно было что-то менять. И к её счастью, шанс представился. Шанс, о котором она и мечтать не могла. Казалось бы, все главные политические и коррупционные скандалы происходят в столице, и провинциальным журналистам до них не добраться. А тут вдруг выясняется, что один из фигурантов громкого дела, возможно прячется совсем рядом, в каких-то ста километрах, в заброшенной усадьбе царских времён на границе области. Неужели возможно поверить в такую удачу, и что за расстояние — сто километров, пусть в ночь и дождь? Главное, не испугаться и опередить более шустрых и опытных коллег. Но на её стороне время, и ей определённо везёт, а такое случается нечасто, и Алёна, наплевав на доводы разума, бросается в эту авантюру с головой. Она едет искать самого Кострова. И будьте уверены, ей это удастся!

- [Екатерина Риз](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [Эпилог](#)
-

— Что ты здесь делаешь? — спросил Медвежонок.

— Жду, когда ты выздоровеешь, — ответил Ежик.

— Долго?

— Всю зиму. Я, как узнал, что ты объелся снегом, — сразу перетащил все свои припасы к тебе...

— И всю зиму ты сидел возле меня на табуретке?

— Да, я поил тебя еловым отваром и прикладывал к животу сушеную травку...

— Не помню, — сказал Медвежонок.

— Еще бы! — вздохнул Ежик. — Ты всю зиму говорил, что ты — снежинка. Я так боялся, что ты растаешь к весне...

Мультфильм «Зимняя сказка»

— Золотарёва! Стоять.

Алёна мысленно чертыхнулась, всё-таки надеялась, что сможет прошмыгнуть мимо начальника незаметно, бочком, пока он разговаривал с Димкой Огарёвым, и тот, судя по тоскливому выражению на лице, тоже получал втык. Но её осторожное перемещение по коридору всё же было замечено, и пришлось остановиться. Алёна на секунду замерла, продолжая стоять к главному редактору спиной, но затем повернулась и улыбнулась Петру Алексеевичу как ни в чём не бывало. С готовностью отрапортовала:

— Я здесь. Готова выполнить любое задание.

Огарёв за спиной редактора скроил насмешливую физиономию, а большим пальцем весьма выразительно провёл по своему горлу. Алёне очень хотелось кулаком ему погрозить, но начальник в этот момент сверлил её подозрительным взглядом, впрочем, Рыбников никогда особо радужных надежд на её счёт не питал, поэтому смысла расстраиваться не было. Она переживёт, в который раз.

— Ты для начала предыдущее выполни, как надо.

Алёна остановила взгляд на его плече, чтобы в глаза не смотреть. Рискнула поспорить:

— Я уже выполнила. Как надо.

— Как надо? Ты называешь это — как надо?

Огарёв фыркнул за его спиной, и Пётр Алексеевич оглянулся на него, будто только вспомнил, что полминуты назад его распекал. Рукой махнул.

— Иди отсюда.

Димка за ухом почесал.

— Так мне ехать на этот митинг?

— Поезжай. Сними всё от и до. — Пётр Алексеевич на Алёну взглянул, прищурился. — Потом отдашь материал Золотарёвой, она напишет. Как надо напишет, а не как привыкла. Понятно, Золотарёва?

Тон был грозный, и можно было вздохнуть в расстройстве, но Алёна вместо этого нахмурилась.

— Какой ещё митинг?

— В поддержку депутата Беленького.

Вздох всё-таки вырвался.

— Ему не надоело? Дался ему этот торговый центр!

— Не твоё дело, Золотарёва, надоело ему или нет. Ты журналист, ты должна освещать. — Рыбников снова оглянулся за своё плечо, ещё раз махнул на Огарёва рукой, призывая, чтобы тот мгновенно испарился. И тот это сделал, а редактор вновь впился обвиняющим взглядом в лицо Алёны. — Ты понимаешь значение этого слова — освещать? Писать то, что есть, а не то, что тебе хочется. Иначе сиди дома и пиши роман! — К концу тирады его голос до предела возвысился и отозвался суровым эхом от высокого потолка коридора редакции.

Алёна хотя и хмурилась, но нос вздёрнула, выслушивая упрёки с каменным выражением лица. А Пётр Алексеевич тон поубавил, откашлялся и быстро огляделся по сторонам. А затем уже тише и проникновеннее продолжил:

— Вот что с тобой не так? Тебя просили написать про новый банк, а ты что написала? Алёна, у тебя какие-то проблемы? Ты скажи честно, я попытаюсь войти в твоё положение.

— Да всё со мной так, Пётр Алексеевич! — Алёна заговорила громким шёпотом, и тоже возмущённо. — Я всё написала, как есть. Если они мошенничают с кредитами, что с этим

делать? Я всё узнала, у меня свидетели есть, Пётр Алексеевич, мы можем такой материал сделать!

Рыбников смотрел на неё с болью.

— Скажи, я с ума сошёл, когда тебя на работу взял? Моё неадекватное состояние было заметно?

— Пётр Алексеевич! Я же серьёзно!

— Я тоже серьёзно, Золотарёва! С твоими талантами откапывать криминал, надо было идти работать в прокуратуру, а не в журналистику. Оставь эти кредиты в покое, все твои свидетели и информаторы испарились, как только к ним обратились официально.

Алёна насупилась, возразить было нечего, и от расстройства она от начальника отвернулась. А тот смерил её многозначительным взглядом, сунул руку в карман брюк, повёл широкими плечами. Он вообще весь был высокий и широкий, довольно дородный мужчина с огромным самомнением, как о своём уме, так и о красоте и талантах. Сам себя искренне считал завидным экземпляром. И, наверное, поэтому к молодёжи, особенно к девушкам, относился немного снисходительно. И Алёна подозревала, что лично её воспринимает некой неутомонной дурочкой, которая пишет неплохо, но уж больно много от неё хлопот.

— В общем, пиши про митинг.

— Что писать? — угрюмо поинтересовалась Алёна.

— Вот это правильный вопрос, — вроде как порадовался Рыбников. — Тебе нужны точные установки. Напиши про Беленького, напиши про долгое строительство, выскажи две точки зрения. Только, Золотарёва, у тебя мнение нейтральное, ты Швейцария. Ты наблюдаешь, а не выносишь вердикты, как привыкла. Понятно? Огарёв тебе наснимает, людей спрашивает, а ты потом напишешь. — Он достал из кармана заверещавший мобильный, взглянул на экран, и тут же отвлёкся от Алёны, правда, напоследок добавил: — Позвони в приёмную мэра, может, скажут чего интересное.

— Я и так знаю, что они скажут, — пробормотала Алёна себе под нос, глядя в спину удаляющемуся начальнику. — Что за день? — мысленно пожаловалась она самой себе, и, наверное, от расстройства хлопнула дверью кабинета, в котором работала. Кабинет или нет, вопрос трудный, помимо её стола в комнату было втиснуто ещё три, и остаться в тишине и одиночестве было практически невозможно. Без конца звонили телефоны, шумел принтер, под потолком бубнил телевизор на новостном канале, и это не считая бесконечного клацающего звука клавиатуры. У новичка голова шла кругом. Два года назад Алёна тоже была новичком, и голова у неё кружилась. Правда, не от шума, а от восторга. После института она ещё верила, что работа журналиста невероятно интересна. Она верила, что будет писать на острые темы, участвовать в журналистских расследованиях и несомненно внесёт серьёзный вклад во благо родного города. После двух лет работы эта уверенность подтаяла, причём довольно ощутимо. Это всерьёз удручало. Никаких серьёзных заданий Алёне не давали, а ко всем её изысканиям и расследованиям относились скептически. А если и позволяли написать на выбранную ею тему, то материал сильно урезали, выкидывали детали, которые Алёна считала безумно важными и раскрывающими суть проблемы, а их безжалостно вырезали.

— Что тебе Петро сказал? — спросила у неё Оксана Перевайко из-за стола по соседству. Оторвала взгляд от экрана компьютера, перестала печатать и взглянула на мрачную Алёну. Сама Оксана выглядела занятой и увлечённой. Хотя, ей было положено увлекаться, Оксана Перевайко вела в их газете рубрику о паранормальных явлениях, и для работы ей были необходимы вдохновение и хорошая фантазия. Потому что если в редакцию и звонили люди с историями о приведениях или инопланетянах, в большинстве своём, истории эти не выдерживали никакой критики. И Оксане приходилось по крупицам собирать материал, чтобы потом из огромного

количества разрозненных фактов, сочинить что-нибудь приемлемое. Но рубрика пользовалась успехом, если верить статистике сайта их газеты, редакторы Оксану часто хвалили, а Алёна всерьёз предлагала Перевайко сесть за написание мистического романа. К тому же, Оксана фанатела от «Сумерек», то есть, была в теме. У Алёны вот своей темы не было, и это было серьёзной проблемой.

Алёна на кресле своём крутнулась, посмотрела на жующую жвачку Оксану, нос сморщила.

— Сказал про Беленького писать.

— Опять? Он им платит, что ли?

— Да кто его знает? Вот кто мне скажет, как таких в депутаты выбирают?

— Так и выбирают, — слышалось из другого угла. — Пообещал людям стройку закрыть, вот за него район и проголосовал. Но заметь, — в направлении Алёны ткнули пальцем, — он обещанное выполняет.

— Как-то глупо выполняет. Сколько можно пикетом вокруг забора ходить? Серёж, вот скажи, о чём писать? А Петро ещё приказал в мэрию позвонить.

— Хочешь, я у тебя Беленького заберу? А ты про автостраховку напишешь. — Сергей Бурдовский вдруг рассмеялся. — Хотя, тебе нельзя, ты страховую компанию под статью подведёшь.

Алёна взяла с угла стола журнал с объявлениями и в Бурдовского им от души запустила. Он его налету поймал и снова рассмеялся, правда, тут же замолк, журнал швырнул на стул у стены, а девушкам кулак показал.

— Тихо, — сказал он и схватил пульт от телевизора, прибавил звук. — Про Кострова говорят.

Алёна тоже к телевизору повернулась. Про Андрея Константиновича Кострова говорили уже не первую неделю. С тех самых пор, как ему свезло погибнуть в автокатастрофе под Калининградом, по дороге в аэропорт. Без сомнения, судьба высокопоставленного столичного чиновника была интересна всем, тем более журналистам. К тому же, после его похорон вскрылись некоторые неприятные обстоятельства, которые грозили перерасти в полноценное судебное разбирательство, а перед этим в шумное расследование в целой промышленной сфере, за которую и отвечал последние пять лет Костров. Но дело было не только в скандале, а в том, что карьеру свою Андрей Костров начинал именно в их городе. Родом был из этих мест, делал первые шаги, назначался на должности, с каждым разом всё более значимые, потом в депутаты избрался, и, наконец, уехал в Москву, продолжать работать. И вот его работа и жизнь закончились, а после грянул скандал. Заговорили о деньгах, о его деньгах, о домах и банковских счетах, гараже, полном дорогих автомобилей, и даже яхту обнаружили, правда, не в России, в Испании. Яхта, дом на берегу океана, апельсиновый сад и ещё парочка автомобилей, опять же безумно дорогих. Скандал разгорался, его обсуждали в Думе, обсуждали на серьёзных каналах с экспертами, в ток-шоу разной направленности тоже обсуждали. Конечно, не сами деньги и квартиры Кострова, а в целом проблему коррупции в стране. На его примере.

Алёна времена работы Кострова в их городе не помнила, приехала позже, но за последние две недели собрала достаточно много информации. Даже не надеялась, что ей дадут разрешение писать о Кострове, с её любовью к изысканиям вряд ли доверят некролог написать, но не проявить интерес казалось неправильным. Если она не собирается до пенсии писать про автостраховку и выставки кошек, нужно быть всегда начеку и наготове. Чтобы в любой момент подхватить знамя. В данный момент в их издании, да и во всём их немаленьком городе, знамя рупора гласности и справедливости нёс Тарас Артюхов. Он был вхож в приёмные администрации города, он писал на самые острые темы, брал интервью у отцов города и области и присутствовал на всех значимых мероприятиях, получал личные приглашения. Всем

остальным доставалось по остаточному принципу. И спорить было бесполезно, и пытаться пролезть вперёд тоже. До пенсии Артюхову было далеко, недавно отметил сорокалетие, да и ждать Алёна не хотела. Она просто хотела получить один-единственный шанс. Чтобы ей доверили серьёзный материал. Не про депутата Беленького, который расхаживает по периметру стройки торгового центра с плакатом: «Врёшь — не возьмёшь!», а что-то актуальное. Например, про смерть Кострова. Как его работа, его деятельность в своё время отразилась на развитии области. Кстати, Алёне уже было, что сказать по этому поводу. Но кто её станет слушать? На планёрке неделю назад Алёна осторожно заикнулась об этой теме, так Рыбников так на неё глянул, с откровенным ужасом, и, кажется, тут же побледнел.

— Только попробуй, Золотарёва, — шикнул он на неё, а люди вокруг, не скрываясь, усмехнулись.

Конечно, не дать разрешение работать по этой теме, официально, Алёне могли, но запретить смотреть новости и продолжать анализировать происходящее, нет. И поэтому она с таким интересом слушала новости, да и Бурдовский от неё не отставал, ему тоже было интересно. А вот Оксане нет. Та вернулась к своей статье, пальцы бодро выбивали дробь по клавиатуре, а игрушечный серо-зелёный инопланетянин с непропорционально большой головой, прикрепленный к верху монитора, неожиданно этой самой головой затряс. Это Оксана начала мотать ногой под столом, видимо, вдохновение её не на шутку накрыло. А вот Алёна внимательно слушала диктора.

— Следственный Комитет инициировал срочную проверку деятельности Андрея Кострова, а также всех его личных активов и доходов. Следствие пытается установить факт хищения денежных средств со счетов госфонда, которым заведовал Костров-старший. Как уже удалось установить, большая часть имущества Костровых записана на сына покойного чиновника. Павел Костров был вызван в качестве свидетеля в Следственный Комитет, но как стало известно нашему каналу, на дачу показаний так и не явился. В данный момент его местонахождение неизвестно. Судя по всему, Павел Андреевич не горит желанием разговаривать со следователями. После похорон отца он всячески избегал общения, как с представителями власти, так и с журналистами. Как заявило следствие, он покинул Москву, но так как до выяснения всех обстоятельств каких-либо обвинений ему предъявлено не было, Павел Костров не заявлен в общероссийский розыск. Мы будем держать вас в курсе.

Диктор перешла к другим новостям, а Серёга звук убавил, развернулся в кресле в сторону Алёны, и они с минуту в молчании друг на друга смотрели. После чего она хмыкнула, весьма заинтересованно.

— Серёж, а что ты знаешь про Кострова-младшего?

Он подумал, после чего плечами пожал.

— Знаю, что он есть. Про него никто ничего не знает. Тёмная лошадка.

— Личность он тёмная, а не лошадка, — сказала Оксана, выдув пузырь из жвачки.

Алёна на неё посмотрела.

— С чего ты взяла?

— Знаю. У меня тётка раньше работала в Белом доме, в буфете. Ну, и рассказывала.

— Про Кострова-младшего?

— Про всех. Но про него я точно помню. Он к отцу на работу редко заходил, но если уж приходил, это превращалось в неделю сплетен.

Алёна усмехнулась.

— Он дурачок?

— Если бы. С компанией плохой связался, и вёл себя соответственно. Отец жутко его стеснялся. А потом он пропал, Павел, то есть. И говорили, что его посадили. А отец даже

пальцем не пошевелил, чтобы сыночку помочь.

— Точно знаешь?

— Что?

— Что посадили?

Оксана потёрла нос, призадумалась. Затем головой мотнула.

— Нет. Кто мне доложит? Слухи это, Алён. Слухи. К тому же, Костров-старший вскоре в Москву уехал, и что уж там с его сыночком было... — Она руками развела. — Но раз тот в Москве с ним оказался, значит, они помирились. Или как там бывает у богатых?

Как бывает у богатых, Алёна не знала. Но повод обдумать новую информацию появился. Она на спинку кресла откинулась, сложила руки на груди и пустым взглядом уставилась на тёмный экран своего компьютера. Прошло минуты две, а Серёга громко и весомо хмыкнул.

— Золотко, ты о чём призадумалась, красавица?

Перебор с комплиментами ничуть не смутил, потому что тон Бурдовского был пропитан желчью. Алёна даже головы в его сторону не повернула, лишь в задумчивости проговорила:

— Может, мне в Москву податься? Там такие интересные вещи происходят. А у нас Беленький с плакатом...

Серёга почесал заросший подбородок.

— Что-то мне подсказывает, Алёна, что ты и там будешь писать про кредиты и сумасшедших митингующих. Это судьба.

— Врёшь ты всё. Не может такого быть.

— А ты проверь.

Оксана перестала печатать, на Алёну взглянула с подозрением.

— Ты хочешь уехать в Москву? Ты мне не говорила.

— А сейчас говорю. — Алёна поднялась, одёрнула лёгкий пиджачок. — Меня здесь не ценят.

— Меня тоже, — вздохнул Бурдовский. — Судя, по зарплате.

В коридоре едва не столкнулась с Артюховым. Точнее, Алёна вовремя отскочила в сторону, а Тарас даже взглядом её не удостоил. Прошествовал мимо, разговаривая по телефону, и вид при этом имел занятой-занятой. Не боясь быть замеченной, остановилась и посмотрела своему сопернику вслед. Тарас был мужчиной привлекательным, к чему отнекиваться? Рыбников был лишь лет на пять его старше, но Пётр Алексеевич, при всей своей фактуре, на свой возраст как раз и выглядел, а вот Тарас поневоле привлекал к себе женские взгляды. Высокий, подтянутый, смуглый брюнет с серыми глазами, многие женщины в редакции ему вслед откровенно вздыхали. Но Алёна не слышала, чтобы он хоть раз завёл роман с кем-то из сотрудниц. А счастье пытали многие, даже те, которые считались красавицами (кстати, на одной такой красавице, у которой обломалось с Артюховым, пару лет назад женился Рыбников, это было поводом для разговоров, даже для собратьев-журналистов). Но Тарас был скалой, неприступной и сокрушительной. Признаться, Алёна в своё время, как только устроилась на работу, тоже подпала под его необъяснимое обаяние. Он мимо проходил, даже не замечая, а у девушек сердце замирало, и ноги ватными становились. Алёна это пережила, её лёгкая влюблённость прошла ровно в тот момент, в который она поняла, что начинает воспринимать Артюхова, как соперника, а не как объект своих мечтаний. Перед ним даже Рыбников порой пасовал. Потому что Рыбников не согласовывал материалы Артюхова, это делал кто-то более влиятельный. Петру Алексеевичу по большому счёту оставалось только соглашаться и улыбаться. А вот её работу главный редактор безжалостно критиковал, Алёна считала, что несправедливо, и поэтому обижалась. Правда, никогда этого в открытую не показывала. Но каждая её статья, что появлялась в урезанном виде, воспринималась пинком или подзатыльником. А всё, что писал

Тарас Артюхов выходило на первой полосе. Даже если он писал про дурацкую автостраховку.

В буфете обсуждали Кострова. Алёна пила чай, ела булку с изюмом и вполуха прислушивалась к разговору за соседним столом. Ничего нового или неожиданного не слышала, но всё равно прислушивалась. Журналисты вообще любят поговорить, некоторые после этого ещё и пишут. Но далеко не всегда про то, что их на самом деле интересует. Вот и эти двое сейчас за тарелкой борща поговорят про власть имущих, про их жизнь и достаток, после чего разойдутся по своим кабинетам, чтобы написать про тарифы ЖКХ и ремонт дороги у ближайшего супермаркета. Как-то всё это было грустно, и даже в их городе-миллионнике всё больше смахивало на болото.

— Тебе надо развлечься, — авторитетно заявил Серёга в конце рабочего дня. Сам он развлекаться любил, парнем был лёгким на подъём и ничем не связанным, в том смысле, что неженатым. А в данный момент и девушки не имел, насколько Алёне было известно. Именно из-за этого факта, предложение Бурдовского вызвало лёгкую настороженность. Алёна на него взглянула, а Сергей нахально ей улыбнулся. Улыбка у него была ничего, но сам по себе парнем он был необязательным, а этого в мужчинах Алёна никак не приветствовала. Настолько, что если вдуматься и хорошенько проанализировать все отношения и романы, что случались в её жизни, это было основной причиной расставания. Молодые люди ей попадались все, как на грех, несерьёзные, и это неминуемо вело к расставанию. А Серёга Бурдовский ей всё-таки нравился, с ним было приятно дружить и работать, и портить всё не хотелось. Поэтому Алёна решила проигнорировать его тон и зазывный взгляд, и лишь неопределённо пожала плечами.

— Может быть.

— Давай в клуб сходим? В «Небо» сегодня ди-джей из Москвы приезжает.

— А кто ещё пойдёт?

Бурдовский намёк уловил, немного сник, посмотрел на Оксану, которая раскачивалась на своём кресле в такт музыке, что звучала у неё в наушниках.

— Пригласи кого-нибудь.

Если честно, то отвлекаться в большой компании не слишком хотелось. Поэтому Алёна позвала присоединиться к ним Оксану, и ещё пару человек, что им встреч в коридоре попались. Да и её желания и приглашения вскоре забылись, Бурдовский переключился на приятелей, и Алёна с облегчением отошла в тень. Шла по улице, улыбалась шуткам, старалась не отставать и всеми силами демонстрировала намерение повеселиться. А сама раздумывала о своём. Сначала о Кострове и о том, как всё снова несправедливо, наверняка, весь материал и лавры захапает Артюхов, а потом её мысли незаметно переключились на кое-что более актуальное, на собственную жизнь. Подумалось о том, что быть взрослой и самостоятельной всё-таки здорово, и жить одной здорово, самой за себя отвечать, правда, иногда немного тоскливо. До недавнего времени Алёна жила с тёткой, родной сестрой отца, тётка терпеть не могла, когда Алёна даже случайно и вскользь называла её именно так — «тётя». И Алёна прекрасно понимала почему, потому что сама Дуся никакой тёткой не была. Она была молодой, красивой женщиной сорока трёх лет, безумно живой и деятельной. Владела парой цветочных магазинов, и сама была похожа на яркий пион или тюльпан (это зависело от её настроения и цвета волос, перекрашивалась она тоже под настроение и состояние души, то есть активную фазу влюблённости). И ничего удивительного, что год назад Дуся вышла замуж, решив, что нашла, наконец, свой идеал, с чем Алёна была склонна согласиться, и переехала в соседний областной центр, оставив племянницу одну в трёхкомнатной квартире, вести самостоятельную взрослую жизнь. До этого Алёна никогда не жила одна, и перспектива её вначале вдохновила, но после немного напугала. Вспомнилось детство, как она в шестнадцать лет перебралась от родителей, из их дома в деревне в город к тёте, и довольно долго привыкала к новому образу жизни. После маленькой деревни,

город казался огромным, непонятным и невероятно суетливым. Дуся её опекала, водила в школу едва ли не за руку, потом они, можно сказать, что обе поступали в институт, зубрили вместе, у Алёны именно такое впечатление складывалось, она лишь на экзамены одна являлась, и, трясаясь, вместе ждали результатов. Тётку Алёна обожала, и поэтому искренне радовалась за неё, когда Дуся замуж собралась. Отпускать её в соседний город было грустно, но показывать этого было нельзя. И Алёна бодро улыбалась, и заверяла, что с ней точно всё будет в порядке. Она взрослая, она смелая, самостоятельности у Дуси нахваталась с лихвой, поэтому ничего с ней не случится. И да, она клянётся, что будет бдительна и с дураками связываться не станет. Будет искать копию её Олежки, доброго и ответственного.

С копией Олежки пока не везло, как Алёна ни присматривалась и ни выискивала свой идеал, но к самостоятельной жизни привыкла, и даже начала её ценить. Вот, например, сейчас. Лето, вечер, она идёт с друзьями по улице, они разговаривают и смеются, а впереди вечер в клубе. Они будут танцевать и веселиться, и никто не будет названивать ей и говорить, что переживает и пора бы ей домой. В такие моменты, осознавая всё это, ты чувствуешь себя взрослой. И лишь самую капельку никому не нужной. Но об этом думать не принято. Большинство живёт так, а кто не живёт, к этому стремится. Разве нет?

Перед входом в ночной клуб, Бурдовский приобнял её за плечи, ненавязчиво, по-дружески, наклонился к Алёне и негромко спросил:

— С тобой всё в порядке?

Она приказала себе встряхнуться и улыбнулась ему.

— Да. Я плохо выгляжу?

— Выглядишь ты отлично. Но молчишь, это странно.

— Думаю.

— О Беленьком? Плюнь.

— Плюну, — согласилась она и прибавила шаг, чтобы догнать Оксану, которая на них обернулась.

Перед дверями клуба толпились люди. Алёна остановилась в некотором замешательстве, Оксана Перевайко рядом хохотнула, и все посмотрели на Бурдовского. Тот, после секундной заминки, заверил, что всё уладит, и направился к охране. Алёне на самом деле стало любопытно, как он проблему решать станет. А Оксана негромко спросила:

— Тебе Серёга нравится?

Алёна глянула на неё в удивлении. Конечно, всё поняла и намёк уловила, но предпочла сделать вид, что всерьёз удивлена.

— Конечно, нравится. Он хороший парень.

Перевайко откровенно скривилась.

— Ты поняла, о чём я.

— Я поняла, — согласилась Алёна, не скрывая налёта сарказма. — Но это здесь не при чём.

— А он к тебе клеится.

— Подумаешь. Он периодически ко мне клеится, когда у него пауза между подружками.

Оксана вздохнула.

— А ко мне нет.

Алёна усмехнулась.

— А ты возьми инициативу в свои руки. Удиви его.

— Ага, удиви, — проговорила Перевайко в лёгком расстройстве.

— Ну что? — спросили у них из-за спины, когда Серёга вернулся. Вид он имел недовольный.

— Кажется, облом. Говорят, там всё забито.

— Приехали. Отдохнули.

Признаться, Алёна расстроилась не так сильно, как остальные. Аккуратно отступила в сторонку, когда другие собрались в круг, чтобы решить, что предпринять дальше. Уже подумывала, как бы улизнуть домой, и уже почти решилась это произнести вслух, как сделав ещё шаг в сторону, налетела на кого-то. Охнула, негромко извинилась, повернулась и, к своему огромному удивлению, увидела перед собой ни кого-то, а Тараса Артюхова. Вот ведь свезло.

— Извините.

— Девушка, не извиняйтесь. Если продолжать пятиться, вы ещё на кого-нибудь натолкнётесь. Оставьте извинения для них.

Он вновь был насмешлив, чуть пренебрежителен, но странным образом ему это шло. Холодность проясняла его взгляд. Однажды, на новогоднем корпоративе, Алёна видела Артюхова пьяным. Хотя, скорее, подвыпившим. Он был весел, улыбчив и с помутневшим от алкоголя взглядом, и в том состоянии, больше похожем на человеческие эмоции, он ей совсем не понравился, весь его лоск и важность стёрлись. А вот сейчас, даже когда он откровенно насмешничал и хамил, его глаза смотрели въедливо и проникновенно. И именно по этому взгляду и выражению лёгкой отчуждённости на лице, и вздыхали женщины их редакции, от мала до велика.

Но увидеть Тараса Артюхова здесь, у дверей ночного клуба, показалось Алёне странным. Хотя, эта обстановка, точнее, сама ночная жизнь и тусовка, ему отлично подходила, не смотря на сорокалетний возраст. Тарас не выглядел на свои года, это точно. Алёна прекрасно помнила своего отца в сорок лет, тот даже близко так не выглядел. Хотя, что сравнивать? Две совершенно разные судьбы.

Но почему-то в этот раз Алёна промолчать не смогла. Артюхов уже повернулся к ней спиной, она смотрела на его широкие плечи под кожей пиджака, кинула взгляд на его спутников, и достаточно громко сказала:

— Меня зовут Алёна. Ещё утром мы рядом на планёрке сидели.

Артюхов обернулся, впился взглядом в её лицо. Затем посмотрел на затихшую компанию молодых журналистов, затем снова на Алёну. И вдруг ухмыльнулся.

— И, правда. Я тебя узнал. — Он даже пальцами щёлкнул, подгоняя свою память. — Банк «Универсал-Кредит». Алёна...

— Золотарёва, — подсказали со стороны, и Алёна кинула в ту сторону возмущённый взгляд. А Тарас рассмеялся, оглянулся на своих спутников.

— Кажется, у нас весёлый вечер намечается.

— Журналистская тусовка? Я фигею, как весело.

Алёна посмотрела на мужчин, что пришли с Тарасом, оба выглядели моложе, чем тот, оба одеты весьма прилично, один даже в костюме, правда, без галстука. Выглядели скучающими и чуть недовольными. Зато с ними компанию молодых журналистов пустили в клуб беспрепятственно. И Алёна, которая ещё несколько минут назад мечтала незаметно улизнуть, послушно вошла внутрь, прислушалась к бешеному ритму музыки, который не могли удержать стены здания, пусть и со звукоизоляцией. Правда, присесть за столик им никто не предложил. Тарас махнул рукой в сторону бара, а сам со своими приятелями направился в зал. Этому никто не удивился, включая Алёну, правда, Артюхов оглянулся на неё, окинул оценивающим взглядом, который она, как ей самой показалось, с достоинством выдержала. Глаз не отвела и даже подбородок вздёрнула, чем заслужила очередную усмешку.

— Пойдём танцевать, пойдём.

Её потянули на танцплощадку, но настроения веселиться уже не было. Ей отчего-то хотелось быть поближе к Тарасу. Но что делать, если за столик её не пригласили? А так хотелось

узнать... Послушать его, вне редакции, как он общается и что говорит. О чём думает. И расспросить о том, как он пишет и как подбирает темы. Ведь он их сам выбирает, Алёна это доподлинно знала.

— А кто пришёл с Тарасом? — прокричала она на ухо Бурдовскому, но тот лишь безразлично пожал плечами.

Алёна высматривала Артюхова довольно долго. И это было очень трудно, приходилось подпрыгивать и вытягивать шею, чтобы разглядеть их столик над головами танцующих и беснующихся людей. Хорошо, что вокруг все скакали и крутили головами, и её манёвры были не заметны и не удивительны. Но, в конце концов, она увидела, как Тарас из-за стола поднялся, ему явно кто-то звонил, он не спускал глаз с экрана телефона, и торопливо направился к выходу из зала. Алёна сомневалась всего секунду, на большее времени не было, необходимо было принять решение, и она его приняла. Приняла и тоже рванула к выходу. Понятия не имела, что будет делать дальше, но упустить возможность зацепиться и узнать о недостижимом Тарасе Артюхове хоть на йоту больше, чем все остальные, было бы жаль. И поэтому пригладила растрепавшиеся волосы, заправила выющиеся пряди за уши, по щекам себя похлопала, пытаясь отдышаться, и из зала вышла. Остановилась в коридорчике, народа здесь было немного, но Тараса среди них не было. Алёна головой покрутила, высматривая его, немного постояла у стеночки, потом прогулочным шагом дошла до холла. Тарас сидел в низком кресле у стены, к ней спиной, и говорил по телефону. Вокруг шумели, но охранник цыкнул на молодёжь, и стало тише. А Алёна осторожно приблизилась и снова привалилась спиной к стене, разглядывая Артюхова и раздумывая, что дальше делать. Или не делать, вернуться в зал и выбросить глупые мысли подружиться с неприступным Тарасом из головы.

— Егорыч, ты ведь можешь. Не ври, что не знаешь, — говорил тем временем кому-то Артюхов. И голос у него в этот момент был точь-в-точь, как при разговоре с Рыбниковым, когда тот пытался в чём-то Тарасу отказать или противостоять. — Если он свалил из Москвы, мог и к нам податься. Да причём здесь граница? Туда бы он не уехал, ты знаешь. Его бы не выпустили.

Алёна от стены отлепилась, и вся превратилась в слух.

— И что, что не в розыске? Он главный свидетель обвинения. Егорыч, ты ведь скажешь мне, если он тебе позвонит? Перестань, к кому ему здесь обратиться, как не к тебе, дружкусоратнику? Мне? Мне работу делать надо, на самого Пашку я чихал. Пусть сам крутится... А хотя бы и в Москву, — он хохотнул, — думаешь, не позовут?

Артюхов в кресле выпрямился, а Алёна, поддавшись порыву, метнулась обратно за угол и там остановилась. И снова дыхание переводила, будто только что из танцзала, где прыгала и отплясывала. И щёки загорелись ненормальным румянцем, приложила к ним ладони и поняла, что руки ледяные.

— А ты чего здесь стоишь?

Артюхов завернул за угол, и сразу увидел её. Остановился в шаге и вновь принялся её разглядывать. Алёне понадобилась вся её выдержка, чтобы встретить его взгляд и улыбнуться.

— Отдыхаю.

Тарас коснулся её плеча.

— Пойдём, выпьем чего-нибудь. Ты martini любишь?

Алёна кивнула в лёгкой прострации. Сейчас она готова была согласиться на всё, что угодно, лишь бы задержаться рядом с Тарасом хоть ненадолго. А чтобы это произошло, нужно было убрать из глаз неконтролируемое любопытство, навесить на лицо улыбку поглупее и соглашаться на всё — на всё.

— Значит, ты Алёна.

Её улыбка стала шире, пришлось откинуть голову назад, чтобы Тарас смог смотреть ей в

глаза. Они шли через зал, лавировали между танцующими, рука Тараса так и лежала на её плече, и вроде обосновалась там. Артюхов же продолжал Алёну разглядывать, даже её тёмных выющихся волос коснулся, как бы играючи, и если бы не достойная причина, Алёна бы всё это пресекла. Кажется, Тарас позабыл своё правило не связываться с коллегами, или оно действовало только тогда, когда он находился непосредственно в редакции? А может, его опьянило предстоящее расследование? Ведь как выясняется, он знаком с Костровым-младшим.

Ну, почему, почему Артюхову так везёт?! Он даже Павла Кострова лично знает, даже если ему на него, как на человека, и чихать?

— Что Егорыч сказал? — спросил приятель Тараса, тот, что в костюме, заметил Алёну и протянул: — О-о. У нас компания?

— Это у меня компания, — оборвал его Тарас, — себе свою ищите сами. А это Алёна. Садись, солнышко. — Ну, вот, она уже солнышко. Алёна присела рядом с ним на низкий диванчик и старательно улыбнулась. Стерпела, когда Тарас снова её за плечи обнял. — Алёна у нас тоже журналист. Да? — И после этих слов он улыбнулся ей сладко-сладко. Наверное, из его уст «журналист» было лучшим комплиментом, который он ей вообще сделать мог. Наверное, уверен, что она кропает маленькие статейки про городскую моду и выставки мёда в Экспоцентрах. А как только получила задание про банковскую деятельность, так и налетела на выговор от начальства. Но Алёна и это стерпела, сжала руку в кулак и упёрлась им в мягкую обивку дивана, а мужчинам ещё разок улыбнулась, чтобы уж наверняка. Дуся всегда говорит, что её улыбка — это настоящее оружие против мужчин. Она улыбается, и они чуть-чуть дуреют. Алёна и сама это подмечала не раз, правда, не понимала, отчего такой эффект. Она сама себя красавицей не считала, видимо, дело на самом деле в улыбке.

Для поддержания эффекта чуть обиженно сказала:

— Я уже два года работаю.

— Вот, она уже работает два года.

Мужчины понимающе усмехнулись и потянулись за своими бокалами с виски. Через пару минут Алёне принесли бокал с мартини, она смело сделала первый глоток, чтобы за столом это заметили, и придвинулась чуть ближе к Тарасу, повинаясь его руке. Кстати, от него потрясающе пахло. Что за одеколон — неизвестно, но запах свежий и дорогой. Наверное, именно так пахнет достаток. Надо запомнить.

При ней мужчины важные разговоры заводить не торопились, болтали о том о сём, Алёна даже осознала, что больше отвлекается на руку Артюхова, которая гладит её то по плечу, то по спине. Это немного сбивало с мысли. Не сказать, что ей было неприятно, но больше будоражило предчувствие чего-то важного впереди, а не мужские ласки. К тому же, ей на глаза попался Бурдовский, который таращился на неё издалека, а после и кулаком погрозил. Алёна осторожно показала ему кулак в ответ и поторопилась отвернуться. И, наконец, дождалась. У Тараса спросили:

— Так что Егорыч сказал?

Имя этого самого «Егорыча» Алёна слышала в телефонном разговоре, запомнила его, и теперь затаила дыхание, старательно глядя куда-то в сторону.

Артюхов помолчал, отпил из бокала, потом на Алёну посмотрел. Та как раз махала рукой Оксане Перевайко и счастливо улыбалась. Тарас тоже улыбнулся, но скорее каким-то своим мыслям, и негромко проговорил:

— Говорит, не знает, не видел, вообще, не в курсе происходящего.

— Правильно, кто ему доложит?

— Да ладно, Пашка его за друга держит.

— А тебя за кого?

— Боюсь подумать.

Мужчины рассмеялись, а Алёна как-то не вовремя повернула голову, и наткнулась взглядом на внимательные глаза Артюхова. Пришлось снова растягивать губы в улыбке.

— О ком вы говорите? — намеренно спросила она.

— О работе. Может, расскажешь нам о своей?

Алёна нос сморщила.

— Рыбников меня ненавидит.

— Такую милую девочку? — переспросил «костюм».

— Для него я не милая девочка, для него я сотрудник. И он меня реально ненавидит. Он свалил на меня Беленького.

— О-о. — За столом переглянулись и тут же засмеялись. А Алёна подумала, подумала, да и схватила Артюхова за руку.

— Тарас, поговори с ним.

Тот смешно вытаращил глаза, по всей видимости, наслаждаясь происходящим.

— О чём?

— Чтобы он прекратил надо мной издеваться. Я же всё-таки журналист, а не писатель-фантаст. Что мне про Беленького писать?

— Беленький не такой уж мифический персонаж. Вполне себе реальный мужик.

— С говнецом, правда.

— Дим, у него принципы.

— И я про то.

Алёна с живым интересом на мужчин посмотрела.

— А вы где работаете? Может, мне у вас интервью взять?

Над ней откровенно потешались.

— Может быть. Я люблю интервью давать. Особенно таким красивым журналисткам.

— Тарас, у вас все такие в редакции?

— Если бы. — Он на Алёну посмотрел. — Сам удивлён.

Все мужики — козлы. Особенно, при деньгах и власти.

Алёна взяла бокал с мартини и подалась назад, откинувшись на спинку дивана. Улыбаться надоело, а ничего толкового так и не узнала. Всё-таки незавидна роль современного журналиста. Ради крохи сведений чего только терпеть не приходится.

— Так что думаешь делать?

— В Марьяново съездить хочу. Если он у нас прячется, то только там. — Всё это Артюхов произнёс негромко, придвинувшись к приятелям и, наверняка, думал, что Алёна его из-за музыки не слышит. А она слышала, и название узнала. Именно в Марьяново родился Андрей Константинович Костров, это Алёна помнила совершенно точно. Ещё и потому, что многие говорили, что после своего отъезда в Москву, Костров решил восстановить справедливость, и выкупил усадьбу своих предков, пришедшую в полный упадок, и за последние годы вкладывал в её восстановление и реставрацию дома безумные деньги. Видимо, готовился встретить старость именно там, на родной земле, да так и не успел. Но планировал, мечтал, и очень любил говорить о своих дворянских корнях

И как она сама об этом не подумала? Отличное место для того, чтобы спрятаться. Частная собственность, больше ста километров от города. Наверняка, территория охраняется, чужих не подпустят, но чем чёрт не шутит, правда? Если она хотя бы установит, что Костров-младший прячется там... она расскажет об этом всей стране! Первая узнает, раскроет, установит...

На месте уже не сиделось. Алёна принялась ёрзать, кидать на Артюхова томительные взгляды, но он воспринял это по своему, к тому же, к этому моменту немного захмелел, и

поэтому когда они за столом ненадолго остались одни, сразу к ней придвинулся. Алёна собиралась сказать ему, что уходит домой, наплела бы что-нибудь, но он даже слушать не стал, придвинулся, сжал пальцами её подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. И снова разглядывал, изучал взглядом её лицо.

— А ты красивая.

— Спасибо. — Прежнего фальшивого восторга уже не получалось выдавать, и поэтому её голос прозвучал вполне серьёзно и сдержанно.

— Сколько, ты говоришь, работаешь?

— Два года.

— Местный институт заканчивала?

Алёна кивнула и попросила:

— Отпусти, мне больно.

Пальцы он разжал, но не отодвинулся ни на сантиметр. Алёна смотрела в его лицо, в ясные глаза, видела каждую морщинку вокруг его глаз, чувствовала островатый запах одеколона, да ещё Тарас так смотрел на неё, проникновенно. Он так умел, это она знала.

— Как-то я тебя не замечал.

— Конечно, — сделала Алёна попытку пошутить, — когда тебе. Ты такой деловой приезжаешь, ни на кого глазами не глядишь.

Он невольно улыбнулся.

— Правда? Я произвожу такое впечатление?

— Не думаю, что это просто впечатление.

— А что ты думаешь?

— Что ты на самом деле такой. Не замечаешь никого, кто тебе не важен.

Он вздохнул напоказ.

— Наверное, ты права. Я плохой человек?

Она всё же засмотрелась в его глаза, и сердце вдруг сделало кульбит. Так, надо отодвинуться от него.

— Куда важнее, что ты хороший журналист, — проговорила она, пытаясь увернуться от его взгляда. Это было сделать не так просто, а когда у неё почти получилось, Тарас снова дотронулся до её подбородка, наклонился к ней ближе, заглядывая в глаза, а потом поцеловал. Так запросто, будто делал это в тысячный раз. Прижался губами к губам Алёны, и только когда она инстинктивно шарахнулась от него назад, удивлённо вздёрнул брови.

— В чём дело?

Пришлось кашлянуть, чтобы вернуть себе возможность говорить. Головой суетливо качнула.

— Ни в чём. Просто... — Она тщетно искала слова для оправдания, не нашла их, и тогда, поддавшись порыву, сама обняла его за шею и крепко поцеловала в губы. И тут же вскочила. — Мне пора идти. Ты ведь мне позвонишь? Завтра.

Артюхов выглядел ошарашенным. И даже щуриться начал, видимо, решив, что у неё не всё в порядке с головой. Но в данный момент это уже было не столь важно. Алёна ослепительно ему улыбнулась на прощание, потрепала его по волосам, как спаниеля, схватила свою сумочку и кинулась прочь.

— Золотарёва, ты чего творишь? — выдохнул ей в лицо полупьянный, ухмыляющийся Бурдовский, который, без сомнения, наблюдал всю эту сцену с поцелуями.

— Замуж хочу, — поведала ему Алёна, и пока Серёга собирался с мыслями, махнула ему рукой и заторопилась к выходу.

На улице начался дождь. Не сильный, но и летним тёплым дождиком его назвать было нельзя. Поднялся неприятный ветер, Алёна зябко поёжилась в лёгком пиджачке, оглянулась на двери клуба, а потом быстрым шагом направилась к автобусной остановке, радуясь, что та за углом. Да и сам автобус не подвёл, подъехал почти тут же, Алёна заскочила на заднюю площадку, села на сидение и стряхнула с волос капли дождя. И почти тут же достала из сумки смартфон. Необходимо было выяснить, где именно это Марьяново находится. О ста с лишним километрах она ранее из какой-то статьи выяснила, а вот в какую сторону эти сто километров — понятия не имела.

До дома добралась изрядно вымокнув. Дождь останавливаться не собирался, только силу набирал, и в квартиру Алёна вошла, напоминая мокрую курицу и стуча зубами от холода. Скинула сырую одежду и первым делом приняла горячий душ. Телу стало хорошо, а вот голова работала, как часы, и это не смотря на то, что за окном практически полночь. Не давало покоя обещание Артюхова завтра отправиться в Марьяново. С его везением, после него там делать будет нечего. То есть, нужно ехать сегодня? Абсолютная авантюра. Темно, сыро, а она даже не знает, куда ехать. Но на то она и журналист. Ради правды должна быть готова к испытаниям, разве нет?

После душа почувствовала себя куда лучше. Вскипятила чайник, достала из буфета пачку печенья, больше в доме ничего съестного не было, и Дуся, наверняка, ужаснулась бы, но по магазинам ходить было некогда. Вот и жила неделю на пачке печенья, кофе и столовских обедах. Вспомнив о столовой, зверски захотелось котлету, горячую, с хрустящей корочкой. Пришлось даже зажмуриться от столь острого и одуряющего желания. Добавила в чай лишнюю ложку сахара, откусила печенье и прямо босая сходила в тёткину комнату и отыскала на книжной полке атлас дорог их области. Вернулась на кухню и разложила на столе карты. Прежде чем отыскала Марьяново, пришлось постараться. Деревня оказалась практически на границе области, на берегу реки, и название затерялось между разноцветными чёрточками и значками. Но оттого, что название на карте отыскалось, легче совсем не стало, Алёна несколько раз поворачивала карту то так, то эдак, не зная, с какой ей стороны придётся ехать. Да уж, карты — это не её стихия. Как же не хватает Дуси и её самостоятельности! Тётка, вообще, замечательно водила машину и была бесстрашная до чёртиков. Они с Алёной не раз и не два уезжали на юг, собравшись просто за час. Кидали сумки с вещами на заднее сидение её старенького «шевроле» и отчаливали к морю. Это были замечательные поездки, ничего лучшего в жизни Алёны не было, это точно. Они, вообще, любили именно наш юг. Чтобы добираться на машине самим, останавливаясь по пути в маленьких городках, гуляя, жуя бублики и пироги, запивая всё это холодным чаем и разглядывая местные достопримечательности. Дуся абсолютно не боялась дороги, и Алёну этому старалась научить, правда, у той с бесстрашием были небольшие проблемы, и порой страх приходилось преодолевать. Не бояться и не думать о последствиях не получалось. Вот и сейчас, даже когда дело касается её работы, можно сказать, что карьеры, она сидит на кухне, поджав под себя одну ногу, пьёт чай, жуёт печенье и сомневается. Когда сомнения начали стремительно разрастаться, а голос разума отчётливо сказал: «Ты сдурела? Ночь, дождь! Куда ты собралась?!», Алёна решительно подумала о том, что Тарас Артюхов точно сомневаться не будет. И пусть у него фантастический одеколон, и целуется он, кажется, совсем неплохо, это совсем не повод отдавать ему сенсационный материал.

Подумаешь, какие-то сто километров. Она приедет, покружит вокруг дома, и если заметит свет в окнах — это будет явным признаком того, что хозяева прибыли. И тогда уже будет

принимать решение. А если там темно, то и вовсе, развернётся и поедет прочь. Домой, спать. Между прочим, к девяти утра на работу.

«Шевроле», который тётка ей также оставила, стоял в гараже неподалеку. За домом был ряд старых «ракушек», вот там автомобиль и спал спокойно, под шум усиливающегося дождя, и совсем не ожидал такой подлости от судьбы, как появление новой хозяйки среди ночи. Двигатель даже пофырчал возмущённо, прежде чем завестись в полную силу, а Алёна погладила машинку по рулю.

— Мы совершим подвиг. Это требует усилий.

На выезде из города завернула на заправку, а заодно купила себе в кафе пару самодельных бургеров и коробку сока. Настроение сразу улучшилось, и из города Алёна выезжала, жуя и напевая под нос знакомую песню, что лилась из динамиков. Даже дождь больше не пугал и не навевал тоску. На соседнем сидении была разложена карта, и Алёна редко, но поглядывала на неё, клятвенно пообещав себе со следующей зарплаты купить навигатор в машину. У Тараса наверняка есть навигатор. И видеорегистратор. У него точно всё есть. Он готов к любым приключениям. Может, поэтому он и стал отличным журналистом, потому что он в любой момент готов сорваться с места в погоне за сенсацией? Не зря же про их профессию говорят, что волка ноги кормят. Вот и ей хватит на месте сидеть и чуда ждать. Два года сидела и ничего не дождалась. Вот Рыбников удивится, если она завтра расскажет ему, где Костров-младший прячется. Его вся милиция Москвы и области ищет, а он в Марьяново, в доме отца.

До указателя на Марьяново добралась только часа через полтора. На трассе машины ещё попадались, не смотря на ночь и дождь, а вот свернув на просёлочную, всё погрузилось во тьму и тишину. Свет фар выхватывал из темноты то дерево, то валун, то неожиданно поворот. Дождь барабанил по капоту и лобовому стеклу и совершенно не собирался стихать, а уж тем более заканчиваться. Хорошо хоть дорога была асфальтированная. Но это счастье закончилось после того, как Алёна проехала через спящую деревушку. Ни в одном доме свет не горел, деревня-призрак, да и только. И только пара фонарей — в начале и в конце длинной улицы. Кстати, она была единственной, не считая маленькой площади на окраине, с магазином и автобусной остановкой. И ничего похожего на добротный дом обеспеченного человека. Деревенские пятистенки, палисадники и дощатые заборы. На площади Алёна остановилась и несколько минут сидела в машине, не зная, что делать дальше. Приключение закончилось? Домой?

— Гадский дождь, — проговорила она себе под нос. Радио заскрипело, зашипело, и Алёна его выключила. В машине сразу стало неудобно.

Пришлось разворачиваться. Площадь величиной с напёрсток, объехал остановку по кругу, и кончилась она. Зато свет фар выхватил справа небольшой указатель, на котором также значилось «Марьяново», только в кавычках, а рядом загадочное «ус.». Неужели и впрямь усадьба?

Недоверчиво усмехнувшись, Алёна направила машину в ту сторону. Дорога была асфальтированной, нырнула под кроны сосен и заюлила в сосновом бору. Проехать пришлось около километра, прежде чем дорогу преградили закрытые ворота. И забор, расходящийся в обе стороны. Высокий, металлический, полностью закрывавший обзор. Здрасьте, приехали. Алёна долго разглядывала его в свете фар. Мешал дождь стеной, так и не смогла понять, есть ли кто поблизости, или хотя бы видеокамера или звонок. Кто-то ведь должен открывать гостям, когда они приезжают? Она не то чтобы гость, но всё-таки человек.

Вместо звонка или переговорного устройства рассмотрела дорогу справа, точнее даже набитую машинами колею вдоль забора. Значит, точно есть объезд. Вот только не видно не зги. Что это, вообще, за место, кто позволил им огораживать территорию, да ещё лесной массив? Разве это законно? Вывешивать указатели, запретительные знаки, один из них она заметила на дороге к усадьбе. И насколько она могла судить, над забором не видно даже намёка на

освещение. Что это за дом?

Скорее всего, здесь никого нет. А она едет чёрте куда по размытой дождём дороге, в темноте, и понятия не имеет, где в итоге окажется. Один раз автомобиль поехал по грязи боком, и Алёне едва удалось справиться и удержать руль. Бубнила себе под нос что-то, лишь бы тревогу забить, ругала себя на чём свет стоит, и вспоминала, как этим вечером (будто это неделю назад было!), она целовалась с Тарасом Артюховым. Она с ним целовалась, а потом взяла и сбежала, чтобы поехать в эту тьму-таракань. У неё явно что-то не так с головой. Ей об этом любая женщина в их редакции скажет. А целоваться с ним было почти приятно. Если бы она сама не шарахнулась от него, возможно, всё вышло бы куда удачнее. Она бы смогла его очаровать, Тарас бы влюбился в неё, как мужчины влюбляются раз в жизни — насмерть, и она бы в него влюбилась, по-настоящему. Они бы поженились, жили бы счастливо, работали бы вместе, написали бы роман...

«Шевроле» дёрнулся, странно хрюкнул и остановился. Секунда, и фары погасли. Алёна в руль вцепилась. Замотала головой от ужаса.

— Ты не можешь, не можешь так со мной поступить. Ну, пожалуйста, — она повернула ключ в замке зажигания. Двигатель пофырчал и замолк, и так несколько раз. В итоге, Алёна устало откинулась на сидении и закрыла глаза. Всё, конец.

Выждала минут пять, всё ещё надеясь на чудо. И даже бодро проговорила:

— Поедем домой. Ну его, этого Кострова, от него одни неприятности. Мы домой поедем. — Снова попыталась завести автомобиль, но тот на её призыв никак не отреагировал.

И что теперь делать?

Как ей самой показалось, она очень долго просидела в темноте и тишине. Попыталась справиться с ситуацией, решить, что делать, а в это время вглядывалась в темноту за лобовым стеклом. С одной стороны забор, с другой лес, сосны страшно шумели от порывов ветра и бросали на крышу и стёкла машины всё новые и новые порции ледяной дождевой воды. Начиная трястись от озноба, Алёна была уверена, что дождь непременно ледяной. Закуталась в кофту и просидела так, съёжившись, до первых предрассветных сумерек. Кажется, даже задремала от волнений, но совсем ненадолго. Но когда глаза открыла, поняла, что за окном уже не непроглядная тьма, мир начинает приобретать пусть и хмурые, но очертания. А после того, как глаза хорошенько потёрла, поняла, что ей не хватило всего пары минут, чтобы доехать до пролеска. Предприняв ещё одну безуспешную попытку завести автомобиль, Алёна вздохнула и полезла на заднее сидение за дождевиком. Хорошо ума хватило, его с собой прихватить. За то время, что Алёна дремала, ливень перешёл в заунывный, противный дождь, и конца края ему видно не было.

Кое-как надев на себя дождевик, нелепо побарахтавшись на переднем сидении автомобиля, Алёна взяла сумку, сунув её под плащ, и нехотя и вздыхая, открыла дверь машины. Утренний холод и влажность тут же пробрали до костей, а под ногами, стоило ступить на землю, отвратительно зачавкало. Да и жутковато было, если честно. Утренние сумерки в дождливом лесу — это ещё хуже, чем оказаться там ночью, честно. Ночью хоть не видишь ничего, а тут чёрте что мерещиться начинает.

Метров через сто лес на самом деле расступился, вправо пошла просека, а слева в заборе обнаружилась вмятина. Алёна подошла, чтобы рассмотреть её получше, даже пнуть забор хотела в сердцах, но вместо этого вытерла лицо, а вмятину осторожно толкнула. Металлический лист неожиданно поддался, и показался небольшой зазор. Достаточный для того, чтобы человек её комплекции смог пролезть. Правда, при этом она едва не лишилась дождевика и половины волос. Зато выпрямившись и обернувшись, поневоле присвистнула. Перед ней был лес. Практически такой же, что и за забором. Такие же сосны, высоченные и мокрые. И

единственное, что внушало оптимизм, едва заметная тропинка, что вела от забора прямо в лес. Значит, здесь ходят люди. Где-то поблизости есть люди!

Эх, и страху она натерпелась в этом сыром лесу! Но больше всего боялась сбиться с пути, потерять едва заметную глазу тропинку, и тогда точно можно будет впасть в отчаяние. Когда Алёна из леса вышла, стало ещё светлее. Если в хмурый дождливый день может быть светло. На часах пять утра, с неба льёт, кроссовки насквозь, а через четыре часа ей нужно быть на работе. Отлично. Рыбников её убьёт. К обеду ей надо сдать статью про Беленького. Тот точно сегодня не будет ходить со своими плакатами по улице, потому что в такую погоду нормальный человек собаку на улицу не выгонит. А она вот бродит, мокрая и голодная.

Будто в тумане, впереди показались низкие постройки. На дома это похоже не было, какие-то одноэтажные сараюшки, правда, крытые хорошим железом. Капли дождя от него особенно бодро и звонко отскакивали. Двери все были заперты на амбарные замки, зато дорога от них вела уже приличная, по ней Алёна и поспешила. Минут десять ходьбы мимо крытых брезентом брёвен и кирпичей, каких-то досок и огороженных участков. Больше похоже на задворки какого-то колхоза, чем на загородную усадьбу. И даже как-то настораживало. Может, у них здесь и пилорама есть?

Где-то залаяла собака. Алёна остановилась, прислушалась, лай слышался впереди. Капли били по голове и стекали по дождевику ручьями, это и подтолкнуло вперёд. А уж когда ступила на мощёную, явно дорогим камнем, дорожку, и стало понятно, что дом рядом, захотелось кинуться к нему бегом. К этому моменту трясло от холода не на шутку, дождевик спасал от воды, но совсем не от холода. По обе стороны дорожки были разбиты клумбы. Поросшие травой, без единого цветочка, некоторые расплылись от дождя, а может, и от времени. Впереди ещё линия сосен вперемешку с берёзами, а вот за ними уже дом. Огромный. Это был настоящий особняк, та самая усадьба, ни в коем случае не новострой. Такого сейчас не строят, даже по заказным проектам. А тут вытянутый в виде полумесяца, белокаменный, с широким парадным крыльцом и огромными французскими окнами. Будто вырвавшийся из пелены веков. Вот только окна все были тёмными, а сам дом, удивительно светлый, мок под непрекращающимся ледяным дождём и выглядел нежилым. Хотя, даже странно было думать о том, что здесь, вот в этом невероятном месте, может кто-то жить.

Здесь может кто-то жить, а ещё держать собаку. Алёна даже не услышала её, почувствовала. Собака не лаяла, подошла неслышно и остановилась у неё за спиной. Потом отряхнулась. Вот на этот звук Алёна и отреагировала. Инстинктивно сделала попытку обернуться, но собака угрожающе зарычала. Алёна только успела заметить жуткий оскал и огромный размер животного, настоящий монстр. Резко отвернулась и на всякий случай вскинула руки.

— Я не двигаюсь.

Здесь ведь есть люди, правда?

Собака снова зарычала, услышав её голос, а потом громко залаяла. Алёна втянула голову в плечи.

— Роско, ко мне! — послышался грозный мужской окрик. Алёна глаза открыла и осторожно повернула голову в ту сторону. Совсем недалеко от неё, метрах в тридцати, стоял мужчина. То есть, огромная фигура в плащ-палатке. Ни лица, ни самой фигуры рассмотреть было невозможно, а голос внушал серьёзные опасения. Глубокий и хриплый, даже скрипучий. А когда человек зашагал к Алёне, она поняла, что двигается он немного странно, покачиваясь. Не сразу пришло понимание, что мужчина прихрамывает. А вот собака рванула к нему при первых звуках его голоса, даже не приказа. Правда, подбежав к хозяину, обернулась на Алёну и ещё на ту полаяла, демонстрируя своё рвение и профессионализм. — Тише, Роско, — одёрнул пса мужчина.

Алёна сглотнула. Её взгляд метался с тёмной фигуры в плаще к огромной собаке палевого цвета, с купированными ушами и хвостом, и обратно. Пёс снова отряхнулся, шерсть была хоть и короткой, но густой, а тело мощное, сильное, натренированное, как у хорошего спортсмена. И пасть собака имела отменную, челюсти, напоминали два ковша экскаватора. Как начнёт рычать да взглядом тебя буравить, жуть берёт. Алёна таращилась на собаку, опасаясь смотреть на человека рядом с ней. Под капюшоном лица было не разглядеть, лишь тёмное пятно, но она была уверена, чувствовала, что её разглядывают и оценивают.

— Ты кто? — коротко и зло спросили у неё.

Ей понадобилась секунда на размышление. Чутьё подсказывало, что рассказывать о журналистском расследовании так сразу не стоит.

Откашлялась. Ей самой показалось, что получилось вполне достоверно.

— Простите меня. Понимаете, у меня сломалась машина. — Алёна махнула рукой. — Где-то там, за этим треклятым забором. Мотор заглох, я посидела, пока было темно, а потом решила искать... как выбраться. А дождь идёт и идёт, — с отчаянием закончила она.

Мужчина молчал. Стоял перед ней, как тёмный валун, не шевелился и молчал. Дождь капал, на голову, на плечи, брызги попадали на лицо, и Алёна, выйдя из оцепенения, снова затряслась, на этот раз заметно.

— Вы разрешите мне позвонить? Я вызову такси...

— Такси?

— Как отсюда уехать?

— Смотря, зачем вы сюда приезжали.

— Я?.. — Она приехала, в надежде сделать карьеру. Сейчас же она не хочет ничего, кроме как оказаться дома, в постели, с чашкой горячего чая, и чихала она на все журналистские расследования на следующие лет тридцать. Как оказалось, что-то расследовать куда приятнее в тепле и комфорте, а не вот так... в холоде и бесконечной сырости. Что с погодой случилось?! Ещё вчера днём было под тридцать градусов жары!

Мужчина ответа ждать не стал, наверное, можно считать это везением. Повернулся к ней спиной и сказал своей собаке:

— Роско, в дом. Только чокнутые по такой погоде шатаются.

Алёна стояла и в полной растерянности смотрела, как он шагает по дорожке, чуть заметно прихрамывая. Но, к счастью, он о ней вспомнил и сказал:

— Пошли в дом.

Второго приглашения было не нужно. Алёна за ним вприпрыжку понеслась, и даже опередила бы, знай, куда идти. Шли они в противоположную сторону от парадного крыльца. И сейчас она не думала об опасности, о том, что они, судя по всему, вдвоём на огромной территории, и ей даже голос его не нравится, а всего остального она ещё и не видела. Но она шла за ним, и только Роско время от времени оглядывался на неё и смотрел строго из-под нахмуренных бровей. Хмурился и предупреждал, но рычать вроде бы передумал.

В дом они вошли через узкую дверь бокового входа. Роско ещё раз отряхнулся, брызги полетели во все стороны, а потом, виляя обрубок хвоста, пёс вбежал в тепло. Алёна хвостом не виляла, она вошла и замерла, поражённая теплотой и сухостью. Проклятый дождь за последний час её почти свёл с ума. А оказавшись в тёплом помещении кухни, никак не могла надышаться сухим разогретым обогревателем воздухом и ароматом кофе.

— Не стой, раздевайся, — поторопили её. — С тебя уже лужа натекла.

Мокрый дождевик у неё отобрали, кроссовки Алёна сама скинула, прошлёпала сырыми носками по каменному полу, неожиданно прогретому, к тяжёлому дубовому столу и без сил опустилась на стул. Рассеянным взглядом обвела кухню, сглотнула судорожно, и тогда уже

посмотрела на мужчину. Он как раз снимал плащ-палатку, стряхнул её у двери, и повесил на крючок. И тогда уже к Алёне повернулся. Самое время было проявить осторожность, и на спасителя, если он, конечно, её спас, обратить всё своё внимание. Если честно, по его голосу она успела решить, что он старше. А оказалось, что вполне молодой мужчина, плотного телосложения, достаточно высокий, вот только какой-то неопрятный, заросший и взлохмаченный. Щетина на его щеках точно недельной давности. Свитер крупной вязки на первый взгляд казался дорогим, но был растянут и поношен. Джинсы вытерты до предела. А когда он, хромая, направился к столу, то даже поморщился.

— Чёртова погода, — послышалось от него. Он потёр ладонью бедро и пальцем указал псу на место у обогревателя. Там лежала плотная подстилка, Роско подошёл, обнюхал её и улёгся. А сам на Алёну поглядывал.

— Спасибо, что пустили меня, — решила подать голос Алёна. — Я думала, так и умру в этом лесу.

— Вполне могла, — согласился мужчина. — Так где, говоришь, у тебя машина сломалась?

— Так сразу и не сообразишь, — попробовала увернуть от ответа Алёна.

Мужчина поставил перед ней чашку, налил кипятка из электрического чайника. Алёна сразу её замёрзшими ладонями обхватила. А пока она осторожными глотками пила горячий чай, мужчина вернулся на кухню и протянул ей пару шерстяных носок.

— Надень.

— Вот спасибо! — Алёна с энтузиазмом принялась переодевать носки, ничуть не смутившись, что подаренные (или одолженные?) велики ей размеров на пять. И, стараясь отвлечь мужчину, затараторила: — Я так замёрзла. Промокла, и лес этот бесконечный! Хорошо хоть я вас нашла. А что это за дом? Я как его увидела, думала, у меня бред. Как в старом кино.

Мужчина присел за стол, напротив Алёны, она замечала, как цепляется его взгляд за её лицо. Её болтовня его нисколько не впечатляла, глаза смотрели настороженно и колко, и губы кривились неприятно. Из-за щетины Алёна даже не могла понять, симпатичный он или нет. Вроде не старый, около сорока лет, но он бесконечно хмурился и смотрел на неё с огромным подозрением.

— Это музей?

— Нет. Это частная собственность. Ты нарушитель.

Алёна перестала дуть на чай. На мужчину покосилась.

— Правда?

— А ты когда за забор лезла, не поняла этого?

— Да где он был-то, этот забор? Я от него ещё сколько прошагала.

— Вот там и начинается частная собственность.

— Серьёзно? Сколько же здесь земли?

Этот вопрос он проигнорировал, и вместо этого спросил:

— Как ты через забор перелезла?

— А там дырка была, небольшая.

— Зараза.

Алёна глаза на него вытаращила.

— Я?

Он губами пожевал, кивнул на чашку с чаем.

— Пей, давай. Заболеешь.

Он снова поднялся, вернулся уже с пачкой печенья и тарелкой с бутербродами. Поставил всё это на стол.

— Больше порадовать нечем.

— Ой, спасибо, больше и не нужно ничего! Я такая голодная. Я вчера два бургера купила, так их по дороге съела.

— По дороге куда?

Она моргнула, после чего решила улыбнуться.

— Меня зовут Алёна.

Мужчина стоял перед ней, зацепившись пальцами за карманы на джинсах, и молчал. Снова её разглядывал. После чего сдержанно кивнул.

— Я запомню.

Мгновение набиралась смелости, потом спросила:

— А вас как?

Он тоже помедлил.

— Фёдор.

— Очень приятно. А можно я вашей собачке колбасы дам? Она так на меня смотрит... — и добавила чуть тише: — Может, меня есть передумает.

— Нельзя. Роско ест только полезные продукты.

— А-а. Что ж, а я могу и вредные.

— Так куда ты ехала? Ты так и не ответила.

— Если честно... — Нужно было срочно решить, что у неё в данный момент относится к честности. — Наверное, я сюда и ехала. Просто не понимала, что именно ищу.

— Очень интересно.

— Я искала дом Костровых. Но я думала, это просто дом.

— Зачем тебе дом Костровых?

— Ну как, сейчас о них все говорят.

— А-а. Ну, это да.

Алёна откусила от бутерброда с колбасой и запила чаем. Вкусно было невероятно, а ещё очень приятно, особенно то, что чай ещё не успел остынуть, и внутри всё потихоньку отогревалось и дрожь и озноб затихали.

— Так это их дом?

— Нет.

Она немного расстроилась.

— Вы уверены?

Мужчина вроде как усмехнулся, снова напротив неё присел и осторожно вытянул левую ногу. Ладонью её погладил.

— Вроде как.

— Надо же. А я кружила по деревне, кружила, так и не нашла. А вы сам местный? Вы знаете, где дом Костровых?

— Второй от выезда в город.

Алёна попыталась припомнить что-то выдающееся на деревенской улице и не смогла.

— Но там ничего нет.

— Как это? Дом стоит. По крайней мере, вчера ещё стоял.

— Обычный?

— А тебе какой надо?

— Ну... Говорили, что Костров-старший его перестроил.

— Ах, это. Ну, перестроил. Вот этот. А потом его продал. Кажется, он здесь даже не был никогда.

— А вы откуда всё это знаете?

— Сама же сказала, что я местный.

Вообще-то, Алёна этого не говорила, лишь предположила, но уличать Фёдора не стала, это показалось неудобным.

— И вы здесь живёте?

— Я здесь работаю. Сторожу, до приезда новых хозяев.

— Вот оно что. — После чая и бутерброда потянуло спать. Вспомнилось, что сейчас лишь шесть утра, Алёна не удержалась и зевнула.

Фёдор её разглядывал.

— Ты действительно всю ночь под дождём мыкалась? Дом искала?

— Искала, — согласилась она.

— Тебе за это хорошо заплатили?

— Пока нет...

— Ясно. Журналистка?

— Редактор говорит, что толка от меня никакого. Как от журналиста, в смысле.

Фёдор, уже не скрываясь, усмехнулся. А Алёна снова зевнула, правда, попыталась собраться с силами, поморгала, сбрасывая сонливость.

— Так вы можете вызвать мне такси?

— Откуда? Из деревни?

— А тут нет такси? Или города какого?

Он губами пожевал, раздумывая. И, в конце концов, сказал:

— Можно вызвать из Зареченска, но не думаю, что в такой дождь они сюда поедут с большим желанием. Хотя, если у тебя есть деньги...

Денег было немного, на такси до дома, за сто тридцать километров, вряд ли хватит. Да и бросать за незнакомым забором, в лесу, Дусину машину, было безумно жалко. Как она её обратно забирать будет?

— А эвакуатор вызвать можно?

Фёдор головой качнул в сердцах.

— Свалилась же ты на мою голову.

— Я не могу бросить машину.

Роско на своей подстилке тоже зевнул, клацнул зубами и уронил тяжёлую голову на лапы. Фёдор на него посмотрел, потом на девушку перед ним. Та трястись перестала, но выглядела жалкой и уставшей.

— Ладно, я дам тебе одеяло, можешь поспать в соседней комнате. Может, дождь к обеду кончится, и тогда подумаем.

Ей нельзя было спать. Но одна мысль о тёплом одеяле и постели, хотя бы некотором подобии оной, Алёну сломали. Она с сомнением смотрела на гостеприимного сторожа, тот её взгляд игнорировал, а может, попросту притворялся, глядел на свою собаку. А Алёна пыталась решить, насколько можно ему доверять. Остаться с ним наедине в этом огромном доме, лечь спать, чего вообще от него ждать можно. Типом он был хмурым, и явно непростым. Наверное, невесело быть сторожем.

— Поспишь здесь. — Фёдор проводил её до комнаты. Хотя, сказать «проводил» было не слишком правильно. Они вышли из кухни в коридор, прошли метров пять, и он уже толкнул дверь. Алёна даже не успела ничего толком рассмотреть. Интересно было очень, всё-таки настоящая усадьба, Алёна не отказалась бы прогуляться по дому и как следует осмотреться, но этой возможности ей не предложили и вряд ли предложат. Фёдор толкнул дверь, и Алёне ничего не оставалось, как войти. Тёмная комнатка, совсем маленькая, с плотно занавешенным окном. Наверное, когда-то здесь селили прислугу. Сейчас же здесь стояла тахта, узкий шкаф и... антикварный столик в углу. Он дико смотрелся в скупой обстановке на фоне банальных обоев в

голубой цветочек.

Фёдор достал из шкафа подушку и плед, определил всё это на тахту, а на Алёну взглянул с ожиданием. Но на какую-то секунду, или две, в его глазах проявился интерес, определённого характера, он внимательно оглядел Алёну, будто прицениваясь, та занервничала, осторожно отступила, а лицо Фёдора, как и его взгляд, тут же стали нейтральными. Полностью безразличными и даже чуть пренебрежительными. Он приценился, и вынес свою цену. Вот о чём говорило его видимое безразличие.

— Ложись спать. А мне надо работать.

Работать? И в чём заключается работа сторожа, если не в том, чтобы сторожить?

Оставшись одна, Алёна легла на тахту, укрылась одеялом, а взгляд сам собой остановился на двери. Замочной скважины на ней не было. И шпингалета не было. Не запирается. Алёна вздохнула и приказала себе закрыть глаза. Не думать ни о чём плохом. Она поспит час или два, дождь за это время обязан кончиться, и к вечеру она будет дома. Конечно, придётся оправдываться перед Рыбниковым, что-то придумывать, а, возможно, даже признаваться в своей неудаче, наверное, писать объяснительную за прогул (не уволят же её, правда?), но всё это уже будет после того, как она вернётся. А пока очень странно засыпать, зная, что ты в старинном доме, а рядом какой-то сторож.

За дверью послышалось цоканье когтей по паркету, потом короткое твяканье и негромкий голос:

— Тише, Роско.

И шаги. Осторожные, неспешные, Алёне даже представилось, как Фёдор идёт по коридору, чуть прихрамывая. Под эти мысли она и заснула.

Была надежда, что когда она проснётся, за окном будет светить солнце. Но вместо этого, первый звук, который услышала, ещё не открыв глаза, это стук дождя по карнизу. Чтоб тебя... Что случилось с погодой? Или Бог именно на неё разгневался, за её проснувшиеся карьерные амбиции?

Поднялась тут же, как только открыла глаза. Раздёрнула шторы, убедилась, что за окном мрак и беспросветный дождь, переступила ногами в чужих носках, и тогда уже посмотрела на часы. Половина двенадцатого. Долго проспала, непростительно долго.

В доме было тихо. Очень тихо. Ни собаки не слышно, ни работающего телевизора (чем-то сторож должен заниматься, правильно?), ни каких-либо других звуков. Алёна прошла по коридору обратно к кухне, по пути осторожно проведя ладонью по дубовым панелям, которыми были обшиты стены коридора. Заглянула, но никого не увидела. Фёдора не было, подстилка пуста, да и на вешалке плащ-палатки не обнаружилось. Алёна помялась в дверях кухни, борясь с желанием плюнуть на воспитание и манеры, и уступить своему любопытству. Это, без сомнения, невежливо и недопустимо. Для кого угодно, но не для журналиста.

Алёна дошла до конца коридора, почему-то на цыпочках, носки с ног съезжали, и ей пару раз пришлось наклониться, чтобы их подтянуть. Зато толкнув дверь, она об этом забыла. Оказалась в просторной комнате, с теми самыми французскими окнами. По всей видимости, это была гостиная, или парадная зала. Кажется, раньше именно так называли комнату, где принимали гостей. Широкая лестница вела на второй этаж, перила были заглаженые, также дубовые, но не лацные, видимо, их недавно совсем скоблили и чистили. Алёна даже подошла и прикоснулась к ним. Но в гостиной и помимо перил и балюстрады было на что посмотреть. Стены, обитые тканью, резные деревянные панели, люстра... наверное, хрустальная и тоже старинная, даже во мраке сверкающая и внушающая трепет. Она располагалась под потолком, на высоте метров пяти, над лестницей, и если долго смотреть на неё, казалось, что она падает на тебя, как луна. Мебели было мало, и вся она затянута белыми чехлами от пыли. Алёна

приподняла края ткани, под каждой было что-то антикварное. Резной стол с инкрустацией, правда, потускневший, в некоторых местах не хватало камней и эмали. У окна рояль, без сомнения, современный, видимо, привезённый новыми хозяевами. Ещё парочка старинных вещей — буфет и диванчик на гнутых ножках. Рядом диван кожаный, с прожжённым подлокотником. Всё это было удивительно. Особенно камин. Выложенный разрисованной плиткой, больше напоминавший изысканную скульптуру, чем необходимый предмет обихода. А вот над ним единственная картина, неброский морской пейзаж. Ничего примечательного, но рамка, кажется, старинная.

Очень хотелось подняться на второй этаж, но от этой затеи Алёна отказалась. В пустом доме, среди уснувшей потускневшей от времени старины, было не по себе. Не жутко, нет, но червячок волнения ворочался где-то в районе желудка. И заставлял без конца прислушиваться. Было слишком тихо, и это тоже нервировало.

Вместо лестницы, Алёна прошла через гостиную и заглянула в другой коридор, более широкий и не загороженный дверью. Правильно, если до этого Алёна вышла из-под лестницы, с кухни, там наверняка была территория прислуги, а здесь хозяйские покои. И двери в коридоре более массивные и тоже резные. Алёна толкнула первую из них и, к своему удивлению, не обнаружила прикрытой чехлами мебели. Это был кабинет, обжитой и полностью обставленный. Окно от пола до потолка, книжные потолки во всю стену, рядом с окном массивный письменный стол, а на нём, дань современности, полный набор необходимых гаджетов. Даже странно такое увидеть, после заснувшей эпохи гостиной. Ноутбук, факс, неподалёку принтер. На столе документы и журналы стопкой. Перед диваном в углу, на небольшом столике ещё папки и опять документы. Но всё тихо и безмолвно, всё выключено и будто ждёт прихода хозяина. А где хозяин? Ничего личного, ни одного намёка на то, что кто-то работал здесь недавно.

Алёна подошла, подняла крышку ноутбука, он, конечно, оказался выключенным.

— Вижу, ты проснулась.

Алёна не на шутку перепугалась в первый момент. Вздрогнула, ей даже показалось, что подпрыгнула на месте, обернулась и увидела Фёдора. Тот стоял в дверях, и смотрел на неё. И было невероятно, что в такой тишине она не слышала звука его шагов.

Она нервно сглотнула, посмотрела на Роско, который сунул голову в дверь кабинета, вынырнув из-за ног хозяина. На Алёну посмотрел и явно осуждающе качнул большой головой. Не рычать, не лаять не стал, лишь сокрушался её неуёмному любопытству.

— Я... решила осмотреться.

— Я так и понял.

Фёдор хмыкнул, и отступил от двери, на Алёну взглянул с явным намёком. Она вздохнула и из кабинета вышла. Но не утерпела и спросила:

— Чей это кабинет?

— Хозяина.

— А кто хозяин?

— Понятия не имею. Но кабинет его.

Они прошли через гостиную, Алёна снова подняла голову, посмотрела на люстру. И вдруг почувствовала, что её аккуратно подтолкнули вперёд, чтобы она не задерживалась.

— Дождь всё идёт.

— К моему огромному сожалению.

После этих слов Алёна кинула на Фёдора быстрый взгляд, прекрасно поняв намёк. Он недоволен тем, что она здесь. Можно подумать, что она довольна.

В дверях кухни Роско Алёну опередил, прошмыгнул рядом, и она машинально погладила его по голове. Пёс в удивлении замер на мгновение, видимо, раздумывал, как реагировать, но затем

устремился к своей подстилке, решив не связываться.

— Я долго проспала, — призналась Алёна. — Вы могли бы меня разбудить.

— Зачем? Дождь идёт. Будь он неладен.

Алёна присела за стол, искоса приглядывалась к Фёдору, который неторопливо двигался по кухне. А тот сообщил:

— Я нашёл твою машину.

— Правда? И что с ней?

— Не знаю. Я не разбираюсь в машинах. Но чтобы вытащить её оттуда, даже трактором, придётся ждать, когда дождь закончится. С эвакуатором ещё сложнее. Просохнет там не скоро.

Алёна искренне запечалилась.

— Плохо.

— Да уж. Вот к чему приводит неуёмное женское любопытство, — откровенно съязвил Фёдор. На Алёну посмотрел, сложил руки на груди. Она прятала от него глаза, и это было забавно. — Ты есть хочешь?

— Немного.

— Ты много ешь.

Она моргнула.

— Я вас объедаю?

Он усмехнулся.

— Простое замечание. Это, наверное, так любопытство действует. Заедаешь нереализуемые идеи. Да?

Алёна слегка нахмурилась. Подобные речи сторожу из сельской местности как-то не соответствовали. Но так запросто указать ему на это, показалось неуместным.

Фёдор тем временем подошёл к холодильнику, а Алёна поднялась.

— Давайте я вам помогу.

Он достал из холодильника продукты, положил их на стол и с явным удовлетворением оставил остальную заботу о хлебе насущном на женщину. Сам стул ближе к окну придвинул и сел, снова вытянул ногу. Алёна, вернувшись к столу с мытыми овощами, на Фёдора покосилась. Целых три секунды раздумывала, прежде чем спросить.

— Что у вас с ногой?

Он поморщился, едва заметно, но поморщился, услышав её вопрос. И неохотно произнёс:

— Старая травма. В такую погоду обостряется.

— Авария?

— Что-то вроде того.

Она кивнула, не зная, что сказать. Поэтому заговорила об обеде.

— Я пожарю картошку и сделаю салат.

— За крышу над головой можешь сварить суп.

Она замерла от неожиданности, обернулась на него через плечо. И в некотором смущении сказала:

— Суп я варю плохо.

— Мама не научила?

Она нервно кашлянула и глухо ответила:

— Нет.

— Значит, мне не повезло. Я первое тоже не умею. Ладно, жарь картошку.

— А вы давно здесь?

— Сижу? Неделю.

— А разве у вас нет сменщика?

— Пока не нашёлся такой же любитель одиночества, как я, видимо.

У Алёны за спиной чиркнула зажигалка и тут же в кухне запахло сигаретным дымом. А дождь всё барабанил и барабанил по карнизам.

— Когда же кончится этот дождь, — смятённо проговорила она себе под нос, нарезая картошку на сковороду.

— Так что там в мире делается? — спросил он.

Роско неожиданно заскулил, Алёна оглянулась на него и увидела, что тот подобрался поближе к хозяину, положил голову тому на бедро и поскуливал от удовольствия, когда Фёдор чесал его за ухом.

После его вопроса припомнился известный всем фильм, и Алёна с лёгкой усмешкой проговорила:

— Стабильности нет.

— Ну, это как раз нормально. А что с Костровыми?

Отчего-то напряглась. Кашлянула, но заставила себя ответить:

— Костров-старший умер.

— Умер и его похоронили, — безразлично поддакнул Фёдор.

— Но в стране скандал.

Он неожиданно рассмеялся.

— Подумать только, скандал. При его жизни всё было чистенько и опрятно, а как помер, так скандал. Вот она, жизнь политика. Причём, заметь, не только российского. Не знаю почему, но это успокаивает.

— Что коррупция не только у нас?

— Весь шарик погряз.

— И поэтому вы сидите здесь в компании собаки?

Он помолчал, разглядывал её, взгляд опустился с вьющихся волос по узкой спине, на мгновение остановился на бёдрах, но потом спустился к её ножкам в его носках.

— И поэтому тоже, — ответил он после паузы. — А у тебя вот другой бзик. Тебе надо мчаться куда-то в ночь и дождь, ради идеи. Так что ты собиралась здесь найти?

— Кострова-младшего.

— Зачем? Ты думаешь, он стал бы с тобой разговаривать?

Алёна в расстройстве закусил губу.

— Нет.

— Тогда зачем?

Пришлось повернуться к нему. На сковороде скворчала жарящаяся картошка, ею пахло на всю кухню, а Алёне предстояло стоять под взглядом небритого мужика и объясняться с ним на тему своих действий и работы журналиста в принципе. А Фёдор ещё так смотрел на неё, с насмешкой взрослого пожившего мужика, которому все её слова кажутся детским лепетом.

— Вы не понимаете, его все ищут.

— Кто?

— Все. Милиция, Следственный комитет. Журналисты. Все. Всем любопытно, почему он сбежал.

Фёдор докурил, затушил окурок, а сам носом шмыгнул. После чего хмыкнул.

— Наверное, потому что его все ищут. Я бы тоже сбежал.

— Может быть, — не стала Алёна спорить. — Но дело ведь не в этом. Если бы я его нашла...

— Я понял, можешь не продолжать. Если бы ты его нашла, ты бы разнесла это на весь свет, и тебе бы вручили медаль.

— Не вручили бы мне никакой медали. Но тогда меня бы заметили.

— Как печально это прозвучало. Ты настолько плохой журналист?

Она решительно качнула головой.

— Я хороший журналист. И я всегда довожу всё до конца.

— До какого?

— До логического, — с нажимом проговорила она, и вдруг поняла, что Фёдор изо всех сил старается не рассмеяться. Его улыбка пряталась в его наметившейся бороде, но глаза смеялись вовсю. Это показалось обидным, и Алёна отвернулась. — Вы ничего в этом не смыслите.

— Ещё бы.

Замолчали. Алёна в обиде, а Фёдор, кажется, обдумывал. Алёна накрывала на стол, нарезала салат, а потом дёрнулась, когда почувствовала близкое присутствие мужчины. Рука Фёдора протянулась мимо неё к столу и поставила на стол банку тушёнки. Алёна удивлённо глянула на него, но он лишь пожал плечами.

Замечательно, она будет есть тушёнку. Во рту появился неприятный привкус, а мозг сам собой начал подсчитывать, сколько лет прошло с тех пор, как она так питалась. Когда-то тушёнка казалась пиром. Пришлось даже зажмуриться, чтобы избавиться от столь ярких воспоминаний.

— Не переживай, это вкусно.

— Вы вообще отсюда не выезжаете? Питаетесь консервами?

— В морозилке есть гусь. Не желаешь приготовить?

— Гусь?

— В деревне старушка продавала.

— Боже.

— Садись за стол.

Роско походил за Фёдором по кухне, потом присел у стола и стал преданно смотреть на хозяина. Пока Алёна раскладывала по тарелкам жареную картошку, Фёдор ловко открыл жестяную банку, взял кусок чёрного хлеба и намазал на него тушёнки. А потом положил всё это в собачью миску неподалёку. Роско кинулся к миске, пару раз щёлкнул челюстями и облизнулся в конце. Алёна наблюдала, не ела. Потом осторожно заметила:

— Ему же нельзя.

Фёдор непонимающе глянул на неё, после чего пояснил:

— Это же тушёнка. Не колбаса.

От тушёнки Алёна отказалась наотрез. Ела картошку, салат, задумалась, и поэтому удивилась следующему вопросу:

— И что ты теперь будешь делать?

Она пожала плечами.

— Ещё надеюсь, что дождь кончится, и я придумаю, что делать с машиной. Как думаете, к вечеру закончится?

— Откуда мне знать. Но я не об этом. С Костровым и всей этой историей. Тебе ведь надо о чём-то писать.

— Это точно... Вряд ли что-то хорошее меня ждёт. — Взгляд невольно метнулся к часам на запястье. — В девять я должна была быть на работе, а через час сдать статью о Беленьком.

— О ком?

— О депутате Беленьком.

На лице Фёдора было озадаченное выражение, и Алёна нахмурилась вслед за ним.

— Так вы местный или нет? Кто в нашей области не знает Беленького?

— Я не знаю. А чем он знаменит?

— Тем, что жуткий зануда и надоеда. Вот чем.

— Безумно интересно. И почему же ты не стала о нём писать?

— Потому что мне куда интереснее, где Костров-младший, — разозлилась Алёна его бестолковости. — Это новость федерального масштаба. А кто такой Беленький? Вот вы его даже не знаете!

— Ну, я не показатель. Я, вообще, в ваших журналистских делах ничего не понимаю. Например, что за необходимость была пилить почти сто пятьдесят километров в ночь и дождь, чтобы искать какого-то парня.

Алёна мрачно жевала, после чего призналась:

— Если бы я не поехала вчера, сегодня могло бы быть поздно.

— В смысле?

— Сегодня собирался ехать Артюхов.

Фёдор смотрел в свою тарелку и жевал. Потом переспросил:

— Это кто?

— Наша местная звезда журналистики.

— И он собирался ехать в Марьяново?

Алёна кивнула и тут же добавила:

— Но, надеюсь, дождь его задержит.

— Кто знает...

— Что?

Он голову поднял и посмотрел на неё.

— Если он такой же любопытный как ты, может и приехать. Но хотя бы мозгов хватило не переться сюда ночью. А то спасай вас обоих, корми...

— Ночью бы он не поехал, он вчера в клубе зависал.

Он вглядывался в её лицо, не понятно, что высматривая, затем неопределённо протянул:

— Занятно.

После обеда к Алёне пришло волнение. Нужно было что-то решать. Что-то решать с машиной, с тем, как ей отсюда выбираться. Фёдор сказал, что до деревни отсюда километра три. Машины у него не было, по крайней мере, он ей так заявил. Он сторож, а не таксист, именно так и сказал. А это означало, что если Алёна всё же решится оставить здесь машину, то ей придётся идти пешком до деревни три километра. Кроссовки немного подсохли, но стоит ей выйти на улицу, они вымокнут за пять минут, и три километра снова по холоду и сырости её организм не вынесет. Решиться она никак не могла, сомневалась, а время шло и шло. А дождь не заканчивался.

— У вас есть телевизор? Или радио?

— Скучно?

— Хочу погоду узнать!

— Я уже узнавал. До завтрашнего дня просветления не ожидается.

Тоска. Алёна всё-таки вышла на парадное крыльцо, накинула свою кофту, и от двери далеко не отходила. Просто хотелось постоять на этом крыльце, вряд ли ещё когда ей удастся побывать в настоящей усадьбе. Роско вышел за ней, тихонько подошёл и сел у её ног. Задрал голову к хмурому небу, а когда ему на нос накапало, помотал головой и чихнул. Алёна руку опустила и потрепала его между ушей. Роско на всякий случай решил проявить подозрительность, руку её обнюхал, но не отодвинулся, просто безразлично отвернулся. А Алёне почему-то пришло в голову, что это Фёдор его подослал, её караулить. Она даже осторожно заглянула в дом через приоткрытую дверь, но сторожа не увидела.

— Роско, пойдём в дом, — позвала она, когда начала замерзать.

Пёс пропустил её вперёд, после чего отряхнулся. Брызги полетели во все стороны, Алёна

едва успела от них укрыться. А когда собака вошла, закрыла двери, всё как полагается, на шпингалеты и ключ. Двери были высокие, метра три, это было очень непривычно.

— Здесь есть интернет? — крикнула она Фёдору из гостиной. Её так и манило к кабинету, но войти туда без спроса ещё раз она не могла, это было бы воспринято, как преступление. Роско же бродил по гостиной и обнюхивал углы и мебель, видимо, его сюда не часто допускали.

— Есть, но вряд ли оплачен. Мне он ни к чему.

— Жаль.

— Тебя, как посмотрю, потянуло в цивилизацию безудержно.

— У меня телефон разрядился, а зарядник дома остался.

— Не готова ты ещё к приключениям, Алёнушка.

Она взглянула на него со вспыхнувшим изумлением и тут же попросила:

— Не надо звать меня Алёнушкой, мне это не нравится.

— Я шучу.

Фёдор тоже прошёлся по гостиной, оглядывался. Алёна наблюдала за ним. Сейчас он хромал почти незаметно, видно, помогло то, что последние часы давал ноге отдых.

— Вам не страшно здесь одному?

— А чего здесь бояться?

— Такой большой дом. Старый...

Он усмехнулся.

— С привидениями, да?

— О них нельзя говорить.

Фёдор повернулся, посмотрел с интересом.

— Ты веришь в привидений?

— Не знаю, — попыталась она уклониться от ответа. — Со мной рядом девочка работает, она пишет про всю эту паранормальщину. Так ей кто только не звонит и что только не рассказывает. Конечно, по большей части звонят психи, но все их истории... они странно похожи. Откуда-то они берутся? Вдруг и, правда, кто-то их видит?

Фёдор присел на подлокотник дивана, тот самый, прожжённый, и на Алёну уставился. Потом вдруг спросил:

— Сколько тебе лет?

— Какое это имеет значение?

— Просто любопытно. Может и мне быть любопытно?

Алёна помедлила, прежде чем ответить. Но ничего опасного для себя в этом вопросе не усмотрела.

— Двадцать шесть.

— Замечательный возраст.

Она руку в бок упёрла.

— Не смейтесь надо мной.

— Да я не смеюсь, ты что. Я завидую. Ты ещё можешь позволить себе совершать глупости.

Алёна отвернулась от него. Точнее, увернулась от его взгляда. Прямого и насмешливого. И чтобы перевести разговор на другую тему, спросила:

— Вы что-нибудь знаете о доме?

— Что тебя интересует?

— Вы сказали, что Костров его продал. Я не понимаю, как он мог его продать? Я читала, что он очень им гордился. Всеми силами восстанавливал память предков, денег не жалел.

— Ну, денег не жалел, это точно. Видела, стройку за домом? — Алёна кивнула. — Там будут конюшни и ещё тьма всего.

— Будет? Вы же сказали, что он продал усадьбу.

— Так говорят. Но, наверное, всё равно что-то будет. Материалы завозят исправно.

Алёна подошла к камину, провела рукой по расписной плитке, та была холодной, но приятной на ощупь.

— Я бы не смогла продать. Если бы знала, что здесь жили мои прапрабабушки.

Фёдор поднялся, подошёл к ней, но остановился в паре шагов.

— Всё-таки ты плохой журналист.

Она дёрнулась, покосилась на него.

— Почему?

— Тебе не хватает терпения и усидчивости. Будь ты поумнее, сидела бы сейчас дома, в тепле, и ради сенсации не нужно было бы ночью ехать к чёрту на куличики. Порыскала бы по архивам и выяснила всё про предков Костровых. Вдруг нашла бы сенсацию? Не Кострова-младшего, а что-то более пикантное.

— Я не понимаю...

Алёна повернулась к Фёдору и неожиданно оказалась к нему совсем близко. Носом едва в его плечо не ткнулась. Машинально отступила, но за спиной оказался камин. А Фёдор смотрел на неё в упор и не собирался отступать и выпускать её из капкана.

— Костров, как оказалось, о стольком в своей жизни врал, сама же мне рассказывала, так одной маленькой ложью больше или меньше, какая разница?

Алёна завела руку за спину и вцепилась в каминную решётку.

— Вы про усадьбу? Она не принадлежала его предкам?

Фёдор загадочно и как-то нехорошо улыбался.

— Его дом второй от выезда на трассу.

— А усадьба?

Он лишь плечами пожал.

Они стояли и смотрели друг на друга, близко-близко. Вокруг тишина, только Роско в углу громко дышит, но до них ему никакого дела нет. Фёдор смотрел на неё, наверное, с каким-то умыслом, а вот Алёна невольно принялась всматриваться в его лицо. И чем дольше смотрела, тем сильнее начинала хмуриться. Под его щетиной, на левой стороне лица, она рассмотрела шрамы. Небольшие, неглубокие рубцы, они пересекались, образуя затейливую сетку от мочки уха до подбородка. И в какой-то момент Фёдор её взгляд расценил верно, потому что Алёне от неловкости захотелось отодвинуться. Она, конечно, ни о чём не спросила, только смущённо кашлянула и отвернулась. А вот из его глаз даже тень улыбки ушла. Он отступил, после чего оглянулся на собаку. И резким тоном приказал:

— Роско, место.

Пёс встрепнулся и бодро потрусил из гостиной на кухню. Фёдор отправился за ним.

Алёна осталась в гостиной, сжала руки в кулаки, затем даже зажмурилась. На самом деле, получилось крайне неловко. Ей даже пришло в голову, что стоит пойти за Фёдором и извиниться за свою бестактность. Оглядела полутёмную комнату, необжитую и холодную, хотела уже пойти на кухню и поступить, как следует воспитанному человеку, но в этот момент услышала с улицы кое-что невероятное. Звук двигателя. К дому определённо подъехала машина. Алёна метнулась к окну, отдёрнула тяжёлую штору, и на неё пахнуло пылью. Пришлось даже рукой её разогнать, и тут с кухни послышался грозный собачий лай, правда, он тут же смолк, видимо, Фёдор пресёк.

— Кто-то приехал! — Алёна пробежала по коридору, влетела в кухню и увидела, как Фёдор надевает плащ. — Машина подъехала!

— Слышу. Иди в комнату.

— Что? — От этого предложения Алёна растерялась. Посмотрела в окно, увидела, что к

дому подъехал тёмный внедорожник. И, не смотря на дождь, из машины вышел мужчина в камуфляже. В принципе, в самом факте ношения камуфляжной формы не было ничего странного, её даже рыбаки и охотники носили, но мужчина не производил впечатления рыбака. Скорее охотника, и спокойнее от этого не становилось. Физиономия была угрюмая, каменная. Дождь закапал на его кепку, по козырьку, но его это несколько не волновало. Он стоял, расправив плечи, с явной военной выправкой, и оглядывался, но без особого интереса. Он просто ждал.

Фёдор на Алёну посмотрел, оценил то, как она к окну прилипла, и указал собаке на место у двери.

— Роско, сторожи.

Алёна только рот открыла, не в силах поверить, что он это сделал. Но Фёдор вышел, и ей оставалось только на собаку устремить свой изумлённый взгляд. А пёс снова глянул на неё обвиняюще, видимо, решив, что хозяин из-за неё не взял его на улицу, и грузно уселся прямо в дверном проёме. Почесал задней лапой за ухом.

На улице ничего интересного не произошло. Фёдор приблизился к автомобилю, и после минутного разговора с прибывшим, они вместе сели в машину, от дождя спрятались. А Алёна металась по кухне. Стоять у окна быстро надоело, да и Фёдор наверняка мог её видеть, и она отошла к столу. Пальцами побарабанила, потом чайник на газ поставила. Заглянула в холодильник.

— Роско, хочешь тушёнки? — Она даже открытую банку достала и пса ею подразнила.

Тот открыл пасть, высунул язык, бурно подышал, затем гордо отвернулся. Взятка принята не была. Алёна расстроилась и сунула банку обратно на полку. Села на стул и принялась мотать ногой. Интуиция подсказывала, что она здорово сглупила, сунувшись сюда вчера ночью.

Минут через пятнадцать услышала, как хлопнула дверь автомобиля. Вскочила и поспешила к окну, дёрнула в сторону лёгкую тюлевую шторку. Мужчины снова вышли под дождь, ещё о чём-то поговорили, а потом принялись прощаться. Фёдор пошёл к дому, обернулся и ещё что-то сказал. А тем временем на дороге появился ещё внедорожник, точно такой же, и уже через полминуты, затормозив рядом, из него вышли уже четверо мордovorотов, в той же форме, но что в их появлении поразило Алёну, это наличие у каждого оружия. Она отлично рассмотрела кобуры и рукоятки пистолетов. Инстинктивно вцепилась в край подоконника. Этого только не хватало. Правда, ничего не произошло, все ещё пару минут помокли под дождём, после чего Фёдор направился к дому, а остальные расселись по машинам и поехали прочь. Признаться, Алёна вздохнула с облегчением. Не знала почему, повода к этому облегчению не видела, но оно её посетило.

— Кто это был? — спросила она, как только Фёдор вошёл в дом и снял плащ. Встряхнул его в коридорчике у двери, и определил на вешалку. Погладил Роско в знак поощрения, когда тот ткнулся широким лбом в его ноги. А Алёне сказал, многозначительно усмехнувшись:

— Хозяин едет.

— Я хочу уехать в город. Вызови мне такси. За любые деньги.

— Ты чай будешь пить? У меня пряники есть.

— Ты слышишь?!

— Тише. — Фёдор посмотрел на неё, оценил степень волнения и усмехнулся. — В чём дело? Тяга к расследованиям прошла? — Он включил чайник, достал чашки и поставил их на стол.

Алёна рискнула подступить к нему.

— Я хочу в город. Ты слышишь?

— Ты заметила, что мы перешли на «ты»?

Она обречённо выдохнула и отступила. Опустилась на стул.

— Я как дура, тебе всё разболтала, а ты...

— Что я?

— Сдал меня хозяину!

— Ну, знаешь, мне за это деньги платят. Так чай будешь?

Алёна глянула на него волком, ничего не ответила, но пряник из пакета взяла. Он оказался мягким и мятным.

— Хозяин — это Костров-младший?

— Я не уполномочен отвечать на такие вопросы.

— Ещё бы! И ему явно не понравится, что я его отслеживала.

Фёдор отхлебнул горячего чая, откусил от пряника и кивнул.

— Явно.

Алёна наблюдала за ним.

— Но ты всё равно меня сдал.

Он кивнул на её чашку.

— Алён, ты чай-то пей.

— А эти люди?..

Фёдор пожал плечами.

— Охрана. Да и забор надо отремонтировать. Чтобы не шастали всякие.

— И не вышли, да?

— И это тоже.

Алёна прищурилась, глядя в его лицо.

— А что ты такой довольный?

Он рассмеялся.

— Когда делаешь свою работу хорошо, на душе всегда приятно. У тебя не так? — Она молчала, и Фёдор улыбаться перестал, даже успокаивающим тоном проговорил: — Я шучу, Алёна.

— А если шутишь, скажи, что со мной будет.

— Да ничего с тобой не будет. Побудешь здесь ещё пару дней, потом вернёшься в город. Ты пей чай-то, пей.

— Чтобы никто не знал, что он здесь?

Он вздохнул. Устало так, словно в один момент утомился от разговора с ней.

— Детка. Я не буду тебе льстить, и не буду говорить, что в шоке от твоего ума и прозорливости. Ты милая девочка, даже красивая, и я искренне надеюсь, что когда ты повзрослеешь, то научишься улавливать тот момент, когда надо остановиться. И не лезть туда,

куда не надо. Ты когда через забор ночью лезла, у тебя в мозгу азбука Морзе не выстукивала? Чтоб ты знала, это именно тот момент. Когда надо лезть обратно.

— А ты, наверное, слишком осторожный, что сидишь здесь один.

— Нет, я наученный. А когда-то был таким, как ты. Думал, что уж моя-то башка с плеч точно не слетит.

— А ты его видел?

— Кого?

— Павла Кострова. — Фёдор молчал, и Алёна продолжила, не спуская глаз с его лица. — Его никто не видел, уже очень давно. Ни одной фотографии его нет, он нигде не появляется.

Он хмыкнул.

— Ты рассказываешь странные вещи.

— Но это на самом деле так.

— А, может, он просто не хочет, чтобы кто-то знал, чей он сын?

Алёна сжала руку в кулак и поводила им по столу.

— Может быть, — пришлось ей согласиться. — Но всё это очень странно.

— Ещё бы.

— А ещё говорят, он бандит.

— Ты очень много болтаешь, красавица моя.

— Знаю.

— Тебе надо было идти на телевидение. Там таких любят. В шоу о всяких срамных бытовых скандалах.

— Я хочу уехать.

Он остановился рядом, посмотрел на неё сверху и вдруг погладил по голове, как Роско.

— Ты останешься.

Алёна нервно сглотнула. Уж слишком многозначительно прозвучал его тон.

Из-за дождя на улице раньше стемнело. Сумерки пришли, когда ещё восьми вечера не было. Стало мрачно и противно, и хотя дождь и поутих, но это ещё не означало близкую перемену погоды. Алёна, в знак протеста, с кухни ушла, устроилась в барской гостиной, как она её про себя называла, на диване, скинув чехол, и вот уже полчаса сидела и смотрела на морской пейзаж. Смотрела от тоски, а на самом деле занята была тем, что раздумывала, как ей отсюда выбраться. И боялась, боялась приезда «хозяина». Не знала, что от его приезда ждать. Конечно, по его мнению, она поступила неправильно, нарушила границу его частной собственности, из желания нажиться на его имени. Ему это точно не понравится, ей бы тоже, если честно, не понравилось. Но она ведь делала свою работу! И не особо преуспела, что тут скрывать. Узнать ничего не узнала, только сама всё выболтала. И как так получилось? Этот Фёдор, по всей видимости, имеет иезуитскую натуру, молчит, в глаза тебе смотрит редко, но как-то незаметно располагает к себе. Не смотря на свою подозрительную внешность.

Или в ней самой дело? Взяла и всё разболтала. Алёна даже поморщилась в досаде.

Роско пришёл к ней, сел напротив копилкой и уставился на неё печальными глазами.

— Не смотри на меня, — сказала ему Алёна. — Это твой хозяин плохой человек, а не я. — Пёс дёрнул коротким ухом, Алёне показалось, что взгляд его стал недоверчивым. И она поспешила подтвердить: — Да, да. Он работает не на тех людей, на плохих, значит, и он плохой.

Роско шумно вздохнул, лёг и отвернулся от неё.

Что Фёдор делал на кухне в одиночестве, она не знала. Как ни прислушивалась, ничего не услышала. А потом хлопнула входная дверь. Роско тут же сорвался с места, хотя ещё секунду назад казалось, что он дремлет. А тут, как пуля пронёсся по коридору, с лаем и клацаньем когтей по паркету. Алёна проводила его взглядом и лишь презрительно фыркнула вслед. Что взять,

собака. Зато оставшись в доме одна, пусть и ненадолго, её мысли вернулись ко второму этажу дома. Днём ей осмотреть его не удалось, а сейчас... не смотря на волнение и опасения из-за своего незавидного положения, захотелось сделать что-то назло и наперекор. Кому именно — Фёдору или Кострову-младшему, разбираться было не досуг. Но сидеть и дальше на диване, ожидая неизвестно ничего, было немыслимо. И кинув опасливый взгляд в сторону кухни, Алёна с дивана поднялась и быстро, пока не передумала, побежала вверх по лестнице. Ни одна ступенька под ней не скрипнула.

Второй этаж тонул в темноте. Коридор был широкий и пустой. Наверняка, когда в доме постоянно жили, здесь стояли небольшие диванчики и столики с вазами, а сейчас пусто. Алёна на цыпочках прошла по коридору, невольно представляя себе этот дом полтора века назад. Этого невозможно было не делать, здесь всё дышало историей, даже в темноте: паркетные полы, дубовые резные двери, деревянные панели на стенах. Алёна проводила по ним пальцами и несильно толкала двери, все оказались незапертыми, распахивались без скрипа, и в коридоре становилось светлее. Она заглядывала в комнаты, но кроме мебели под белыми чехлами, в них не было ничего интересного. И только последняя дверь привела её в самую просторную комнату, с панорамными окнами и расчехлённой мебелью. Большая кровать, ковёр на полу. На стене плазменный телевизор, а в шкафу одежда. Дверцу шкафа Алёна поторопилась закрыть. Это уже было не просто любопытство, это было откровенное вторжение в чужую жизнь. Вспомнились слова Фёдора о срамных телешоу, стало неприятно, и Алёна от шкафа отошла. Но подошла к окнам. Отвела рукой занавески и выглянула.

— Ты любопытна не в меру.

— Ты здесь спишь?

— А как же, хозяйская спальня. Как можно упустить такой шанс, да?

Она повернулась, посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что это ничего не решит? То, что я просижу здесь день или два. Я совершила глупость, что приехала сюда. Но скоро приедет Артюхов, и он, наверное, приедет не один.

— А с кем?

— У него есть друзья. Которые знают Кострова. И Тарас с ним знаком. Я слышала, как он говорил по телефону. А я никому не нужна, и я ничего не знаю. У них какие-то свои старые счёты.

— А говоришь, что ничего не знаешь.

— Я просто подслушала.

— Да, проблема, — согласился Фёдор и шагнул к ней. — А ты хорошо знаешь этого Артюхова?

— Мы работаем в одной редакции. Иногда сталкиваемся в коридоре.

— Какая странная у тебя жизнь, детка. Ты неудачливая журналистка, которая подслушивает важные разговоры и попадает случайно туда, куда никто попасть не может. И знаешь, я склонен с тобой согласиться, я бы не счёл это везением.

— Вот видишь!

— Вижу, — кивнул он. Сделал ещё шаг и протянул руку к её волосам. Алёна поспешила отступить, но Фёдор вдруг схватил её за локоть и притянул к себе.

Она зашипела на него:

— Ты что делаешь?

Он завёл ей за спину одну руку, довольно больно, Алёна поморщилась, а Фёдор обвёл указательным пальцем её щёку. Наклонился ближе к лицу Алёны и проникновенно проговорил:

— Ты ведь не сделаешь глупость?

— Какую? — эхом и очень тревожно переспросила Алёна.

— Не будешь доставлять мне неприятности?

Алёна пыталась освободить свою руку, но её держали, как в тисках. Фёдор, кажется, даже наслаждался её трепыханиями, потому что неожиданно ухмыльнулся, но хватку немного ослабил, чтобы ей не было больно. А потом снова по голове её потрепал. Пальцы запутались в волнистых волосах, потом сжались в кулак. И улыбаться Фёдор перестал, и от его взгляда у Алёны в горле комок встал от волнения. Она знала, что произойдёт дальше. В полумраке вглядывалась в его небритое лицо, видела, что он прищурился, а когда пальцами сжал её подбородок, зажмурилась. И даже вырываться передумала. Смысл вырываться, если её скрутили, как совершенно беспомощную куклу, и от неё уже ничего не зависит.

— Красивая, но глупая девочка, — насмешливо сказал он, и поцеловал. В наказание. Раньше Алёна и не подозревала, что поцелуи могут быть наказывающими. Ей сдавили ладонью челюсть, заставляя открыть рот, и поцеловали. Время остановилось, поцелуй длился и длился. Она пыталась прийти в себя, оказать какое-то сопротивление, но все моральные силы уходили на то, чтобы принять прикосновение чужих губ и языка. Алёна даже не поняла, в какой момент он её отпустил. Целовал, а руки уже не держали. А она стояла, потрясённая, на поцелуй не отвечала, могла слушать только своё барабанившее в груди сердце. А когда осознала, открыла глаза, поняла, что Фёдор за ней во время поцелуя наблюдает, и оттолкнула его. Сколько сил в себе нашла, столько в этот толчок и вложила. Он, конечно, отшатнулся, но тут же засмеялся. Громко, издевательски, он был доволен собой, а Алёна выбежала из комнаты и бросилась по коридору, к лестнице. С громким топотом сбежала вниз. Роско выглянул из кухни, виляя хвостом, наверное, решил, что они игру затеяли. А Алёна пронеслась мимо него, схватила свои кроссовки, что стояли у обогревателя, сумку с подоконника, и, лишь на мгновение усомнившись, плащ-палатку с вешалки сдёрнула. И выскочила из дома.

Остаться было нельзя. Ночь, дождь, не важно. Нужно было уходить. Пока Фёдора не было за спиной, пока Роско снова не приказали её сторожить, пока не приехал «хозяин». Правда, это стремление прошло довольно быстро. На адреналине Алёна пробежала метров сто, запыхалась и остановилась. Остановиться было необходимо. Для того, чтобы отдышаться, оглядеться, да и накинуть на себя тяжёлую плащ-палатку. Она находилась на краю пролеска, как помнилось, впереди должна была начаться стройка, хозяйственные постройки, но из-под тени деревьев всё равно было выйти страшно. На улице стремительно темнело, и идти дальше, бежать сломя голову, было страшно. Алёна вовсе не была уверена, что, во-первых, найдёт дорогу к дыре в заборе, через которую попала на территорию усадьбы, а во-вторых, что её ещё не успели заделать. И куда она побежит?

Сзади раздался лай Роско, но далеко, у дома. А потом и Фёдор крикнул:

— Алёна! Не дури, вернись!

Она промолчала, закуталась в плащ. Выжидала. Привалилась спиной к влажному стволу высокой сосны. Конечно, Роско её найдёт. Поэтому и бежать во тьму смысла нет. Вот и решила подождать. Стоя под деревьями, дождь особо не докучал, но темнело, и это беспокоило. Минут через десять захотелось присесть, Алёна руки на груди сложила и раздумывала — вернуться в дом или нет. Фёдор её больше не звал, но зато минут через десять послышался звук подъезжающего автомобиля. Алёна осторожно приблизилась, спряталась за мокрым кустом, пыталась понять, что происходит и кто приехал. Но, по всей видимости, не «хозяин». Подъехал всё тот же внедорожник, из него вышел всё тот же тип в камуфляже, а Фёдор встретил его у бокового входа, и они о чём-то заговорили. А Роско вышел на улицу, поднял лобастую голову к небу, открыл пасть, ловя капли дождя, а потом потрусил в сторону сосен. Алёна уже больше за собакой наблюдала, чем за мужчинами. Уже понятно, что Фёдор докладывает о её бегстве, он

сам её искать не отправится. А Роско пробежал по мокрой траве, время от времени мотая головой, когда становилось совсем мокро, и ничего удивительного, что уже через минуту был рядом с Алёной. Не лаял, не скулил, никого не звал. Подошёл и тоже, как Алёна, из-за куста выглянул, видимо, интересуясь, за кем она подглядывает.

— Иди, — зашипела на него Алёна. — Иди домой, Роско.

Тот вывалил розовый язык и бурно задышал. Алёна рискнула пихнуть его коленкой в упругий бок.

— Иди немедленно. Вперёд.

— Роско! — послышался резкий окрик от дома. Алёна замерла, уверенная, что вот сейчас пёс залает и её сдаст, но тот даже не взглянул на неё, стрелой сорвался с места и понёсся к Фёдору. Алёна осторожно выдохнула.

— Давай доедем до забора, посмотрим, — услышала она ворчливый голос. И следом Фёдор пожаловался мужику в камуфляже: — Вот, Вадим, бывают бабы дуры, и это не лечится. Сейчас сядет под каким-нибудь кустом и будет реветь, а мы её, идиотку, ищи полночи. Роско, в машину.

Собаке открыли заднюю дверь, и Роско без вопросов запрыгнул в салон. Когда автомобиль проехал мимо, в сторону стройки, Алёна проводила его взглядом, не в силах поверить своей удаче. Для уверенности, выждала немного, потом заспешила к дому. Дверь оказалась открыта, Алёна вошла на кухню, капюшон с головы скинула, и поспешила по коридору к кабинету. Пришлось зажечь свет, видно уже было плохо. А она искала телефон. На столе стоял стационарный, но сняв трубку, Алёна поняла, что гудка нет. И ноутбука не было. Алёна чертыхнулась негромко. Подёргала ящики письменного стола, но все оказались закрыты. Фёдор решил подстраховаться. Что ж, правильно. Но ей необходимо было позвонить, нужно было вызвать такси, хотя бы в деревню. Но не везло, не везло.

В последней надежде, уже собираясь уходить, заметила в кухне на вешалке толстовку Фёдора. Тот уехал в куртке военного образца, она видела, а толстовку, в которой ходил дома, повесил на крючок. Вот в карманы этой толстовки Алёна руку и сунула. Знала, что у Фёдора есть мобильный, но при ней он им не пользовался. Но ещё утром телефон лежал на подоконнике, подключённый к сети, Алёна прекрасно его видела. А теперь Фёдор то ли забыл его, то ли не взял за ненадобностью, и его-то Алёна и сунула в свой карман. И направилась в другую сторону от дома, по центральной дороге, к воротам. Как получится выйти за ограду — не представляла, и был риск, что у ворот охрана, но это было единственное направление для спасения.

Чтобы дойти до забора, понадобилось больше получаса. Окончательно стемнело, зато дождь почти перестал, лишь неприятно моросил. Увидев впереди домик охраны, Алёна шаг сбавила, приглядывалось, но было тихо и никого поблизости не видно. Да и единственное окошко в домике было тёмным. Правда, как только она приблизилась, над головой вспыхнул прожектор. У Алёны от испуга едва сердце не остановилось. Она замерла, как в детской игре «Море волнуется», в нелепой позе, боясь вздохнуть, и уверенная, что её прямо сейчас застрелят. Но навстречу никто не вышел, тишина, только сосны шумят. Господи, да что же это за люди? Что у них за мания преследования? Прожекторы с датчиками движения, как в фильмах про тюрьму.

Хорошо ещё, что калитку удалось открыть без особых проблем. Снаружи, конечно, она казалась препятствием непреодолимым, как и сами ворота для въезда, ни одной щели или зарубинки, да и наличие домика для охраны предполагало устройство настоящего КПП, но сейчас никого не было, и Алёна лишь сдвинула тяжёлый магнитный засов на калитке, где-то что-то пропищало, и калитка поддалась. Алёна с огромным облегчением захлопнула её за собой с другой стороны, замок тут же щёлкнул. А она оказалась перед тёмным лесом. Захотелось нервно кашлянуть, но делать нечего. Надо идти вперёд. По дороге, тут недалеко, доехала она минут за

десять. Отошла от забора метров на двадцать, и за её спиной погас свет. Проектор выключился. Вот теперь точно лучше не медлить.

Шла она бодро, стараясь не думать о страхе и жути, о шумящих тревожно соснах. Только прислушивалась, не едет ли по дороге машина. Если услышит, тут же в кустах у дороги и спрячется, это не проблема. Но ничего такого не произошло. Неожиданно лес впереди расступился, дорога кончилась, и Алёна оказалась на окраине деревни. И совсем рядом площадь с остановкой и горящим фонарём. Боже, в это невозможно было поверить. Захотелось закричать, затопать ногами, завопить от радости, и Алёна на самом деле закричала, но не от радости, а бросившись со всех ног к остановке, заметив автобус. Это уже кто-то наверху позаботился о ней, не иначе. Она закричала, кинулась к остановке, путаясь в плаще, замахала руками. Небольшой, побитый жизнью и деревенскими дорогами автобус уже готов был тронуться с места, в салоне всего пара человек, но водитель Алёну заметил, помедлил, прежде чем закрыть двери, а она поспешила сбросить с плеч тяжёлый плащ, переступила через него и уже через несколько секунд вбежала в автобус, не веря своему везению.

— Спасибо, — выдохнула она. Улыбающаяся, взъерошенная, наверняка, с безумным взглядом. Но повторила, благодаря пожилого водителя от всего сердца: — Спасибо, что подождали.

— Девушка, вы что-то потеряли, — сказали ей, намекая на брошенную плащ-палатку, но Алёна лишь беспечно отмахнулась, шлёпнулась на ближайшее сидение и выдохнула:

— Он мне больше не нужен.

Поначалу ещё с тревогой оборачивалась, поглядывала в заднее стекло автобуса, но за ними никто не гнался, никто не обгонял. Автобус ехал и ехал, иногда подпрыгивая на ухабах. Останавливался на всех положенных остановках, но на последний рейс желающих почти не было. И через полчаса Алёна успокоилась настолько, что задремала, закутавшись в кофту. И так ей спалось крепко, даже сон какой-то приснился, и глаза открыла только, когда ей привиделось лицо Фёдора, рассерженное. Алёна резко села, открыла глаза и постаралась понять, где они. Впереди как раз показались огни города. На душе сразу стало спокойно.

Вот это приключение у неё выдалось. Кому рассказать — не поверят. Но интуиция подсказывала, что лучше не рассказывать. Что угодно придумать, но правду не рассказывать.

— Алёнка, ты сдурела? — завопила ей в трубку Оксана Перевайко, когда утром Алёна ответила на звонок. Её телефон за половину ночи восстановился полностью, выдал ей информацию о куче пропущенных вызовов и список эсэмэсок гневного содержания. Оказавшись дома ближе к полуночи, Алёна не могла об этом думать, поставила телефон на зарядку, поспешила в душ, а после без сил рухнула в постель, наконец, уткнувшись носом в собственную подушку и закутавшись в своё одеяло. Сутки об этом моменте мечтала. Снилось снова что-то тревожное, она куда-то бежала, от кого-то пряталась, а потом... потом её кажется, целовали. Закрыли рот поцелуем, и Алёна чуть не задохнулась от натиска и напора. Правда, когда проснулась, поняла, что она сама целует... подушку.

И наутро, вроде бы выспавшись, всё равно чувствовала себя жутко усталой. А тут ещё и телефон зазвонил, Алёна даже не успела выпить кофе и съесть чуть зачерствевшую плюшку.

— Где ты была?!

— Не кричи, — попросила её Алёна, вжимаясь в угол кухонного диванчика и поджимая ноги. — У меня... появились срочные дела.

— Дела? Алён, Рыбников рвёт и мечет.

— Ему положено, он начальство.

Оксана помолчала, потом совсем другим тоном, озабоченным, поинтересовалась:

— Что у тебя случилось?

Она вздохнула. Ничего подходящего на ум не шло. Мозг и организм были истощены вчерашними треволнениями и беготнёй по лесам под дождём. Кстати, сегодня в окно вовсю солнце светило. Вот где справедливость?

— Мне пришлось съездить к Дусе. У неё... кое-что случилось... — Прости Господи, чтоб не сбылось! — У меня даже не было времени позвонить. Рыбников сильно злится?

— Грозил уволить.

— Плохо.

— Алёна, ты сама виновата! — тут же возвысила Оксана голос до самой высокой ноты. — Кто же так поступает? Я тоже, к твоему сведению, волновалась! Ты ушла из клуба и пропала! Может, тебя убили?

— Не убили, — проговорила она.

— Кстати, что у тебя с Артюховым?

Алёна так и не донесла до рта кружку с кофе. Замерла на мгновение.

— А что?

Оксана вдруг усмехнулась.

— Он вчера заходил, тебя искал. Представляешь? Я чуть со стула не упала! А Серёга сказал, что ты с ним в клубе зажигала! А когда? Я не видела!

— Меньше надо пить, — пробормотала Алёна, поднимаясь с дивана. — Что он сказал?

— Да ничего. Спросил, где ты.

— А ты что сказала?

— Алёна, ну что я могла сказать? Что ты не пришла! А он номер твой спросил.

— Любопытно...

— Почему?

Алёна опомнилась, головой мотнула, а Перевайко сказала:

— Просто любопытно. Я собираюсь на работу. И ты собирайся. Встретимся в редакции.

На душе было беспокойно. Не смотря на то, что дома, не смотря на то, что всё, вроде как, благополучно разрешилось, и даже не смотря на яркое солнце за окном. Но интуиция подсказывала, что неприятности ещё могут догнать, и весело тогда Алёне не будет.

На кухонном столе лежал чужой мобильный телефон. Воспользоваться им так и не пришлось, и теперь он лежал и смущал своим видом. Получается так, что она его украла? Алёна взяла его в руки, пару секунд рассматривала, потом нажала на кнопку включения. Телефон издал звук, и экран посветлел, затем порадовал фирменной заставкой. Правда, дальше этого дело не пошло, уже через мгновение стало ясно, что телефон запаролен. Очень мило, супер секретный сторож усадьбы. Алёна разозлилась и сунула телефон наверх холодильника. Просто в голову не пришло, куда его ещё можно деть.

Выходя из подъезда спустя двадцать минут, странно замешкалась в дверях. Быстро огляделась по сторонам, нацепила на нос чёрные очки, и тогда уже рискнула выйти. Взгляд сам собой устремлялся в сторону дороги к гаражам. Дуся расстроится, когда узнает про машину. К тому же, придётся как-то объяснять, что Алёна её не разбила, не продала, а потеряла. Как можно потерять машину?

Одни несчастья... Вот и делай после этого карьеру. Сидела себе в кабинете и сидела, нет, понесло её за сенсацией.

В редакции её встретили настороженно. То есть, это Оксана с Серёгой устали на неё с подозрением, ото всех остальных получилось отделаться рассеянной улыбкой, даже от Рыбникова, который углядел её в конце коридора и продемонстрировал кулак. А вот эти двое смотрели с прищуром.

— Так где ты, говоришь, была? — спросил Бурдовский. Алёна наградила его свирепым

взглядом.

— У Дуси. Что ты хочешь ещё?

— О-о, — протянул этот любопытный с чувством и многозначительно переглянулся с Перевайко. Стало ясно, что они обсуждали Алёну между собой, скорее всего, как раз перед её приходом. — Кто тебя покусал?

Очки, между прочим, дорогие, подарок Дусиного супруга, были кинуты на стол, сумка упала рядом, а сама Алёна тяжёло опустилась в своё кресло. На Оксану посмотрела. Растянула губы в искусственной улыбке и уличила:

— Болтушка.

Перевайко тут же задрала нос, бурно подышала, после чего сказала:

— Алёна, мы волновались.

— Почему? Я что, настолько пропащий человек, только сама того не осознаю?

— Дура, — отозвался Бурдовский, правда, тон был куда спокойнее, чем минуту назад, — тебя могли если не убить, то морду тебе начистить.

Алёна в искреннем удивлении на него вытаращилась.

— За что?

— А то не за что! За кредиты, например. Разве тебя Петро не предупреждал, чтобы ты думала, прежде чем что-нибудь расследовать? А тебя хлебом не корми.

Пришлось сурово нахмуриться.

— Тогда я не знаю, как жить в стране, в которой журналист не может написать и слова правды.

— Он может, ты тому пример. Но иногда такие журналисты получают по зубам в какой-нибудь подворотне. У тебя, Золотарёва, зубов много?

— Знаешь что?.. — возмутилась Алёна и швырнула в этого предсказателя журналом. — За собой последи. Пишешь про страховки, вот и пиши!

— Да я и пишу.

— А мы, Алёна, — проникновенно добавила Перевайко, — на самом деле переживали. Ты могла бы позвонить.

— Не могла, — виновато проговорила Алёна, вздыхая, — не было возможности.

— Но у Дуси всё в порядке?

Серёга глаза закатил и взмолился:

— Ксанка, заткнись. Не была она ни у какой Дуси!

— Правда? — Оксана глазами хлопнула и снова на Алёну уставилась. — А где была?

— Если бы Артюхов вчера морду лица свою в этом кабинете не засветил, я бы спорил, что с ним.

Алёна пренебрежительно фыркнула.

— Ты за кого меня принимаешь?

— А что, скажешь, что он тебя ничуть не впечатляет? Ты же глаз с него неводишь, когда он рядом.

— Не свожу, — пришлось согласиться Алёне. — Но совсем по другой причине. Чисто профессиональные противоречия.

— Чихал он на твои противоречия, — усмехнулся Бурдовский, разворачиваясь к экрану компьютера. — Ты ему просто завидуешь.

— Как и ты, — не осталась Алёна в долгу. А когда Серёга на неё через плечо оглянулся, показала ему язык.

— А вот я не завидую, — тихо проговорила Оксана, размешивая сахар в своей чашке с чаем.

— А тебе-то чего завидовать? У тебя материала завались. За каждой второй пакостью в

городе полтергейст стоит. Проверено.

— Серёж, ты чего такой злой сегодня? — заинтересовалась Алёна.

— Будешь тут злым, когда на тебя Беленького сваливают за четыре часа до сдачи материала.

Алёна замерла, виновато глядя на него.

— Извини.

— Твоим «извини» сыт не будешь, Золотарёва.

— Обещаю восполнить.

— Я запомню.

Тон его прозвучал скептически, и даже на заискивающую улыбку Бурдовский никак не отреагировал. Это было грустно, обычно на этот приём Серёга вёлся.

Позже Алёну к себе Рыбников вызвал. Разговор был не из приятных, её даже оправдываться не заставили, только прочитали долгую и нудную лекцию об ответственности, о серьёзности по отношению к работе, и её вечной приверженности к фантазиям в частности. Алёна молчала, вздыхала и стыдилась. В любой другой ситуации она бы с начальником поспорила, попыталась доказать, что он не прав, и не настолько она пропадающая. Очень даже серьёзная девушка, точнее, журналист, мечтающая сделать карьеру. Но сегодня в своё оправдание сказать было нечего, про усадьбу Кострова, а уж тем более про свою неудачную поездку туда и провалившиеся изыскания, решила молчать. Рыбников, наверняка, поперхнулся бы кофе, узнай, куда она без спроса влезла. А так как порадовать редактора было нечем, только лишь поведать о новых неприятностях, в которых она едва не увязла, Алёна решила хранить тайну. Будем надеяться, что всё обойдётся.

Будем надеяться, что у Фёдора хватит совести и человеколюбия не рассказывать про неё, прибывшему хозяину.

А телефон?..

Что ж, купит он себе новый телефон. Доказать, что она его украла, невозможно. И, вообще, она нисколько не воровка, просто обстоятельства так неудачно сложились.

— Золотарёва, ты меня слушаешь?

Алёна голову вскинула, уставилась на шефа честными глазами.

— Конечно, Пётр Алексеевич.

— Конечно, Пётр Алексеевич, — негромко и расстроено передразнил он её. Из-за стола своего поднялся, окинул Алёну оценивающим взглядом. — Горе ты моё, — неожиданно пожаловался он, Алёна удивлённо посмотрела, а Рыбников тут же исправился: — В смысле, редакции. Когда ты только за ум возьмёшься.

— Пётр Алексеевич, да я готова. — Как-то нервно получилось сглотнуть. — Я обещаю, что больше не буду никуда влезать. Буду писать, что есть.

— Да? С чего такая щедрость?

Алёна поискала глазами пятый угол в его кабинете.

— Наверное, я взрослею.

— Ой ли. — Рыбников побарабанил пальцами по столу, продолжая приглядываться к Алёне. Всё-таки решил сменить гнев на милость. — Ладно. Иди. Пиши про фестиваль.

Алёна непонимающе моргнула.

— Какой фестиваль?

Рыбников лишь головой мотнул.

— Ты, вообще, не из нашего города, что ли? Фестиваль коллективов народного творчества. Между прочим, всероссийский. Ты ценишь мою заботу, Золотарёва?

Тут же кивнула, как солдат.

— Ценю.

— Я надеюсь.

Под взглядом редактора, Алёна принялась пятиться к выходу, осторожно делала шаг за шагом по мягкому ворсу ковра, до двери оставалась всего пара шагов, когда та за её спиной без стука открылась, и Алёна едва не подскочила от неожиданности, почувствовав за своей спиной кого-то. Обернулась и в некоторой растерянности уставилась на Тараса. Тот тоже на неё смотрел, весьма заинтересованно, даже брови вздёрнул.

— Пропажа нашлась. Ты где была?

Рыбников, который к этому моменту уже успел вернуться за свой стол и собирался присесть в дорожное кожаное кресло, так и не сел, застыл ненадолго в нелепой позе. Наблюдал, явно удивлённый тем, что Тарас Артюхов в принципе может быть осведомлён о том, кто такая Алёна Золотарёва, главное бедствие их редакции.

А Алёна кашлянула, чтобы вернуть себе способность говорить, а к Артюхову присмотрелась повнимательнее. Тот выглядел довольным, выспавшимся, ничто так явно не указывало на то, что он вчера или сегодня мотался по лесу под дождём. Значит, в Марьяново он не был? Или ещё не был?

— У меня возникли... семейные обстоятельства, — проговорила она, косясь на насторожившегося начальника.

— Понятно. — Тарас отвлёкся от неё, тоже на Рыбникова взгляд кинул, и совершенно панибратски у того поинтересовался: — Петь, время есть? Обсудить кое-что надо.

Рыбников лишь на кресло напротив себя рукой указал, а Тарас вдруг потянул Алёну за дверь. А Рыбникову сказал:

— Через минуту вернусь.

Алёна оказалась в коридоре, дверь в кабинет начальства за её спиной захлопнулась, а она оказалась лицом к лицу с Тарасом. Который весьма странно к ней приглядывался.

— Что это тогда было?

— Когда? — Алёна даже испугалась немного от этого вопроса.

Артюхов голову на бок склонил, улыбнулся.

— В клубе.

— А-а. — Она выдохнула. — Извини меня, я очень торопилась.

— Куда?

— Я же сказала, семейные дела.

— Ты наешь, что ты очень странная?

— Знаю. Я горе этой редакции. Рыбников мне только что об этом со всем обстоятельством поведал.

Тарас хмыкнул.

— Ну, так сильно я бы не преувеличивал, но ты странная.

Алёна качнула головой.

— Это уже не звучит как комплимент.

— Это и не было комплиментом. Но я бы хотел это обсудить.

Алёна сделала вид, что безмерно удивлена.

— Мои странности?

— И их в том числе. Что ты делаешь в субботу?

— Пока не знаю. Когда у нас фестиваль?

— С двадцать пятого по двадцать девятое, — не задумавшись ни на секунду, отрапортовал Артюхов, а Алёна мысленно приуныла. Наверное, ей на самом деле не хватает журналистской хватки, чутья. Тарас вон знает обо всём, что происходит в городе, даже если его это напрямую и не касается. Он просто знает. А она лишь находит на свою пятую точку всё новые и новые неприятности.

— Вот видишь... В субботу я буду слушать народные песнопения.

Тарас снова усмехнулся.

— Идёт. Слушай. А вечером я тебе устрою моральную разгрузку. Ты не против?

Алёна осторожно пожала плечами, если честно, разглядывала Артюхова в некотором удивлении, не совсем понимая, с чего это ему пришло в голову за ней приударить. Может, так и надо поступать с мужчинами, сбегать после короткого поцелуя, чтобы сбить их с толка своей непредсказуемостью? Но если их, в данном случае Тараса, это заводит, почему бы ей не прояснить этот вопрос до конца и со всеми подробностями? Он ей всё же нравится... нравился когда-то, а сейчас она вполне готова об этом вспомнить. Мужчина он интересный, и целоваться с ним было приятно.

Не то, что с некоторыми. Которые только и умеют, что закручивать тебе за спину руки.

Но всё же вопрос с делом Костровых следовало осторожно прояснить.

— Я думала, ты занят будешь эту неделю.

Тарас, который стоял к ней совсем близко и загораживал спиной от проходящих мимо людей, едва заметно нахмурился.

— Чем?

— Работой. — Алёна нагнала в глаза побольше наивности. — Ты ведь говорил тогда про Кострова, я слышала.

Он помолчал, раздумывал, как реагировать, после чего улыбнулся. Улыбнулся легко, снисходительно, как глупому ребёнку.

— Я всё успею. — И Тарас отодвинулся от неё. И совсем другим тоном, более нейтральным, продолжил: — Меня не будет до выходных, но я обещаю позвонить тебе в пятницу. Идёт?

Алёна выдала бодрую улыбку коллеги, и не более того.

— Да, конечно. Я буду ждать.

Тарас её тон оценил и усмехнулся. Кивнул.

— Жди. — Приподнял ей пальцем подбородок. — И не пропадай больше. И не сбегай от меня.

Алёна ему улыбнулась, по-особенному.

— Не буду.

Он коснулся пальцем кончика её носа, подмигнул и вошёл в кабинет Рыбникова, а Алёна осталась стоять в коридоре. Улыбка с лица стёрлась. И ни о каком волнении или восторге говорить не приходилось. Кажется, Артюхов всерьёз считает её глупой девочкой, которая пока его забавляет.

А вот в Марьяново он точно не ездил.

Наверное, потому, что знает, когда «хозяин» появится. У Тараса везде связи, свои люди и стукачи. А она, дура, решила, что он работает на чистом энтузиазме, и попёрлась куда-то в ночь и дождь. А так дела не делаются, надо мотать на ус.

К вечеру того же дня ещё раз столкнулась в коридоре с Рыбниковым. И тот так на неё глянул, что захотелось подбежать и поклясться, что у неё с Артюховым ничего нет, и не будет. Потому что поводом для всевозрастающего подозрения в глазах начальства, был именно Тарас, Алёна в этом не сомневалась. Но она подбегать и оправдываться не стала, решила, что это не дело Рыбникова, с кем она встречается в свободное от работы время, да и вообще, может быть это заставит некоторых позабыть о её возрасте и отсутствии опыта. Ведь Тарас — товарищ придиричивый, и раз он в ней что-то рассмотрел, значит, в ней что-то да есть? Не так проста, как кажется. Вот пусть все так про неё и думают.

А если честно, то в этот день Алёну мало заботили чужие взгляды и раздумья на её счёт. Взгляд Петра Алексеевича она встретила, обдумала, приняла решение, и быстренько о нём

забыла. Просто потому, что голова была занята другими, куда более важными мыслями. И предстоящий фестиваль народного творчества в голову никак не шёл. Вернувшись в кабинет, Алёна честно открыла сайт городской администрации, просмотрела программу проведения фестиваля, но не нашла в себе сил заинтересоваться. Народное творчество как-то не вдохновляло. Сорок коллективов со всей страны, представители разных республик и национальностей. Всё красиво, наверняка талантливо и организовано масштабно, то есть и освещение в прессе должно быть соответственным, всё заранее обговорено и оплачено. А она, как представитель прессы, совершенно не заинтересовалась данной темой. Но это только её вина.

Пальцы сами по себе забегали по клавиатуре, ещё секунда-другая — и вот она уже пробегает по заголовкам сайтов. «Усадьба «Марьяново» время постройки восемнадцатый век». Восемнадцатый...

Через час глаза заболели от напряжения. Алёна рукой оттолкнулась от стола и на кресле откатилась к небольшому окну с заваленным бумагами и журналами подоконником. В кабинете как раз никого кроме неё не было, даже Оксана куда-то запропастилась, что совсем не было на неё похоже, а Серёга ещё до обеда куда-то уехал и даже не звонил. И Алёна, не стыдясь и не переживая по поводу оправданий, вместо того, чтобы заняться поручением начальства, изучала доступную информацию об усадьбе, её владельцах, а потом как-то незаметно, в связи с упоминающейся фамилией Костровых тут и там, перешла на изучение их семьи. Не давали покоя намёки Фёдора на то, что Андрей Костров никакого прямого отношения к усадьбе Марьяново, как сам любил утверждать, не имеет. Но надо признать, что установить это доподлинно вот так, по средствам интернета, было невозможно. Или она не знала как. Возможно, если бы у неё было больше опыта и знаний... А пока оставалось лишь смаковать скандальные подробности, которые и без того вся страна за последние пару недель узнала.

Во-первых, усадьба. Из некоторых источников на самом деле следовало, что ей больше двухсот лет. Принадлежала она помещику Кривовязову, не сильно зажиточному, ему принадлежало не очень много земли и душ, но именно при нём усадьба приобрела тот вид, который сейчас так хотели сохранить, сначала областные власти, а затем и Костров. Кстати, он и заполучил дом и землю — между прочим, больше десяти гектаров земли, только на основании того, что смог доказать, что является прямым потомком помещика Кривовязова. Проследили всю генеалогическую ветвь, был создана специальная комиссия по культуре и историческому наследию, этот вопрос решался на уровне тогдашнего губернатора и комитета по национальному достоянию. И если Фёдор прав, и Костров-старший попросту всех надул, то страшно подумать, каких денег ему это стоило. Ведь на сайте архива были выложены копии документов, подтверждающие его наследственные права. И если верить этим документам, становилось понятно, что в упадок усадьба пришла уже после революции. До этого приносила стабильный доход и считалась процветающей. На сайте архива даже удалось обнаружить пару фотографий столетней давности. У знакомого широкого крыльца позировали две девушки в длинных платьях с кружевными зонтиками от солнца. Они улыбались, держались за руки, а осанка у них была такая, что можно только позавидовать. Но Алёну больше интересовал дом. На этих фотографиях, пусть чёрно-белых и поблекших, дом выглядел совсем, как сейчас. Те же окна, те же крыльцо, те же мраморные перила... Были на сайте и другие фотографии, тридцатых, шестидесятых, и уже девяностых годов, и вот там виделся кошмар. Разбитые окна, сильно выщербленные ступени крыльца, словно по ним кувалдой били, а вокруг дома заросли, лес буквально наступал на дом, и ощущение складывалось, что уже не спасти. Десятилетие назад, когда в стране вспомнили об исторической памяти, а конкретно в их области об усадьбе «Марьяново», и даже припомнили значимые дела некоторых её владельцев, было решено усадьбу спасти. После того, как в ней

держали заключённых в двадцатых, устроили из неё сумасшедший дом в тридцатых, а затем и вовсе позабыли на несколько десятилетий, пока не решили разводить в доме бывшего помещика кур и свиней. И такое было, ближе к девяностым. Но денег на спасение нужно было прорву, а так тратиться область была не готова, вот тогда и решили усадьбу продать. Но сделать это не просто так, а с чёткими условиями дом восстановить, как историческую ценность. Вот тогда и объявился Костров. Он был не единственным желающим приобрести усадьбу, но у него оказалось несколько вполне конкретных доводов. Во-первых, он был родом из этих мест, родился, можно сказать, под стенами усадьбы. А во-вторых, предоставил доказательства того, что является внучатым племянником последнего владельца усадьбы, Петра Никодимовича Ставрова, который, в свою очередь, был прямым потомком помещика Кривовязова, а его в области с некоторых пор принято было почитать и восхвалять его заслуги в культурном развитии тогдашней губернии. И больницы-то строил, и детей-то крестьянских грамоте обучал, а ещё он был театральным ценителем. Откуда это было доподлинно известно, не ясно, но никто уже не спорил, память о нём уважали, и поэтому о заброшенном доме на территории когда-то бывшей усадьбой, решили позаботиться.

Алёна долго изучала копии предоставленных документов, разбиралась кто кому в родне Костровых дядей приходился, а кто прадедушкой, но, если честно, это было настолько мудрёно, что запуталась она и потеряла родственную нить довольно быстро. Путанице способствовала и революция, значительно потрепавшая ряды Кривовязовых-Ставровых, и последовавшая за этим зачистка всяческих напоминаний о царском режиме и пережитках прошлого. Кто-то из Ставровых успел уехать за границу, кто-то пропал, кто-то сгинул в тюрьме. Да и говорить в те времена о своих барских корнях было неприято. Нарочно замалчивали, хранили тайну, и поэтому, по разумению Алёны, доказать, что ты потомок, в наше время лазерных принтеров, было не так уж и трудно. Вот у Кострова была бумажка, что его бабка в двадцать третьем году вышла замуж за Кострова Ивана Степановича. В Марьяново жила, до замужества фамилию имела Ставрова, и этого, по всей видимости, оказалось достаточно. С этого момента генеалогическое древо Костровых просматривалось достаточно чётко. Все они проживали в Марьяново, даже точный адрес был указан, и Алёна вполне допускала, что это тот самый второй дом от дороги, про который ей говорил Фёдор. И Андрей Константинович до своих полных восемнадцати лет проживал именно в этом доме. Пока в армию не ушёл. А после армии — завод, партийная направленность и быстрая переориентация в нужный момент. Костров взлетел именно в момент краха Советского союза.

Обо всём этом излагалось уже на другом сайте, городской администрации. В конце концов, ещё две недели назад, до вспыхнувшего скандала, Андрей Константинович был в области крупной политической фигурой, им гордились, его именем бравировали, и никто не сомневался, что Костров отстаивает интересы области и лично губернатора, своего давнего приятеля, в Москве, на самом высоком уровне. А сам Костров всегда с удовольствием и воодушевлением рассказывал о своей жизни, карьере, а в последние годы и своих предках-помещиках. Из восстановления усадьбы тоже секрета не делалось, и поскольку Андрей Константинович с энтузиазмом говорил о важности истории, родственной памяти и необходимости воспитывать детей на семейных ценностях, ему даже прощалось то, что за усадьбу он заплатил колоссальные деньги. Кажется, никто так и не спросил, откуда они у него взялись. При жизни Кострова-старшего его имя было неприкосновенно и практически свято. Зато сейчас припомнили всё.

На имя Андрея Константиновича Кострова Яндекс выдавал массу ссылок. Его работа, интервью, статьи в солидных газетах и журналах экономической направленности. С фотографий смотрел мужчина достаточно привлекательный, не смотря на возраст, неизменно в строгом костюме, о цене которого можно только догадываться. Из-за стёкол очков глаза смотрели

серьёзно и даже въедливо. Фотографий, как и ссылок, было очень много. В том числе, и со светских приёмов, иногда он даже в компании президента и премьера стоял. Просмотрев около сотни снимков, Алёна даже глаза закрыла, решив дать себе передышку. Потом она набрала имя сына Кострова, потом семьи. Имя Павла тоже мелькало, но в основном, рядом с именем отца. Ни фотографий, ни конкретных данных. Лишь возраст, да то, что у него имеется дом в Испании, и по этому факту его отцу пару раз задавали неудобные вопросы. А Андрей Константинович каждый раз нехотя сознавался, что со старшим сыном у него отношения сложные, и о его частной собственности, если таковая вообще имеется, он знает мало. И никому не воспрещает выяснить истину. Об истине Алёна сведений не нашла, видимо, никто так это дело и не взялся раскручивать. Наверное, сейчас половина журналистов столицы локти кусает. Кострова-младшего разыскивают по факту крупных хищений, в которых неожиданно обвинили его отца, а никто не знает, где искать.

Зато у Кострова-старшего была жена и ещё двое детей, правда, усыновлённых. Этот факт был неоспорим, потому что Андрей Константинович вот уже пятнадцать лет состоял в браке с Региной Ковалец, и к её детям точно никакого отношения иметь не мог, хотя поговаривали, что они встречались задолго до их официального бракосочетания. О, Регина Ковалец была легендарной женщиной. О ней было написано, сочинено и домыслено больше, чем о самом Кострове. Её первым мужем был знаменитый на весь мир танцовщик, Кирилл Ковалец, личность сколь знаменитая, столь же и скандальная. Регина и сама когда-то танцевала в Большом, ей пророчили мировую славу, в России она блистала. И в Европе блистала, и в Америке, но всё это закончилось очень быстро, причём по инициативе самой Регины. Вместо того, чтобы грезить о славе, она вышла замуж и почти сразу родила первого ребёнка. И с младенцем на руках ездила за мужем из города в город, на все гастроли, в тяжёлые девяностые став для него агентом и продюсером. В народе говорили, что это не он так хорошо танцует, это Регина так хорошо его продаёт. Но брак их закончился неожиданно и весьма скандально. Когда Регина готовилась подарить своему талантливому мужу вторую дочь, тот выдал финт, от жены ушёл, хотя, скорее сбежал. В Америку... к мужчине. В девяностые это ещё было поводом для серьёзного шока, и об этом говорили долго и с упоением. Но надо отдать Регине должное, она оказалась женщиной сильной, настолько, что даже фамилию при разводе менять не стала, так и осталась с вечным напоминанием о муже-предателе. И рук не опустила. Да никто бы и не дал ей этого сделать, Регина была красавицей. Хрупкая блондинка с ярким взглядом, не исчезающей уверенной улыбкой, она даже в свои пятьдесят выглядела максимум на тридцать. Свежа, прекрасна, с королевскими повадками, почерпанными в Большом театре. Она была королевой, маленькая, но несокрушимая. Уже через год после бегства Ковальца из страны, Регина открыла свой продюсерский центр, который раскрутился мгновенно. Поначалу занималась балетными, потом круг её интересов расширился, но сама Регина больше не посмотрела ни на одного представителя творческой профессии. Она сменила приоритеты, и её взгляд перекинулся на политиков. С кем только её молва не сводила в те времена, и это были не просто разговоры, Регина сама об этом рассказывала в многочисленных интервью. Обо всех своих поклонниках и ухажёрах, гражданских мужьях, она говорила охотно, но неизменно с улыбкой и уважением, некоторые из них до сих пор были при власти, успев обзавестись семьями, чёрный пиар им был не нужен, и Регина это понимала. А потом в Москву переехал Андрей Костров, в то время мужчина в самом расцвете сил, подтянутый, холёный, их практически сразу начали видеть вместе, то на одном мероприятии, то на другом. Они держались за руки и не думали скрывать своих отношений. Костров уже много лет вдовствовал, и никаких тёмных историй, как сам уверял, в прошлом не имел. Отменная партия. Как он для неё, так и она для него.

Алёна невольно заинтересовалась, разглядывала их совместные фотографии, даже

семейные попадались, и на всех Регина и Андрей Константинович смотрелись сногшибательно, даже после десяти, пятнадцати лет брака. Регина всё ещё ослепляла красотой, а Костров становился всё солиднее и благообразнее. И странно было думать, что Регина вновь оказалась втянутой в скандал, благодаря мужу. Один оказался геем и бросил её с двумя детьми, а другой, как уверялось, ставший настоящим главой семьи, влез в какие-то коррупционные схемы, и опять же оставил разбираться со всем жену, взял и умер. Регину было жалко, чисто по-человечески. Насколько она хороший человек, Алёне не узнать никогда, но наблюдая за её жизнью по страницам глянцевого журнала, она ею восхищалась. Как сильной женщиной. Такие встречались редко, даже в журналах и на экране телевизора.

И во всей этой картине жизни семейства Костровых отсутствовало лишь одно звено — Павел Костров. Его просто не было, нигде. Но при этом он был известен в их городе, и даже слыл «хозяином». Как это всё соединить воедино, Алёна не понимала. Пролистывала страницы с фотографиями, в надежде увидеть молодого мужчину, но ничего интересного не попадалось. Дочки Регины — да, странно, но обе были брюнетками, выше матери, видимо, пошли в отца. Старшая стала балериной, но танцевала в основном в Европе, а младшая жила в Москве и выучилась на врача-педиатора. Весьма странный выбор при таких-то родителях. Журналисты спрашивали о детях время от времени, и у Регины, и у Андрея Константиновича, они охотно рассказывали, но не про старшего, причём единственного сына Кострова. Этот вопрос даже не мелькал, наверное, это контролировалось и тщательно редактировалось, прежде чем уходило в печать. А тут все вдруг вспомнили, что он живёт на свете. Только Регина продолжает упорствовать и ответов не даёт. Даже заявила, что сын Андрея Константиновича не мог присутствовать на похоронах отца по крайне серьёзным обстоятельствам, которые не подлежат разглашению и обсуждению.

— Если Павел сочтёт необходимым, он сам всё разъяснит в своё время. У меня комментариев нет, — заявила она в свойственной ей сдержанной манере. Губы раздвинулись в скорбной улыбке, так подходящей новоиспечённой вдове, в глазах мелькнуло сожаление, и вот она уже надела тёмные очки и пошла прочь от журналистов, которые щёлкали ей вслед затворами фотоаппаратов.

Вот так вот, надо уметь держать лицо. В любой ситуации. Никто не умеет делать это так искусно, как Регина Ковалец.

— Золотарёва, ты работаешь?

Алёна поспешила выпрямиться, потому что, как оказалось, она уже некоторое время сидела, навалившись на подоконник и задумавшись. Растерянно взглянула на Рыбникова, который заглянул в кабинет, и поспешила кивнуть.

— Конечно, Пётр Алексеевич.

— Ну-ну, я завтра проверю.

Алёна осторожно выдохнула, когда редактор дверь захлопнул, посмотрела на экран компьютера и решительно закрыла все ссылки. Она опять не о том думает, не о том.

Следующим утром проснулась ни свет, ни заря. За окном вовсю солнце сияло, часов с пяти, наверное, сияло, яркий свет проникал сквозь неплотно задёрнутые шторы, а встать и задёрнуть их, было безумно лень, не смотря на то, что Алёна лежала без сна и смотрела в потолок. Но не просто безумно таращилась, она раздумывала над той информацией, что вчера удалось собрать. Понятно, что ничего толкового и результативного, но Фёдор, скорее всего, сам об этом не догадываясь, натолкнул её на верный путь. Очень захотелось разобраться с этой усадьбой, точнее, с её владельцами. Если ей это удастся, то это может стать сенсацией, по крайней мере, в масштабе области. Оставим героизм мужчинам, пусть Тарас разыскивает и ловит Кострова-младшего, ему больше пристало лазить через заборы, Алёна это для себя уяснила, а она займётся историческими изысканиями. Нужно только найти лазейку.

И, кажется, лазейка была. И когда Алёна вспомнила про свою однокурсницу, Ленку Самохину, приободрилась настолько, что лежать больше не смогла, и поднялась с постели за полчаса до звонка будильника. Такое с ней случалось крайне редко, что скрывать. Близкими подругами они с Ленкой никогда не были, что не мешало им приятельствовать. И если в институте они общались в разных компаниях, то после несколько раз сталкивались по работе, Ленка подвизалась в их редакции переводчиком. Журналистом так и не стала, к тому же, вскоре после окончания института вышла замуж и родила близнецов, и теперь сидела дома, время от времени подрабатывая переводами. То тут, то там. И если «тут» — было их родной редакцией, то «там» Алёну как раз и интересовало. Она вдруг вспомнила, как Самохина рассказывала о заказах для краеведческого музея. А где, если не в краеведческом музее выяснять то, что происходило в их области сто лет назад? Наверняка, у них и документы есть, подлинные, и, если очень повезёт, ей позволят на них взглянуть и при необходимости, на них сослаться.

Едва дождалась восьми утра, чтобы позвонить. И то, не была уверена, что её не пошлют лесом в такую рань. Но голос Самохиной в трубке звучал вполне себе бодро.

— Я тебя не разбудила? — осторожно поинтересовалась Алёна.

— Разбудила? — Лена в задумчивости хмыкнула. — Мы с Вадиком забыли, что значит спать. У близнецов зубы режутся.

— О, сочувствую.

— Очень сомневаюсь. Чего ты хочешь?

— Лен, а ты на краеведов до сих пор работаешь?

— Ну, было недавно. Перепиской на французском занималась. А что? Тебе тоже надо?

— Мне надо узнать, к кому мне обратиться. Так, чтобы меня не отфутболили. Тема появилась, нужны записи из архива.

— У Рыбникова кругом знакомые, пусть позвонит директору.

В этом месте Алёна вздохнула.

— Это не редакционное задание.

Самохина усмехнулась.

— Решила показать себя?

— Хотя бы попробовать. Лен, я мхом порастаю. Ты можешь помочь?

— Могу позвонить кое-кому, но ничего не обещаю. Что именно тебя интересует?

— Усадьба «Марьяново».

На название Самохина никак не отреагировала, пообещала позвонить, когда что-нибудь сможет узнать. А Алёна улыбнулась своему отражению в зеркале. День начинается весьма неплохо.

Эта мысль её оставила ровно в тот момент, когда Алёна вышла из подъезда. Вышла и остановилась на крыльце, глядя на свою, точнее, на Дусину машину, припаркованную у тротуара. Она стояла, как ни в чём не бывало, кажется, даже сверкала помытыми боками, а Алёна судорожно сглотнула. Сделала шаг назад, обратно в подъезд, но тут же себя одёрнула. Какой смысл прятаться? Да и от кого? В машине никого не было. Но Алёна на всякий случай оглядела двор. Ни одного человека, и даже машин незнакомых не наблюдается. Практически все места для парковки пусты, жильцы уже успели разъехаться на работу. А её машина стоит, и этим не просто тревожит, а безумно пугает.

Понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя на столько, чтобы к автомобилю подойти. Осмотрела его, заглянула в салон через окно, затем рискнула дёрнуть ручку. Машина оказалась заперта. Зато за дворником увидела записку. Как же ей не хотелось её читать, кто бы знал. И возвращённая машина радостью совсем не была. Алёна предпочла бы её больше не видеть. Мысленно уже с ней простилась, как раз сегодня вечером собиралась позвонить Дусе и сознаться в своём ротозействе, заодно совета попросить, как поступить дальше и куда заявить о пропаже, и вот, пожалуйста. Сюрприз...

«Машина на ходу, ключи в почтовом ящике. Привет из Марьяново», было написано на небольшом листке. Без конкретной подписи. Но Алёна была уверена, что это Фёдор побеспокоился. Замечательно, он знает, где она живёт.

Ключи на самом деле оказались в почтовом ящике. Алёна их забрала, заодно и кипу рекламных газет и проспектов. Замерла в сомнении на площадке между этажами, после чего сплюнула с досады и заторопилась вверх по лестнице, снова в квартиру. Газеты были брошены прямо на пол в прихожей, а она сама прошла на кухню, приподнялась на цыпочки перед высоким под потолок холодильником и пошарила наверху рукой. Телефон лежал на месте. А ведь она поклялась, что забудет об этом неприятном факте в своей биографии, о воровстве.

Хотя, это и не воровство совсем, это так... необходимость. Она им даже не воспользовалась!

Наверное, именно это она Фёдору и скажет. Наверняка, в записной книжке есть номер, с которого она сможет на него выйти. Позвонит, поблагодарит за машину, за беспокойство, покается за одолженный телефон... И, возможно, всё обойдётся. Ссориться с этими опасными типами из Марьяново, в камуфляже и с оружием, как-то не хочется. Потом будешь полжизни ходить по улице и оглядываться.

— Серёж, ты можешь телефон разблокировать?

— Ты телефон заблокировала?

— Не я. — Алёна присела за свой рабочий стол, делала вид, что чрезвычайно занята подготовкой к рабочему процессу, компьютер включала, бумаги перекладывала, а на самом деле всячески избегала прямого взгляда Бурдовского. — Нашла телефон во дворе, хотела хозяину позвонить, а он заблокирован. Можно с этим что-то сделать?

— Себе оставь, — предложила Оксана, вынув на минутку изо рта леденец на палочке. Кстати, она обожала всю эту детскую дрянь. Постоянно что-то сосала или жевала. Её стол был завален яркими обёртками.

Алёна осуждающе на неё взглянула.

— Зачем мне чужой телефон? У меня свой есть.

— А, может, этот лучше!

— Оксана, перестань.

— Я вот никогда мобильные не находила, а все кругом находят. Странно.

— Давай посмотрю, — предложил Серёга, и Алёна, с некоторой неохотой и опаской, но всё-таки протянула ему телефон. Правда, результата никакого не последовало, Бурдовский проделал с ним ровно то, что и Алёна вчера утром, затем нахмурил лоб и посоветовал:

— Отнеси Мишке Иванову в техотдел. Он разбирается.

— Да? Хорошо, отнесу. — И из-за стола поспешно поднялась.

— Ты сейчас пойдёшь?

— А что?

— Да ничего. Просто ты странная, нервная какая-то. Что-то случилось?

— У меня проблемы с машиной, — сказала Алёна, даже для себя до конца не определившись — правда это или ложь. Вчера, когда машина была потеряна, казалось, что проблем никаких нет, а сегодня, получив автомобиль целеньким, на ходу и чистым, проблем выявился целый ворох. Парадокс.

Телефон пришлось оставить Иванову. Так сразу он ничего сделать не смог, но пообещал помочь. Алёна его поблагодарила, хотя оставлять аппарат в его руках, без пригляда, почему-то не хотелось. Но делать нечего, пришлось ещё раз поблагодарить, и из техотдела выйти. Постояла в коридоре, затем подошла к окну, вспомнив, что отсюда отлично видна стоянка, и нашла взглядом свой автомобиль. Почему-то хотелось на него смотреть. Будто в нём ещё какое-то послание для неё зашифровано, просто она ещё не до конца разобралась.

Ближе к обеду позвонила Самохина.

— Записывай номер телефона и имя. Ты пишешь?

Алёна развернулась на стуле, придвинула к себе блок для записи и схватила карандаш.

— Пишу, пишу.

— Никодимов Борис Африканович.

Алёна невольно фыркнула.

— Чего?

— Чего, чего, Золотарёва! Африканович. Папа у него был — Африкан. Не вздумай заржать, когда с ним общаться будешь, дядька серьёзный.

— Бог ты мой... Ладно, давай номер.

Ленка продиктовала номер и начала объяснять:

— Он в архиве работает. Доктор исторических наук, жутко занудный, но знает, кажется, каждую бумажку. И с Марьяново тебе поможет.

— Что мне ему принести? Коньяк, виски?

— С ума сошла? Говорю же, дядька серьёзный.

— Денег, что ли, дать?

Самохина неопределённо промычала, после чего сказала:

— Не знаю, если честно. Намекнёт — дашь, но, думаю, он будет рад свободным ушам, и только. Так что, наберись терпения.

— Ладно, Лен, спасибо огромное.

— Мякни, когда статья выйдет. Я почитаю.

Алёна вздохнула.

— Если выйдет. Ты же знаешь Рыбникова. Он губитель моего вдохновения.

Ленка посмеялась и отключилась, а Алёна тут же набрала номер Африканыча. Первый раз такое отчество слышала.

Но Борис Африканович на самом деле оказался дядькой серьёзным. Внимательно её выслушал, не перебивая, и молчал после долго, Алёна уже успела махнуть на всё рукой, от повисшей неловкости вставляя одно лишнее слово за другим, но затем ей благосклонно разрешили приехать в архив, чтобы обсудить всё лично.

— Только скажите, что именно вас интересует, — попросил историк.

— Наверное, записи рождения за начало прошлого века. Это возможно?

Никодимов замялся.

— Для этого вам потребуется специальное разрешение. Но я подумаю, что можно будет сделать.

— Замечательно. Спасибо большое, Борис... Африканович.

— Алён, обедать пойдёшь? — спросил, заглянувший в кабинет Бурдовский.

— Пойду.

До встречи с Никодимовым оставалось полтора часа. Как раз достаточно, чтобы съесть салат и булку с чаем.

— Знаешь, за что я тебя люблю, Золотарёва? — спросил Серёга, уплетая столовский борщ. Алёна остановила на нём взгляд и удивлённо вздёрнула брови.

— А ты меня любишь?

— Образно говоря.

— А-а... И за что?

— За то, что ты любишь поесть.

Алёна замерла, перестала жевать булку.

— Вот спасибо. По-твоему, я обжора?

— Нет. Ты просто любишь поесть. И при этом вот такая, — Серёжка показал ей свой мизинец.

— У меня обмен веществ хороший, — угрюмо проговорила Алёна, совершенно не проникнувшись намёком на комплимент с его стороны.

— Я про то и говорю. С тобой приятно в ресторан ходить. Правда, дорого.

Алёна под столом его от души пнула, а Бурдовский засмеялся.

— Ты никогда меня в ресторан не приглашал, так что не жалуйся. А теперь даже если пригласишь — не пойду.

— Ладно, ладно. Ешь булку.

Алёна посверлила его взглядом, после чего откусила от калача, размером с луну. Кругом неприятные личности, только и ждут, когда гадость сказать.

На стоянке не повезло, попалась на глаза Рыбникову. Тот стоял у своего новенького «Лексуса», был занят своим телефоном, но Алёну всё равно заметил. Складывалось ощущение, что у него внутри магнит на неё настроен, в какую бы сторону Алёна от него не поворачивала, Пётр Алексеевич тут же поворачивался следом.

— Ты куда? — строго спросил он.

От его тона захотелось ему по-военному козырнуть.

— По делу. По поводу статьи, — заверила его Алёна.

— Про фестиваль?

Бодро покивала.

— Да, поеду, осмотрюсь, там декорации выставляют.

Рыбников устремил на неё въедливый взгляд, поджал губы, но затем кивнул. Но всё же не удержался и погрозил пальцем.

— Смотри у меня.

— Я смотрю, Пётр Алексеевич, — заверила его Алёна и поторопилась сесть в машину.

Архив краеведческого музея располагался... скажем так, не слишком удобно. Далеко не в центре. Как сказал бы добрый Бурдовский: в попе мира. Самая окраина города, здания все старые, как раз той эпохи, что Алёну интересовала, некогда статные, а сейчас медленно разваливающиеся. Красный кирпич на фасаде крошился и облетал, окна в старых деревянных рамах смотрелись чёрными пыльными дырами, зато двери везде новые, железные, напоминающие сейфовые. Что выглядело странно и чуждо. К чему такие двери, если можно пихнуть рукой окно рядом, и оно вылетит. Но вывески тоже новые, радующие глаз, с золотыми

буквами. И если сам Краснодевичий переулок Алёна искала долго, катаясь туда-сюда по ухабистой дороге, то здание архива, благодаря вывеске, нашла тут же. Припарковалась рядом, вошла в тёмный, мрачный холл, ощутила влажную прохладу, исходящую от каменных стен и поёжилась.

— Я вас слушаю, — сказал то ли охранник, то ли консьерж в стёганом жилете.

— Здравствуйте, я договаривалась о встрече с Борисом Африкановичем.

Мужчина равнодушно кивнул.

— Он предупреждал. Проходите, поднимайтесь на второй этаж. Вторая дверь налево.

— Спасибо, — пропела Алёна и едва ли не бегом заторопилась на второй этаж по широкой лестнице.

Борис Африканович Никодимов оказался очень серьёзным мужчиной ростом чуть выше английского бульдога. Маленький, лысенький, щуплый, зато с невероятными интонациями в голосе, как будто всё на свете зависело именно от него. На его голос Алёна обратила внимание ещё когда по телефону с ним разговаривала, и нарисовала себе в воображении седовласого профессора солидной комплекции, а в реальности всё оказалось куда удивительнее. И голос, и отчество создавали явное противоречие с внешностью Никодимова. Что его совершенно не смущало, и стоило Алёне войти в его кабинет и представиться, он тут же взял её в оборот.

— О Марьянове можно много говорить. Очень интересное место!

— Правда? — Алёна плюхнулась на свободный стул и приготовилась слушать. Обратила внимание на то, что Никодимов лично её удостоил лишь беглым, абсолютно равнодушным взглядом, зато, когда заговорил об истории, глаза у него загорелись. Он встал из-за стола, став при этом лишь немного выше, и принялся ходить по забитому мебелью и бумагами кабинету, время от времени взмахивая руками.

— Я лично никогда этой темой всерьёз не занимался, хотя мысль такая была. Но в то время усадьба была заброшена, однажды мы со студентами дошли до дома, это был настоящий поход. Но там были настоящие заросли, дом разваливался и плохо пах. Кажется, там даже обретались бомжи.

— Бомжи? — Алёна вспомнила дом, великолепное крыльцо, и никак не могла представить полную запущенность и заброшенность. Но так было, между прочим, совсем недавно.

Никодимов закивал.

— Да, да. Там было неприятно находиться. Но это было в конце девяностых, больше я там не был, и от работы по этой теме отказался. Я тогда собирался защищать диссертацию. А сейчас это частная территория.

— Об этом я знаю. Я там была недавно.

Борис Африканович остановился и уставился на неё.

— Правда? Что вы там делали?

Алёна посмотрела за окно.

— Я была там по работе. Я же журналист.

— Ах, да. И как дом?

Она улыбнулась.

— Великолепен.

Никодимов ненадолго призадумался, видимо, стараясь решить что-то для себя. После чего кивнул в сторону и вернулся за стол.

— Что ж, наверное, так лучше. Пусть частная территория, но зато дом привели в порядок. Жаль, что туда не допустили нас. Возможно, мы бы смогли узнать что-то новое... А они просто всё отреставрировали.

В его голосе прозвучала неподдельная печаль. Алёна наблюдала за расстроенным

маленьким профессором, и, в итоге, рискнула предложить:

— Может, вам стоит обратиться к новым хозяевам? Возможно, они позволят осмотреть территорию.

Никодимов рассеянно покивал, и, кажется, улетал в своих мыслях всё дальше и дальше.

— Возможно, возможно.

Алёна кашлянула, привлекая его внимание. Борис Африканович моргнул, его взгляд переместился к её лицу, и Никодимов более осознанно заинтересовался:

— Так что именно вас интересует?

— Всё, — ответственно заявила Алёна. — Дом, усадьба... хозяева. Но больше меня интересует всё, что касается начала прошлого века. Как они пережили революцию, кто не пережил. Предки Кривовязовых — Ставровых. Возможно, кто-то до сих пор живёт поблизости. Я бы с ними встретилась.

— Ох, девушка...

— Я видела фотографии дома на сайте архива. У вас есть подлинники?

— Конечно, есть. Но они все в закрытом доступе. Из-за их старости и ветхости. Мы, знаете ли, делаем всё, чтобы сохранить историю. А усадьба Марьяново, не смотря ни на что, является исторической жемчужиной нашей области. Единственный уцелевший дом, по-настоящему уцелевший. По области всего три усадьбы царских времён, каждая по-своему ценна и уникальна, но дома там полностью перестроены. Есть планы, макеты, фотографии, раскопки производились, воспоминания собирались по крохам и записывались. Никого из очевидцев уже не осталось. И поэтому Марьяново уникально. Но владельцы...

— Что вы думаете про Кострова? — спросила Алёна в лоб.

Никодимов сдвинул брови.

— Про Кострова?

— Он заявляет, что он прямой потомок владельцев усадьбы. Это правда?

Борис Африканович побарабанил короткими пальцами по столу.

— Почему нет? Насчёт прямого я бы зарок не дал, но то, что правнук, одна из ветвей семейства...

— Но это как-то можно проследить? По архивным записям?

— Это трудоёмкий процесс.

— Я понимаю. Но разве вам самому не интересно? Установить истину?

— А что это изменит? Усадьба продана.

— Говорят, что уже перепродана.

— Правда? — Никодимов, не скрываясь, вздохнул. — Что ж, «о времена, о нравы»...

— А я могу сама посмотреть документы? Я хочу написать об усадьбе.

— Об усадьбе или о Кострове?

Такого провокационного вопроса Алёна от него не ожидала, и в первый момент растерялась, а Борис Африканович ещё и смотрел на неё пытливо и с умыслом.

— Обо всём, — сказала ему Алёна. — Я хочу написать обо всём.

Никодимов потёр подбородок.

— Я не обещаю вам закрытых документов, но если вас интересует сама усадьба, то смогу с этим помочь. Документов уйма. А уж что вы среди них в итоге найдёте... кто знает.

Наверное, это стоило расценивать, как удачное завершение разговора. Поэтому Алёна кивнула и благодарно улыбнулась.

— Когда можно это сделать?

— Я вам позвоню.

— Спасибо. Очень вам благодарна.

Но на этом визит в музейный архив не закончился. Борис Африканович решил провести для неё ознакомительную экскурсию, и следующие сорок минут Алёна терпеливо слушала его лекцию об усадьбах области. Её даже провели в другой кабинет, более просторный, и показали отсканированные снимки старых фотографий. На каждой были дома, на некоторых люди. Алёна неожиданно для себя заинтересовалась, слушала про Ерофеево, про Боярово и Скудлово, и даже про Марьяново ей профессор немного рассказал.

— Вот на этих снимках очень хорошо виден дом. Только сбоку. Вот левое крыло и кухня. Здесь жила обслуга.

Да, именно в этой кухне ещё позавчера Алёна и пила чай.

— А это фотографии, которые музеем пожертвовали жители деревни. Культурной ценности они не представляют, чьи-то дальние родственники, но зато, видите, на этой отлично видна дорога на Марьяново и двуколка.

— Какой это год?

— Пятнадцатый. Незадолго до революции.

— Удивительные ощущения.

Борис Африканович кинул на неё любопытный взгляд, после чего согласился.

— Да, удивительные.

— Может, там и клад какой зарыт?

Профессор сдержанно улыбнулся.

— Не слышал. Ставровы были зажиточными, как сейчас бы сказали, состоятельными, но чтобы клады зарывать? Знаю только, что когда пришли большевики, всё более-менее ценное из дома было вывезено.

— Значит, Ставровы успели уехать?

— Из усадьбы — да. А уж как сложилась их судьба дальше, никто не знает. Возможно, смогли выбраться из страны, возможно, нет. На момент революции у Ставрова Кузьмы Афанасьевича было пятеро детей. Трое сыновей и две дочери. Их фотографию вы как раз и могли видеть на сайте архива. Из пятерых детей известна судьба только двоих. Старший сын был расстрелян в восемнадцатом году большевиками, а младшая дочь, ей тогда едва исполнилось семнадцать, была отправлена отцом к родственникам в Саратов. Уж что с ней стало там, установить не удалось, к сожалению.

— А остальные?

Борис Африканович пожал плечами.

— Возможно, Костров и имеет к ним отношение. Кто знает. Времена были смутные. Могли поменять фамилию, старшая сестра могла выйти замуж, могли уехать из губернии, а позже вернуться. Вряд ли возможно установить доподлинно. Говорить о своих родственных связях было опасно.

И, надо думать, именно этим Андрей Константинович в своё время и воспользовался.

— Я знаю, что он родился в Марьяново. В деревне. Второй дом от дороги, — заучено повторила она. — Это ведь может помочь?

— Точный адрес знаете?

— Нет. Но узнаю.

— Тогда встретимся и поговорим.

В ответ на это обещание, Алёна широко улыбнулась, а профессору протянула руку.

— Спасибо вам большое, Борис Африканович. Мне было очень интересно.

— История она, вообще, такая, интересная, — вроде бы пошутил он, и на этом они распрощались.

Конечно, по-хорошему, не мешало бы самой съездить в Марьяново, в деревню, в смысле, и

поговорить с жителями. Зайти в тот дом, осторожно поспрашивать, вдруг всплывёт что-нибудь интересное. Но с другой стороны, возможно, тот дом, второй от дороги, до сих пор принадлежит Кострову или его родственникам, и тогда о её интересе быстро станет известно. И что она тогда найдёт на своём пороге, не считая машины, большой вопрос.

В редакции ей ещё в коридоре сообщили, что её искал Мишка Иванов. Признаться, за всеми этими историческими изысканиями, Алёна о телефоне Фёдора успела позабыть. А тут понеслась в техотдел.

— Ну что, получилось? — спросила она с порога.

— Пришлось постараться, но я его взломал.

— С меня шоколадка.

Мишка поднял на лоб очки и посмотрел на неё, Алёна тут же сдалась под его взглядом.

— Хорошо, хорошо, банка кофе.

— То-то же. — Он положил перед ней телефон. — Держи. Я его даже подзарядил малёк, а то грозил вот-вот сдохнуть.

— Миша, ты супер-человек.

— Ага, — отозвался тот равнодушно и от Алёны отвернулся.

Смешно, но заставке телефона оказалось фото Роско. Это отчего-то умилило. Чтобы не возвращаться в кабинет, побыть одной, собраться с мыслями и не привлекать внимание своей взволнованной физиономией, Алёна дошла до буфета, устроилась за столиком в самом углу, и пока пила чай, сверлила телефон взглядом. Сеть сим-карта не определяла, видимо, её успели заблокировать, что, в принципе, не удивляло, но информация-то была в телефоне. Открыла записную книжку, пролистала. Потом ещё раз. Список был нескончаемым, но непонятным. Многие мужчины так записывали свои контакты, какими-то только им понятными обозначениями. Но были и имена, а также городской номер с указанием «Марьяново». Вот по нему и следовало позвонить.

— Алёна, ты что так хмуришься? — спросила её буфетчица, которая подошла, чтобы протереть соседние столы.

— Да так, Ирина Петровна, дела да заботы.

— Съешь котлетку, легче станет.

Алёна на буфетчицу посмотрела, встретила открытую улыбку, потом головой качнула.

— Нет, боюсь, в этот раз не поможет.

Думается, что Фёдор ей весь аппетит сейчас отобьёт.

К телефону долго никто не подходил. Алёна даже сбросила вызов и набрала снова. И вот тогда уже услышала мужской голос, отрывистый, неприятный и незнакомый. Кашлянула в сторону.

— Здравствуйте. Это Марьяново?

— Марьяново.

— А я могу поговорить с Фёдором?

— С кем?

— С Фёдором, — уже не так уверенно повторила Алёна, а в голове мелькнула мысль, что сторожа вполне могли уволить, если узнали, что она сначала влезла на территорию, а потом от него сбежала.

А мужчина на другом конце провода спросил у кого-то в сторону:

— А кто у нас Фёдор?

Алёна старательно прислушивалась. В трубке наметился шорох, потом её попросили подождать, а спустя короткий промежуток времени в трубке послышался знакомый голос.

— Слушаю.

Вот после этого «слушаю», у неё мороз по коже пошёл. Из головы вылетели все мысли, растерялись все слова, и припомнился тот поцелуй, который и поцелуем-то назвать было нельзя. Она от него в ночь сбежала.

Выдохнула и сказала первое, что в голову пришло:

— Спасибо за машину.

Пауза, затем смешок.

— Привет, привет, солнышко. Я уж не чаял тебя услышать.

— Я позвонила только «спасибо» сказать.

— Это очень мило с твоей стороны.

— Не слишком. Как вы узнали, где я живу?

— А это не я. Для этого существуют другие люди.

Алёна невольно насторожилась.

— Какие люди?

— Которые умеют искать беглянок. Как машина, бегают?

— Да.

— Ну и замечательно.

— А что за люди? — Ей не давал покоя этот вопрос.

— Алёна, не задавай глупых вопросов. Ты же журналист. Опытный.

Она обиделась.

— Совсем не обязательно надо мной смеяться.

— А кто смеётся? Смелась ты вполне профессионально. Мы только все ахнули.

— Кто все?

Фёдор, кажется, вздохнул.

— С тобой трудно разговаривать, когда тебе чувство юмора отказывает. Так ты звонишь поблагодарить?

— Да.

— И спросить ничего не хочешь? — Он откровенно посмеивался.

— Нет. Я... извиниться хотела.

— Да я уже простил. Сбежала на самом интересном месте.

— Я не об этом! Я о телефоне.

— Каком телефоне?

— Твоём. Извини, что я его взяла у тебя из кармана. Но мне нужно было вызвать такси, а мой был разряжен. Но я, честно, им не пользовалась. Он же запаролен был. Я просто сейчас позвонила, чтобы извиниться и... Я могу его передать... как-то.

В трубке повисла тишина. Затем Фёдор без всякой игривости в голосе переспросил:

— Ты его разблокировала? Как?

— Знакомого попросила... Фёдор, я могу переслать вам его с курьером. Или с кем-то из знакомых.

Он молчал. Молчал, и это было странно и всё более неприятно.

— Я думал, я его в лесу потерял, — признался он, наконец.

Чёрт. Можно было не сознаваться. Но кто же знал?

— Ну вот, — притворно воодушевлённо проговорила она, — не потеряли. Это здорово, да?

— И не говори. Я в восторге.

— Так что, как его отправить?

— Не отправляй. Я сам заберу. На днях.

Вот уж счастье.

Алёна неловко кашлянула.

— Сам?

Он, кажется, снова развеселился.

— А что, свожу тебя в кафе, мороженого поесть. Ты любишь мороженое, Алён? — Она молчала, и Фёдор её поддразнил: — Любишь, я уверен.

— Перестань, — попросила она негромко.

— До встречи, красавица. И сделай одолжение, не потеряй мой телефон. Я только обрадоваться успел.

Надо было выкинуть этот телефон, в реку. И не было бы проблем.

— Алёна!

Её окликнули на автостоянке, Алёна, если честно, не в первый момент среагировала. Остановилась у своей машины, повернула голову и тогда уже заметила Артюхова. Удивилась. И насторожилась. Настолько, что позабыла о чужом телефоне, который всё ещё сжимала в руке. Так и не положила его в сумку, дошла до кабинета, забрать свои вещи, потом вышла из здания, и всё ещё сжимала его в ладони. А сейчас, увидев Тараса и вовсе руку за спину спрятала. Потом вспомнила, что надо улыбнуться.

— Привет. Ты вернулся? А говорил, что не раньше пятницы.

Тарас подошёл, улыбнулся ей, хотя это было больше похоже на усмешку. Посмотрел на её машину, взгляд любопытный. А затем уже ответил, причём весьма небрежно:

— Интересной поездки не получилось.

— Правда? Что пошло не так?

— Всё пошло не так.

— Он не приехал?

Этот вопрос был лишним, и Алёна это поняла. Даже заметила, что Артюхов недовольно поморщился.

— Чёрт бы с ним. Не я, так полиция найдёт.

— Это да...

— А ты домой? — Кивнула. — Выпить не хочешь? Или поужинать?

Алёна постаралась незаметно сунуть телефон в карман брюк.

— А ты хочешь меня пригласить?

— Тебе кажется это странным?

Она только плечами пожала, а Тарас рассмеялся и вдруг запросто обнял её за плечи. При этом повёл прочь от её автомобиля.

— Пойдём. После долгого дня иногда просто необходимо расслабиться.

— И часто ты так? — спросила она, привыкая к его руке на своих плечах. Правда, привыкать долго не пришлось, уже спустя минуту она сидела в его машине.

— Что?

— Расслабляешься.

— Бывает. А ты?

Она покачала головой.

— Нет.

— Молодая, красивая девушка не любит развлекаться?

Алёна посмотрела в окно машины. Подумала и призналась:

— Меня воспитывали в строгости.

Артюхов кинул на неё заинтересованный взгляд.

— О, это уже интересно.

— Не слишком.

— Алёна.

Она повернула голову и посмотрела на него.

— Что с тобой сегодня?

Алёна помолчала, раздумывая, что же с ней сегодня. Пришла к выводу, что на самом деле слишком задумчива и улыбаться ей трудно, и даже причину этому выявила довольно быстро — разговор с Фёдором. Может, не стоило ему звонить? Надо было всё-таки выбросить телефон в

мусорку и забыть обо всём.

— Наверное, мне на самом деле нужно отвлечься. В последние дни у меня от работы голова кругом.

— Теперь из-за фестиваля? Солнышко, ты, по-моему, чересчур ответственно подходишь к каждому заданию.

— Не зови меня солнышком, — попросила она.

— Не нравится? — Тарас даже рассмеялся.

А Алёна серьёзно сказала:

— Нет.

В клуб её Тарас не повёз, что Алёну порадовало. Не то настроение было для громкой музыки и чужих зажигательных танцев. Они приехали в ресторан, где их встретил метрдотель, при этом поздоровался с Тарасом за руку и обменялся с ним парой дружественных фраз. Алёна наблюдала за всем этим со стороны, за их улыбками, дружескими похлопываниями по плечу, встретила довольный взгляд Тараса, и в этот момент поймала себя на мысли, что он совсем не такой, каким она его себе представляла. Наблюдая за Артюховым издали, он казался ей очень серьёзным, да, немного заносчивым, но знающим себе цену, а сейчас... на одно мгновение он предстал перед ней мальчишкой, который наслаждается тем, что у него есть. Правда, справедливости ради не надо забывать о том, что всего, что у него есть, он добился сам, за годы работы, несомненно, талантом, и теперь имел полное право выжимать из ситуации максимум пользы для себя. И он отлично знал, как обращаться с женщинами, чем их соблазнять и что обещать. И, наверное, если бы не эта ситуация, связанная с семейством Костровых, в которую Алёна по случайности влезла, она смогла бы оценить происходящее по достоинству, и ей бы в голову не пришло приглядываться к Тарасу столь пристально и придирчиво, она просто наслаждалась бы происходящим. Тем, что её заметил сам Артюхов. Что Тарас, недостижимый и непревзойдённый, кажется, решил поухаживать именно за ней. Пренебрёг своими принципами не заводить отношения на работе, что, конечно же, повергнет в шок всю женскую часть их редакции, и заинтересовался ею — Алёной Золотарёвой. Всенародным бедствием. Но, значит, она красивая? Говорят, некрасивых девушек Тарас попросту не замечает. Наверное, даже о существовании их не знает, его взгляд на них не останавливается.

А у неё в голове чужие телефоны, дурацкие разговоры и грубоватые сторожа. Что ж так всё не вовремя?

Пока мужчины о чём-то легко переговаривались, Алёна повернулась к огромному зеркалу на стене, посмотрела на себя. Придирчиво. Выглядит неплохо, блузка без единого пятнышка и не мятая, не смотря на целый день, проведённый в офисе, причёска несколько небрежна, но волосы вьющиеся, их достаточно лишь немного расчесать пальцами, чтобы они легли, как надо. И помада на губах смотрится свежо, будто только пару минут назад накрасила. Вот только взгляд... несколько тревожный и задумчивый. Пришлось моргнуть пару раз.

— Пойдём за стол. — Тарас обнял её за талию, отводя от зеркала. — Ты голодная?

Алёна без всякого сомнения кивнула.

— Да. — Может, хороший ужин поможет ей расслабиться?

— Вот и замечательно. Здесь отлично готовят.

Правда, за столом они оказались не одни. Алёна увидела уже знакомых ей по клубу приятелей Артюхова, в первый момент растерялась, но затем негромко поздоровалась. На неё кинули слегка удивлённые взгляды, после чего переглянулись с Тарасом, обменялись ухмылками, и на этом всё закончилось. За столом ещё две девушки присутствовали, и поэтому особо долго и всерьёз никто удивляться появлению Алёны не стал. А она села, минутой ко всем приглядывалась, при этом прислушиваясь к себе, но огорчения или досады не почувствовала, и

больше обрадовалась принесённому меню, чем всему вечеру в целом и присутствию Тараса рядом. Чтобы как-то это изменить даже придвинулась к нему, а тот, почувствовав её стремление быть ближе, снова обнял её за плечи.

Зато насчёт хорошей кухни Тарас не соврал. Алёна с удовольствием съела салат, заказала себе мясо по фирменному рецепту и даже десерт. В разговоре за столом не участвовала, на девушек внимания вообще не обращала, только время от времени улыбалась Тарасу, когда тот обращал к ней свой взгляд. А взгляд был весёлый. В какой-то момент он тоже обратил внимание на то, с каким аппетитом она ест, и, видимо, его это развеселило. А Алёна, вздохнув про себя, решила, что Артюхов к такому явно не привык. Все его предыдущие девушки были, наверняка, похожи на тех, что сидели сейчас напротив неё и с воодушевлением глядели на своих кавалеров, а не в тарелки с салатами. Правильно, в их салатах не было ничего интересного и воодушевляющего, кроме зелёных листьев и пары креветок. Зато девушки выглядели воздушными и мечтательными. На их месте Алёна наверняка мечтала бы о мясе. А вот она... в моменты волнения она ест больше, чем обычно. Хотя, и в обычных обстоятельствах она ест с отменным аппетитом, этого у неё не отнять.

— Что-то ты молчишь, золото моё, — сказал Тарас, наблюдая за ней. Девушки из-за их стола только что упорхнули по женским делам, и всё внимание мужчин сосредоточилось на ней.

— Говори, как есть, — попросила она. — Молчу и ем.

Мужчины разулыбались. А Тарас облокотился на спинку маленького дивана, на котором они сидели.

— Кто тебя обидел?

— Никто. Меня не обидишь, я не обидчивая. — Алёна посмотрела на сидящих за столом мужчин, а потом взяла и спросила: — Ты в Марьяново ездил или нет?

Веселья у всех поубавилось. А Артюхов решил изобразить недоумение.

— В Марьяново? А тебя это почему так интересует?

— Потому что это всех интересует.словно есть другие темы для разговора в стране.

— Девочка — журналист, Тарас, а ты забыл.

Артюхов продемонстрировал приятелю кулак, потом к Алёне придвинулся.

— А ты в Марьяново была?

От этого вопроса Алёне захотелось нервно кашлянуть.

— Я? Почему ты спрашиваешь?

— Потому что, если бы была, знала, что там закрытая территория.

— А-а, в этом смысле. Я что-то об этом слышала.

— Вот, а я там был и знаю.

— То есть, там никого нет?

— Кто-то есть. Охрана. — Тарас снисходительно ей улыбнулся, а следующие слова уже были сказаны для приятелей: — Если он умный, сидит сейчас на каком-нибудь острове в Средиземном море и пузо греет.

— А он умный? — вырвалось у Алёны. Этот вопрос вызвал смех у мужчин.

— Это большой вопрос.

— Значит, его здесь нет, — проговорила она намёком на расстройство.

Тарас вдруг по голове её погладил, улыбнулся, заглянув в лицо.

— И чёрт бы с ним.

— Да, от Пашки ничего хорошего ждать не следует.

— Почему?

На неё странно посмотрели, затем предложили:

— Закажи себе мороженое.

Далось им это мороженое. Ей что, пять?

Когда девушки вернулись, стало совсем неинтересно. Начался щебет, мужчины уже выпили достаточно для того, чтобы начать на этот щебет отвлекаться, правда, Тарасу позвонили, и он из-за стола вышел, в один момент посерьёзнев лицом. Алёна проводила его настороженным взглядом, но не бежать же ей за ним? Пришлось остаться за столом, есть уже не хотелось, пить больше двух бокалов Алёна опасалась, и поэтому, удостоверившись, что на неё внимания никто не обращает, достала из кармана чужой телефон. Он попросту прожигал насквозь. Час провела в ресторане, а всё это время думала о телефоне, и обещании Фёдора вскоре лично приехать, чтобы его забрать. Алёна снова полюбовалась на фотографию Роско на экране, потом зашла в меню, заглянула в пару папок. В списке контактов была графа для информации о владельце, но она была пуста. Зато Алёна в очередной раз удивилась длине списка контактных номеров. Пролистала его туда-сюда, из понятного, точнее, не зашифрованного, если можно так назвать сокращения в именах, понятными в основном были женские имена. Это заставило Алёну хмыкнуть. Правда, странно, если вспомнить этого угрюмого, грубоватого субъекта.

Конечно, лазить по чужому телефону неприлично. Это все знают, и она тоже. Алёна себе ещё напомнила об этом, но любопытство пересилило. К тому же, понятно всё равно было мало. Или это не считается оправданием?

Зато в папке с фотографиями её ждал сюрприз. После нескольких фотографий Роско в усадьбе, Алёна увидела снимок ребёнка. Мальчик лет трёх-четырёх, в строгом костюмчике не по годам, аккуратно причёсанный, мрачно смотрел в камеру. Хмурился и кусал губу. За этой фотографией пошли какие-то непонятные, с незнакомыми людьми, никто не стоял на месте, и оттого фотографии казались немного смазанными. Опять Роско, опять смазано... Ого, а вот это практически порнография. Полуголая девица на шезлонге, зазывно улыбается, а грудь у неё явно силиконовая. У девушек худощавой комплекции не бывает такой груди, это попросту противоестественно. Но это не заставка, не фотография, скачанная с интернета, Алёна даже проверила, зашла в Опции и посмотрела: снимок сделан с этого телефона. Весьма занятно.

Тарас вернулся, тяжело опустился на диван, а Алёна дёрнулась от неожиданности, настолько увлеклась чужим телефоном, точнее, тем, что он скрывал. На Артюхова посмотрела, тот выглядел не на шутку озадаченным.

— Что случилось? — спросила она, и этим вопросом привлекла внимание остальных. Все взглянули на Тараса. А тот потёр кулаком подбородок и усмехнулся.

— Кажется, мы поторопились с выводами. Не такой уж он и умный.

Алёна даже рот открыла.

— Он приехал? — Телефон сразу спрятала и отчего-то сглотнула.

— Мало того. Завтра пресс-конференция. У нас, здесь.

Дмитрий присвистнул.

— Ничего себе. Представляю, что завтра будет.

— Но почему здесь, не в Москве?

Тарас плечами пожал, затем поспешил сесть прямо и расправить плечи. Судя по взгляду, мыслями он уже был далеко. И поэтому, когда спустя минуту он предложил уехать, Алёна с готовностью поднялась из-за стола. Ей тоже не сиделось, хотелось бежать куда-то, а ещё лучше, остаться с Тарасом наедине и попробовать задать тому несколько вопросов. Она даже сама за руку его уцепилась, стоило им покинуть зал ресторана.

— Тарас, где будет пресс-конференция?

— В Доме журналистов.

— А я могу пойти?

Он кинул на неё быстрый взгляд, тут же отвернулся и пожал плечами.

— Никто не говорил, что вход закрытый. Что странно.

— Почему?

— Всех контролировать невозможно.

— Значит, он не боится вопросов.

— Вот и говорю, что странно всё.

Артюхов напрочь забыл о галантности, которую проявлял до этого, и даже не подумал открыть для Алёны дверь автомобиля. Правда, она и сама об этом подумала лишь после того, как села на переднее сидение. Сама думать могла только о Кострове, уж точно не о романтике.

— Тарас, а может, ты ошибся? — спросила она, когда Артюхов за руль сел. Он удивлённо посмотрел.

— Ты о чём?

— О Марьяново. Может, он там был? Как ты мог понять это из-за забора? Там до дома больше километра.

Тарас смотрел на неё, даже прищурился.

— А ты откуда знаешь?

Ну, вот, проговорилась.

Потребовалось время, чтобы подобрать верный ответ.

— Я интересовалась.

— Костровым?

— Нет, усадьбой.

— По поводу?

Алёна посмотрела Артюхову в лицо. Надо сказать, что в полумраке автомобильного салона Тарас казался ещё более привлекательным. Строгий профиль, волевой подбородок, взгляд тёмный... который буравил её, требуя продолжения. Чисто профессиональный, журналистский взгляд.

— У меня есть информация, что Андрей Константинович усадьбу приобрел... не совсем честным путём.

— То есть?

Алёна руками развела.

— То есть, купил он её честно, деньги заплатил... По крайней мере, я так думаю. Но то, что касается его родства с прежними хозяевами... Это большой вопрос.

Тарас молчал и думал. Затем спросил:

— Откуда информация?

— Её надо проверять, — призналась Алёна. — Но не верить тоже повода не вижу. Вообще, кто-нибудь проверял архивные записи?

Тарас голову на бок чуть склонил, разглядывая Алёну. Затем растянул губы в широкой улыбке.

— А ты проверяла?

Алёна под его пронизывающим взглядом попыталась сдвинуться на сидении назад, но Артюхов руку протянул и решительно придвинул её обратно, даже ближе. Алёна оказалась с ним нос к носу. Отклонила голову назад.

— Тарас...

— Ты проверяла?

Голову откинула, чтобы с ним взглядом не встречаться.

— Это не так быстро. Нужно время. К тому же, так запросто в архив не допускают, нужно разрешение... — У неё горло нервно дёрнулось, когда Артюхов прижался губами к её шее.

Проложил дорожку из поцелуев, и через секунду уже целовал её в губы. Причём, целовал с

пылом и со знанием дела, когда отстранился, Алёне показалось, что она забыла, как дышать. А Тарас разглядывал её с удовольствием, по щеке погладил. И на удивление деловитым тоном продолжил:

— Значит, так. Подумай, что ты знаешь об этой истории. Собери всё воедино и составь несколько вопросов.

— Зачем? Тарас, — Алёна быстро облизала губы, — пока рано. Надо всё выяснить...

— Алёна, ты просто не понимаешь. Всё нужно делать в своё время. Пока ты будешь выяснять, это станет историей. А ты не историк, ты журналист. Поэтому слушай меня, хорошо?

Мозг был ещё затуманен, поэтому пришлось качнуть головой. Правда, почти тут же опомнилась и кивнула. Тарас же продолжил:

— Вопросы должны быть чёткими. Ни у кого не должно возникнуть даже мысли, что информация не проверена. Ты её проверила, ты уверена, и пусть он отвечает.

— Кто?

— Костров. Алёна, соберись.

Она сглотнула.

— Да, я... слушаю.

— Завтра будет представление. Если он сам собирает пресс-конференцию, значит, он всё спланировал, такой уж Пашка человек. Он уверен в вопросах и ответах. И его нужно будет в какой-то момент сбить с толка. И ты это сделаешь.

— Я?! Тарас, может, ты сам?

— Нет. У меня своих вопросов к нему целый список. А ты отступишь от темы. Ты начнёшь новую. Ещё один камень в огород Костровых. Разве плохо? — Он пальцем приподнял ей подбородок, заглянул в глаза и проникновенно улыбнулся. — С этого начнётся твоя карьера.

Она выдохнула. Тарас снова полез целоваться, а Алёна настолько была переполнена сомнениями и раздумьями, что не могла ни ответить ему с желанием, ни удовольствие получить. А могла бы, в конце концов, её целовал красивый мужчина, о котором она довольно долго если не грезила, то думала.

Тарас довёз её до дома, и, судя по всему, планировал зайти в гости, особенно его планы стали понятны после последнего поцелуя, но Алёна вдруг поняла, что к приёму... такого важного гостя не готова.

— Мне надо подумать, — проговорила она ему в губы и отодвинулась. Торопливо пригладила волосы, вытерла губы, кинула на Артюхова выразительный взгляд, и тогда уже дёрнула ручку двери.

Тарас голову опустил и вздохнул, правда, попытался воззвать к её жалости.

— Алёна!

— Позвони мне утром, — попросила она. Из машины вышла, и, не оглядываясь, кинулась к подъезду.

Составить список вопросов... Вспомнить всё, до мелочей, что знает об этом, и составить список каверзных вопросов для самого Кострова. А что она, вообще, знает? Да ничего! Фёдор между делом поделился своими умозаключениями. А есть ли у него, вообще, ум — большой вопрос. И зачем она рассказала Тарасу? Хотела заявить о своей значимости, проникнуть на завтрашнюю конференцию, увидеть своими глазами «хозяина» и, наконец, в полной мере оценить происходящее. Во что ей помогло влезть и чего счастливо избежать.

Да завтра в Доме журналистов будут все! Причём, местных журналистов будет куда меньше. За ночь из Москвы понаедет целая толпа. Успешных, пронырливых, талантливых... И у каждого будут свои вопросы. А Тарас хочет, чтобы она повернула всё внимание на себя. На новую афёру, которую когда-то провернул Костров-старший. А младший, значит, должен будет за всё это

ответить. Чисто по-человечески ей его жаль.

Утром, прежде чем Артюхов успел ей позвонить, это сделал Серёга Бурдовский, и таким же взволнованным голосом проговорил в трубку:

— Золотце, ты слышала, что в городе-то творится?

— Слышала, — ответила она без всяких признаков воодушевления. К утру вопросы (словно их могло быть слишком много) в голове сформировались, но спокойнее от этого не стало. Алёна сильно сомневалась в целесообразности своего предполагаемого поступка, но в то же время понимала, что пропустить событие, скорее всего, года, не может. Что ещё столь же интересное и шумное у них произойти может? Она обязана быть в Доме журналистов и всё увидеть своими глазами и услышать своими ушами.

— Ты пойдёшь?

— Конечно. А ты нет?

— Ты что, я не пропущу.

— Вот-вот.

— Но кто бы мог подумать? Что всё разрешится у нас, под носом. Такая удача случается редко.

— Нам-то с тобой что, с той удачи, — невесело проговорила Алёна.

— Но интересно же!

— Интересно ему, — пробормотала Алёна, отключив телефон. Стояла у кухонного окна, смотрела во двор, потом вспомнила про остывающий кофе. Заодно со стола и телефон чужой забрала. Вчера ночью, оказавшись дома и пребывая в серьёзных раздумьях, чтобы отвлечься, снова просмотрела фотографии. Вообще-то, пыталась найти на снимках хозяина телефона. Хоть на одном, но Фёдора не было. Зато ещё поразглядывала роковую красотку на шезлонге, после чего пренебрежительно фыркнула. Всё-таки вкус мужчины понятен по одному-единственному выбору. Вот на что его глаз лет в семнадцать лёг, с этим ему и жить. Интересно только, где сейчас эта красавица, раз Фёдор в Марьянове один, как сыч живёт. Точнее, не один, с Роско.

Но тот факт, что она постоянно о нём вспоминает, сбиваясь с важного, злит и даже обескураживает. И его обещание появиться, отчего-то волнует. Нет, не в том волнительном романтическом смысле, о чём вообще речь? Она просто не хочет с ним больше встречаться. И, вообще, их встречу представляет довольно смутно. Что она ему скажет, увидев? Вновь извинится за кражу? Вряд ли даже улыбнуться удастся.

— Ты готова? — без всякого «здравствуй» поинтересовался Тарас, позвонив, как только подъехал.

— Конечно. — Алёна даже удивилась подобному вопросу. Возможно, она порой и задерживается, а иногда даже опаздывает на работу, но не в такой день и не на такие мероприятия. Хотя, что скрывать, нервы были натянуты до предела. Правда, спустившись вниз и оказавшись в машине Артюхова, не преминула сообщить: — Я бы ни за что не опоздала.

— Вот и замечательно, — отозвался Тарас, даже не взглянув на неё, между прочим. Выглядел занятым своими мыслями, глаза за стёклами тёмных очков прятал, жвачку жевал, а как только Алёна захлопнула дверь автомобиля, тот тут же тронулся с места. — Что с вопросами?

Вздохнула.

— Что спросить я знаю.

— Озвучь.

— Не хочу, — вдруг заупрямилась она, и на Тараса взглянула весьма выразительно. — Я не глупая, Тарас, и не зелёная. Я сама всё знаю. И понимаю.

Он оценил степень серьёзности в её голосе и усмехнулся.

— Трусись?

— Просто понимаю, что может начаться. Дело ведь не в усадьбе.

— Не в усадьбе, — согласился Артюхов.

— Всё только больше закручивается.

— А разве нам не это нужно? Мы с тобой журналисты, золотце. Это наш хлеб. Закручивать, а потом раскручивать.

Алёна помолчала, потом откинула козырёк от солнца, посмотрела в прикреплённое к нему зеркало, облизала накрашенные губы. Вдруг вспомнила:

— Моя машина осталась у редакции.

— Я потом тебя отвезу. Всё равно надо будет с Рыбниковым переговорить.

— А он будет на пресс-конференции?

— Ещё бы. Там народа будет тьма. Кто такое пропустит?

Странно. Дело серьёзное, за ним стоит смерть человека, и не важно, хорошим он был или плохим, за всем этим стоит уголовное и политическое расследование, а все ожидают представления, спектакля, едва ли не циркового. И она в том числе. Надеется получить свою выгоду, урвать хоть маленькую, но частичку удачи, на чужом несчастье построить что-то своё, и успокаивает себя только тем, что лично не знает никого из главных участников, и их одобрения или неодобрения не боится. Как Тарас говорит себе, что это работа. Лишь работа, которую она любит и которую выбрала.

Перед Домом журналистов даже припарковаться не удалось. Довольно просторная парковка была забита, в переулках машины, на соседних улицах машины, повсюду снуют журналисты, с камерами и фото-аппаратурой. Кто-то уже записывает сюжеты и выбирает лучший ракурс. Алёна оглядывалась, наблюдая за происходящим, пока дожидалась, что Тарас её догонит.

— Москвичи, — сказала она ему, когда Артюхов подошёл. Даже кивком указала на логотип федерального канала на боку одного из микроавтобусов.

— Вижу. — Едва ощутимо подтолкнул её вперёд. — Сядешь здесь, — сказал он, когда они оказались в жужжащем, как улей, зале. Указал рукой на один из последних рядов.

— А ты?

Тарас улыбнулся ей.

— А я во втором, с Рыбниковым.

Алёне оставалось лишь кивнуть.

— Хорошо.

Тарас повернулся к ней лицом, на минуту отгораживая её от людей своей спиной. Поймал взгляд Алёны и негромко и наставительно заговорил:

— Следи за ходом вопросов. Вперёд не лезь, дождись подходящего момента. Когда почувствуешь, что ажиотаж на убыль пошёл, тогда наступит твоё время.

Алёна слегка хмурилась, потом даже лоб потёрла, а Тарас, видимо, решив, что она сомневается, коснулся пальцем её подбородка. Чуть приподнял, Алёне пришлось посмотреть ему в лицо, а Артюхов сказал:

— Смотри на меня, — решил он, — я подам тебе знак.

Она оттолкнула его руку.

— Это всего лишь усадьба, — вырвалось у неё. — Кого это волнует, кроме нас с тобой?

Алёна направилась мимо него к проходу между рядами, а Тарас сказал ей в спину, с явным смешком:

— Это национальное достояние, детка.

Что ж, в этом он прав. Национальное достояние, разбазаривать которое так запросто не стоит.

Кому-то нужно встать на страже этих самых интересов. Кажется, это легло на её плечи. Не

зря же она ездила в Марьяново и скиталась под дождём?

Появления Кострова пришлось подождать. В зале собралось человек двести, все с нетерпением ждали обещанного шоу, полиция стояла в дверях. И это была не охрана Дома журналистов, это была именно полиция, в первом ряду сидели люди при погонах, и явно приехавшие из столицы. А московские телевизионщики были особенно преисполнены важности и солидности, они переговаривались между собой, больше ни на кого не обращая внимания. На сцене впереди был установлен стол с микрофонами, несколько стульев, Алёне даже интересно стало, кто там ещё кроме Кострова-младшего сидеть будет. Неужели вместе с ним приедет Регина Ковалец, решит вступить за пасынка?

— Задерживаются, — сказал кто-то рядом. Алёна голову повернула, посмотрела в ту сторону. Через два кресла от неё сидел полный мужчина хмурого вида и без конца протирал лоб носовым платком.

— Никогда вовремя не начинают, — равнодушно ответила ему девушка из соседнего ряда, не поднимая глаз от экрана своего планшета. — Кто же спешит каяться прилюдно?

— Может, он не будет каяться?

— Думаете, нас позвали, чтобы коллективно послать всех в одно интересное место? — посмеялся молодой мужчина прямо за спиной Алёны.

Девушка усмехнулась.

— Я готова была приехать сюда только ради того, чтобы на него посмотреть.

— Мы все сюда за этим приехали.

— Алёна! — Бурдовский помахал ей рукой с лестницы. Алёна тоже ему рукой махнула, про себя удивившись тому, что Серёжка просто сияет от непонятного счастья.

Бурдовскому места уже не досталось, и он остался стоять в проходе, привалившись плечом к стене. Он не собирался ничего снимать или записывать, он пришёл просто посмотреть, чтобы не пропустить событие года. Как и половина присутствующих, кстати. Алёна в этом не сомневалась.

А потом в зале вдруг стало тише. Ещё секунду назад люди говорили, общались, обсуждали предстоящее, казалось, что от их разговоров даже воздух вибрировал, а потом стало тихо. Замолчали первые ряды, увидев появившихся на сцене людей, и эта тишина потекла вверх, к последним рядам, люди замолкали, оборачивались и начали садиться на свои места. Алёна тоже дыхание затаила. Во все глаза смотрела на сцену, хотя ничего особо интересного там и не происходило. Появился мужчина в возрасте, в первый момент остановился, глядя на людей в зале, и смотрел он как-то неодобрительно. За ним появилась женщина в светлом деловом костюме, прошла к столу, стуча каблуками по деревянному полу сцены, ей до журналистов, кажется, никакого дела не было. Она за стол села и принялась раскладывать какие-то бумаги. Потом микрофоны проверила, стукнув по каждому пальцем. А затем неожиданно поздоровалась со всеми.

— Всем добрый день. Извините за задержку. Павел Андреевич вот-вот появится.

К ней подошёл мужчина, тоже сел, а после закрыл свой микрофон ладонью и что-то принялся говорить женщине. Всё это походило на подготовку к ежегодной пресс-конференции президента.

А потом он появился. Алёна всё это время не сводила глаз с кулис, и поэтому сразу заметила вновь прибывших. Двое мужчин в костюмах, для начала она видела только их спины, они, кажется, о чём-то разговаривали, а потом один всё же вышел на всеобщее обозрение. В зал не взглянул, твёрдым шагом направился к столу, только нетерпеливым жестом расстегнул пиджак дорогого костюма, а когда сел, откинул назад полы. И в кожаное кресло, единственное у стола, сел с царским видом, откинулся на спинку и распрямил под столом левую

ногу. Наверное, никто, кроме Алёны, этого не заметил, это было осторожное, не привлекающее внимания движение, а вот она смотрела во все глаза. Потом сглотнула. Признаться, она не сразу его узнала. Да и как его было узнать? Он избавился от своей небритости, был тщательно причёсан, одет в дорогой костюм, а когда шёл по сцене, даже не хромал. Но это был Фёдор, никакого сомнения. Когда он сел, откинулся на кресле, перевёл взгляд в зал и у него пренебрежительно скривились губы, Алёне захотелось зажмуриться. И она зажмурилась. На секунду, ничего не могла с собой поделать. Это был серьёзный удар, под дых, у неё на самом деле пропало дыхание. Нужно было найти точку опоры, чтобы взять себя в руки.

А пока она приходила в себя и пыталась осмыслить случившееся, в зале с бешеным стрекотом защёлкали затворы фотоаппаратов. Все снимали Кострова, наверное, впервые. Сколько людей до этого момента знали, как он выглядит?

— Как вас много, оказывается, любопытных, — послышался хриловатый голос, не удивлённый, скорее усталый.

Женщина рядом с ним наклонилась, чтобы что-то ему сказать. Наверное, пожурела, потому что Павел поморщился, но кивнул.

— Господа, прошу всех садиться, — сказал мужчина за столом. — Давайте не будем сами себя задерживать. У Павла Андреевича есть официальное заявление для прессы, также мы предоставим вам время для вопросов. Но для начала хочу представиться: меня зовут Сутулов Николай Георгиевич, я адвокат, буду представлять интересы семьи Костровых в этом городе. Это Элла Валерьевна Ветрова, пресс-представитель господина Кострова. Ну и... Павел Андреевич, собственной персоной.

В этом месте Павел, не скрываясь, усмехнулся, правда, после этого сразу потянулся за стаканом воды. Отпил. Его взгляд при этом гулял по лицам людей в первых рядах. Судя по тому, что он помрачнел, заметил кого-то неугодного. Алёна почему-то подумала, что этим неугодным был Тарас.

— Павел Андреевич, где вы были всё это время? — выкрикнул кто-то из зала.

Костров даже бровью не повёл, будто и не услышал, зато Сутулов махнул на нарушителя рукой.

— Тише, давайте дадим возможность Павлу Андреевичу сказать всё, что он хочет самому. Не надо выкриков с места. — Николай Георгиевич вопрошающе взглянул на своего клиента. Тот выдержал короткую паузу, после чего кивнул и придвинул к себе микрофон.

— Да, начнём, пожалуй. Как меня уже представили, меня зовут Павел Костров. Я тот, на кого вы охотились последние две недели. После могу попозировать желающим в профиль и анфас, а сейчас, пожалуйста, не слепите меня вспышками. — Щёлканье смолкло, люди присели на свои места, а Костров кивнул. — Благодарю. Итак, говорю по сути дела. Две недели назад в нашей семье случилось несчастье, погиб мой отец. Это был несчастный случай, что, как мне стало известно, доподлинно установила следственная экспертиза. Поэтому все инсинуации по этому поводу прошу прекратить. Да, скорее всего, у моего отца был выдающийся список врагов и недоброжелателей, как у любого политика, находящегося при власти довольно долгое время. Но это не было заказным убийством. По поводу растрат... Опять же, мой отец мёртв, он не может себя защитить и как-то оправдаться. Я не буду говорить, виноват он или нет, даже обсуждать эту тему не берусь, оставляю это следственному комитету и суду. Я лично никакого отношения к работе и делам отца не имел, и поэтому ничего полезного показать не могу. Но я готов встретиться со следователями, я получил повестку, заявляю это официально, и я окажу следствию всю возможную помощь. Но при этом я ещё раз обращаю внимание общественности на то, что никакого отношения к деятельности отца не имею. У него не было привычки с кем-то советоваться и обсуждать свои решения. Ни со мной, ни с женой... Насчёт близких товарищей и

друзей не поручусь. По той причине, что я с ними незнаком.

— То есть, вы хотите сказать, что не были близки с отцом?

Вопрос задали с первого ряда, Кострова явно перебили, поэтому он молчал несколько секунд, после чего на вопрос всё же решил ответить:

— Не был, — проговорил он мрачно.

— Но у вас общее имущество!

— Это семейное имущество. Я им управляю, не владею. И предупреждая ваш следующий вопрос: я готов предоставить все документы на право владения, а также пояснить — следствию пояснить, в формате неразглашения, — указал он и даже пальцем в стол ткнул, — что и по какому праву мне принадлежит. И на какие деньги и когда куплено. Я повторяю ещё раз: никаких финансовых взаимоотношений я с отцом не имел.

— Но это же ложь! В последние два года на вас была переписана большая часть его имущества!

— Докажите!

— Павел Андреевич, спокойнее.

— Это семейное имущество, принадлежащее не только ему, но и его жене. И младшим детям.

— Павел Андреевич, чем лично вы занимаетесь?

Он посмотрел на своего адвоката.

— Я должен отвечать?

Сутулов только плечами пожал, давая ему право выбирать. Костров посмотрел в зал.

— Я зарабатываю деньги. Тем, чем умею.

— Вы вернётесь в Москву под охраной?

— Спросите об этом у наших компетентных органов.

— Где вы были последние две недели?

— Здесь. Костровы отсюда родом, ничего удивительного, что у нас здесь собственность.

— От кого прятались, Павел Андреевич?

Алёна в кресле выпрямилась, узнав голос Артюхова. И заметила, как взгляд Кострова метнулся в ту сторону. А голос прозвучал жёстко:

— Я не прятался. У меня для этого нет ни одной причины. Но я похоронил отца, нужно было время, чтобы... осознать потерю.

Он странно запнулся на этой фразе, и в итоге прозвучали его слова немного фальшиво.

— Вашего отца обвиняют в растратах. Ваши слова о том, что вы были не в курсе, звучат неправдоподобно.

— Отчего же?

— Судя по достатку и уровню жизни вашей семьи...

— То есть, ещё две недели назад достаток нашей семьи никого не волновал. Всех это устраивало?

— Павел Андреевич, — пресс-представитель жестом его остановила, а к журналистам обратилась с выговором: — Вы задаёте некорректные вопросы, даже не спрашиваете, а обвиняете. Павел Андреевич является добропорядочным бизнесменом, он платит налоги и соблюдает законы. И, если вы помните, сын за отца не в ответе. Следствие не закончено и никаких обвинений, в том числе и в адрес Андрея Константиновича Кострова не вынесено. И говорить о благосостоянии семьи Костровых, попросту неуместно в данных обстоятельствах. Сейчас мы можем заявить, что в последний год Павел Андреевич практически в одиночестве содержит семью.

Зал зашумел, слышались откровенные смешки. Костров же снова откинулся на кресле,

потом кашлянул в кулак. А Элла Валерьевна каменным, хорошо поставленным голосом, продолжила, не обращая внимания на реакцию на свои слова:

— Андрей Константинович Костров оставил семью в сентябре прошлого года. Об этом не было заявлено официально, не было заявления на развод, но Регина Родионовна готова подтвердить это. А также предоставить доказательства раздельного проживания с супругом.

— Вы отрещиваетесь от отца, Павел Андреевич?

— К сожалению, Александр... Я не путаю, Александр? Так вот, к сожалению, мне нет смысла от него отрещиваться. Всё было сделано за меня, при жизни отца. Но это, простите, наши семейные дела. Давайте не будем углубляться в прошлое. А уж тем более не будем обсуждать личную жизнь моего отца и мачехи, я её слишком уважаю для этого. А информация о раздельном проживании была сообщена вам только с её разрешения.

— Мы надеемся, что вы отнесётесь к ней со всем уважением, — вновь встряла Элла Валерьевна. — Регина Родионовна долго сомневалась, госпожа Ковалец не привыкла озвучивать супружеские проблемы, а уж тем более после гибели мужа, хотелось сохранить о семейных отношениях светлую память. Но в свете возникших обвинений приходится делать нелёгкий выбор, но о сложившейся в последние месяцы ситуации в семье Костровых всё равно станет известно следствию. Поэтому было принято такое решение.

— Кострова обвиняют в многомиллионных растратах!..

— Мы уже сказали, что не будем комментировать то, к чему не имеем отношения! — повысил голос Сутулов. — Мы ничего не знаем о государственной деятельности Андрея Константиновича. Но надеемся, что Следственный Комитет сможет разобраться в ситуации.

— Хороша ситуация.

— Павел Андреевич! — Артюхов снова руку поднял. — Вы так и не скажете, чем занимаетесь в данный момент? Это большая тайна?

Костров жёстко усмехнулся.

— Тарас, а ты в компаньоны набиваешься?

На Артюхова обернулись, но тот, судя по тону, лишь важность свою почувствовал.

— Просто любопытствую. Какой из меня бизнесмен?

— Тогда уйми своё любопытство. — Это прозвучало, как настоятельный совет. Что, правда, на Артюхова мало подействовало.

— Это не любопытство, вполне закономерная заинтересованность. Ваш отец не общался с вами из-за того, что вы могли нанести урон его репутации? Могло быть такое?

Ветрова сделала решительный жест рукой.

— Мы не понимаем, о чём вы говорите.

— А я поясню, — с готовностью отозвался Артюхов, полностью переключив на себя внимание. — Когда Андрей Константинович ещё радовал нашу область своим руководством, Павел Андреевич сильно расстроил его тем, что оказался под следствием и даже сел в тюрьму. Отношения после этого испортились?

Костров улыбнулся. Хищно так, но затем даже засмеялся. И кивнул, спокойно проговорил:

— Именно тогда. Это всё, что ты хотел узнать?

Алёне после этих вопросов так неудобно стало, словно ей их задали, и она даже зажмурилась. Но зажмурилась, чтобы не видеть усмешки на лице Кострова.

— По какой статье? — посыпались вопросы со всех сторон.

— Павел Андреевич, вы подтверждаете эту информацию?

Элла Валерьевна переглянулась с мрачным Сутуловым, потом оба глянули на Кострова, и тогда Ветрова снова заговорила в микрофон:

— Эта информация ни от кого никогда не скрывалась, в этом не было необходимости, по

одной простой причине: Павел Андреевич не был осуждён, его вина не была доказана. И поэтому говорить не о чем.

— По какой статье?

Костров наклонился к микрофону и сказал:

— Киллером я не был, аварии не подстраивал. Всё остальное узнавайте сами. Копайте. —

Отвернулся и проговорил негромко: — Флаг в руки.

Алёна заметила, что Артюхов обернулся и делал ей какие-то знаки. Она на него вытаращилась и головой мотнула, отказываясь, но Тарас сделал страшные глаза и одними губами проговорил:

— Давай.

Она сделала глубокий вдох. Павлу снова задавали вопросы, на этот раз про семейную собственность, он отвечал, но нехотя, и никакими подробностями упорно не радовал. Тарас прав, как раз время было вернуть вопрос про усадьбу. Но понадобилось немного времени, чтобы набраться смелости, а потом будто чёрт дёрнул, Алёна с места поднялась и даже руку подняла, привлекая к себе внимание. И Элла Ветрова почти тут же ткнула в неё шариковой ручкой, как указкой.

— Ваш вопрос, девушка.

Голос пропал, пришлось кашлянуть. К тому же Костров на ней взгляд остановил, и его лицо мгновенно разгладилось. Губы дёрнулись, но он сдержал улыбку, или усмешку, что уж него там было припасено для неё. Но взгляд в Алёну впился, буравящий и снисходительный. И Павел даже повторил:

— Да, девушка, мы вас слушаем.

Алёна незаметно вцепилась в ремень сумки. Они с Костровым были на достаточном расстоянии друг от друга, но ей казалось, что она отчётливо видит выражение его глаз, ехидное.

— Павел... — Он ведь не Фёдор, он Павел!.. Чёрт бы его взял. — Павел Андреевич, вы заговорили о собственности в нашей области. И у меня есть вопрос как раз по этой теме.

— Да я слушаю, слушаю. Убейте меня доказательствами ещё какой-нибудь моей вины.

Он насмешничал, но голос был настороженный. Алёну взглядом сверлил и ждал.

— Усадьба «Марьяново», — произнесла она.

— А что с ней?

— Несколько лет назад ваш отец выкупил её... по факту родства с последними владельцами. А всем известно, что «Марьяново» является историческим и культурным памятником, это... национальное достояние.

— И что же? — Костров к этому моменту расслабился, что Алёну всерьёз обескураживало и заставило насторожиться, что в свою очередь сбило с мысли, и пришлось вновь выстраивать слова в предложения усилием воли.

— В свете последних событий, думаю, вполне понятными будут сомнения о... чистоте сделки по купле-продаже усадьбы. Хотелось бы знать, какие именно доказательства своего родства с помещиками Ставровыми, хотя бы с ними, предоставил ваш отец комитету.

— Вы просите меня предоставить вам эти доказательства?

Алёна моргнула, после чего решительно кивнула.

— Да.

— Интересное предложение. А какие у вас есть доказательства того, что мой отец был нечестен? Что он не наследник?

Взгляд Алёны пробежался по лицам людей в зале, которые смотрели на неё, развернувшись вполоборота, но слушали, кажется, с интересом.

— Этой информацией со мной поделился человек, которому у меня нет повода не верить.

— Серьёзно? — Павел ухмыльнулся. — Он историк? Почему вы ему поверили?

Алёна вскинула подбородок.

— Павел Андреевич, в архиве, наверняка, сохранились записи...

— Так предоставьте доказательства. А мы потом с вами встретимся, и я с интересом послушаю вашу историю. Мало того, я приглашаю вас в усадьбу. Посетить, погостить, поискать семейных призраков. Они там есть, — сказал он и таинственно улыбнулся.

— Замечательно, — проговорила Элла Валерьевна, а Алёне через зал послала досадливый взгляд и даже попросила: — Мы вас поняли, девушка, и обещаем составить генеалогическое древо Костровых и продемонстрировать его всем желающим.

— Будьте любезны, — пробормотала Алёна в неловкости и плюхнулась обратно в кресло. Вот только Костров всё ещё смотрел на неё, и, судя по его взгляду, строил планы мести. Господи, ему пятьдесят человек в этом зале задали опасные, неудобные и провокационные вопросы, а не угодила, по всей видимости, именно она.

Все полчаса, что Костров ещё отвечал на вопросы, Алёна сидела в кресле ни жива — ни мертва. Старалась на сцену больше не смотреть, потому что казалось, будто Павел таращится на неё безотрывно. Как только она глаза на него поднимает, встречает его насмешливый взгляд. Но, наконец, пресс-конференция закончилась, очередного журналиста попросту оборвали на полуслове, Костров коротко простился, поднялся и ушёл со сцены. Вот тут уже Алёна на него смотрела, как он идёт, но он не хромал, возможно, лишь едва заметно, тяжелее ступал левой ногой. Но с его комплекцией тяжесть и жёсткость походки сглаживали все недостатки.

— Алён, ну ты дала, что ты влезла с этой усадьбой? — зашипел ей на ухо Бурдовский, когда они оказались рядом на выходе из зала.

Алёна лишь нетерпеливо отмахнулась от него.

— Так надо было.

— Кому?

— Серёж, отстань.

— Кострова, кажется, зацепило не на шутку. Он даже на свою судимость не так реагировал.

— Не пытайся, — ругнулся на него Артюхов, неожиданно оказавшийся рядом. Они находились в толпе, и поэтому он смог обнять Алёну за талию незаметно для других. — Не твоего ума дело. — Тарас наклонился к её уху. — Но ты молодец, всё сделала, как надо.

Алёна шла на ватных ногах, потом в руку Тараса вцепилась.

— У тебя не было фотографии Кострова?

— Когда?

— До этого интервью?

— Где-то была, давнишняя. А что?

Алёна опомнилась, вздохнула и только качнула головой.

— Ничего. Сейчас уже ничего.

— Алён, ты про архив серьёзно говорила? Нужно заняться этим как можно быстрее.

Она остановилась, Бурдовскому рукой махнула, когда тот вперёд пошёл, а к Тарасу повернулась и, не скрывая тревоги, спросила:

— Ты думаешь, он потребует доказательств?

— Он? — Тарас удивился. — Вряд ли. Зачем они ему? А вот материал из этого может получиться отличный. Причём, у тебя. Тебе же нужна стоящая тема?

— У меня фестиваль...

— Брось. Я поговорю с Петром. — Они вышли из здания, спустились по ступенькам и остановились чуть в стороне ото всех. Артюхов выглядел воодушевлённым и энергичным. На Алёну посмотрел, сдвинул брови, когда заметил её задумчивость и явное волнение. —

Расслабься. Всё только начинается. Ты чувствуешь?

— Что?

— В воздухе пахнет сенсацией, детка.

Алёна рот открыла, собираясь сказать ему, что пахнет выхлопными газами от разъезжающихся десятков машин, но Тарас обхватил её рукой за плечи и развернул в сторону дороги.

— Поехали в редакцию. У нас полно работы.

Рыбников слушал Тараса, а Алёну разглядывал с всевозрастающим подозрением. Затем даже ухмыльнулся, в ответ на что Алёна нахмурилась.

— Пётр Алексеевич, это не честно, — сказала она.

— Это жизненный опыт, Золотарёва, — не остался редактор в долгу. А на Артюхова в итоге рукой махнул. — Ладно, помолчи, дай подумать.

— Думай, Петя, думай.

Алёна заметила, как они переглянулись, многозначительно, но что за этими взглядами стояло, она не совсем поняла. Кажется, дело уже было не в ней. Рыбников в ней, конечно, сомневается и всерьёз не воспринимает, но тут уже другое, тут уже пахнет интересными фактами, и, наверняка, опасной отдачей после. И именно из-за этого Пётр Алексеевич пребывает в сомнениях, на Тараса поглядывает с прищуром, а тот лишь руки потирает в предвкушении.

И в подтверждение её мыслей, Рыбников Артюхову сказал, отчего-то чуть понизив голос, будто думал, что из-за этого Алёна не разберёт его слов:

— Ты сегодня уже выделился.

— Не спросил ничего, чего не знал бы доподлинно.

— А теперь ты хочешь продолжения?

Тарас, кажется, усмехнулся, потёр подбородок, затем кинул на Алёну особенный взгляд.

— Ты нас не оставишь? Я потом зайду к тебе.

Что оставалось делать? Только подняться, вынужденно улыбнуться и выйти за дверь. Алёна осторожно её прикрыла за собой, куда медленнее, чем это было необходимо, но прямо напротив двери в кабинет редактора располагался стол секретаря, а под её взглядом особо не поподслушиваешь. Пришлось ещё раз улыбнуться и из приёмной выйти, хотя Алёна была уверена, что у Рыбникова с Тарасом сейчас происходит весьма любопытный разговор. Без неё.

— Ну что?

Серёга стоял у окна и курил. Без сомнения — поджидал её. Алёна его разочаровывать не стала, подошла, и честно призналась:

— Не знаю. Выгнали меня и что-то решают.

— Неужели тебе разрешат копать под Кострова?

Алёна нервно обернулась по сторонам, после чего ткнула в Бурдовского пальцем.

— Про Кострова-старшего. Он мне уже ничего сделать не может.

— Ага, ага, — покивал Серёга, разглядывая подругу с серьёзным скептицизмом во взгляде. После чего тревожно шепнул: — Алён, не соглашайся.

Она вздохнула.

— Боюсь, отказываться поздно.

Бурдовский смешно надул щёки.

— Артюхов тебя под монастырь подведёт.

Алёна не смогла ему ответить. Ей захотелось признаться, пусть даже и Серёге Бурдовскому, от которого помощи ждать вряд ли стоит, но поделиться с кем-то своими сомнениями и тревогами хотелось. Но даже если бы и решилась, времени бы ей не хватило. Потому что в этот момент Алёна голову повернула, отреагировав на звук шагов по коридору, тяжёлый и монотонный, и ей показалось, что мир вокруг замер. Прямо на неё, по коридору, шёл Костров-младший. Шёл к ней, смотрел на неё, и чем ближе подходил, тем явственнее проявлялась ухмылка на его губах. Он шёл один, без охраны, одна рука в кармане брюк, и Алёна невольно

анализировала его походку, но опять же он не хромал. Он выглядел тем же Павлом Костровым, каким она увидела его на пресс-конференции пару часов назад. И совсем не походил на Фёдора, кем притворялся в усадьбе. Она могла бы усомниться, могла бы не узнать... издалека, если бы не взгляд, усмешка... сеточка шрамов на щеке. Они не были особо видимыми или уродливыми, они лишь делали кожу на его щеке слегка неровной, когда он усмехался или улыбался. От него веяло опасностью, буквально накрывало, и Алёна начала бурно дышать, не в силах с собой справиться. Это было не волнение... разве что на какую-то незримую частичку, а в остальном... Нет, она его не боится, не дожждётся. Просто не знает, к чему готовиться.

Серёга тоже рядом с ней замер, не донёс сигарету до рта, таращился на Кострова. Алёна же опомнилась и принялась искать взглядом пути к спасению. Их не было, и это здорово удручало. А Павел ещё и завёл знакомую песню, будто из уст Фёдора:

— Солнышко моё, не верю, что вижу тебя живой. Хорошо выглядишь. Я днём как-то не рассмотрел в полумраке. Но, — он остановился в паре шагов, совершенно не замечая присутствия Бурдовского, и окинул Алёну изучающим взглядом, — красавица. Только немного грустная. Что случилось?

Алёна нервно кашлянула, отвернувшись от него. И от Серёги, кстати.

— Тебя вижу, — пробормотала она, Павел же весело хмыкнул.

— Красивая, но злая.

Алёна смотрела себе под ноги, потом всё же набралась смелости и взглянула Павлу в лицо. Он улыбался, но глаза смотрели колко и испытывающе. Она сглотнула и ткнула пальцем в сторону двери в приёмную редактора.

— Кабинет Рыбникова там.

— А зачем мне Рыбников? Я к тебе.

Вот тут как раз настало время испугаться. Алёна вытаращилась на Павла.

— У нас есть незаконченное дело, ты помнишь?

Да, действительно...

— Помню.

Костров, наконец, перевёл взгляд на Бурдовского, сначала прищурился, затем головой едва заметно качнул, и Серёга — Серёга Бурдовский! — который сроду никаких намёков не понимал, торопливо затушил сигарету и поспешил от них прочь, только оглянулся пару раз. А Павел занял его место у подоконника, как и Алёна, присел на его край. Она смотрела в сторону, а он на неё.

— Ты разочарована?

Она поняла, о чём именно он говорит. Позволила себе хмыкнуть.

— Скорее удивлена.

— Ну, тогда я рад. Я смог тебя удивить.

Алёна посмотрела на него.

— Это было подло, — вырвалось у неё.

Павел коротко кивнул и широко улыбнулся.

— А я подлый.

Она отодвинулась от него.

— Насльшана.

— О, это уже серьёзно. — В коридоре, как назло, никого не было. Алёна чувствовала прямой взгляд Кострова, он находился совсем близко, а она понимала, что просто взять и уйти не может, он этим взглядом и скрытой, но всё-таки угрозой, будто привязал её. И она стоит и терпит всё, и даже его прикосновение, когда ему вздумалось коснуться её, она стерпела, только голову в плечи вжала немного. — Где телефон?

Осторожно выдохнула.

— Я верну.

— Конечно, вернёшь.

Его рука оказалась за её спиной, но он лишь упёрся ею в подоконник, а пока Алёна решала, как на это реагировать, точнее, с какой долей негодования отодвинуться, а если понадобится и оттолкнуть Павла, дверь приёмной начальника открылась, и появился сам Рыбников в компании Тараса. Они ещё продолжали беседовать, но почти тут же заметили Кострова, и оба замолчали на полуслове, уставились на него. Алёна тоже осторожно на него глянула, заметила, как Павел якобы непонимающе вздёрнул брови.

— Что? Сигареты ни у кого не будет? — На Алёну посмотрел. — Солнце, ты ведь не куришь? — И тут же покачал головой. — Не кури, я не люблю курящих женщин.

Тарас направился к ним.

— Паш, ты чего здесь делаешь?

— А ты мне вообще не рад? Никак? Ты же меня искал.

Артюхов сдержал вздох, это было очень заметно. Кинул на Алёну быстрый взгляд, потом руки сунул в задние карманы джинсов. Рыбников подошёл и улыбнулся Кострову за всех, и руку для рукопожатия протянул.

— Павел Андреевич, что ж вы не предупредили? Мы бы вас встретили. Я представляюсь: Рыбников, Пётр Алексеевич. Главный редактор.

Протянутую руку Павел пожал. И поинтересовался:

— А, то есть вы начальник этих двоих?

Рыбников на Артюхова покосился с сомнением, но кивнул. Про Алёну даже не вспомнил.

— Начальник. Если так можно выразиться.

— Только так и надо выражаться, Пётр Алексеевич. Раз начальник, так себя вести и надо, чтоб не расслаблялись. И не бегали, где их не просят, носы не совали. Я правильно говорю?

Рыбников чуть смятённо кашлянул.

— Ну, что вы, Павел Андреевич? У нас ведь профессия такая, сами понимаете. Журналисты.

— Профессия ко мне через забор лазить?

— А лазили?

— Пытались.

— Надо же... — Пётр Алексеевич опять же на Артюхова посмотрел, потом про Алёну вспомнил, прожёл её взглядом. Та под этим самым взглядом попыталась ускользнуть из мужской компании, даже с подоконника поднялась, но Костров усадил её обратно. Причём, сделал это показательно, а его ладонь так и осталась лежать у неё на талии. Тарас подозрительно сдвинул брови. Затем попытался вмешаться.

— Паш, давай без наездов.

Костров решил удивиться.

— А я наезжаю? Тарас, мы с тобой не виделись сколько лет? Ни ты, ни я не вспомним. Так что, думаю, ты понятия не имеешь, как я теперь наезжаю. И заметь, я абсолютно спокоен. Ты у нас теперь профессиональный журналист, с чем тебя поздравляю, и все твои вопросы...

— Павел Андреевич, — попытался вмешаться Рыбников, но был остановлен только лишь взглядом. Замолчал, а Артюхов снова влез, на этот раз открыто кивнув на Алёну.

— Девочку отпусти. Ты её пугаешь.

— Я тебя пугаю?

Алёна решила не отвечать, мрачно смотрела в сторону.

— Паша, она просто озвучила вопросы.

— Твои?

Артюхов помялся, после чего кивнул. Надо сказать, что достаточно уверено. А вот Костров

рассмеялся, и снова поинтересовался у Алёны:

— Серьёзно? Он не в курсе?

— Не в курсе чего? — Тарас нахмурился, а Павел продолжал ему улыбаться. А Алёне сказал:

— Ты права, дорогая, тебя здесь совершенно не ценят. Это даже удивительно. С твоей-то энергией можно было собственный журнал открыть.

Она кинула на него укоряющий взгляд. Павел же кивнул.

— Я серьёзно. Ты бы потянула, солнце.

Алёна всё-таки поднялась и присаживаться больше не собиралась, не смотря на то, что Павел продолжал её удерживать. Правда, он и сам вслед за ней поднялся.

— Думаю, на сегодня с меня общения с прессой хватит, во рту горечь. Так что, с вашего позволения, откланяюсь. А ты, — он на Артюхова посмотрел, — не появляйся больше в Марьяново, я тебя по-хорошему прошу.

— Угрожаешь?

Костров огорчёно качнул головой.

— Сказал же: по-хорошему. Понадобись, я сам позвоню. — К Алёне повернулся: — Пойдём?

— Перестань меня обнимать, — шикнула она на него, как только они отошли на несколько шагов. Рука Кострова довольно крепко обхватывала её талию, но после её претензии разжалась, правда, только для того, чтобы подняться на плечо Алёны. Это уже ни в какие рамки не лезло, и она Павла оттолкнула. К тому моменту они уже завернули за угол, и видеть этого никто не мог, что даже немного расстроило. Алёна ускорила шаг, проверяя, сможет ли Костров идти с ней вровень. Он смог.

— Ты пытаешься от меня сбежать?

— Очень бы хотела, — призналась она негромко. Они дошли до кабинета, Алёна остановилась и повернулась к нему. Неожиданно, потому что Павел едва не налетел на неё, и они на какое-то мгновение оказались нос к носу. Алёна невольно отшатнулась, но глазами они встретились. — Я верну тебе... вам телефон. И хочу ещё раз извиниться. Я не должна была его брать, но... у меня не было выбора. И если бы я знала, то я бы никогда...

— Если бы ты знала — что? — перебил он.

Алёна моргнула в растерянности.

— Что он ваш.

— А, в этом смысле. Правильно, зачем сторожу телефон, да?

— Я не это имела в виду.

— Я понял, что ты имела в виду. Телефон где? — вопрос прозвучал жёстко, даже грубо, и Алёна снова глянула по сторонам. Кто-то шёл по коридору, и Павлу пришлось отодвинуться, чтобы угрожающе над ней не нависать.

— В сумке.

— Здесь?

— В кабинете.

— Отлично. Неси сумку.

Она будто под гипнозом толкнула дверь в кабинет, несколько затравленно посмотрела на Серёгу и Оксану, обошла свой стол, чтобы сумку взять. Голову повернула и увидела, что Костров стоит в дверях и смотрит на неё с улыбкой. Это как-то не вязалось с его тоном минуту назад, но сейчас она об этом думать не могла.

— Значит, здесь ты работаешь? Не слишком шикарно, солнце.

Она глянула на коллег, пожала плечами, не зная, что сказать. Вышла из-за стола, с сумкой в руках, направилась к Павлу. Он встретил её едва ли не открытыми объятиями, рука снова

оказалась на плече Алёны, а Сергею и Оксане досталось вполне добродушное прощание:

— Пока, ребята. Хороших вам материалов.

— Спасибо, — на автомате отозвалась Перевайко, а в следующее мгновение Костров захлопнул дверь. Улыбка тут же стёрлась с его лица.

— Телефон в сумке, — пробормотала Алёна, принялась судорожно дёргать молнию, но Павел взял её за локоть.

— Не здесь. Давай прокатимся.

— Куда прокатимся? — не поняла она. — Зачем?

— Пообедаем, например. Странно разговаривать в коридоре, я к этому не привык.

— Я не хочу обедать, я не могу уйти.

— Можешь. Я тебя отпустил. Думаю, твой Рыбников возражать не будет.

— Он не мой...

— Вот и отлично. — Он вёл её по коридору за руку, а она почему-то шла. Даже на помощь позвать не пыталась. — А что с Тарасом?

— Что? — Алёна почему-то перепугалась этого вопроса.

Он хмыкнул, не глядя на неё.

— Вот и проверим — что.

За рядом турникетов в холле, как изваяния, стояли охранники Кострова. В чёрных костюмах, все внушительной комплекции и мрачные, как памятники. Алёна нервно сглотнула, глядя на них, даже руку попыталась освободить, но Павел её из здания вывел, и они в окружении телохранителей прошествовали к машинам. Два чёрных «гелендвагена», как близнецы, стояли и ждали их, а подоспевший первым охранник распахнул заднюю дверь одного из них.

— Садись.

— Я не хочу обедать, — сказала Алёна, как только Павел оказался рядом с ней на заднем сидении. Он полы пиджака одёрнул, на неё не смотрел, но согласно кивнул.

— Вот и отлично. Толя, в усадьбу поехали.

— Хорошо, Павел Андреевич.

Алёна в первый момент растерялась, потом завертелась на сидении, но автомобиль уже тронулся с места и тут же набрал скорость, сзади не отставал брат-близнец.

— В усадьбу? Мы так не договаривались, что ты делаешь?

— Я же тебя приглашал, только несколько часов назад. С официальным визитом. — Павел вздохнул, на сидении откинулся, а на Алёну кинул усталый взгляд. — Вот, этот визит начинается прямо сейчас.

— Это похищение. Ты в курсе?

— Да ладно. Я тебе экскурсию устрою. По Марьяново. Неужели тебе не интересно?

— Нет.

Костров улыбнулся, по-особенному, такой улыбки Алёна у него ещё не видела, после неё все мысли из головы вдруг улетучились.

— Как женщины бывают ветрены.

Сердце отчего-то подскочило и на мгновение замерло, а Алёна поспешила от Павла отвернуться. Сложила руки на груди и стала смотреть в окно. Было понятно, что она своими воплями и гневными требованиями вряд ли чего-то добьётся. Машины неслись вперёд, будто торопясь покинуть пределы города, и по её просьбе никто бы и не подумал остановиться. И поэтому, вместо того, чтобы тратить силы без всякого толка, Алёна решила воспользоваться, возможно, последним шансом, и всё обдумать. Павел к ней больше не лез, охранник передал ему планшет, и Костров уткнулся в него взглядом, время от времени только тёр щёку, покрытую мелкими рубцами. Алёна вроде и не смотрела на него, но почему-то всё замечала, и только

дышала осторожно.

Полтора часа пути прошли в молчании. Они с Костровым молчали, водитель молчал, охранник молчал. Даже радио никто не подумал включить. Павел Андреевич, кажется, работал, и ему никто не смел мешать. И только когда впереди показались крыши домов Марьяново, он голову поднял, посмотрел в окно, и сказал:

— Есть хочу.

Охранник на переднем сидении шевельнулся, Алёна не удивилась бы, узнав, что он до этого спал, слишком неподвижно сидел всё это время. Но голос его прозвучал вполне бодро:

— Мы как раз к обеду возвращаемся.

Павел планшет выключил, положил на сидение между собой и Алёной, посмотрел на ту.

— Ты ещё злишься?

Она сложила руки на коленях, как школьница.

— Мысленно составляю заявление в полицию.

Он усмехнулся.

— Такой длинный список моих проступков? Я начинаю беспокоиться. Ты голодная?

Алёна посмотрела на него и тут же гордо отвернулась. А он вдруг руку протянул и пристроил ладонь на её колене. Алёна едва не подскочила, а Костров похлопал её, будто Роско по голове, и сказал:

— Мне прислали кухарку. Теперь живём.

Алёна головой качнула и пожаловалась негромко:

— Бред какой-то.

Со стороны охранника послышался звук, похожий на смешок. Алёна подозрительно глянула, затем на его шефа посмотрела, но Павел ответил ей абсолютно серьёзным взглядом.

Проезжая по улице Марьяново, Алёна невольно посмотрела на второй от дороги дом, даже оглянулась, не удержалась. Павел это заметил, но ничего не сказал. А уже через пару минут они свернули на дорогу к усадьбе. Надо же, прошло всего три дня, как она выбралась из этого леса среди ночи, а такое чувство, будто полжизни. Она возвращается сюда с Костровым, и лес совсем не выглядит тёмным и страшным. Сквозь высокие кроны пробиваются солнечные лучи, от них зелень кажется ещё более яркой и сочной, а среди неё белые, жёлтые и фиолетовые искорки цветов. Даже захотелось выйти и прогуляться. Только кто её отпустит? Она под колпаком.

Автомобили притормозили перед воротами, через которые Алёна и сбегала, вот только тогда охраны на въезде не было, а сейчас полный боекомплект. Алёна смотрела на бравых молодцев в камуфляже, похожем на военный, они пропустили машины на территорию, и ворота тут же закрылись. Наглухо. Алёна не удержалась и прикрыла глаза.

— Смотри, какая красота вокруг, — будто издеваясь, сказал Павел. Глаза она открыла, посмотрела. А Костров придвинулся к ней, склонил голову к её уху. — Обожаю эту усадьбу.

— Рада за тебя.

Он усмехнулся.

Машины подъехали к самому крыльцу. Алёна не стала ждать, когда охранник обойдёт автомобиль и откроет для неё дверь, сама вышла и принялась оглядываться, не в силах сдержать любопытство. Усадьба казалась живой. Не одинокий, пустой дом, как ей показалось несколько дней назад. Под дождём, загрузивший, с единственным обитателем, особняк казался огромным, незаселённым, казалось, что стоит сказать слово, и эхо прокатится по всей усадьбе, отразившись от стен дома, как от скалы. А сейчас он сиял, а его полукруглое широкое крыльцо напоминало улыбку. О нём вспомнили, в его стенах снова кипит жизнь. На окнах больше нет белых тканевых занавесей, парадные двери призывно распахнуты, неподалёку слышится звук ремонтных работ, а в стороне левого крыла, где располагалась кухня, и вовсе кипит жизнь. В доме полным ходом

шла уборка, в маленький грузовичок загружали тюки белья, скорее всего те самые чехлы, которыми была укрыта мебель в доме, и занавески. Загружали молоденькие парнишки в рабочих комбинезонах, вокруг них сновали девушки, а все вместе они выполняли распоряжения суровой на вид женщины в годах, которая то и дело разводила руками, как дирижёр, показывая, кому куда идти и чем в эту же минуту заняться.

— Ира, не стой, иди, проверь продукты по списку. А вы забирайте, забирайте бельё! Вам ещё на втором этаже всё снимать. Девочки, пошустрее.

Потом она заметила «гелендвагены» и поспешила к крыльцу. На ходу поправила очки в широкой оправе и расправила плечи, хотя и без того выглядела натянутой, как струна.

— Павел Андреевич! Вы вернулись.

Костров сделал глубокий вдох, глянул по сторонам с явным удовольствием, женщине кивнул.

— Вернулся, Альбина Петровна. — На Алёну посмотрел, представил: — Это Альбина Петровна, хозяйством у меня занимается. А это Алёна.

Альбина Петровна улыбнулась ей, но улыбка была скорее официальной, безукоризненно вежливой, чем добродушной и открытой.

— Добро пожаловать. Ваша комната готова. По всем вопросам обращайтесь прямо ко мне.

— Моя комната?

— Да, Павел Андреевич утром предупредил, что вы приедете погостить.

— Немыслимо.

Альбина Петровна непонимающе нахмурилась, а вот Костров рассмеялся и посоветовал:

— Алёна, расслабься. — Он обернулся, когда услышал тяжёлое дыхание, Роско, как стрела промчался по дорожке из-за дома, и даже заскулил, когда увидел хозяина. Предпринял попытку на Павла прыгнуть, но после короткого движения рукой, принялся лишь бешено вилять коротким хвостом и подпрыгивать. Костров псу улыбнулся, потрепал того между ушей, и даже прижал его голову к своему бедру на какое-то время. Потом успокоил его:

— Я приехал, приехал. Он не мешал, Альбина Петровна?

— Что вы, Роско — пёс воспитанный. Я его покормила, вовремя, как вы и просили.

— Замечательно.

Роско от него оторвался, подошёл к Алёне, обнюхал её руку. Потом сел копилкой рядом, уставившись на неё шоколадного цвета глазами. Алёна вздохнула, потом за ухо его потрепала, и шёпотом проговорила:

— Даже не спрашивай.

— Пойдём в дом, — сказал Павел. На охрану оглянулся. — Сегодня больше никуда не едем. Вадим здесь?

— Уехал в город, обещал к ужину быть, Павел Андреевич. — Альбина Петровна вдруг засуетилась, поспешила вперёд, Алёна заметила, как она придирчиво осмотрела огромные французские окна, те, кстати, невероятно сияли на свету, чистейшие, но Альбина Петровна всё равно выискивала недостатки.

Костров же на Алёну оглянулся, она продолжала стоять на дороге, только посмотрела вслед отъезжающим автомобилям.

— Алёна, пойдём. — В его голосе послышались приказные нотки. — Зайди в дом.

Она медленно поднялась по ступеням крыльца, продолжая оглядываться. Кругом были люди, но вряд ли они станут ей помогать, если она решит заорать. В лучшем случае с любопытством понаблюдадут за происходящим, но скорее всего просто отвернутся, когда её будут силой затаскивать в дом, чтобы не наживать себе лишних неприятностей.

Роско побежал вперёд неё, выглядел чрезвычайно довольным. Даже обернулся на неё в

дверях, поджидал. Кажется, караулил, как хозяин того и хотел.

— Гостиную уже привели в порядок, — бодро рапортовала Альбина Петровна. — Осталось только ковры постелить. Мы сделаем это сегодня вечером. В принципе, уборку на первом этаже закончили. Сегодня привезли посуду и столовые приборы.

— Вот это хорошо. Что там с обедом?

— Через двадцать минут на стол накроют. Регина Родионовна звонила.

— Да? — Павел прошёлся по гостиной, осмотрелся, потом пиджак снял и положил его на спинку кресла. — Что сказала?

— Интересовалась, как идут дела.

— Дела идут, контора пишет, — в задумчивости проговорил он, упёр руки в бока, потом на Алёну обернулся. Она стояла в дверях и осматривалась с настороженностью. Смотрела на мягкую мебель в новых натяжных чехлах, на заново отполированную крышку рояля, незнакомые картины на стенах. Гостиная выглядела обновлённой, начищенной до блеска, а главное, достойной этого дома. Но удивляло, что всё это успели сделать всего за пару дней. Видимо, у Альбины Петровны на самом деле талант к управлению хозяйством. — Что скажешь? — спросил Костров.

Она очнулась, сделала вдох, после чего кивнула.

— Хорошо.

— Представляешь, лет сто назад вот за этим роялем, у этого камина сидели мои предки. — Алёне достался хитрый взгляд. — Или не представляешь?

Она сурово сдвинула брови.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь. А вот тебе, милая, кажется, чувство юмора отказало. Или это от голода? Альбина Петровна, покажите нашей гостье её комнату. И напомните, чтобы спустилась к обеду вовремя.

Алёна спорить не стала, пошла за Альбиной Петровной вверх, Роско было отправился следом, наверное, из любопытства, но Костров его окликнул, и пёс кинулся на зов, виляя хвостом. Алёна же с экономкой поднялись на второй этаж, прошли по коридору. Из открытого нараспашку окна слышался неприятный звук бензопилы.

— Работы идут? — спросила Алёна.

Домоправительница легко отмахнулась.

— Это за домом, восстанавливают конюшни.

— Здесь и конюшни есть? — не удержалась от усмешки Алёна. Но её насмешка была не услышана или проигнорирована.

— Если честно, это не в моей компетенции. Про конюшни мне Павел Андреевич рассказывал. Мне дел в доме хватает. Здесь всё было в запущенном состоянии. Но первым делом, мы, конечно, приготовили жилые комнаты. Комнату Павла Андреевича... и другие. Для гостей.

— А будут гости?

Альбина Петровна непонимающе глянула на неё.

— Вы же приехали.

— Ах, я... Тогда да, всё не зря.

Отвечать домоправительница не стала, наверняка, справедливо рассудив, что не её дело разбираться с чужими тараканами.

Комнату ей отвели по соседству с хозяйской. Это не обрадовало, но было вполне понятно. Альбина Петровна оставила её одну, Алёна закрыла за ней дверь, осталась, наконец, в одиночестве, осмотрелась. Комнату на самом деле привели в порядок, избавились от пыли, дышалось легко. Занавески на окнах сменили, постель застелили, а на столике у окна даже

живые цветы в вазе стояли. Маленький букетик кустовых розочек. Алёна присела на постель, потом к окну подошла, выглянула, отдернув шторы. За её окном балкона не было, внизу плитка и ни одного прочного выступа на стене. Из окна не вылезешь. Да и что толку? Охрана теперь везде, она оказалась на закрытой территории. Её похитили.

Вниз она спустилась раньше дозволенных ей двадцати минут. Чем ей было заниматься в комнате? Смотреть в окно и размышлять о том, что выхода нет? Спустилась, прошла через гостиную, толкнула двойные двери в столовую. Если честно, ощущения невероятные. Торжественности и дворянского уклада, но наслаждаться этим как-то не получалось, было непривычно и неловко.

Павел ждал её в столовой, а может, и не ждал, сидел во главе накрытого к обеду стола, на стуле с высокой спинкой и подлокотниками, и разговаривал с кем-то по телефону. Но как только она вошла, разговор тут же закончил, а Алёну встретил серьёзным взглядом, без тени улыбки. Она под этим взглядом с шага сбилась, но затем прошла к столу и положила перед Костровым его телефон.

— Вот. Ваш.

Он на смартфон смотрел. Кивнул.

— Благодарю. — Указал рукой на соседний стул. — Садись. — Сделал паузу и добавил: — Алёна.

Садиться не было никакого желания, несмотря на явный голод. Но спорить было бессмысленно, к тому же, стол был накрыт. Алёна мысленно махнула рукой и села. Молчание тяготило, но что сказать, она не знала. К тому же, Костров молчал, разглядывал её. И даже не притронулся к телефону, который так желал заполучить.

— Мы одни будем обедать?

Он руками развёл.

— А больше никого нет. Мы с тобой вдвоём.

Алёна не удержалась от усмешки.

— Не считая полсотни человек obsługi. Или они за людей не считаются, Павел Андреевич?

— Уже Павел Андреевич и на «вы». На тебя так дом действует?

— Нет. Статус пленной.

— Как всё серьёзно. Но я разве в этом виноват?

— А кто?!

— Ты. Ты украла телефон, но ладно я могу понять обстоятельства, при которых это произошло. Хотя, они тоже весьма странные, согласишься. Но ты его взломала, ты в него влезла...

— Я хотела как лучше! Хотела его вернуть!

— Ты влезла в мой телефон, — каменным голосом проговорил он, губы скривились, и Алёна отчего-то глаза в стол опустила. — Никогда больше так не делай.

Понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с дыханием. Нервно кашлянула, зачем-то передвинула тарелку перед собой на сантиметр в сторону.

— Не буду. И... ещё раз хочу попросить прощения.

Павел никак не отреагировал, только смотрел на неё в упор. Потом сменил позу, заметно расслабился, и Алёна даже не сразу поняла, что это из-за того, что в столовой появилась девушка с супницей в руках. Она засуетилась у стола, не поднимая глаз, а Алёна за ней украдкой наблюдала. Очень странно было, что её за обедом обслуживала не официантка, а настоящая домработница, одетая в скромную униформу. Павел вот совсем на неё не смотрел, хотя девушка была молода и симпатична, несмотря на серую строгую одежду. Почему-то подумалось, что подобная униформа — идея Альбины Петровны. Девушка разлила по тарелкам суп, Алёна её тихо поблагодарила. За себя, и за невежливого, хмурого Кострова. А девушка также тихо из

столовой вышла.

Мясная похлёбка в тарелке дымилась и источала волшебный аромат. Алёна смотрела на неё совсем недолго, после чего взяла ложку и стала есть, решив, что велика честь, морить себя голодом из гордости из-за Павла Кострова.

— Когда я смогу уехать? Мне утром на работу.

— Ничего, я договорюсь.

— В каком смысле? — Она от еды отвлеклась. — Я же извинилась.

Павел удивлённо вздёрнул брови.

— Когда?

Она начала злиться.

— Пять минут назад!

Павел кивнул, с явными признаками удовольствия.

— И я тебя великодушно простил. Ты ценишь?

Попыталась дышать размеренно.

— Я хочу ещё раз напомнить, что увозить человека без его на то согласия, в нашей стране называется похищением. Это неправильно и даже противозаконно.

— А ты была не согласна?

— Да! И у меня есть свидетели!

— Свидетели чего?

— Павел Андреевич, горячее подавать?

Алёна от неожиданности на стуле подскочила, обернулась на голос Альбины Петровны, вдруг смутившись оттого, что та могла слышать. Но выражение на лице домоправительницы было нейтральным.

— Да, пожалуйста.

Они вновь остались одни, явно ненадолго, и Павел, пользуясь моментом, наклонился к Алёне через стол, и негромко, весьма доходчиво, проговорил:

— Давай я тебе разъясню одну вещь. Если ты не в состоянии её постичь. Ты останешься здесь до тех пор, пока я не разрешу тебе уехать. Потому что мне откровенно не нравится твоя манера совать нос туда, куда не надо. И поверь, солнце, я тебе не лгу в профессиональном плане. Я не знаю, что из тебя вырастит потом, но пока ты журналист от слова «никакой». Но тебе везёт вляпываться в неприятности, и на данный момент твои неприятности связаны с моим именем. А мне сейчас откровенно не до тебя. Но мы ведь оба понимаем, что если я тебя отпущу в город, ты ведь не усидишь на месте. Тебя понесёт в архив, а может быть и ещё куда.

Алёна разглядывала тарелки, расставленные на столе, всеми правдами и неправдами стараясь не встречаться с Костровым взглядом. Только тревожно переспросила:

— Куда?

— Не знаю. Зависит от того, что ты обнаружила в моём телефоне.

— Ничего. — Всё же посмотрела на него. — Правда. Я только... фотографии смотрела.

Он долго смотрел на неё, даже скорее пытал взглядом, затем неожиданно подался назад, откинулся на стуле.

— Если это правда, то ты поступила мудро. Иногда лучше знать меньше.

— Я клянусь...

— Не надо. Если ты думаешь, что я вот так возьму и поверю тебе, то зря. Я, вообще, не склонен доверять людям. Особенно, в вопросах, которые касаются моей безопасности и моего имени. Поэтому, красавица, ты останешься здесь. Столько, сколько я потребую от тебя. Причём замечь, на правах гостии. И поверь, это откровенное везение.

Они снова замолчали, ждали пока им подадут горячее, расставят тарелки, а Алёна всё это

время размышляла над услышанным. Потом всё же решила возразить, хотя бы попытаться. Дождалась, когда дверь в столовую снова прикроется, и сказала:

— Павел Андреевич...

Он поднял голову, взглянул с интересом.

— Это не решение проблемы. У меня работа, меня будут ждать... Меня хватятся завтра утром.

— Я же сказал, что договорюсь. Обещаю, тебя даже не уволят. — Он вдруг ухмыльнулся. — Слушай, а может, сказать Рыбникову, что ты берёшь у меня интервью? Такое личное, открытое, откровенное. Думаю, он не будет возражать.

— А вы мне его дадите? Личное и открытое...

— Откровенное могу дать. Я когда хочу, могу быть очень откровенным.

Алёна залпом выпила полбокала минеральной воды. Затем с нажимом повторила:

— Меня будут искать.

— Кто? Тётка? Так она в Ярославле. Позвонишь ей отсюда. А кто ещё?

Она в растерянности моргнула. Смотрела на него во все глаза.

— Вы меня проверяли?

— Конечно. Надо же было точно знать, кто ко мне через забор залез. Профессионально ты сработала или тебе по дурости подфартило.

— Вот спасибо.

— Да не за что. Ты ведь поняла, какой вывод я сделал, да? — Алёна утрюмо молчала, а Павел ей улыбнулся. — Именно поэтому мы с тобой сидим за этим столом и едим утку. Иначе разговор был бы другим, с другими последствиями для тебя. Так что, радуйся. Кстати, что у тебя с Тарасом?

Алёна кинула на него рассерженный взгляд и гордо отвернулась. А Костров сокрушённо мотнул головой.

— Ты завязывай с ним по машинам целоваться. Он гнилой мужик, всегда таким был, даже в молодости.

Она резко отодвинула от себя тарелку, от злости даже не сразу смогла собраться и что-то сказать, только дышала, переполненная негодованием.

— Это просто немыслимо. Ты ещё в постель ко мне залезешь?

Павел помолчал, жевал, после чего сказал:

— В постели он у тебя ещё не был, не ври.

— Ты просто невыносим! — выдохнула она, из-за стола поднялась и вышла из столовой, столкнувшись в дверях с домработницей. Та отскочила в сторону, спасая поднос с круглым пирогом на красивой фарфоровой тарелке. А вот Костров рассмеялся.

— Алёна, вернись! Смотри, какой пирог! Ты себе не простишь!

— Иди к чёрту, — пробормотала она себе под нос, бегом поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж.

Остаться в комнате одной, когда за окном кипела жизнь, было странно. Люди работали, разговаривали, даже смеялись, Алёна слышала. Выглянула из окна, увидела молодых девушек в униформе, которые проходили через двор, весело болтая и смеясь. И никому не было дела до того, что она вроде как похищена. Ей об этом чётко заявили. Правда, не отобрали телефон и не заперли на ключ, но от этого ощущения плена не проходили.

После неудавшегося обеда просидела в комнате часа два. И злилась, и переживала, и выход искала. Не нашла, правда, зато перепугалась, когда услышала тяжёлые шаги за дверью. Знала, что это Павел. Но он не остановился за её дверью, не постучал, он вошёл в свою комнату, что была через стенку, и это добавляло большего смятения в сложившуюся ситуацию. Алёна постояла под

дверью, прислушиваясь, потом вернулась к окну, присела на край подоконника.

Интересно, что же было в том телефоне? До чего она не добралась, на что не хватило ума разобраться или что-то опасное заметить? Да, в папке были какие-то документы, непонятные, парочку из них она даже открыла, из любопытства, куда от него денешься? Кострову в этом не призналась, просто потому, что ничего не поняла. Там были только цифры, наборы чисел, в столбик или в строчку. Никто бы не понял. Но он, наверное, переживает, что она могла их скопировать или переписать. Конечно, знай она точно, чей телефон попал ей в руки, скорее всего так и поступила бы, но она была занята совсем другими заботами и размышляла о другом. И за глупость её наказывают.

Когда надоело сидеть в комнате, рискнула выйти. Ни в коридоре, ни на лестнице ей никто не встретился, и поэтому Алёна решила осмотреться. Не так, как несколько дней назад, в полутьме, когда окна были плотно закрыты и занавешены, а мебель укрыта чехлами, хотелось увидеть дом ожившим. Что примечательно, лишь пара комнат оказалась запертыми, во всех остальных шла уборка и даже мелкий ремонт. На втором этаже располагались спальни, в этом крыле их было четыре, одна оказалась занята спортивными тренажёрами. Они ещё были в плёнке, не установлены, но их наличие немного удивило. Беговая дорожка и штанга «Марьянову» не шли, казались чуждыми и странными. А вот первый этаж приводили в порядок усиленными темпами. Два крыла дома были одноэтажными, наверху лишь хозяйские спальни, все остальные комнаты располагались внизу, причём левое крыло было полностью отдано персоналу. Там же располагалась кухня. Алёна было отправилась в ту сторону, любопытно было заглянуть и в комнату, где ночевала и посмотреть, что делается на кухне, но множество голосов её остановило. Она потопталась в коридоре, затем вышла и направилась в другую сторону. Гостиная, столовая, хозяйский кабинет. Ещё небольшая комната с камином и диванами. Кажется, раньше их называли малыми гостинными. За следующей дверью обнаружилась библиотека, книжные шкафы были заполнены книгами, корешки все старые, потускневшие, но не потрёпанные. Правда, в комнате пахло пылью, настолько, что в носу защекотало, и Алёна поторопилась дверь закрыть. За самой дальней дверью оказалась лестница, ведущая вниз. Освещения нет, но света из маленького окна рядом было вполне достаточно. Подумалось почему-то о сыром подвале, но немного посомневавшись, Алёна начала спускаться по ступенькам. Лишь один пролёт вниз, она толкнула тяжёлую дубовую дверь... и неожиданно оказалась на стройке. Правда, под стеклянной крышей, голову подняла, чтобы посмотреть, и едва не подскочила от страха, когда ей кто-то в ноги ткнулся. Оглянулась и отругала Роско.

— Напугал меня.

Пёс никак не отреагировал, пробежал мимо неё, принялся обнюхивать мешки с цементом и коробки с плиткой. Хвостом завилял. А если хвостом завилял, значит, рядом хозяин.

— Осматриваешься?

Алёна не повернула головы, на Кострова не посмотрела.

— Чем ещё мне заниматься?

— Правильно. В комнате не высидишь всё равно.

Она спустилась по двум цементированным ступеням, просто для того, чтобы быть подальше от Кострова, чтобы тот не стоял за спиной и не дышал ей в затылок. А ведь он дышал, и Алёна была уверена, что делает это намеренно.

— Что здесь будет? — спросила она, оглядываясь.

— Бассейн.

Она ещё посмотрела по сторонам, потом на стеклянную крышу над головой, оценила масштаб и усмехнулась. Павел заметил.

— Что ты смеёшься?

— Вы собираетесь здесь обосноваться, Павел Андреевич?

Он тоже спустился, потрепал Роско по голове, а Алёне сказал:

— Мне здесь нравится. Если хочешь, меня сюда тянет.

— Зов крови?

— А почему нет? Как бы там ни было, мои предки отсюда. И совсем неважно, кем они были.

Алёна кинула на него заинтересованный взгляд.

— А кем они были?

Он равнодушно пожал плечами.

— Отец говорил, что из дворян. Я могу думать по-другому. Времена были смутные, кто поручится за достоверность?

— Если бы вы хотели, вы бы всё узнали. С вашими-то деньгами.

Павел, не скрываясь, хохотнул.

— Как это пренебрежительно прозвучало. Но если ты хочешь знать, меня это особо никогда не волновало. Мне это безразлично. Главное, что я вовремя родился. Роско, не грызи коробку! Нельзя. — Он взял пса за ошейник и направил к открытой двери на улицу. — Гулять.

Алёна тоже туда прошла, перешагивая через песок и цемент, а когда оказалась на улице, даже ногами потопала.

— Вы не жили здесь много лет. Я имею в виду область. И город. А теперь решили перебраться сюда из Москвы?

— Я не люблю Москву, — сказал он. — Там деньги хорошо зарабатывать. Жить там — не фонтан.

— И вы готовы оставить бизнес...

Павел остановился рядом с ней, всмотрелся в лицо Алёны, она под его взглядом занервничала и отвернулась.

— Ты меня на интервью раскручиваешь?

— Нет. Но должны же мы о чём-то говорить!

— А, нейтральная тема.

— Вроде того.

— Тогда совет: не спрашивай о бизнесе.

Она сделала осторожный вдох, надеясь заглушить в себе возмущение.

— Хорошо. О чём мне можно спрашивать?

— Нащупывай почву, — усмехнулся он. Прошёл вперёд, поднял с земли палку и кинул, она полетела далеко и на приличной высоте, а Роско, заскулив от восторга, стрелой метнулся в ту сторону. Павел приложил ладонь ко лбу, козырьком, защищаясь от солнца и наблюдая за собакой. Потом на Алёну обернулся. — А ты говоришь. Роско здесь приволье. В Москве, даже в доме, он изнывает.

Алёна присматривалась к нему.

— А вы не хромаете. Почти.

Павел не посмотрел на неё, лишь плечом дёрнул.

— Тогда ты застала меня не в самой лучшей форме.

Она окинула быстрым взглядом его фигуру.

— Вы в аварию попали?

Костров помолчал, было заметно, что раздумывает, но затем он коротко усмехнулся.

— Когда-то я попал в тюрьму. — Всё же обернулся, на Алёну глянул и даже подмигнул. — Страшная-страшная история.

— А лицо?

На его губах расцвела улыбка.

— А что лицо? Не такая благообразная физиономия, какая полагается дворянам?

Алёна отвернулась от него.

— Я просто спросила. Извините.

Он разглядывал её, после чего сказал:

— Ты много извиняешься. Мне почему-то это нравится.

Роско принёс палку, отдал Павлу прямо в руки и преданно на него уставился, крутя хвостом, даже подпрыгнул. Костров его похвалил и снова кинул. Палка полетела в сторону леса, задела ветку на сосне, а Роско вновь умчался, довольный и счастливый.

— Алёна, а тебе здесь нравится?

Она несколько странно отреагировала на своё имя из его уст, отчего-то покраснела, щёки защипало, и Алёна поторопилась отвернуться в сторону, сделала вид, что осматривается.

— Здесь очень красиво. Говорят, лет пятнадцать назад здесь была помойка, и жили бомжи.

— И такое было.

— Я была в архиве, — зачем-то призналась она, — разговаривала с профессором.

— Меня вычисляла?

— Вообще-то, ваших предков.

— Разумно.

— Павел Андреевич, а вы не думали допустить сюда историков или музейщиков? Думаю, им было бы очень интересно узнать, какой усадьба стала.

Он с прищуром смотрел на неё.

— Я пошлю им фотографии, — в конце концов, сообщил он, и в его голосе была слышна насмешка. Это Алёну обидело.

— Вообще-то, это национальное достояние.

— Теперь это моё достояние. Нация его просрала.

Она лишь головой качнула.

— С вами невозможно разговаривать.

— Да ладно. Я весьма общительный человек. Вот, например, готов поговорить о тебе.

Алёна поневоле насторожилась.

— А что со мной? — Она нашла взглядом Роско. Тот, кажется, забыл про палку и что-то сосредоточенно рыл на полянке, с настойчивостью экскаватора.

— Ты странная, солнце.

— Странная? — повторила она и тут же недовольно поджала губы. — Спасибо за комплимент.

Костров рассмеялся. Он к этому моменту от Алёны отошёл, привалился спиной к берёзе, а после и вовсе на корточки присел. И теперь с весьма удобной позиции Алёну разглядывал. А вот она на него смотреть, в открытую, не спешила, осторожничала. То на Роско смотрела, то на дом, а то и вовсе на рабочих, которые недалеко от дома возводили какое-то строение — не то сарай, не то амбар. Что-то, что должно было быть покрыто крышей.

— Это не комплимент. Говорю, как есть.

— И почему же я странная?

— Ты живёшь одна.

Алёна вскинула брови.

— Это всё? Я живу одна?

— Ну, девушка в твоём возрасте, при твоих внешних данных, да и работе, оставшись без присмотра, не должна была бы надолго одна остаться. А ты так сколько живёшь? Год? И мало того, у тебя даже парня нет.

Алёна очень внимательно следила за своим дыханием. Надеюсь, что приступ негодования на её лице не отражается, и говорить постаралась, как можно спокойнее.

— Вы считаете, Павел Андреевич, что рассказывая мне о том, что вы конкретно покопались в моей жизни, показываете себя с правильной стороны?

Он рассмеялся.

— Когда ты злишься, ты становишься безупречно вежлива. Это любопытно. Но я серьёзно.

— По-вашему, у женщины всегда должен быть мужчина?

Он призадумался над её словами, но достаточно быстро кивнул. И уверенно.

— Да.

Алёна сложила руки на груди.

— Потому что вы не встречали других женщин?

— Что значит — других?

— Самодостаточных.

Костров засмеялся, поднялся, осторожно потёр бедро ладонью.

— Будешь рассказывать мне про феминизм?

Алёна покачала головой.

— Нет. Мне на самом деле интересно. Вам попадались только зависимые?

Он странно глянул на неё, прищурился. Вдруг похвалил:

— А ты молодец. Ловко мяч перекинула. Наверное, я в тебе что-то не рассмотрел.

— Вы не ответили.

Он щёлкнул её по носу, Алёна отшатнулась, но Костров сделал вид, что не заметил, пошёл от неё прочь. Только посоветовал:

— Не напирай.

— Я видела фотографию в вашем телефоне! — крикнула она ему в спину, и тут же мысленно посоветовала себе прикусить язык, но было поздно. Павел уже остановился, обернулся, а на неё взглянул с опасным интересом.

— Это какую?

Решила идти до конца.

— Женщину. Брюнетка на шезлонге.

Павел едва заметно нахмурился, наверное, вспоминал снимки, что хранились в памяти его телефона, после чего ухмыльнулся.

— И что?

Алёна осторожно обошла его на узкой тропинке, чтобы пойти к дому вперёд него. И через плечо сказала:

— Вот такие никогда не бывают одни. Они беспомощные, или притворяются беспомощными. Поэтому, ничего удивительного, что вы равняете всех под одну.

— А ты не такая.

Обернулась на ходу, руками развела.

— Сами же сказали: я — странная.

— Ну-ну.

Это насмешливое, даже ехидное «ну-ну» так и звучало в ушах. Алёна обошла дом, вышла к парадному крыльцу, не удержалась и кинула взгляд за своё плечо. Костров шёл за ней, чуть поотстав, и что-то выговаривал заигравшемуся и перепачканному Роско. А тот понуро опустил голову, и выпустил что-то из пасти, прямо к ногам хозяина. Алёна присмотрелась и ахнула, это было тельце какого-то зверька. Не удержалась и воскликнула:

— Роско!

Тот вскинул лобастую голову, уши встали торчком, а на морде появилось подобие улыбки,

пёс даже хвостом с большим энтузиазмом закрутил. Наверное, решил, что она его добычу оценит.

Алёна подступила на шаг, продолжая издали вглядываться.

— Кто это?

— Крот, — сказал Павел.

Роско понюхал добычу, потом сел и почесал за ухом. Алёна же грозно нахмурилась.

— Роско, нельзя убивать животных!

Пёс снова пошевелил ушами, на этот раз выглядел недоумённым.

— Это плохо! — продолжала Алёна и даже пальцем в пса ткнула.

Костров смотрел на неё с большим интересом, хотел усмехнуться, Алёна заметила, как его губы дёрнулись, но в последний момент он сдержался. Посмотрел на свою собаку, встретился с ним взглядом, головой качнул... но вслух Алёну не поддержал, а возможно, и не согласен был. А Роско сказал:

— Пойдём мыться, убивец.

На мёртвого, довольно упитанного крота все посмотрели, в молчании, и Павел пошёл в обратном направлении, за дом, Роско потрусил за ним после короткого свиста, а Алёна осталась. Подошла к зверьку, присела на корточки, с сожалением того разглядывая. Если честно, до этого крота ни разу не видела, ни живого, ни мёртвого. Не слишком симпатичный зверёк. Что совершенно Роско не оправдывало.

После некоторых раздумий, пришло сходить в левое крыло, которое гудело от количества работников, и поинтересоваться у мужчины в комбинезоне, где ей раздобыть лопату. Или хотя бы совок. На неё странно посмотрели, потом окинули изучающим взглядом, затем, наверное, вспомнили, что она гостя хозяина, и выдали небольшую лопатку. Алёна вежливо поблагодарила, а лопату некоторое время рассматривала. Чего только в жизни не происходит и чего только делать не приходится. Вот и крота придётся хоронить. Конечно, можно было бы попросить этого мужчину, он то ли садовник, то ли ремонтник, но Алёне почему-то подумалось, что он такими глупостями заморачиваться не станет, и просто выкинет зверька на помойку или под какой-нибудь куст. Поэтому пошла сама. Выкопала ямку у куста жимолости, как ей показалось достаточно глубокую, и вернулась на тропинку. Недолго покрутилась вокруг, не зная, как лучше подступить. Руками ни за что бы не дотронулась. Попыталась лопатой подхватить, но крот сваливался обратно на землю.

— Отойди, я сам.

Павел появился из-за её спины, отобрал лопату. С ним и Роско появился, потряс головой, и брызги полетели в разные стороны. Своей вины он точно не чувствовал. А вот Алёне пришлось признаваться, что она собиралась крота хоронить, и что даже ямку вырыла. Взгляд Павла становился всё более задумчивым. Но он молчал, и даже послушно положил зверька в ямку и закопал. Всё-таки глянул на свою собаку и кулаком погрозил. Алёна же над могилкой вздохнула.

— Он собака, — оправдывая своего любимца, сказал Костров. — Ему нужно охотиться.

— Его нужно воспитывать!

Павел усмехнулся.

— Ну, попробуй.

У дома остановилась машина, и оба обернулись. Роско кинулся туда, продолжая фыркать, но уже явно радовался прибывшему.

— Вадим приехал, пойдём, — сказал Алёне Костров. — Он тебе подарок привёз.

Это заявление насторожило.

— Что за Вадим?

— Приглядывает за всем, — непонятно выразился он, а Алёна, увидев мужчину, что вышел

из автомобиля, сразу всё поняла. «Приглядывает за всем» — это служба безопасности. Да и узнала его. Тот самый, что приезжал с оружием в камуфляжной форме. Правда, сейчас он был одет без намёка на военщину, в джинсы и рубашку с коротким рукавом, но по-военному короткая стрижка и взгляд в упор его выдавали. Роско сделал попытку напрыгнуть на него, мужчина потрепал его между ушами, но тут же пресёк всякое баловство. Один короткий жест, и Роско присмирел и только потрусил рядом с ним обратно к хозяину. А Вадим шёл по дорожке и смотрел не на Кострова, он Алёну разглядывал. И настолько пристально, что та машинально спрятала руки за спину, а взгляд отвела в сторону.

— Что-то ты долго, — сказал ему Павел вместо приветствия. Обменялся с Негожиным красноречивым взглядом, когда тот кивнул на Алёну.

— Твою просьбу выполнял. Ты же просил аккуратно.

Костров усмехнулся.

— Я просил. — На Алёну посмотрел. Та усердно притворялась глухой, слепой, при этом оскорблённой. И только наградила Роско грозным взглядом, когда тот уселся у её ног и сделал попытку всем весом к ней привалиться. — Алёна, это Вадим.

Она голову повернула. Едва заметно кивнула тому. А Негожин хмыкнул.

— Строптивая.

— Вадим, девочка в гостях. Давай будем доброжелательными.

— Да как скажешь.

Алёна не выдержала, и пошла к дому. Мужчины смотрели ей вслед. Костров сунул пальцы за карманы джинсов, девушку разглядывал. А Вадим негромко спросил:

— Значит, решил по-хорошему?

— Я присматриваюсь.

Негожин посмотрел на начальника, не стесняясь, усмехнулся.

— И смотрю, много высмотрел.

Павел хохотнул.

— Ну... Меня смущают её мозги.

— Очень умная?

— Повёрнуты они у неё не в ту сторону. Это явно. Мы вон сейчас крота хоронили.

— В смысле?

— В прямом. И мне стало любопытно. Что ты там нарыл?

— Да ничего. Дома всё на местах, всё аккуратно. В шкафу... наверное, как ни у одной женщины, военная аккуратность. Вот это странно.

— А компьютер?

— Ребята ещё работают, но, Паш, чисто всё. Похоже, у неё действительно не все дома. Ничего она не скидывала, ничего не копировала. Три флешки нашли в столе, все чистые, в смысле, ничего, что бы касалось нас.

— Тётка?

— Живёт себе в Ярославле и живёт, племяннице дважды в неделю звонит, как по часам. Мужа холит и лелеет. Золотарёва твоя на неё не похожа, ни внешне, ни характером. Там серьёзная, пробивная мадам. Кстати, красивая тётка.

— О, в твоём вкусе?

— Паш, она выглядит лет на тридцать.

— А-а. Другое дело.

— Издевайся, издевайся. Я, в отличие от некоторых, женщин люблю, а не молоденьких русалок.

Павел подбородок потёр, продолжая улыбаться, но сам раздумывал.

— Тётке сорок три, Алёнке двадцать шесть... Что про её семью узнал?

Вадим присел на корточки, чтобы погладить Роско, поднял голову, на Павла посмотрел.

— Особо узнавать нечего было. Родители живы, живут в деревне, в соседней области. Почти на границе. Своё хозяйство, дети. А краса твоя переехала к тётке в возрасте шестнадцати лет. Вот, в принципе, и всё.

— Понятно. Ладно, будем действовать на ощупь.

Вадим поднялся, джинсы отряхнул, а сам не скрывал веселья.

— На ощупь — это хорошо. А местами даже приятно.

Павел с силой хлопнул его по плечу.

— Ты о своих приятностях думай. И обязанностях. Иди, дари девушке подарок.

— А, то есть, я дари, и я же огребай? Хорошо ты устроился.

— Ну, так кто-то здесь должен приказы отдавать. Стараюсь соответствовать.

Когда в дверь спальни постучали, Алёна была уверена, что это Павел. Он сегодня явно не собирался оставлять её в покое. Он ходил за ней, задавал вопросы, заглядывал в глаза, даже делал то, что она хотела. Хотя, Алёна была уверена, что не в характере Павла Кострова идти на поводу у взбалмошных девиц и хоронить с ними мелких зверьков. И поэтому она ждала, что он и в этот раз отправится за ней, словно боится оставлять её надолго одну. Но за дверью оказался Вадим. С каменным выражением лица, смотрел на неё безразлично, после того, как на улице её разглядел, видимо, интерес потерял. Зато в руке держал чемодан. Знакомый. Настолько знакомый, что Алёна машинально отступила назад в комнату, не сводя глаз со своего чемодана. Со своего чемодана! А Вадим вошёл и поставил свою ношу у её ног. Кивнул на чемодан.

— Вещи привёз.

Она только руками развела, не зная, что сказать.

— Вы... были у меня дома?

Негожин смотрел на неё и молчал. А Алёна кулаки сжала.

— Вы вломились в мою квартиру?!

— Вообще-то, просто вошёл. Надо тебе замки поменять, совершенно никуда не годятся. Я Павлу скажу.

— Про замки? — Алёна в бессилии на чемодан у своих ног уставилась, после чего выдохнула. — Я сама ему скажу, я ему всё скажу! Вы бандиты!

Негожин шмыгнул носом. Потом указал рукой на открытую дверь, видимо, предлагая ей проделать задуманное. И, наверное, был уверен, что она испугается. Алёна и испугалась, на одно короткое мгновение, осторожность подала голос, но Алёна быстренько её заткнула, и чтобы не дать себе передумать, перескочила через чемодан и из комнаты выскочила.

Внизу лестницы её встретил Роско. Лежал у ступенек, зевнул при виде неё, и только глянул с удивлением, когда Алёна мимо него пробежала. Выскочила на крыльцо и огляделась. Кострова разглядела вдалеке, у той самой строящейся постройки, он разговаривал с рабочими, даже жестикулировал. Алёна едва ли не бегом направилась к нему. Правда, на полпути поняла, что гнев её стремительно тает. И стало ясно, что не может подбежать к нему, как собиралась, накричать или потребовать одуматься или извиниться. Это же Павел Костров. Что он сделает, по её мнению? На самом деле извинится? Наверняка, он уверен, что поступил правильно.

Он проверял её. Личную жизнь, личные вещи. Он заставил своего подручного залезть к ней в шкаф.

Теперь она шла медленно, но всё ещё продолжала к нему идти. И, наверное, смотрела слишком пристально, потому что Павел вдруг обернулся, увидел её. Сказал что-то мужчине в рабочем комбинезоне, тот кивнул, а Костров пошёл Алёне навстречу. И на его губах было лишь подобие улыбки, это было откровенное ехидство.

— Я уже знаю, что ты мне скажешь. — Алёна остановилась перед ним, но Павел её обошёл и не спеша зашагал по дорожке обратно к дому. Алёне пришлось повернуться за ним следом.

— Я просто не понимаю... Что я такого сделала, чтобы так...

Он обернулся через плечо.

— Ты сделала глупость.

— Но так нельзя.

Костров вздохнул напоказ, скорее сокрушаясь по поводу её наивности.

— Можно, Алёна. Только так и можно. Я защищаю семью. Ты потом поймёшь. — Он шёл к дому, а она продолжала стоять, и в какой-то момент ему пришлось оглянуться. — Иди в дом. Я не хочу, чтобы ты выходила одна. — Его взгляд скользнул по сторонам. — Слишком много чужих людей в усадьбе.

Первый вечер в Марьяново показался Алёне бесконечным. Павел оставил её покое, не ходил за ней больше и не заговаривал, и, наверное, даже обрадовался, когда она поднялась к себе в комнату и до ужина оттуда не показывалась. И на ужин бы предпочла не выходить, чтобы никого не видеть, если бы Альбина Петровна не поднялась к ней в комнату и не позвала её к столу официально. Приглашение на самом деле было официальным, произнесено вежливо и равнодушно, но явственно ощущалось, что лучше не отказываться от него. И Алёна, поборов в себе сиюминутное возмущение и протест, пообещала спуститься через пять минут. И даже переодеться решила, платье, что она надела этим утром, с самого начала казалось ей чересчур строгим, но утром она собиралась на пресс-конференцию, а вот разгуливать в нём по усадьбе, казалось глупым. Правда, думать о том, что вещи в её чемодане собирал незнакомый ей мужчина, было неприятно, и именно из-за этого она злилась и возмущалась, правда, в душе и за закрытой дверью спальни, последние несколько часов. Там даже бельё лежало, сваленное в угол неаккуратной кучкой. И как она должна его носить после того, как его охапкой вытащили из её шкафа и небрежно кинули в чемодан? Незнакомой неприятной ей рукой? Но Костров этого, кажется, не понимает, и уверен, что она благодарна ему должна быть. За заботу.

Ужинали они втроем. Напротив Алёны за столом оказался Негожин, который на неё не обращал абсолютно никакого внимания, в принципе, как и сам Костров, и после некоторого размышления Алёна пришла к выводу, что это к лучшему. Они разговаривали между собой, ничего важного в их беседе не всплывало, по крайней мере, на первый взгляд, и только время от времени Павел кидал на неё испытывающие взгляды. Вадим же (даже интересно, чем он заслужил честь ужинать с хозяином за одним столом) ел с аппетитом, а если и смотрел в сторону Алёны, то словно сквозь неё. Она его не интересовала. Наверное, пришёл к выводу, что она не опасна и неприятностей не доставит. Судя по его безразличию, он так и решил, что, правда, не помешало ему приставить к ней охранника на вечер.

Алёна не сразу его заметила. После ужина вышла на улицу, посидела на ступенях крыльца, издали наблюдая за тем, как рабочие усаживаются в микроавтобус и после уезжают, а когда она решила пройтись к месту строительства и как следует рассмотреть, что же там строят, вот тогда и заметила парня. Он держался поодаль, не спешил её догонять или что-то ей запрещать, но глаз не спускал. И, скорее всего, пустится вдогонку, если Алёна решит бежать от дома прочь. Больше ей такого шанса не дадут, можно не надеяться.

И поэтому она лишь прогулялась по дорожке, некоторое время разглядывала стены строения, пока без крыши, и леса вокруг, потом присела на бревно и стала смотреть на заходящее солнце. Оно опустилось почти до верхушек сосен, ещё немного и окончательно скроется, и тогда стемнеет практически мгновенно. Вокруг стало тише, утих звук строительных работ, голосов, звука моторов не слышно, и сейчас только сосны шумели и сверчки пели. Ветер налетал короткими, тёплыми порывами, и пахло по-особенному. Пахло деревней и свободой, что ли. Как в детстве, когда хотелось бежать и бежать по полю. И ни о чём не думать.

В усадьбе тоже было, где разбежаться. За домом целое поле, и если не брать во внимание строительную площадку, то здесь царило запустение и хаос. Деревья, кустарники, которые разрослись настолько, что начали наступление на дом. Да и задняя часть дома была нежилой, комнаты все закрыты, окна тёмные, а стена дома в серых пятнах штукатурки. Но только увидев дом с этой стороны, Алёна осознала, насколько же он на самом деле большой. настолько, что Костровым не хватило нескольких лет владения для того, чтобы окончательно привести его в порядок. Целое крыло оказалось запертым до лучших времён. Интересно, когда они наступят. И

насколько величественной станет усадьба, приняв свой первоначальный облик. И почему-то вспомнился профессор Никодимов, обладатель удивительного отчества, который, наверняка, был бы очень рад увидеть всё это своими глазами, даже в нынешнем виде. Павел уже очень много сделал.

Охранник её не беспокоил. Алёна даже забыла о нём в какой-то момент. На глаза не лез, сидел к ней вполоборота, она только ноги его видела за стволом липы, и курил. И, скорее всего, тоже разглядывал дом и думал о нём. О доме невозможно было не думать. Как только подъезжал по заново асфальтированной дороге к парадному крыльцу, любой человек терял дар речи, хотя бы на минуту. Накрывало такой необъяснимой волной впечатлений, словно тебя выбрасывало из круговорота времени, и можно было лишь смотреть на белокаменный дом, впитывать в себя его торжественный облик и вспоминать... вспоминать, в каком веке ты на самом деле живёшь. Или она всё себе придумала, и Марьяново только на неё так действует? Что ей мерещится всякое. Тени, звуки, наступающая на дом природа. А заходящее солнце отражается в тёмных окнах, напоминая пожар.

Роско прибежал через поле, шумно дыша, и шумно вздохнул, когда сел у ног Алёны. А та негромко спросила:

— Ты один? — Осторожно огляделась, но Павла нигде не было видно. И тогда она пса погладила, вытащила из-за его уха репей. — Ты уже всё здесь облазил, да? Все колючки на себя понацеплял. Посмотри, вот ещё одна.

На колючки Роско было наплевать, он даже не подумал внимание обратить, когда Алёна потянула его за шерсть на боку. Зевнул и вывалил розовый язык. А Алёна принялась к нему и улыбнулась.

— Роско, ты пахнешь лавандой. — Похвалила: — Хороший у тебя шампунь.

Вскоре появился Павел. Вышел из-за дома, но первое, что Алёна заметила, это как парень вскочил и вышел из-за дерева. Но Кострова больше интересовал его пёс, чем охранник. Он как из-за дома показался, сразу свистнул и зычно крикнул:

— Роско!

Тот с земли поднялся, завилял хвостом и залаял. Оглянулся на Алёну, после чего поспешил к хозяину. А тот к этому моменту уже заметил и его, и Алёну, и даже охранника за деревом. Махнул тому рукой, отпуская, а сам неспешно направился к Алёне.

— Давно сидишь?

— Не знаю. Полчаса...

Он подошёл, для начала остановился рядом, Алёну разглядывая, затем присел рядом. Снова ногу вытянул. Алёна заметила, что поморщился. Неосознанно, но поморщился. Она не удержалась и спросила:

— Болит?

Павел посмотрел на неё.

— Иногда.

— Надо выпить таблетку.

— Это не мигрень, солнце. Жить на таблетках как-то не с руки, да и привык уже.

Роско положил голову ему на колени и снова вздохнул, на этот раз счастливо. Костров же тоже на дом стал смотреть. А Алёна вдруг поняла, что нервничает — то ли от его молчания, то ли от близкого присутствия, а может, ото всего вместе. Разглядывала свои руки, отчаянно ища хоть какую-нибудь тему, чтобы не молчать.

— Альбина Петровна сказала, что здесь будет конюшня.

— Точнее, конюшни. Хочу попробовать заняться.

— Лошадьми? — Она поняла, что не на шутку удивлена.

Павел же усмехнулся.

— А почему нет? У меня приятель всерьёз занимается, а я... Столько земли, не в гольф же мне здесь играть. А лошади — это красиво. И благородно.

Она головой качнула. Павел заметил и решил поинтересоваться:

— Не одобряешь?

— Не знаю. Я просто не понимаю...

— Что именно?

— Такую жизнь. Усадьба, прислуга, лошади.

— Отец хотел так жить. Он всю жизнь к этому шёл. Но так и не успел.

Алёна разглядывала его украдкой, даже к голосу его прислушивалась с неподдельным вниманием, но особой горести не уловила. Но всё равно ощутила потребность посочувствовать, хотя бы из вежливости.

— Прошло ещё слишком мало времени. Потом станет легче. Наверное...

Костров вдруг развеселился, по крайней мере, на неё взглянул с усмешкой.

— Ты, думаешь, я горюю?

— Какие бы ни были отношения, смерть родителей — это всегда тяжело.

— Может быть ты и права. Но мой отец не отличался особым человеколюбием. Добродушным парнем точно никогда не был. Но баб любил, что скрывать.

— Но вы восстанавливаете усадьбу, как он хотел.

— Ты кое-что путаешь. Я делаю это не во имя его памяти, я делаю это для себя и для семьи. Чего он хотел, я отлично знаю. Он мечтал встретить здесь старость, если хочешь, править здесь и царствовать, окружить себя свитой прихлебателей, которые вечно вокруг него вились, и помереть лет в сто, возлежа на шёлковых подушках, с вышитым на них золотом гербом Костровых. И именно поэтому, как только представилась возможность и ему понадобилась от меня крупная сумма, я выкупил у него усадьбу.

— Назло?

— Тогда да. Если честно, я первый раз сюда приехал уже став полноправным владельцем. И понял, что это моё место.

Алёна прикусила губу, скрывая усмешку, правда, от замечания не удержалась:

— Потянуло к корням.

Павел развернулся, перекинул одну ногу через бревно, и теперь смотрел на Алёну в упор.

— Вот почему ты такая язва?

Она плечами пожала, а он продолжил:

— Ты маленькая, глупая девочка. У которой проблема с выбранной профессией. И не спорь со мной. Но при этом тебя вечно тянет на подвиги, и ты не умеешь молчать.

— Умею.

— Нет, Алёна, не умеешь.

Она посмотрела на него.

— Я умею молчать.

Павел смотрел на неё и улыбался. Алёне вдруг стало нечем дышать, она отвернулась от него и нервно кашлянула.

— Сколько я здесь пробуду?

— Посмотрим. Неделью, две.

— Так долго?

— Тебе здесь не нравится?

— Дело не в этом. Но это переходит всякие границы разумного!

— Следствие идёт. В этом нет ничего разумного.

— Я ничего не знаю! Я уже говорила, я не лезла по твоему телефону!

— Я должен верить тебе на слово?

Она замолчала, смотрела в сторону, не зная, какие доводы ещё привести ему. Хотя, они были ему не нужны, Павел всё для себя решил.

— Если ты волнуешься из-за работы, то я позвонил Рыбникову. И он с огромным удовольствием дал тебе отпуск. На две недели.

Алёна машинально повернулась к нему.

— Отпуск? У меня отпуск был в марте!

— Вот видишь, как тебе повезло?

Павел дотронулся до её волос, но Алёна от возмущения и удивления в связи с полученным внеочередным отпуском, даже насторожиться забыла и только оттолкнула его руку.

— Ничего не вижу. Он от меня избавиться хочет! Причём, за мой счёт! Кто мне оплатит ещё один отпуск?

— Тебя это волнует? Лучше расскажи мне про Тараса.

Она нахмурилась.

— А что с ним?

— Тарас такой осторожный мужик. Всегда кичился тем, что он волк-одиночка. И вдруг он тебя за ручку водит и профессиональный опыт передаёт. К чему бы это?

— Наверное, к тому, что он больше смыслит в профессии журналиста, чем некоторые!

— Некоторые — это я?

Алёна отвечать не стала, отвернулась от него, уже готова была подняться и вернуться в дом. Разговаривать с Павлом дальше смысла не было, он всё равно слова правды ей не скажет, просто потому, что всерьёз не воспринимает. Грудь распирало от эмоций, Алёна была уверена, что её переполняет возмущение, и только когда Павел взял её за подбородок, заставляя повернуть голову и снова посмотреть на него, поняла, что её душит не только возмущение. Оказывается, всё это время сердце бешено скакало в груди, а когда он дотронулся, вдруг резко остановилось. Словно ударились обо что-то и замерло. Алёна глаза на Кострова вытаращила, и понимала, что боится его. Но того, к чему могут привести его действия, а не того, что он сделает ей.

Павел же погладил пальцем её подбородок. И очень вкрадчиво, совсем не угрожающе, спросил:

— Что ты ему рассказала?

Сердце, кажется, ожило, хотя бы трепыхнулось в груди. Значит, на месте. Алёна нервно облизала губы.

— Ничего.

— Алёна...

— Про усадьбу. И всё.

— Телефон показывала?

— Нет. Я даже не сказала ему... что здесь была.

Павел вдруг улыбнулся.

— Почему?

— Не знаю. Я испугалась... Особенно, когда машину увидела. И... стыдно было. Я ведь ничего не узнала.

У Кострова плечи дрогнули.

— Да, ты ничего не узнала. Только влезла ко мне в дом, и даже в карман. До тебя это никому не удавалось.

— Я же не знала...

— Угу. — Он кивнул, чуть крепче сжал её подбородок и наклонился к ней.

Алёна зажмурилась крепко-крепко. И дыхание затаила. Неожиданно накрыло с невероятной силой ощущение того, где она находится и с кем. Сгущающиеся сумерки, лёгкий ветерок, симфония кузнечиков вокруг, и тёплое мужское дыхание на губах. Павел ещё помедлил, разглядывал её, изучал, потом поцеловал. А она ногтями вцепилась в обструганное бревно. И только принимала его поцелуй, потому что ответить никак не получалось. Для этого нужно было осознать, понять, набраться смелости и, конечно же, беспечности, чтобы поцеловать Кострова-младшего, а в ней ничего этого не было. В сознании только меркло и что-то плавилось от его поцелуя, и ей даже показалось, что она обязательно потеряет сознание. Какое-то невероятное, абсолютно не поддающееся логике чувство. Будто её впервые целует мужчина, будто ничего более волнительного она в своей жизни не испытывала, да и ведёт она себя, как девчонка, раз не дышит и пытается поверить в то, что чувствует.

Роско наскочил на них, встав на задние лапы и ткнувшись мордой прямо в их щёки. Заскулил и завилял хвостом. Павел его оттолкнул, от Алёны отодвинулся, а псу кулак показал.

— Кайфоломщик, испортил всё.

Алёна глаза открыла. Слышала голос Павла, знала и понимала, что Роско сделал, но у неё кружилась голова, а глаза открыть и встретить взгляд Павла, было отчего-то неловко. Но это пришлось сделать, сидеть, как истукан и дальше, было бы глупо. Глаза она открыла и поспешила губы вытереть. На бревне в другую сторону развернулась. Правда, тут же почувствовала, что Павел за её спиной поднялся. А его рука скользнула по её плечу.

— Пойдём в дом. Прохладно становится, замёрзнешь.

В дом. Правильно, надо идти в дом и немедленно уйти в свою комнату.

Её комната через стену от его спальни.

Он всё это специально сделал. Он продумал, он замыслил...

У него таких, как она... Точно нет. Потому что у него полно таких, как та девушка на фотографии в его телефоне. Он ведь Костров.

— Хочешь вина? У меня есть отличное бордо.

Алёна с трудом сглотнула, услышала, как за её спиной хлопнула, закрываясь, входная дверь, а в замке повернулся ключ. Она невольно начала пятиться к лестнице. Головой покачала.

— Нет. Я пойду спать. Это был очень... странный день. — Уже взявшись за перила, вцепилась в них, ища, откуда бы взять смелости, чтобы посмотреть ему в глаза. — Спокойной ночи, Павел Андреевич.

Он хмыкнул. Весело и в явном любопытстве. Но останавливать её не стал, кивнул на прощание и даже вполне вежливо пожелал ей спокойной ночи в ответ. И, конечно, ему в голову не пришло, что Алёна очень долго не спала, чутко прислушиваясь к шагам в коридоре, ожидая, когда Павел пройдёт в свою спальню. Сна не было ни в одном глазу. Алёна открыла настежь окно, слушала ночные звуки леса, от которых давно отвыкла, и ждала шагов. И никак не могла уснуть. Ждать пришлось долго. Ей показалось, что целую вечность. Прошло больше трёх часов, прежде чем Павел поднялся на второй этаж и прошёл к своей комнате. Очень тихо прикрыл за собой дверь, а в его спальне зажёгся свет. Жёлтое пятно упало и на подоконник окна Алёны, и она опять же долго таращилась на него, не понимая, почему Павел так долго не спит. Он не спал, и она глядела в ночь. Даже думать ни о чём не могла, просто прислушивалась и дышала в тишине.

Ничего удивительного, что проснулась достаточно поздно. И разбудили её опять же шаги в коридоре. Но это были шаги не Павла, явно женские и принадлежащие не одному человеку. Кто-то суетился в коридоре. Алёна вздохнула, перевернулась на спину и потянулась. На минутку замерла в неудобной позе, с закрытыми глазами, готовясь встретить новый день. Затем уже посмотрела на часы, и после первого желания ужаснуться, вспомнила, что кое-кто ей выбил

отпуск и даже «вывез на природу». Поэтому можно было не торопиться, не хвататься за голову, а спокойно подняться с постели и принять душ. Правда, для начала выглянула в коридор. Дверь в комнату напротив, что вчера была заперта, оказалась распахнутой и там явно наводили тщательный порядок. Рассмотреть ничего было нельзя, в дверях стояла Альбина Петровна, и руководила молоденькими девочками, совсем как вчера, ей на самом деле не хватало дирижёрской палочки.

— Альбина Петровна, всё в порядке? — поинтересовалась Алёна.

Домоправительница обернулась, взглянула с лёгким недоумением, после чего обстоятельно кивнула.

— Да, всё хорошо. Вас ждёт завтрак.

— Какой завтрак? Полдень, я проспала всё на свете.

— Это неважно. Завтрак подадут, как только вы спуститесь в столовую.

Такая услужливость настораживала. Чтобы как-то соответствовать чужой обстоятельности и идеальности, Алёна пригладила спутавшиеся за ночь волосы.

— Спасибо. Я вполне обойдусь кофе и бутербродом.

— Как скажете.

Алёна закрыла дверь и вздохнула. Чувствовала себя неблагодарной. Не настолько благодарной, как Альбина Петровна того заслуживала.

От полноценного завтрака Алёне пришлось ещё раз отказаться, на этот раз сказать это девушке, что ждала её в столовой. И снова чувствовала себя неблагодарной, к тому же эгоисткой. Люди явно с утра раннего на ногах, а им ещё приходится отвлекаться на её причуды и «завтрак» едва ли не в обеденный час. Но ей принесли горячий кофе, а вместо бутерброда с сыром, подали на тарелочке две изумительные булочки с изюмом, причём в виде розочек. Их даже есть было жалко.

— А Павел Андреевич... — рискнула она поинтересоваться у девушки, которая убирала со стола. Замолкла, не зная, как к ней обратиться.

— Меня зовут Соня, — с готовностью сообщили ей.

— Очень приятно. Павел Андреевич... в усадьбе или в город уехал?

— Он у себя в кабинете, просил не беспокоить.

— Понятно. Спасибо, Соня. Было очень вкусно.

Девушка улыбнулась и упорхнула. Кажется, все, кроме неё, счастливы здесь находиться, даже в ранге прислуги.

Но в доме царила странная суэта. Именно в доме. На улице снова шумели рабочие, неподалёку садовник стриг газон, что добавляло шума в общий фон, приехал ещё какой-то грузовик и рядом со свежестриженным газоном начали выгружать детали чего-то непонятного, странной формы и плотно обёрнутого в полиэтилен. Алёна наблюдала за всем этим от нечего делать, время от времени поглядывая на плотно прикрытую дверь кабинета. На неё никто внимания не обращал, и она поневоле заскучала. Прогулялась вокруг дома, осторожно крутя головой и пытаясь понять, присматривают ли за ней днём, но так и не поняла. Даже Роско видно не было, и Алёна, в конце концов, устроилась на крыльце, на широкой балюстраде, сидела, щурилась на солнце и мотала ногой. До тех самых пор, пока у крыльца не остановилась знакомая машина, и не появился Негожин. Бодрый, бравый и деятельный. Что-то насвистывал себе под нос, Алёна намеренно отвернулась от него, решив игнорировать любителя рыться в чужих шкафах, но Вадим неожиданно направился прямо к ней.

— Скучаешь?

— Отбываю свой срок, — ответила она скучным тоном, подставляя лицо солнцу, что позволяло сидеть с закрытыми глазами и на Негожина принципиально не смотреть.

— Всем бы так срок мотать, — хмыкнул тот. Достал что-то из кармана и позвякал прямо у Алёны перед носом. Глаза пришлось открыть, взгляд она сфокусировала и нахмурилась.

— Что это?

— Ключи от твоей квартиры. Новые ключи от новых замков. Принимаю горячие благодарности.

Алёна ключи у него забрала, три ключа, по виду напоминающие ключи от врат ада. Ну, или от банковского сейфа.

— Я не просила.

— Павел сказал поменять, я поменял.

Алёна в задумчивости потёрла кончик носа.

— Лишний экземпляр нигде не оставили случайно?

Вадим ей улыбнулся, довольно ехидно.

— Я и без лишнего экземпляра, если надо, в гости зайду. Так что, не забивай себе голову лишней информацией.

— Я смотрю, повезло кому-то с работой.

Негожин лишь ухмыльнулся.

— А то. Знаешь, какие рекомендации для такой должности нужны? Тебе и не снилось, птичка. Кстати, где все?

Алёна сунула ключи в карман, недовольная, но всё же развела руками.

— Везде. Все бегают и суеются.

— А-а. Ну, правильно делают.

— Почему? Кто-то едет в гости?

Вадим головой покивал, не переставая усмехаться.

— Едет, едет.

И пошёл к открытым дверям в дом, оставив Алёну изнывать от неизвестности, и что скрывать, от любопытства. Потом стало немножко не по себе. А вдруг приедет Регина Ковалец? Если это так, то суэта понятна, для неё готовят лучшее и приводят всё в идеальный порядок.

Алёна же увидит её вживую. Практически идеал женщины.

А она сидит на крыльце, в шортах и футболке, и зарабатывает себе веснушки на носу. Может, переодеться во вчерашнее платье?

Пока раздумывала над этим, из дома вышел Павел. Лёгкие хлопковые джинсы, тёмно-синяя футболка и лёгкая щетина на щеках, скрывающая паутинку шрамов. Было от чего заволноваться, даже без воспоминаний о вчерашнем поцелуе и её позорного бегства после.

— Привет. Выспалась?

Алёна сделала вид, что щурится на солнце, глаза рукой прикрыла и кивнула.

— Да. Проспала всё на свете.

— Ну, не всё. — Павел подошёл и протянул ей свои тёмные очки. Алёна поторопилась прикрыть ими глаза, но с сожалением вернула.

— Они мне велики.

— Я попрошу привезти тебе из города.

— Попроси, — кивнула она, не удержавшись от язвительности. — Пусть Вадим заедет ко мне домой, у него ведь теперь есть ключи.

Костров весело хмыкнул.

— Не перегибай. Просто тебе нужны были новые замки. Назовём это компенсацией за мою настойчивость.

— А может, я хочу другой компенсации?

— Очень интересно. Рассмотрю все варианты, обещаю. — Он уставился на неё с живым

интересом. — Так чего ты хочешь, Алёна?

Под его взглядом она смутилась. Поспешила отвернуться и проямлила:

— Я подумаю.

— Подумай, — согласился Павел с особым удовольствием.

Алёна чуть сдвинулась в сторону, чтобы не касаться его руки плечом, когда Павел опёрся на балюстраду.

— Вадим сказал, что ты ждёшь гостей.

— Гости?

Она пытливо смотрела на него.

— Кто приедет?

Костров взгляделся вдаль, после чего головой мотнул.

— Никаких гостей больше, солнце. — Улыбнулся своим мыслям. — Хозяин едет.

Она непонимающе нахмурилась.

— Хозяин?

— Я же тебе говорил, ещё тогда. Что скоро хозяин приедет.

— А кто ты тогда?

Павел ухмыльнулся.

— Раб лампы, — сказал он, подмигнул ей и пошёл обратно в дом. А Алёна руки на груди сложила, в полной уверенности, что она перестала понимать происходящее.

Разговаривать с ней, даже мимоходом, никто не желал, а уж тем более отвечать на её вопросы. А Алёна за следующий час додуматься успела до того, что её снова провели, и никакой Павел не Костров. В том смысле, что он вовсе и не Павел Костров. Кто его видел?

Правда, Тарас видел и не усомнился. Значит, дело в другом. В общем, голова кругом от тайн богатых и знаменитых, ей-богу.

Весть о том, что «едут», Алёну застала на середине лестницы. Ей надоело болтаться по дому без дела и наблюдать за тем, как другие работают, и она решила от чужой деятельности укрыться в своей комнате, но даже на второй этаж не успела подняться. Ей навстречу попалась взволнованная Альбина Петровна, спешащая вниз, а другая девушка, не отстающая от неё, и шепнула Алёне, взволнованное:

— Едут! От охраны звонили!

Что-то это всё напоминало. Один добрый советский фильм, в котором крепко сбитая крестьянская деваха, в исполнении Александры Захаровой, с восторгом орала барыне:

— Едут, едут!

Алёна остановилась на ступеньке, постояла, глядя вниз, потом тоже решила выйти на крыльцо. К тому же, Павел из кабинета вышел, судя по лицу, дожидаться не мог встречи с «хозяином». Настолько, что даже мимо Алёны прошёл, как бы не заметив.

Она тоже на крыльцо вышла, после обеда жарко здесь было немилосердно, солнце так и пекло, но Алёна перестала думать об этом тут же, как взгляд остановился на Павле. Тот стоял к ней спиной, сунув руки в карманы джинсов, расправив плечи, и смотрел на дорогу, на подъезжающие к дому машины. Алёна довольно быстро поняла, что взглядом, которым она ощупывает его фигуру в данный момент, нельзя гордиться, и чтобы не смотреть на него и не думать о том, о чём думать не следовало, и не вспоминать о том, о чём не следовало, подошла ближе. Встала неподалёку, тоже стала смотреть на дорогу. Два чёрных знакомых «гелендвагена» уже свернули на подъездную дорожку. Хотя, может это были другие автомобили и вовсе ей незнакомые, кто эти «гелендвагены» разберёт?

— Что, любопытно? — спросил Павел.

Алёна посмотрела на него, потом якобы безразлично пожала плечами.

Автомобили тем временем остановились перед крыльцом, сначала охрана появилась, и для чего-то бдительно огляделась. Алёне фыркнуть захотелось, но в последний момент она от этого опрометчивого поступка удержалась. Да и интересно было, она, честно, ждала появления Регины. И даже бросила быстрый взгляд на Павла, оценив степень нетерпения на его лице. Что-то такое шевельнулось в душе... что-то непонятное, неприятное и склизкое, но с этим даже разбираться не хотелось. Поэтому старательно задавила и приказала себе об этом не думать. Перевела взгляд на прибывших. К тому моменту один из охранников открыл заднюю дверь «гелендвагена» и подал кому-то руку. Но из машины вышла ничем не примечательная женщина в скромном брючном костюме, абсолютно не похожая на Регину Ковалец и даже своим внешним видом не напоминавшая кого-то значимого или важного. Женщина быстро огляделась, увидела собравшихся на крыльце, и взглядом тут же нашла Кострова. Вежливо кивнула тому, но Павел никак не отреагировал. Да и женщина, кажется, не ждала этого. Она что-то сказала охраннику, потом сама протянула кому-то руки в салоне автомобиля. А в следующее мгновение из машины выпрыгнул мальчик. На вид лет четырёх или пяти, черноволосый, он выпрыгнул и тут же руки отнял, на месте как щенок закрутился, оглядываясь. А Алёна вдруг вспомнила фотографию в телефоне Кострова: мальчик в костюмчике, хмурый и с надутыми от обиды губами. Сейчас он не хмурился и не дулся, но это явно был тот самый ребёнок. Алёна снова на Павла посмотрела, теперь уже в открытую. Растерянно моргнула, увидев улыбку на его лице. Довольную, можно сказать, что счастливую. Совершенно преобразившую его лицо, что было удивительно.

А мальчик тем временем тоже его заметил и выкрикнул, звонко и пронзительно:

— Папа!

Лицо Павла буквально осветилось.

— Я — папа, — с энтузиазмом отозвался он, и поторопился спуститься с крыльца.

Мальчик кинулся к нему от машины и, кажется, даже подпрыгнул от радости, совсем, как Роско, когда оказался рядом. Павел на руки его подхватил, сначала к себе прижал, потом поднял повыше, разглядывая.

— Папа, мы так долго ехали! — Детский голос, кажется, зазвенел над всей усадьбой. — На машине, потом на поезде, а потом опять на машине!

— Какое путешествие получилось, — поразился Павел, сына поцеловал и прижал к себе. — Зато ты на поезде прокатился, да?

— Мне понравилось, — закивал мальчик. За шею его обхватил, а сам с любопытством осматривался. — Это наш дом? Мы здесь жить будем?

— Да. Тебе понравится, здесь очень много места.

— А горка?

— И горка будет, и качели. Всё, что любишь.

— А где Роско? Роско! — закричал он, кажется, прямо отцу на ухо, потому что Павел поморщился. На крыльцо поднялся с сыном на руках.

— Бегаёт где-то. Сейчас услышит, что ты приехал и прибежит.

Павел прошёл мимо Алёны, она взглядом его проводила, но следом решила не торопиться. За ним и так вприпрыжку Альбина Петровна поспешила. Алёна даже услышала, как она залепетала:

— Ванечка, ты кушать хочешь?

Значит, Ванечка. Сын Павла Кострова. Хозяин всего, что у него есть. Что ж, это вполне понятно и логично. Но почему-то она удивлена. Он ни разу не упоминал его имени, даже мельком. Конечно, она ему никто, но и в доме ни одного намёка на ребёнка, ни одной фотографии в рамке на столике, даже в кабинете.

Женщина, что приехала с мальчиком, поднялась на крыльцо, они с Алёной встретились

взглядами, и та вежливо ей кивнула.

— Здравствуйте, — негромко сказала она.

Алёна также негромко отозвалась:

— Добрый день.

Точно не гостя, скорее, сопровождающая.

— Вы няня? Вас Регина наняла?

Алёна вошла в дом и услышала это.

— Да, меня зовут Ольга. Я присматривала за Ваней в Москве.

— Очень хорошо.

— Мы пообедали в городе, Павел Андреевич. Ваня не должен быть голоден.

Мальчик обследовал гостиную, заглянул в камин и за кресло. И оттуда подал голос:

— Я хочу молока и печенья!

Костров улыбнулся.

— За городом он всегда хочет есть. Как волчонок. Альбина Петровна, передадите на кухню?

— Конечно, Павел Андреевич!

Алёна облокотилась на столбик перил у подножия лестницы и наблюдала. В основном, за мальчиком. Тот бегал по гостиной, потом налетел на отца и обхватил того за ноги. Павел руку опустил и потрепал его по густым волосам. Мальчик, кстати, был очень стильно подстрижен, и почему-то подумалось, что это была идея Регины, явно не Кострова.

Павел тем временем продолжал с няней общаться.

— Сегодня вы останетесь в усадьбе, а завтра утром вас отвезут на вокзал.

— Регина Родионовна предупреждала, что мои услуги здесь не понадобятся, — покорно кивнула женщина.

Павел опустил глаза к лицу сына, улыбнулся.

— Да, здесь мы справимся без няни.

— Мы с папой пойдём на рыбалку, тётя Оля!

Няня мальчику улыбнулась. И поддержала:

— Это очень хорошо, Ваня.

— Вам покажут вашу комнату, отдыхайте.

Когда няня прошла мимо Алёны, та уже была увлечена другим. Они с Ваней уже с минуту разглядывали друг друга. Мальчик заметил её, с интересом рассматривал, потом прищурился. Очень знакомо, совсем, как отец. Затем спросил:

— Ты кто? Я тебя не знаю.

Павел укоризненно глянул на него.

— Ваня, так нельзя говорить с взрослыми. Кто тебя воспитывал?

Мальчик плечами пожал. А Алёна рассмеялась, подошла ближе и протянула ему руку.

— Меня зовут Алёна. Знакомиться будем?

Руку её он пожал и спросил:

— Ты здесь живёшь?

Алёна кинула взгляд на Павла, тот наблюдал с насмешкой.

— Я здесь в гостях.

— Папа тебя пригласил?

Пока Алёна раздумывала над ответом, Павел подошёл и сына на руки подхватил. Крепко поцеловал его в щёку. А сыну сказал:

— Я её пригласил. Алёна поживёт с нами немного, ей нравится этот дом. — Он сына чуть подкинул на руках и поразился: — Какой-то ты тяжёлый стал. Чем тебя Регина кормила эти две недели?

— Блинчиками! — с готовностью отозвался Ваня, уже позабыв про Алёну и уцепив отца за шею. — Она сказала, что мне можно блинчики есть, а девчонкам нельзя. Потому что у них фигуры! А у меня нет фигуры, мне можно.

Костров засмеялся.

— Тебе определённо повезло.

Ваня серьёзно кивнул.

— Да. — Крутанулся, когда отец поставил его ногами на диван, снова за него уцепился. — Папа, а ещё мы с Региной ходили в цирк! И в кукольный театр!

— Как здорово. Тебе понравилось?

— В цирке — да, а в театре только куклы были. — Ваня смешно сморщился. Потом с дивана спрыгнул. — Папа, где Роско?

— Иди, выйди на крыльцо и покричи его, он тут же прибежит. С крыльца не уходи, Ваня!

— Ладно! — Ребёнок с топотом пробежал мимо Алёны и с улицы тут же послышался его звонкий голос: — Роско, Роско!

А Алёна с Павлом остались с глазу на глаз. Он смотрел на неё с лёгкой издёвкой, а она решила уличающе хмыкнуть. И сказала:

— Папа.

Он склонил голову, признавая.

— Папа.

— Мог бы и сказать.

— Я думал, ты в курсе.

— Если честно, мне в голову не пришло, — созналась она.

— Да, ты разглядывала мою бывшую.

Она сделала вид, что несказанно удивлена.

— А это была твоя бывшая?

— Ты и этим удивлена?

— Вот ещё, — фыркнула она. И решила уйти, от греха подальше, сообщила: — Я буду у себя, занимайся ребёнком.

Прежде чем свернуть на лестницу, заметила на крыльце Ваню с Роско. Пёс сидел копилкой, свесив язык, покорно принимая крепкое объятие. Мальчик обнимал собаку за шею и что-то тому говорил. А Роско обнюхал его, потом лизнул в ухо.

Дверь в комнату напротив теперь была открыта. Алёна не удержалась, заглянула, увидела два чемодана на полу, разобрать их ещё не успели. Но больше заинтересовала детская. Воспользовавшись тем, что рядом никого, Алёна дверь пошире открыла и заглянула. Наверное, это была самая большая комната в доме, но скорее всего, её сделали такой, сломав стену между двумя спальнями. Много места, света, а вот мебели совсем немного. Детская кровать у окна, яркий письменный стол с полками для книг и выдвижными ящиками, напротив шкаф-купе с зеркальными дверцами, всё остальное пространство занято игрушками, спортивным уголком, а пол застелен ковром весёлой расцветки. Под потолком «планировали» модели самолётов и даже ракета. Это была самая замечательная детская комната, которую Алёна когда-либо видела. Возможно, кто-то посчитает подобное изобилие баловством и неправильным воспитанием, но Алёна почему-то была уверена, что каждую деталь в этой комнате продумал лично Павел. Не декораторы, не домработники, а он сам, для сына, и это подкупало. По крайней мере, её.

Поспешила уйти, как только услышала шаги на лестнице. Да и голос мальчика, он звучал звонко, был полон энергии и любопытства.

— Папа, когда мы пойдём ловить рыбу?

— Завтра пойдём. Ты поспишь, хорошо позавтракаешь, и тогда пойдём.

— Я могу сейчас!

Алёна услышала смехок Кострова.

— Я не сомневаюсь.

Они вот-вот должны были появиться в коридоре, и она тихо прикрыла дверь своей комнаты. Отошла и присела на постель. Конечно, слышала и голоса, и шаги, и смех, но с кровати не поднялась. Сидела и смотрела за окно. Оттуда слышался стук молотков и голоса рабочих, и Алёна уже знала, что они собирают детскую площадку на газоне у дома. А она всё меньше понимала, зачем Костров её здесь держит. Тем более, рядом со своим сыном. Странноватые беспечные журналистки явно не слишком удачная компания для ребёнка.

И, наверное, так думала не только она, но и все в этом доме. Все занимались ребёнком, а про неё вроде как позабыли. А Ванька носился по дому, кричал, то и дело чего-то требовал и не уставал смеяться. А за ним Роско носился и поддерживал ребёнка звонким лаем. Алёна даже услышала, как Павел в какой-то момент прикрикнул на них, видимо, с крыльца:

— Вы сами не оглохли? Роско, тише!

— Папа, смотри какие качели! — завопил Ваня, и в его голосе было столько восторга, что Алёна на месте не усидела, с постели поднялась и подошла к окну, чтобы собственными глазами увидеть. На газоне на самом деле красовалась законченная детская площадка, с качелями, горкой, турникетами и даже с подвешенной на цепях шиной. Почему-то дети их любят. Вот за эту шину Ванька цеплялся, отталкивался ногами, а Роско носился вокруг и лаял.

— Я вижу, очень хорошо, — произнёс Костров прямо у Алёны под окном. — Только давай аккуратнее, без синяков и желательного переломов. И отсюда никуда, чтобы я тебя видел постоянно.

— Хорошо!

Костров спустился с крыльца, и Алёна сразу его увидела. Взгляд невольно упёрся в его фигуру, Алёна наблюдала за ним, выглянула из окна, и надо же было, чтобы Павел именно в этот момент голову поднял и посмотрел прямо на неё. Неужели взгляд её почувствовал? А она взяла и отшатнулась от окна. И тут же захотелось затопать ногами от досады на себя. Ну, что за детство? Если так пойдёт и дальше, Костров окончательно запишет её в сумасшедшие.

Странно, но он постучал в её дверь. Не дёрнул ручку, не толкнул без стука, а постучал. И даже дождался, когда она сама дверь откроет. Время близилось к ужину, и Алёна решила, что это снова Альбина Петровна, с приглашением, а увидев за дверью Павла, в первый момент всерьёз растерялась. И, наверное, от этого уставилась на него во все глаза.

Костров стоял, привалившись спиной к дверному косяку своей спальни, и на Алёну поглядывал с усмешкой.

— Ты прячешься?

— Нет. — Она незаметно для него вцепилась в дверную ручку. — Срок отбываю.

— И в окошечко поглядываешь.

Алёна сделала вид, что разозлилась от его намёка, будто не смущена нисколько.

— Что ты хочешь?

— Позвать тебя на ужин. А то вдруг, думаю, ты сильно занята, забудешь о хлебе насущном.

Она на мгновение встретила тёмный, насмешливый взгляд и поторопилась кивнуть.

— Я сейчас спущусь. Только переоденусь.

Павел посмотрел на её ноги, выразительно так посмотрел. Потом легко дёрнул плечом.

— Знаешь, я не против некоторых вольностей, здесь можем обойтись без официоза, как любит Регина говорить. Мне нравятся твои шорты.

— «Мои шорты», — передразнила его Алёна, — привёз ваш приспешник, Павел Андреевич. Я в них только на пляже хожу. И не приложу ума, как он их в моём шкафу отыскал. Видимо, к

своим обязанностям относится со всей ответственностью и копал старательно.

Костров усмехнулся.

— Я ему за это хорошо плачу. Но я всё равно не против твоих шорт, так и знай.

— Я запомню. — Они ещё секунду смотрели друг на друга, после чего Алёна захлопнула дверь. И за горящие щёки схватилась.

К столу она спустилась в скромных парусиновых брючках и хлопковой рубашке. Костров встретил её изучающим взглядом, улыбку прятать не стал, но почти тут же переключил своё внимание на сына. Ваня сидел рядом с отцом, на специальном высоком стуле, а за ворот футболки у него была заткнута льняная салфетка. Алёну её наличие почему-то удивило, а Павел, проследив её взгляд, пояснил:

— Альбина Петровна перестраховывается.

— Чтобы не пачкался?

— Чтобы выполнять все инструкции Регины по воспитанию ребёнка. Регина считает, что это всё ещё необходимо делать, а у меня не получается её переубедить.

Ваня слушал их разговор, а сам в это время возил ложку по белоснежной скатерти. Потом на Алёну, что села напротив него, стал смотреть. А Павел руку протянул и салфетку с его шеи сдёрнул, улыбнулся.

— Не нужен тебе этот слюнвячик. Ты же взрослый?

— Давно уже, — без всякой заминки отозвался мальчик.

Павел усмехнулся и по волосам его потрепал. Он на самом деле выглядел гордым, довольным своим чадом отцом.

— Вадима не будет? — поинтересовалась Алёна, когда подали первое блюдо.

— Нет, он в городе.

Алёна кивнула, а сама за Ваней наблюдала, очень внимательно, но лишь для того, чтобы на Павла не смотреть. Тот разговаривал с сыном, следил за ним, даже Альбине Петровне, которая крутилась рядом, не оставлял шанса его опередить, и было件нятно, что для него это не новинку. И вроде бы внимание его было сосредоточено на Ване, но Алёна почему-то чувствовала себя в опасности. Павел сидел рядом, к ней даже ближе, чем к Ване, хотя и смотрел в основном на мальчика, но Алёна лишь подняв глаза, упиралась взглядом в его щёку. Видела лучики морщинок в углу глаза, тёмные волосы, спускающиеся на воротник голубой рубашки, да и шея в открытом вороте смотрелась мощно и... Алёна не первый раз за этот ужин ловила себя на том, что не ест, а его разглядывает. Но и Павел пару раз голову поворачивал и смотрел на неё. Нет, взгляд её больше не ловил, Алёна успевала отвернуться, но он смотрел пытливо, и, наверное, впервые в жизни у неё под чужим взглядом аппетит пропал.

— Папа, я не хочу капусту.

— Ешь котлету.

— Котлету съем, а капусту не хочу. Она не сырая.

— Конечно, не сырая. Она жареная.

— Всё равно.

Павел сдержал вздох.

— Вань, перестань выдумывать. Не хочешь, не ешь. Жуй котлету.

Алёна за мальчиком наблюдала, потом взяла с плетёнки кусок хлеба и Ване протянула. Он взял не раздумывая, откусил, но разглядывать продолжал невкусную, по его мнению, капусту на своей тарелке.

— У вас есть постоянная няня? — спросила Алёна.

Костров на стуле чуть развернулся, вытянул под столом ногу, причём задел при этом ногу Алёны. Она застыла на мгновение, но пришла к выводу, что вряд ли он сделал это намерено.

— Как сказать... В Москве у нас отличная экономка, она за Ваней следит, когда мы в городе живём. Наполовину няня. А так, нанимаю, когда есть необходимость. Вот сейчас Зинаида в отпуске, а здесь, я считаю, Ваньке няня ни к чему. Я почти всегда дома. Да и Альбина Петровна здесь.

Альбины Петровны в столовой в этот момент не оказалось, Алёна даже по сторонам глянула, чтобы в этом удостовериться, и тогда любопытствовала:

— А Альбина Петровна...

— Её нам Регина отдала. Она из дома отца съехала после похорон, продавать хочет, а Альбину Петровну я решил себе забрать. Она хороший работник. Ответственный.

Алёна хмыкнула.

— Безусловно.

Павел глянул на неё.

— Что?

Она поторопилась головой покачать, глаза отвела.

— Ничего.

Он смотрел на неё и глаз не отводил, на губах улыбка появилась, и вот тогда его нога чуть сдвинулась в сторону, и коленом Костров коснулся её бедра. Алёна схватилась за бокал с водой, а на Павла кинула полный возмущения взгляд. Но оттолкнуть не посмела, потому что в столовой вновь появилась Альбина Петровна, а за ней девушка с подносом.

— Ванечка, ты чай с пирогом будешь?

Ванька доел котлету, с видимым облегчением отодвинул от себя тарелку, а рот вытер салфеткой. Очень тщательно, и оттого смешно.

— С молоком буду! И с конфетой.

— Вань, либо пирог с молоком, либо чай с конфетой, — сказал Павел.

— Почему?

— Потому.

— Ну, почему?

— Потому что слипнется, — сказала Алёна, прежде чем успела язык прикусить.

На неё уставились оба Костровых, пришлось пожать плечами.

— Точно говорю.

Павел едва заметно улыбнулся, а вот Ванька недоверчиво фыркнул.

— А вот и нет!

— А вот и да, — заспорила она. — Хочешь, проверить?

Мальчик задумался, нахмурил брови, на отца посмотрел, потом на Алёну. И спросил о другом:

— Что мы будем делать вечером?

— А что ты хочешь?

— В футбол хочу! Папа, ты со мной поиграешь?

Павел молчал, раздумывал, Алёна глянула на него, потом вспомнила, как он осторожно вытягивал ногу под столом всего несколько минут назад, и снова в разговор влезла.

— Я с тобой поиграю. А папа в воротах постоит.

Ванька глаза на неё вытаращил.

— А ты умеешь?

— Ещё бы! У меня три брата, я всё детство в футбол играла.

— Здорово!

Алёна на Альбину Петровну посмотрела.

— Ему две конфеты, но без чая. А то будешь бегать, как водяной.

— В животе будет булькать!

— Да, да. А пирог с молоком мы потом съедим. Беги за мячиком.

Ванька из-за стола вскочил, даже про конфеты забыл, и с топотом понёсся вверх по лестнице. А Алёна осталась с Павлом наедине. Есть больше не хотелось, она и ужин сегодняшний путём не запомнила, всё время отвлекалась на взгляды, на прикосновения и собственные смущающие мысли.

— Ты для футбола снова шорты наденешь?

— Ты против?

— Определённо, нет.

Алёна набралась смелости и встретила его взгляд.

— Тебе не стыдно? Ребёнок напротив сидит.

Костров покаянно опустил голову, но сам продолжал улыбаться. Стало понятно, что ждать от него признания вины или извинений, дело напрасное, и Алёна из-за стола поднялась. Направилась к дверям, правда, вернулась и забрала с края стола припасённые для Вани конфеты. Не позволила схватить себя за руку, и, наверное, с той же скоростью, что и ребёнок, кинулась вверх по лестнице.

— Значит так, ворота будут здесь. — Павел руки в стороны раскинул, упёрся ими в штанги детского турника. Потом присел на перекладину и сложил руки на груди. — Начинайте.

— Это просто наглость, — пробормотала Алёна, но достаточно громко, чтобы он услышал. И поинтересовалась с лёгкой издёвкой: — Павел Андреевич, надеюсь, вам удобно?

— Да, весьма.

— Очень за вас рада.

— Алёна, я умею коленкой мячик бить, хочешь, покажу?

— Конечно. Давай, чтобы я знала и всё предусмотрела.

Ваня поднял яркий мяч с эмблемой какого-то заграничного футбольного клуба, Алёна мало в этом разбиралась, и попытался его стукнуть коленкой, потом ещё раз. Роско сунулся к нему, мяч носом выбил, и Ване пришлось начинать сначала. Алёна наблюдала за ними с улыбкой, потом сунула ладони в задние карманы джинсовых шорт.

— Папа, ты смотришь? Я два раза ударил!

— Супер, вообще. Продолжай.

Голос Кострова сочился от довольства, Алёна осторожно голову повернула, чтобы посмотреть на него, и поняла, что Павел смотрит не на сына, а на неё. Нервно кашлянула, а руки из карманов поторопилась вынуть. Повернулась к нему боком.

Игра получилась интересной. Накал страстей нешуточный. Алёна, правда, больше хохотала, чем за мячом бегала, и, конечно, позволила у себя выиграть. Ванька скакал по газону, бурно радовался после каждого засчитанного гола, а Роско в паузах пытался мяч укусить, но тот никак не поддавался, в его пасть не влезал, и пёс с досады поддавал его носом и лаял.

— Хочешь, я тебе подыграю? — со смешком спросил Костров, когда Алёна рядом с ним оказалась. Он в очередной раз перехватил её пас, а она в расстройстве всплеснула руками.

— Подкуп?

— Скорее, взятка. Расплатиться можешь позже.

— Нет. Я за честную игру!

— Да? Очень интересно.

— Папа, Роско не отдаёт мячик!

— Сейчас он гол забьёт, и твоя очередь будет.

— Он не забьёт, ворота же в другой стороне!

Алёна на Кострова глянула, который с сыном на расстоянии разговаривал, и негромко

отметила:

— Ребёнок сообразительнее некоторых.

Павел поднялся, шлёпнул Алёну пониже спины, а сам пошёл к сыну. А она осталась стоять, всё ещё чувствуя нахальное прикосновение его ладони. А Костров ещё на ходу оглянулся через плечо, послал ей весёлый взгляд. Конечно, он специально всё это делал. Наверное, видел, что она каждый раз замирает от неловкости, не знает, как себя вести и даже смущается, и ему это удовольствие определённое доставляет. А ей просто не нужно так буквально и остро всё это воспринимать. Павел Костров играет с ней, как кот с мышкой, давно начал, а сейчас, кажется, в раж вошёл. Вот только причины и помыслы у него не слишком чистые. Но сопротивляться у неё не очень получается. К тому же, не при ребёнке же с ним спорить и ругаться? Чтобы не смотрел, чтобы не трогал...

Она присела на качели и ногами оттолкнулась. Сто лет на качелях не каталась. И невольно улыбнулась, глядя, как Павел сына на руки подхватил, чуть подкинул, а потом поцеловал в щёку. А Алёна ногой отбила прискакавший к ней мячик. Роско кинулся за ним, обхватил его лапами, снова попытался укусить.

— Роско, ты весь мячик уже облюновил, — сказала она.

— Алёна, давай ещё играть. — Ванька обхватил отца за шею, повис, потом руки отпустил и отклонился назад. Рассмеялся, когда Павел перевернул его вверх ногами.

Алёна мальчику улыбнулась.

— Ты не устал?

Он головой замотал и расхохотался, руками до земли дотянулся. А Алёна не утерпела, и на Павла рукой махнула.

— Перестань, переверни его. Он же ел недавно!

Павел сына перевернул, на землю поставил.

— Я как космонавт! Меня не тошнит.

— Да? Ну, я рада.

— Поиграем?

Алёна посмотрела на темнеющее небо, потом на Павла. Головой покачала.

— Нет, думаю, на сегодня достаточно.

Павел сына по волосам погладил, точнее, пригладил их на макушке.

— Тебе уже пора спать укладываться.

Ванька тут же надулся.

— Ну, пап!

— Завтра целый день для игр, Вань.

— Тебе силы нужны, — подтвердила Алёна.

Ванька руки опустил и обречённо поплёлся к дому. Потом обернулся и позвал:

— Роско, пойдём молоко пить!

Роско вильнул хвостом, даже поднялся, но продолжал гонять мяч. Павел подошёл и ногой его прижал к земле, а собаке указал на дом.

— Иди, место.

Роско облизнулся и поспешил следом за мальчиком. Алёна же так и продолжала качаться на качелях. В одну сторону посмотрела, в другую. Но затем Костров подошёл ближе, её взгляд поневоле остановился в районе его груди. Алёна качаться перестала.

— Сегодня ты со мной выпьешь? — спросил Павел. — Или опять сбежишь?

— А если я не хочу пить? Я, вообще, вино не люблю.

— Солнце, ты никогда не пробовала настоящее вино. Я готов это исправить.

— Я предпочла бы... этого не исправлять. И, вообще, уже поздно. Я устала.

— Тебе же не четыре, чтобы уставать в девять вечера, Алёна.

— Ты специально? — разозлилась она.

Он тут же кивнул.

— Точно, я специально. Поэтому дождись меня. Я Ваньку уложу и спущусь.

— Видимо, это приказ, — пробормотала Алёна, когда Костров направился к дому. Снова ногами оттолкнулась, на этот раз сильнее, и даже глаза закрыла, полетев на качелях вперёд.

Альбина Петровна посматривала на неё осуждающе. И недовольно. Алёна даже не знала, чего больше было в её взгляде. Она вроде бы ничего плохого не делала, сидела в гостиной на диване, смотрела на не разожжённый камин, точнее, на расписную облицовочную плитку, и даже с вопросами к ней не лезла, а Альбина Петровна была ею недовольна. Кстати, Алёна даже шорты успела благоразумно переодеть, но, по всей видимости, всё равно выглядела как-то неприлично. Просто потому, что не спряталась в своей комнате, не заперлась на семь замков, а смела сидеть здесь и ждать Павла. Будто она это с огромным желанием делает. Но она в его доме, под его властью, и спорить с ним не осмелилась. И, между прочим, из-за этого и сама себя чувствовала неуютно.

— Вам что-нибудь принести? — спросила Альбина Петровна.

Алёна улыбнулась ей как можно добродушнее.

— Нет, спасибо. Я ничего не хочу.

Альбина Петровна продолжала мяться в дверях. В конце концов, сказала:

— Тогда я вас оставлю. И пойду к себе. Но если Павлу Андреевичу что-то понадобится...

— Я уверена, что он справится сам. — «Руки-то у него есть». — Отдыхайте, Альбина Петровна.

— Спокойной ночи.

Эта натужная вежливость ничего, кроме раздражения, не вызывала. Алёна вздохнула с облегчением, когда домоправительница, наконец, оставила её одну.

На стене висел портрет. Молодая женщина в скромном платье, с вплетёнными в корсаж шёлковыми лентами, и точно такими была украшена её шляпка с широкими полями. Целомудренная улыбка, мягкий взгляд. А в руках букет ромашек. Алёна знала, что этот портрет — единственный, сохранившийся от прежних хозяев. Его обнаружили в кладовке, завёрнутым в какие-то тряпки, и если не приглядываться, то можно было решить, что картина в хорошем состоянии. Но если подойти ближе, становились заметны мелкие трещинки, как паутинка, расходившиеся по всему полотну. Алёна и вчера его разглядывала, но недостатки её волновали мало, больше притягивала изображённая на портрете женщина.

— Она тебе нравится?

Павел спустился по лестнице, проследил взгляд Алёны и тоже посмотрел на картину.

— Да, — создалась она. Затем на него глянула, прицениваясь. — Как думаешь, она может быть твоей родственницей?

Он ухмыльнулся.

— Какой провокационный вопрос.

— А всё-таки?

Костров плечами пожал.

— Почему нет? Реставратор сказал, что полотну примерно сто пятьдесят лет. Возможно, она жена помещика.

— Или дочь.

— Или дочь. Но она не настолько молода. Думаю, всё-таки жена.

— Красивая.

— У нас с ней глаза похожи, не находишь? И форма губ.

Алёна на Павла посмотрела, собиралась сравнить, но поняла, что он смеётся над ней, и тут же отвернулась. Костров же рассмеялся в открытую.

— Не обижайся. Все разошлись?

— Да. Альбина Петровна явно опасалась оставлять меня здесь одну. Может, думала, что я картины порежу?

— Ты к ней несправедлива. — Он прошёл к импровизированному бару, продемонстрировал Алёне бутылку вина. — Заявляю тебе со всей серьёзностью, что когда ты это попробуешь, ты будешь благодарна мне всю оставшуюся жизнь.

— За что это? Что ты меня напоил?

— Алёна! — Павел кинул на неё полный укора взгляд. — Это испанское вино, двадцатилетней выдержки. Ты даже не понимаешь, о чём ты говоришь, девочка. Им нельзя напиться, даже спиться с ним нельзя. Это можно расценить только, как благословение.

Она сделала вид, что нахмурилась. Наблюдала, как ловко Павел откупоривает бутылку.

— Такие речи меня определённо беспокоят.

Он разлил вино по бокалам, прошёл к дивану и сел рядом с Алёной. Подал ей бокал.

— Поверь, когда я пью, то это мало напоминает культурное времяпрепровождение с бутылкой хорошего вина. — Павел подталкивал её взглядом. — Попробуй.

Она попробовала. Сначала принялась, потом сделала осторожный глоток. В нос ударил приятный аромат, на языке остался терпкий сладковатый привкус, захотелось распробовать получше, и она сделала ещё один глоток. Костров продолжал за ней наблюдать, потом даже брови вопросительно вздёрнул, и Алёне пришлось благосклонно кивнуть.

— Вкусно.

— А я тебе говорил.

— А ты разбираешься в вине?

— Я во многих вещах разбираюсь. — Он повернулся, сел вполоборота, и теперь смотрел на неё. Спасало только то, что между ними было два бокала вина. Алёна попыталась осторожно отодвинуться от Павла, но и без того сидела, вжавшись в подлокотник, и двигаться было попросту некуда.

— При этом, чем именно ты занимаешься, окутано тайной. — Алёна нервно усмехнулась.

— Почему? Я ничего не скрываю. Просто, понимаешь, мой отец всегда тяготел к идеальной биографии высокопоставленного чиновника, без всякой пылинки. А бизнес, частенько, бывает пропылённым и даже грязным, поэтому он и предпочитал обо мне не распространяться. Хотя, деньги любил. Видит Бог, как он их любил.

— Так чем ты занимаешься?

— У меня сеть отелей. Два из них в Испании, оттуда и вино. Закупал ограниченную партию для vip-ов, и домой несколько бутылок привёз. Тебя побаловать.

Она пихнула его в бок, когда Павел слишком близко придвинулся.

— Прекрати.

Он отодвинулся, ноги вытянул, устраиваясь поудобнее, а сам хохотнул. Потом посоветовал:

— Ты вино-то пей.

— Зря надеешься. Я не пьянею.

— Правда?

Алёна коротко кивнула.

— Неприступная, непьющая, ноги красивые, да и вообще...

— Что — вообще? — строго переспросила Алёна.

— Говорю, редкий ты экземпляр, Алёна Золотарёва.

Она прищурилась, после чего недоверчиво хмыкнула.

— Ты считаешь, что я совсем дура? Что я поведусь на твои слова о моих якобы красивых ногах?

— Во-первых, не якобы красивых, в шортах вот так смотришься, — Костров продемонстрировал ей поднятый вверх большой палец руки, — а во-вторых, ты не дура. Просто ещё маленькая.

— Да? — Алёна закипела изнутри, возмущённо на него глянула. — Маленькая? Что не мешает тебе поить меня каким-то немыслимым вином!

— Не мешает. Мне это даже нравится.

Алёна старалась смотреть на него возмущённо и не принимать близко к сердцу то, что он говорит, но с толка немного сбивал взгляд Павла, он не был насмешливым, Костров разглядывал её с любопытством. А после и вовсе руку протянул и пальцем приподнял ей подбородок.

— Ты сейчас, как не написанная картина. Что захочу, то и получится.

Алёна по руке его стукнула. Но с дивана встать не смогла, Павел не позволил. И она осталась сидеть, с трудом сдерживая гнев и взволнованно дыша.

— Ладно, не злись, — попросил он. — Я не про себя конкретно, просто наблюдал за тобой в последние дни. И готов поклясться, что Тарас думает то же самое. От тебя энергией бьёт, которую пока никто никуда не направил. Но кому-то повезёт, определённо.

Алёна всё же сумела подняться с дивана. И выдохнула:

— Вы психолог, Павел Андреевич.

— Да Господь с тобой, солнце. Просто я повидал побольше. А вот ты откуда такая взялась, удивительно. Тебе сколько, двадцать шесть? А ты до сих пор краснеть не разучилась, ты переживаешь за людей, волнуешься из-за комплиментов, в футбол вот играешь неплохо. И всё это при твоей профессии. Удивительное дело. И говорят, что у тебя принципы, ты радеешь за справедливость и всё порываешься к каким-то идеалам. А, Алён?

Алёна двумя глотками допила вино. И проговорила себе под нос:

— Какая уж есть.

— Профессия мне твоя не нравится. А ты почему её выбрала?

— Я хотела стать журналистом.

— О, это ещё хуже. Если бы не это, я бы на тебе женился, честно.

Алёна лишь фыркнула.

— Спасибо. Я уж как-нибудь переживу.

Он посмеялся, но как-то невесело у него вышло.

— Да, я для тебя староват. И явно не в той физической форме. Тебе нужен кто-то помладше.

Алёна сглотнула.

— Вроде Тараса?

Павел откровенно скривился.

— Перестань. Мы с ним практически ровесники, он даже старше. А скот ещё тот.

— Ты думаешь? А у нас все женщины в редакции по нему вздыхают, — не утерпела Алёна.

Костров потянулся за бутылкой, долил себе вина, Алёне предложил, но та лишь головой качнула, отказываясь. А тему с Артюховым развил:

— Ну, вздыхают, а толку? Он с молодости такой, нелюдимый. Никто ему не нужен, одна мечта — гоняться за сенсацией. А сенсацию мы сляпаем из того, что есть под рукой. Алёна, неужели ты тоже такая?

— Тарас — очень талантливый, — заспорила она.

— Об этом я ничего не знаю. Талантливый или не очень. Но то, что характер у него паскудный, это я тебе, как на духу скажу. Только себя в зеркале видит, только себя любит. Душонка-то мелкая, на кого-то другого не хватает. Сорок лет мужику, как неприкаянный. Ни

жены, ни ребёнка, ни котёнка. Это о чём-то да говорит, понимаешь?

— Не совсем, — из вредности отказалась она, а от Павла отвернулась.

— Хочешь его исправить? Перевернуть его жизнь?

Алёна качнула головой.

— С чего ты, вообще, это взял?

— А кто с ним целовался по машинам?

— А кто за мной подглядывал? Лично ты? И я не об этом. Откуда ты можешь знать, что он такой? Вы не виделись и не общались бог знает сколько лет!

— Такие люди не меняются, Алёна.

— Такие, как ты, тоже. Слишком легко и быстро судишь.

— Да ладно. А как он подставил тебя на пресс-конференции? Тебя это не впечатлило?

Она занервничала, сжала в руках пустой бокал.

— Это была работа! Общий план действий!..

— Каких ещё действий, детка? Он банально тебя подставил. И если бы ничего не выгорело, свалил бы всё на тебя. А все бы опять тыкали в тебя пальцем и вздыхали: ох, уж эта Золотарёва. А если бы вы что-то раскопали, про тебя бы никто не вспомнил. Кто ты, а кто Артюхов?

— Ты это просто не терпишь во мне, да?

— Что именно?

— Мою работу.

— Она тебе не нужна.

— Правда? А что мне, по-твоему, нужно?

— Не знаю. Но эта якобы работа портит тебе жизнь. Слушай, а хочешь, я тебя в Испанию отправлю? Выучишь язык, я тебя на приличную работу устрою, менеджером, например. Мне нужны толковые менеджеры русскоязычные. Карьерная лестница перед тобой.

Алёна смотрела на него, за окном окончательно стемнело, а в гостиной лишь пара бра горели. И лицо Павла было в полумраке, но Алёна видела, как он усмехается.

— А ты?

— Что?

— Будешь приезжать пару раз в месяц?

Он моргнул, взгляд стал пристальнее. Потом отпил из бокала и сказал:

— Может, чаще.

Алёна сделала осторожный вдох, за ним ещё один. В конце концов, кивнула.

— Ты прав. Цена небольшая.

Костров понимающе усмехнулся.

— Молодец, засчитано.

Алёна прошла к столу и поставила бокал. А Павлу сказала, стараясь голосом не выдать своего волнения:

— Зря ты думаешь, что сильно от него отличаешься. Ты любишь своего ребёнка, это нормально, но тебе просто повезло. У тебя замечательный сын. А в остальном: кому ты нужен и кто готов тебя любить? И нужно ли тебе это? Я не заметила. Ты точно также пользуешься и платишь. Так легче и удобнее, наверное. — Выдержала короткую паузу, потом добавила: — Я пошла спать. — Опять медлила, а Павел всё молчал. Обиделся, что ли?

Так и не дождавшись от него каких-либо слов, Алёна начала подниматься по лестнице. Очень старалась не бежать, идти степенно, будто абсолютно спокойна. А на самом деле ей отчего-то хотелось плакать. Словно он её обидел до глубины души, и совсем не сомнениями в её профессионализме. Слёзы встали в горле, и у Алёны никак не получалось их проглотить.

Подумать только, ей только что предложили переспать с шефом за первую ступеньку на

карьерной лестнице.

Наутро чувствовала неловкость. И если бы не Ванька, Алёна ещё долго сидела бы в комнате, не осмеливаясь спуститься к завтраку. Но мальчик заглянул к ней в комнату, поначалу осторожничая, осмотрелся, потом увидел Алёну у окна и расплылся в улыбке.

— Ты проснулась!

Алёна улыбнулась ему в ответ.

— Смотрю, и ты проснулся.

— Я давно! — Мальчик дверь распахнул, подёргал красивую ручку. Потом выпятил грудь колесом, красуясь. — Смотри, тебе нравится моя футболка?

Алёна кивнула и похвалила:

— Хорошая.

— Это Кеша, из мультика про попугая.

— Я вижу.

— Хочу у папы попугая попросить. Они разговаривать умеют!

— Тогда попроси обязательно. Он купит.

— Пойдём кушать?

— Ты голодный? — Они вместе вышли из комнаты, и Ваня запросто ухватил Алёну за руку. Кивнул.

— Я утром всегда есть хочу. Папа говорит, что это хорошо.

— Конечно, хорошо. Вырастишь большим и сильным.

— Как папа, — с уверенностью отозвался мальчик.

Алёна не удержалась от вздоха, но кивнула, соглашаясь.

— Да, как папа.

Это ничего не значило, она всего лишь согласилась с ребёнком, это ведь хорошо и правильно — стремиться быть похожим на папу.

Как только до дверей столовой дошли, Ванька решительно руку свою освободил и кинулся к отцу, который уже сидел за столом. Перед Павлом стояла тарелка с тостами и чашка с дымящимся кофе, а он сам газету читал. Опустил её, когда услышал крик сына.

— Папа, я её привёл!

— Молодец. — Костров глянул на неё, и Алёна поняла, что больше всего ей в этот момент хочется сквозь землю провалиться. Но взгляд его стерпела, даже улыбнулась.

— Доброе утро.

— Привет. Проснулась? — Павел поддержал сына, когда тот на стул вскарабкался.

— Да. Есть хочу, — созналась Алёна, надеясь обстановку разрядить. Прошла к столу и снова села напротив Вани. Улыбнулась ему, чтобы мальчик не почувствовал напряжения. Или ей одной это самое напряжение чудилось? Костров вот вёл себя совершенно спокойно, газету отложил и пил кофе, на сына поглядывал. Появившаяся девушка поставила перед мальчиком тарелку с манной кашей, улыбнулась в ответ на невесёлый детский взгляд.

— Каша? — печально спросил Ваня.

— Обязательно каша, — отозвался Павел.

— Ты кашу не любишь? — спросила у него Алёна.

Ванька плечами пожал, подпёр щёку ладонью, а в тарелке ложкой поводил. Всё-таки попробовал.

— Ты же хотел есть, — подбодрил его отец.

— Я блинчиков хотел.

— Блинчики завтра будут, Альбина Петровна повару передаст. А сегодня ешь кашу.

— А ты сам никогда кашу не ешь!

Алёна украдкой улыбнулась.

— Папа боится, что с каши ещё вырастит и за стол не поместится.

Костров посмотрел на неё, выдал язвительную усмешку. Согласился:

— Смешно.

Зато Ваня хихикнул. А Алёна уже улыбнулась, куда спокойнее, почувствовав, что напряжённость её потихоньку отпускает. И даже позволила себе обратиться к экономке:

— Альбина Петровна, а можно мне тоже кашу? Чтобы Ване не грустно было.

Мальчик руку опустил, уставился на неё во все глаза.

— Ты будешь есть манную кашу?

— А что? Я люблю манную кашу. Особенно, с вареньем.

Ваня в тарелку свою посмотрел.

— Я не ел с вареньем.

— Ну, в следующий раз мы с тобой попробуем. — Ей принесли кашу, Алёна кинула на Кострова, который за этим наблюдал, кроткий взгляд. — Павел Андреевич, не желаете присоединиться? В знак солидарности.

— Нет, спасибо. А то вдруг и правда, начну расти на старости лет.

— Не скромничайте. Вам до старости ещё далеко.

— Правда? Благодарю за снисхождение.

Ваня снова хихикнул, а глядя на Алёну, третью ложку каши в рот сунул.

— Будем ещё играть в футбол?

— Прямо с утра? Давай оставим на вечер.

— А чем тогда будем заниматься?

— Ваня, — мягко оборвал его отец, — Алёна здесь не для того, чтобы тебя развлекать.

— А для чего?

— Она у нас в гостях.

Ванька брови нахмурил, а Алёна кинула на Павла полный укора взгляд и поторопилась ребёнка успокоить:

— Мне всё равно нечем заняться, так что, ты будешь меня развлекать, на правах хозяина. Идёт?

Мальчик с энтузиазмом кивнул.

— Да. А папа?..

— Папе надо поработать, — отозвался Костров, намазывая сыну бутерброд сыром.

— У меня есть мультики про богатырей!

— Здорово, — кивнула Алёна. — Какао пей, а то остынет.

Павел первым из-за стола поднялся. Дождался, пока Ваня отодвинет от себя тарелку с кашей, и встал. А Алёна глаза на него подняла, потому что заметила, как он рукой на край стола опирается. Костров её взгляд встретил, и несколько переигрывая, брови вопросительно вскинул. А она спросила прямо:

— У тебя нога болит?

Он нацепил на лицо равнодушную улыбку.

— Да, по мне можно сверять сводку погоды. К вечеру будет дождь.

Несмотря на показное равнодушие, в голосе Павла прозвучало недовольство, видимо, тем, что Алёна заметила его боль. Он больше не стал ничего говорить, сыну волосы пригладил и из столовой вышел. Алёна ему вслед смотрела.

— Алёна, мы будем мультики смотреть?

Ванькин голос вывел её из задумчивости, она на мальчика посмотрела, заставила себя улыбнуться ему.

— Нет, сначала погуляем, смотри, какая погода хорошая. Только надень кроссовки, а не сандалии, ещё роса.

Ваня тут же принялся сползать со стула на пол. Алёна попыталась его остановить.

— Ваня, доешь!

— Я всё, наелся! Тётя Аля, я наелся! — крикнул он домоправительнице, пробегая мимо. Женщина ему улыбнулась.

— На здоровье.

Алёна тоже поднялась и поблагодарила.

— Всё было очень вкусно, спасибо, Альбина Петровна.

Та повторила, но без прежней радости:

— На здоровье.

Алёна помедлила, но всё же спросила:

— Альбина Петровна, где мне взять таблетку обезболивающего?..

Чтобы постучать в дверь кабинета, перед этим несколько секунд набиралась решимости. Постучала, но дальше сработал инстинкт, и дверь Алёна толкнула прежде, чем её пригласили войти. Павел поднял на неё глаза, оторвавшись от экрана компьютера. Ничего не сказал, только смотрел выжидающе, Алёна под его взглядом прошла к столу, поставила стакан воды и таблетку положила.

— Я не просил.

— Просто выпей и всё, — сказала она. И запоздало добавила: — Пожалуйста.

Он на спинку кожаного кресла откинулся, усмехнулся.

— У меня такое чувство, что ты хочешь мне что-то сказать.

Алёна посмотрела поверх его головы за окно. Призналась:

— Возможно. Мне кажется... что я вчера была не права. Наговорила лишнего.

— Тебе кажется?

— Да. Но это совсем не значит, что я прошу прощения.

Павел откровенно хмыкнул.

— То есть, тебе неловко, но ты от своих слов не отказываешься.

— Это совсем другой разговор!.. — Она запнулась на его имени, Костров её ещё взглядом попытал, как бы подталкивая к продолжению, но Алёна молчала. В конце концов, руками развела. — Что? Я всё сказала.

— Алёна, как меня зовут?

— Я отлично знаю, как тебя зовут!

— Я в курсе. Когда тебе нужно обратиться ко мне по имени, ты сразу переходишь на «вы».

Она вздохнула, но что сказать ему не знала. Сама уже не раз ловила себя на том, что каждый раз спотыкается на его имени, просто не может себя заставить его произнести. Будто это была черта, за которую страшно ступить. Она в его доме, она рядом с его ребёнком, сидит с ними за столом, и как только она назовёт его по имени, произнесёт... «Паша», это станет чем-то за пределами личным. А этому не нужно случаться.

— Выпей таблетку.

— Выпью, — сдался он. — Ты за Ваней присмотришь?

— Конечно. Мы... пойдём погулять. Погода хорошая.

— Роско возьмите с собой.

— Ладно. — Она пошла к двери, но голос Павла её остановил.

— Алёна.

Она обернулась, успев только дотронуться до дверной ручки. Встретила серьёзный взгляд.

— Не спрашивай у него о матери, даже не упоминай. Этих разговоров быть не должно.

Задавать вопросы показалось Алёне неуместным, и она только кивнула.

Ваня ждал её на крыльце. Пихал в бок Роско, который развалился на ступеньках и сыто щурился.

— Мы возьмём Роско гулять? Скажи ему, чтобы вставал!

— Скажи сам, ты же хозяин. Как папа ему команды отдаёт? Что он ему говорит?

— Гулять! — Ванька даже ногой топнул. — Роско, пошли гулять!

Мальчик схватил его за ошейник, но пёс лишь брови сдвинул, потом лизнул мальчика в нос.

Алёна рассмеялась. Потом услышала, как открылось окно, и голос Павла:

— Роско, охранять.

Роско тут же поднялся, бдительно огляделся по сторонам.

— Господи, — негромко фыркнула Алёна, потрепала собаку между ушами, сказала ему: —

Пошли гулять. Ваня, — Алёна мальчику руку протянула, но тот для начала оглянулся, отцу помахал. И проявил живое любопытство:

— Куда мы пойдём?

— Ой, здесь столько интересного. Ты ведь ещё не видел ничего. Тут даже твой личный лес есть.

— Мой?

— Конечно, а чей?

— А речка есть?

— Есть, но до неё нужно идти минут двадцать, я сама там ещё не была.

— Папа обещал взять меня на рыбалку. — Они свернули за дом, Ванька браво скакал рядом, крепко держась за руку Алёны. Роско бежал чуть впереди, хвостом не вилял, изображал сурового охранника.

— Возьмёт, раз обещал. Ты уже ходил с папой на рыбалку?

— Да, давно.

Алёна улыбнулась.

— Давно — это как?

Ванька рукой махнул.

— Давно. Ещё зимой.

— Зимой? Он брал тебя на зимнюю рыбалку?

— Не знаю. Мы на море были.

— А-а. Понятно.

— Они с дядей Вадимом вытащили большую рыбу. У неё глаза были страшные, фу. Алёна, что там? — Ваня указал рукой на стройку.

— Там папа строит что-то секретное. Он тебе не говорил?

Ваня с сожалением головой покачал. Руку её отпустил и пробежался по траве. Побежал в сторону, а Роско на него строго тявкнул, потом за ним припустил.

— Роско, оставь его в покое! — Алёна тоже свернула с тропинки, подобрала подол длинной юбки, чтобы ту росой не мочило.

— Алёна, смотри, тут что-то растёт! — Ваня присел среди травы, что-то разглядывал, а Роско принялся обнюхивать всё вокруг, наверное, какого-нибудь мелкого зверька почуял.

Алёна к мальчику подошла, тоже на корточки присела. Трава здесь была низкая, а среди неё кустики земляники.

— Это не что-то, — сказала она, обрывая спелые ягоды, — это земляника. Ешь, — она протянула мальчику ладонь с ягодами.

Он ягоды в рот положил.

— Вкусно.

— Ты никогда не ел землянику?

Он головой качнул. Ребёнка стало жалко, и Алёна пообещала:

— Мы с тобой сходим за земляникой, завтра. И всё съедим.

— Мы много её найдём?

— Сколько получится. — Роско влез между ними и разлёгся прямо на земляничной полянке. Теперь уже Алёна пихнула его в тугой бок. — Если кто-то нам всё не испортит.

Ваня собаку за шею обнял, потом уселся на неё верхом. Роско веса ребёнка, кажется, и не почувствовал, лежал, подобно Сфинксу, крутил головой и поглядывал по сторонам, потом зубами клацнул на назойливую пчелу. А Алёна рядом с ним и присела. В этом месте трава была сухая, солнце припекало, и сидеть было приятно, не смотря на то, что приходилось щуриться. Но было тепло, пахло травой, цветами и земляникой, позади сосны шумели, а чуть в стороне слышались голоса рабочих и звук работающих инструментов. Но это совсем не мешало и не отвлекало. Почему-то. Было просто хорошо.

— Ты в садик ходишь?

Ванька набегался, запыхался, даже успел увидеть ящерицу, что привело его и Роско в бурный восторг, а вот Алёна тут же с земли вскочила и с опаской огляделась, но чуть позже решилась всё-таки снова присесть. И мальчику на голову кепку надела, когда тот оказался рядом с ней.

— Хожу. Но там не так интересно.

— Ещё бы.

— Алёна, пойдём в лес. Я хочу в лес. — Ванька голову запрокинул, чтобы в лицо ей посмотреть. — Там страшно?

Про страшный тёмный лес Алёна с некоторых пор очень много могла рассказывать, но ребёнку об этом знать точно ни к чему. Поэтому головой покачала.

— Нет. Днём точно не страшно. Но одному ходить всё равно нельзя, понял?

— И с Роско нельзя?

— Нельзя. Только со мной или с папой. — Она потёрла пальцем красное пятнышко от земляники на его щеке.

— Тогда пойдём.

— Давай пойдём после обеда. Ты покушаешь, поспишь, и сходим.

Ванька нос наморщил.

— Я не сплю днём, я взрослый.

Она ахнула и рассмеялась.

— Правда?

— Чего ты смеёшься?

Она тут же замолкла, даже улыбку попыталась спрятать.

— Не буду смеяться.

— А ты надолго к нам приехала?

Алёна плечами пожала.

— Я не знаю. — И призналась: — Всё зависит от твоего папы.

Ванька дотянулся до ещё одной ягоды и тут же сунул её в рот.

— Я люблю папу.

— Это правильно.

— Он самый хороший, правда?

Ребёнок спрашивал бесхитростно, и рассуждения были ни к чему, поэтому Алёна снова

согласилась.

— Да.

— Он учит меня плавать.

— У тебя получается?

— Да.

— Ты молодец. Я вот плохо плаваю.

— Не умеешь? — Ванька повернулся к ней, поджал под себя ноги, а смотрел с любопытством. Только дети умеют так смотреть, с неподдельным, откровенным любопытством.

— Умею, но боюсь.

— Тебе надо папу попросить, он тебя научит. С ним не страшно.

Алёна не удержалась от усмешки.

— С твоим папой ничего не страшно?

Ванька не ответил, у него ответа не было, он рядом с папой точно ничего не боялся, и для него папа был лучшим и самым смелым. И на эту детскую, искреннюю любовь было немножко завидно. Наверное, так можно любить только в детстве и только родителей. С возрастом это проходит. Не любовь, а слепая вера в их идеальность и непогрешимость. А зачастую дети сами эту веру в себе убивают. Грустно.

— Пойдём домой, — предложила ему Алёна. — Жарко становится.

— И кушать хочется.

— А всё из-за того, что кашу утром не доел. — Она поднялась, одёрнула юбку. Руку мальчику протянула. — Пойдём.

На обратном пути они ещё постояли, посмотрели, как крутится бетономешалка. Что в этом действе интересного, Алёне было не понять, но Ваня проявил явное любопытство и даже вопросы стал задавать, но Алёна лишь плечами пожала.

— Я вспомнил, тут будет жить лошадка!

Алёна приложила руку ко лбу, закрываясь от солнца, и глядя на рабочих, которые крыли крышу черепицей.

— Не хилый у лошадки будет домик, — проговорила она себе под нос.

Павел встретил их на крыльце. Точнее, сидел на перилах и разговаривал с вернувшимся из города Негожиным, но как только их увидел, поднялся. Вадим тоже на них посматривал, стоя за спиной хозяина, и откровенно посмеивался, не стесняясь того, что Алёна не могла этого не заметить. Алёна поняла, что он делает это намерено, и решила внимания не обращать. Роско первым подбежал к крыльцу, ткнул носом Павлу в ладонь, хвостом завилял.

— Охранял?

— Старался вовсю, — подтвердила Алёна, хваля собаку.

Костров Роско за ухом почесал.

— Молодец. А вы нагулялись?

Ванька руку Алёны отпустил и подбежал к отцу, и Павел поднял сына на руки. Алёна же старательно избегала прямых мужских взглядов.

— Да. Стало жарко, и Ваня есть захотел.

Павел сыну в лицо посмотрел. Шутливо нахмурился.

— Ты есть хочешь?

— Да, я жуткий голодный.

Павел рассмеялся.

— Надо говорить «жутко голодный». Но лучше не повторяй за Региной, а то вырастишь у меня балеруном, не дай Бог.

Негожин за его плечом деликатно кашлянул, ещё одним красноречивым взглядом окинул

Алёну, практически раздел глазами, правда, пошлости в этом Алёна никакой не углядела, сделал он это по долгу службы, что показалось ещё более возмутительным. Потом Вадим сказал, обращаясь к Кострову:

— Пойду, займусь. Чего время зря терять?

— Всё помнишь?

— Как по нотам, Павел Андреевич. Результат будет — доложусь.

Алёна проводила этого солдафона взглядом. Павел его перехватил и усмехнулся. Позвал:

— Алёна, пойдём в дом.

Ванька через плечо отца протянул к ней руку и повторил:

— Алёна, пойдём.

А вот Роско в дом не пустили. После того, как пёс носился по дороге туда и обратно, проявляя бдительность, оказался весь пропылённым, стоило ему только встряхнуться, как облако пыли поднялось в воздух. На густую шерсть пыль прилипала тут же, а репы Алёна сама с него уже не раз снимала. И после обеда Павел и Ваня решили заняться внешним видом Роско. Алёну посетила мысль о том, что мальчика стоило бы уложить спать, хотя бы попытаться, но Павел об этом не вспомнил, и она пришла к выводу, что ему виднее. У каждого родителя свой подход к воспитанию и режиму ребёнка. Да и Ваня с восторгом принялся вычёсывать густую шерсть любимца, под чёткими указаниями отца. Они устроились на газоне за домом, рядом на земле лежал шланг, и Роско предстояло быть не только вычесанным, но и вымытым, с тем самым лавандовым шампунем. Слыша звонкий смех ребёнка, Алёна в стороне остаться не могла, вышла к ним, присела на садовую скамейку. Роско не сопротивлялся, кажется, ему даже нравилось, когда его вычёсывали, а когда Павел подошёл к нему со шлангом и облил, зафыркал и инстинктивно принялся отряхиваться. Брызги полетели во все стороны, Костров в первый момент ругнулся чуть слышно, кулак любимцу под нос сунул, а вот Ванька вскрикнул от восторга.

— Роско, сиди смирно, — приказал ему Павел. На корточки присел, принялся пса намыливать, а Ваня рядом прыгал босиком по налившейся луже. Брызги тоже летели в разные стороны, Алёна даже пальцем ему погрозила, но было уже поздно. Ребёнок был грязным, мокрым, но счастливым.

— Ваня. — Алёна не утерпела, подошла к нему с полотенцем, но так просто остановить мальчика было невозможно. Но хотя бы успокоилась тем, что вода оказалась не холодной, приятно тёплой.

Ей тоже досталась порция брызг, она отскочила, а Павел над ней посмеялся. Но Ваня, в конце концов, сам подошёл, и она смогла накинуть ему на плечи полотенце, волосы промокнула и лицо.

— Ты не замёрз?

— Алёна, на улице жара, — вместо сына отозвался смешком Павел. — Пусть хоть по траве босиком побегают.

Ванька снова от неё отскочил, побежал по траве, потом обернулся и позвал:

— Роско, Роско!

Пёс было дёрнулся к нему, но был остановлен твёрдой рукой. Весь в пене, высунув язык, стал ждать, когда ему позволят отойти. А Павел поднялся, взял шланг и принялся его поливать. Что-то приговаривал и хлопал собаку по бокам и животу. Потом сказал:

— Ты, кажется, даже цвет поменял, здоровяк.

— Да, — поддакнула Алёна, — стал белым и пушистым. — Роско посмотрел на неё, а она напонила: — Пожиратель кротов.

Роско понуро опустил голову, а Павел рассмеялся.

Она снова отошла к скамейке за ещё одним полотенцем, на этот раз для Роско, но даже не успела к псу приблизиться. Тот выпрямился, как только Павел убрал руку с его спины, и принялся отряхиваться. Это была просто волна, никак не брызги. Алёна взвизгнула абсолютно по-девчачьи, закрылась рукой, отвернулась, но было уже поздно, одежда стала влажной, подол юбки даже пришлось встряхнуть. Роско же достался откровенно осуждающий взгляд.

— Молодец.

Павел продолжал смеяться, а Роско виновато закрутил хвостом, потом побежал за Ваней на лужайку. Снова остановился и отряхнулся. Ему полотенце было без надобности. А Алёна выдохнула, на Павла посмотрела. Встретила его весёлый, пристальный взгляд, и смущённо кашлянула.

— Теперь мне нужно полотенце. И тебе тоже.

Он сделал к ней пару шагов, смотрел в упор, Алёна не выдержала и взгляд в сторону отвела, хотя и понимала, что это бесполезно, щёки уже загорелись, выдавая её. И она была уверена, что расслышала смешок в исполнении Кострова. Выразительный, но тихий. Он прошёл мимо, загнул край своей футболки и вытер им лицо. Потом сына крикнул.

— Ваня, пойдём переодеваться!

— Папа, смотри, как я могу!

— Я вижу, молодец, но пойдём в дом.

— Не хочу!

— Роско надо в дом, иначе зачем мы его мыли? Его надо высушить, а то он испачкается прежде, чем высохнуть успеет. Пошли.

Ванька вздохнул напоказ, после чего побежал к отцу. Роско кинулся за ним.

Алёна забрала влажные полотенца и отправилась следом. Видела, как Павел сына перед крыльцом поднял, зажал под мышкой, чтобы мальчик грязными ногами не топал по паркету. Роско вбежал в дом первым и тут же направился вверх по лестнице.

— Альбина Петровна, где у нас фен?

— Уже несу, Павел Андреевич!

Алёна, поднимаясь по лестнице последней, лишь хмыкнула про себя. Не хотела быть вредной, но она не могла понять, как Альбине Петровне удаётся предугадывать все желания и требования Кострова. Где её этому учили?

Грязные полотенца она свалила в корзину в ванной комнате, потом в детскую заглянула, постояла в дверях. Павел как раз вышел из Ванькиной ванной, всё ещё держа сына на руках, но тот уже был с чистыми ногами и руками, и в одних трусиках. Павел на ноги его поставил и сказал:

— Одевайся и суши Роско. — Усмехнулся. — А то он ещё простудится.

Пёс, кстати, мокрый и прилизанный, сидел на мате у спортивного уголка, и смиренно ждал.

— Альбина Петровна, вы ему поможете? Я тоже пойду, переоденусь.

Алёна сначала посторонилась, а когда Павел пошёл прямо на неё, решила и вовсе с дороги уйти. Ей переодеться тоже не мешало, влажная юбка липла к ногам, и это было неприятно. Она как раз дошла до двери своей спальни, взялась за ручку, по её расчётам, Павел как раз следом за ней должен был пройти в свою комнату. Но вместо этого она почувствовала лёгкий толчок в спину, оказалась в своей спальне, и прежде чем успела что-то понять, дверь за её спиной уже хлопнула, закрываясь, а её саму потянули назад. Сильная рука обхватила поперёк живота, развернула, и Алёна оказалась прижата спиной к двери. Голову вскинула, глаза на Кострова вытаращила, если честно, наверное, в них был испуг вперемешку с непониманием, а встретив его взгляд, похолодела внутри. У Павла такой взгляд был, как у потерявшего всякое терпение человека, и, честно, так на неё ещё не смотрели. Было от чего и растеряться, и потерять голову.

И, наверное, поэтому она никакого сопротивления не оказала. Её прижали к двери, ей ноги коленом развели, голову запрокинули, а она только смотрела на Павла и дышала с трудом, в груди даже что-то заболело. И поцелуй прекращению этой ноющей боли совсем не способствовал. Она сама в Павла вцепилась, и не сразу поймала себя на том, что на его жадный поцелуй отвечает. Он сбил её с толка, помутил её разум, и Алёна позабывала обо всём, что говорила себе после их последнего поцелуя. О благоразумии, необходимости держаться подальше, об опасности. А сейчас её буквально смяли, прижали к сильному телу, и сопротивляться стало невозможно. Павел целовал её, не давая опомниться, пальцы запутались в волосах Алёны, а другой рукой он весьма ловко подбирал подол её длинной юбки. Пальцы скользнули по бедру, потом подхватили под коленкой, погладили весьма откровенно, а Алёна выгнулась ему навстречу, когда пальцы Кострова сжали её бедро. Выгнулась, прервала сумасшедший поцелуй, просто потому, что дышать стало совершенно нечем, воздух в себя втянула и, наконец, открыла глаза. Дневной свет ослепил, она в плечи Павла вцепилась, боясь упасть, и как-то так получилось, что дотронулась до его волос, и пальцы сами в них нырнули. Он всё ещё целовал её, губы исследовали её шею, а вот пальцы уже тянули вниз хлопковые трусики, ладони обхватили бёдра, уже без всякой преграды.

За дверью шумел фен, слышались голоса, а они здесь... Потом и Ванька забежал.

— Папа! Смотри, какой Роско красивый! Папа, ты где?

Алёна рукой Павлу в грудь упёрлась, пыталась отдышаться. Он тоже голову поднял, посмотрел ей в глаза. Ни насмешки, ни самодовольства — бездонный, мутный взгляд, полный возбуждения. Даже головой мотнул, потом лбом к её лбу прижался, и, наконец, убрал руки с её бёдер. Алёна же в полном бессилии привалилась к двери. Поняла, что всё ещё цепляется за футболку Кострова, пальцы разжала. А он вдруг усмехнулся. Волосы её пригладил. От двери оттолкнул, в сторону зеркала, дверная ручка как раз дёрнулась, и Ванька заглянул. Алёна только услышала, как Павел сделал глубокий вдох, потом лицо ладонью потёр и к сыну повернулся.

— Папа, ты здесь?

— Здесь, Вань.

— Я высушил Роско! — тут же завопил гордый собой ребёнок.

— Пойдём, я посмотрю.

— А Алёна?

— Ей переодеться надо.

У неё не хватило сил, чтобы к мальчику повернуться. Стояла, вцепившись в край туалетного столика, и без всякого понимания таращилась на своё отражение. Кажется, именно так выглядят люди, лишившиеся разума в один момент. Полностью потерянными. А как только отец с сыном из её комнаты вышли, и дверь за ними закрылась, Алёна медленно стекла на стул. Руки опустила.

Вот только минуту назад в её Вселенной началось новое тысячелетие.

В её комнате личной ванной комнаты не было, и чтобы принять душ, необходимо было покинуть спальню и пройти по коридору. А для этого никак не хватало смелости. Алёна довольно долго стояла под дверью, у той самой двери, возле которой её совсем недавно целовали, и уговаривала себя эту самую дверь открыть и выйти. Как ни в чём не бывало. Пройти по коридору, и не упасть в обморок, даже если ей встреч попадётся Костров. Чёрт, она давно взрослая! Её что, не целовали никогда?

Так точно не целовали. Приходится это признать, с досады вздохнуть и, наверное, развести руками. Что ещё делать?

Дверь в детскую была прикрыта. Алёна постояла, прислушиваясь, ничего не могла с собой поделать, но кроме мультяшных телевизионных голосов, слышно ничего не было. И она далеко

не сразу осознала, что это хорошо и следует укрыться в ванной, пока есть такая возможность.

Ей безумно хотелось укрыться, хоть где-нибудь, что казалось невозможным в этом доме. В огромном, полупустом доме спрятаться было невозможно. За очень короткое время усадьба будто впитала в себя харизматичность Павла Кострова, словно сроднилась с ним. Может, он и, правда, потомок? Уж слишком быстро и легко он вписался в атмосферу дворянского быта, это неспроста, это явно гены. Она вот который день ходит, открыв рот, и как дворняжка заглядывает в каждый угол, испытывая при этом что-то вроде благоговения. А вот Павел спокоен и уверен в себе, он возводит конюшню и подумывает о крытом бассейне. По мнению Алёны, это перебор, но кто поспорит с барином, правильно?

А Костров явно претендует на звание барина, наверное, решил конкурировать с Никитой Михалковым в этом вопросе.

Ну почему она о нём думает? Даже холодный душ не помогает. Только мысли старательно направляет в материальное русло, чтобы не вспоминать о том, как он целовал её полчаса назад.

Выйдя из ванной, Алёна не смогла пройти мимо двери детской. Оттуда всё также слышались мультяшные голоса, она осторожно дверь приоткрыла и заглянула. Поняла, что взрослых в комнате нет, телевизор работает, с экрана смотрит жующий плюшки Карлсон, но наблюдать за этим было некому, потому что Ваня спал. Прямо на ковре, раскинувшись на подушках и зажав в руке машинку. Алёна остановилась, глядя на него, потом приложила палец к губам, когда Роско, лежавший неподалёку, поднял голову и вроде бы собрался тявкнуть. Рукой ему махнула, прошла и выключила телевизор, а мальчика укрыла пледом, который лежал на диване. Правда, доля сомнения осталась, Алёна на ребёнка некоторое время смотрела, но, в итоге, пришла к выводу, что Ване вполне удобно. Ковёр ворсистый, приятный, достаточно мягкий, а небольших подушек вокруг мальчика с полдюжины. Вот только захотелось наклониться к нему и провести ладонью по его тёмным волосам. Она начинает к нему привязываться. Это неудивительно, но, наверное, некстати.

Роско снова голову поднял, наострил одно ухо, и Алёна уже знала, что это значит: Павел в дверях стоит. Повернулась, увидела, как тот сделал знак рукой, и Роско тут же улёгся на место, даже на бок завалился, глаза закрыл. А Павел на неё смотрел, потом дверь пошире открыл. Алёна сделала шаг, другой, глаза старательно отводила, и чувствовала, как жар затапливает её изнутри. С этим невозможно было бороться. Сердце заколотилось, ладони повлажнели, и, наверное, она покраснела, ведь куда-то этот жар должен был излиться? Боком протиснулась мимо Кострова, очень не хотела его касаться, знала, что это выльется в новую волну жара и дрожи, но одно дело, когда ты сама пытаешься этого избежать, а другое, когда тебе не дают этого сделать. Павел её за локоть ухватил, дверь в детскую плотно закрыл, и вошёл следом за Алёной в её комнату.

Она сглотнула, попыталась ему объяснить:

— Знаешь, это неправильно.

— Думаешь?

— Да. В той комнате спит твой ребёнок. Это, во-первых.

— Мы закрыли дверь. И эту сейчас закроем. — Его голос звучал весьма убедительно, а в замке на самом деле повернулся ключ. Этот звук заставил Алёну оторопеть. Она даже не нашла в себе сил обернуться и удостовериться в этом. А в следующую секунду уже почувствовала тяжёлые ладони на своих плечах. Они легли, сжались на её ключицах, а в затылок ей горячо задышали. Алёна зажмурилась. Вспомнила:

— У меня ещё есть во-вторых.

— Слушаю.

Пришлось сделать вдох, потом другой.

— Это всё равно неправильно.

Его руки прошли по её плечам, спустились вниз, остановились на талии. Павел всё ещё мучил её своим дыханием, от которого у Алёны что-то задрожало в животе. На самом деле задрожало, завибрировало, и она была уверена, что Павел это чувствует. Он сдавливал её талию, гладил, потом ладони поднялись выше и остановились под грудью. Алёна затаила дыхание, и была рада, что Костров не может видеть её лица. С ним явно происходило что-то не то, эмоции невозможно было контролировать. И от этого было очень страшно. Если говорить совсем честно, вот как на духу, то Павел Костров первый взрослый мужчина, который вот так обнимает её, прикасается к ней, и на которого она, признаться, реагирует. Да, в её жизни были мужчины... Правда, Дуся называла их не иначе как пацанами. А Алёна с ней никогда не спорила, даже когда тётка сознательно принималась рассуждать о том, что она попросту боится настоящих отношений. Алёна встречалась с однокурсником в институте, недолго... Встречалась с сыном Дусиной приятельницы, парнем симпатичным, но несколько бестолковым, зато беспроблемным. В общем, все её отношения, которые можно было пересчитать по пальцам одной руки, ни к чему не вели и даже особой радости не приносили. Они просто были, потому что иначе было бы совсем странно. Чего-то серьёзного она избегала и даже сбегала прочь при любом намёке. Тарас Артюхов не в счёт. Они целовались в машине, он ей очень давно нравился, издавна, но когда появилась возможность, Алёна была настолько занята мыслями о придуманной ею же сенсации, что даже разобраться в себе до конца не успела, а может, не захотела. А вот сейчас, чувствуя за своей спиной крепкое горячее тело, думать могла не столько о возбуждении и удовольствии, сколько о том, кто именно её обнимает. Это странно, но заводил и возбуждал именно факт того, что это Костров. Непонятный, наверняка опасный, мужчина, которому ничего от неё не нужно, ну, кроме секса, по всей видимости, именно в этот момент. А так она для него непутёвая неудавшаяся журналистка, которая его злит, но что хуже — смешит своим нелепым поведением и непрофессионализмом. Но сейчас он её хочет, она это знает, мало того, прекрасно чувствует, и, не смотря на то, что прекрасно понимает, к краю какой пропасти он её толкает, Алёна никак не могла найти в себе сил его оттолкнуть. Просто потому, что не могла. Потому что никогда подобного не чувствовала. Может, и чёрт с тем, что это ошибка? Одна ужасная ошибка в её жизни уже есть, подумаешь, сделает ещё одну...

Она медленно повернулась, сначала смотрела на ворот его футболки, не осмеливаясь поднять глаза к его лицу, потом руку подняла, коснулась его груди. А подумала... подумала снова об ошибке. О том, что она, по всей видимости, станет не меньшей, и с ней придётся жить. Когда её выдворят из этого дома. Обратно в город, на работу, в её маленькую, ничем не примечательную жизнь.

— Аргументы закончились? — Павел подбородок ей пальцем поднял, прикосновение мало было похоже на ласку, в нём было откровенное нетерпение.

Алёна по-прежнему старалась не встречаться с ним взглядом, разглядывала его подбородок, губы, сеточку шрамов на щеке, и чувствовала, как внутри что-то оживает. Буквально оттаивает, стремительно, и начинает мешать дышать. Твёрдые мышцы на мужской груди под её пальцами, жар чужого тела и запах... чуть цитрусовый, чуть пряный, невообразимый и нереальный, который сводил с ума и... был похож на запах этого дома. Они всё-таки стали единым целым. Хотя, возможно, она ошибается, и Павел не сроднился с домом, это дом подстроился под него, мгновенно, приняв нового хозяина. Передал в его руки свою силу, мудрость и даже величие. Чуть-чуть. Поэтому Костров порой кажется самодовольным. Чуть-чуть.

И вот как раз Павлу не хватает чуткости и волнения, хотя бы толики, потому что ему не пришлось в голову для начала поцеловать её, осторожно и изучающе. Ласково. Поцелуй напомнил недавний, когда Павел прижал её к двери всем своим весом и загородил собой весь мир и

солнечный свет. А сейчас, когда Алёне, как ей самой казалось, требовалось куда больше смелости, ей вновь не дали об этом даже задуматься. И Павлу не интересно было про аргументы. Он подхватил её под бёдра, приподнял от пола, губы накрыли её губы, и всё остальное стало неважно. И без того короткая футболка, которую Алёна надела после душа, задралась, обнажая живот, и под неё тут же нырнула мужская ладонь. Её кожа всё ещё была прохладной после душа, и тут же покрылась мурашками, почувствовав прикосновение. А Алёна с вздохом, то ли облегчения, то ли наоборот, обречённости, сдалась, именно в этот момент. За шею Павла обняла, и сама его поцеловала. Это был поступок, для неё, который он расценил довольно странно. После поцелуя отстранился, чтобы посмотреть на Алёну более внимательно, хмыкнул.

— Солнце моё, кто тебя учил целоваться?

Алёна заставила себя не разжать рук на его шее, не смотря на то, что такое желание на секунду её посетило.

— Не ты.

— Да, не я. — Павел улыбнулся, подхватил её поудобнее и шагнул к кровати. Алёна вдруг вспомнила про его ногу, хотела ему ношу облегчить, но, кажется, Павел Костров, в состоянии возбуждения, на такие мелочи не отвлекался. Он легко донёс её до постели, а в процессе ещё умудрился и футболку с Алёны стянуть. Её уже трясло не так сильно, по крайней мере, удушающее волнение оставило. Она вся была сосредоточена только на одном человеке, на его прямом взгляде, прикосновениях, на том, как двигается его кадык, когда он сглатывает. Павел смотрел на неё, жадно и нетерпеливо, и едва ли не облизывался в предвкушении. И Алёна на самом деле чувствовала себя его подарком, конечно, вряд ли долгожданным, который весьма ловко и умело разворачивали.

Такого с ней точно никогда не случалось. Никакой неловкости, первых несмелых прикосновений, ошибочных суждений, которые могли вызвать нелепые смешки, а после работу над ошибками. Её целовали, её ласкали, её окончательно лишили чувства реальности и способности мыслить. Каждый поцелуй длился и длился, больше не было сумасшедшего слияния губ, Костров будто душу из неё выпивал, глубокими, тягучими поцелуями. Алёна гладила его широким плечам, ногти впивались в его кожу, она выгибалась ему навстречу и даже что-то говорила ему... в ответ. Он просил, и она соглашалась на всё. Обнимала его, сама его целовала, чем, возможно, его смешила, потому что пару раз, но поймала себя на том, что делает всё как-то неловко, и это нельзя не заметить. От неё ничего не требовалось, он сам всё делал, пожирал её глазами и губами, делал, что хотел, но Алёне, где-то далеко, на краю сознания, казалось, что она вот-вот что-нибудь да испортит. Ей не надо было ни о чём задумываться, а она...

— Поцелуй меня.

Она глаза открыла, услышав его голос, взгляделась в его лицо, потом руки подняла, положила ладони на его щёки. А Павел к ней наклонился. Смотрел в глаза, губы коснулись губ, лишь коснулись, но поцеловать его Алёне пришлось самой. Она уже знала, чего он хочет. Чтобы она обняла его за шею, чтобы её губы были мягкими и податливыми, чтобы она коснулась языком его языка. Чтобы она полностью отдалась поцелую, чтобы ему отдалась.

Кто бы мог подумать, она здесь всего лишь два дня. Она готова была ругаться, готова была спорить, снова убежать в ночь. А сейчас их одежда разбросана по полу, их тела слились на постели, а разгорячённую кожу не остужает даже ветерок, который задорно раздувает занавеску на открытом окне. Больше ни просьб, ни шёпота, только тяжёлое дыхание и негромкие стоны. Алёна цеплялась за мужские плечи, ногти по-прежнему впивались в кожу, потом она откинулась на подушку, закинула голову назад и закрыла глаза. Кусала нижнюю губу, чтобы не стонать, а Павел принялся целовать её шею, правда, надолго его не хватило, и он уткнулся носом Алёне в

ухо, и просто продолжал двигаться. Сильно, порывисто, поддерживал девушку под одно бедро, потом крепко поцеловал её в уголок губ. Алёна инстинктивно повернула голову, нашла его губы и поцеловала. Пальцы вцепились в его волосы и потянули. А Павел рывком подхватил её, сильнее вжал в постель, и вот тогда Алёна застонала, громко и прямо ему в губы.

Костров тяжело дышал, когда отодвинулся от неё. Откатился в сторону, растянулся рядом и с шумом выдохнул. Кажется, усмехнулся. Алёна даже не поняла, была ли это усмешка. Она повернулась на бок, к Павлу спиной, и ноги к животу поджала. Лежала, слушая его дыхание, не своё, пальцы смяли край покрывала, а в голове пустота. Пустота звенящая, и это было незнакомо, но чертовки любопытно и приятно. По телу всё ещё гуляла волна недавнего удовольствия, кровь в висках колотилась, а мужское дыхание за спиной, казалось, отсчитывает время. Пока она его слышит, ничего не изменится. Потом на её бедро легла тяжёлая ладонь, погладила. А Алёна взяла и сказала:

— Со мной такого никогда не было. — В том состоянии, практически невесомости, она даже не поняла, что сказала и кому. А её снова погладили, провокационно и нахально.

— Я так и понял.

Алёна зажмурилась. Дура.

Алёна смотрела на свою руку, на пальцы, которые скользили по мужской груди, медленно поднимались, добрались до ключицы, потом прошлись по плечу. А она наблюдала за своими же действиями будто со стороны, и наслаждалась также, со стороны. Потом улыбнулась. Знала, что Павел этого видеть не мог, и пользовалась моментом. За окном предрассветные сумерки, и ей спать было нельзя, необходимо уйти до того, как Ваня сможет проснуться и ему придёт в голову заглянуть в комнату к отцу. Он так часто поступал. Пару раз Алёна даже заставляла его утром спящим в постели отца. И поэтому она последние три ночи старалась уходить раньше. Прежде чем сможет пригреться у Кострова под боком и уснуть. Смотрела на него долго, вздыхала, прижималась щекой к его плечу или груди и думала... думала о том, как вляпаться умудрилась. А вляпалась здорово, она это уже спустя три дня понимала. Всего каких-то три дня, которые ничего, по сути, не значили и никого ни к чему не обязывали, просто секс, приятная усталость после и общение, которое путало и смущало в основном только Алёну. Это она время от времени замирала, наблюдая то за Костровым, то за его сыном, и заново пытаюсь осмыслить, что же она здесь делает. И куда делась, в чём растворилась её жизнь. Её настоящая жизнь, с реальными заботами, с мыслями о будущем, каким она его ещё совсем недавно представляла, где, казалось бы, всё ясно и определено. Ей нужно было только стараться, трудиться, идти к своей цели. Вот только в последнее время эта самая цель как-то отдалилась и стала выглядеть смазано и не слишком привлекательно. А всё вот из-за таких моментов, как этим утром. Которые ей безумно нравятся, а с ними надо бороться. Потому что эти моменты для неё, а когда она смотрит на Павла, особой нежности и трогательности в выражении его глаз не замечает. Не ждёт, но... подсознательно...

В общем, он не слишком романтичен. И это не из-за неё, это Алёна понимала. Просто он такой. Он её хочет, он её целует так, как никто никогда не целовал. И даже обнимает после так, что у неё заходит сердце, но вряд ли это что-то значит. По крайней мере, для него. И Алёна даже посмеялась над собой, причём вслух, сказала, что, похоже, её здесь заперли для чьего-то развлечения и улады. Павел улыбнулся в ответ на это, и спорить не стал. А Алёна из-за этого расстроилась. Немного, но всё же.

Дуся бы сказала, что она сделала глупость. И дело не в том, что переспала с Костровым. Один раз. Это было вспышкой, с взрослыми людьми такое случается, как сказала бы Дуся: получила то, что хотела, и на этом остановись. А она не остановилась, не выгнала его первой ночью, не выгнала и второй. А потом уже стало поздно, да и глупо сопротивляться. Ей нравилось заниматься с ним любовью. И она даже умудрилась признаться ему в том, что никогда и ни с кем подобного не испытывала. И была уверена, что Павла это признание посмешило. Но он ничего не сказал, он, вообще, мало говорил. Предпочитал действовать. В отношении неё действия были неприличными, но ярко выраженными, и за это Алёна многое прощала. Неправильный подход зависимой женщины.

Становиться зависимой от Павла Кострова не хотелось. Но Алёна чувствовала, что её затягивает. Пока её предавало только тело, но сколько времени потребуется, чтобы потерять голову? Она себе не льстила. У неё никогда не было человека, которого можно было бы любить. Человека, которого можно было бы назвать своим. Она даже не знала, что это значит. Была большая семья, но... В общем, начиная об этом думать, Алёна предпочитала побыстрее переключиться на что-нибудь другое. В её жизни была Дуся, самое большое везение, как Алёна считала, а в остальном... Если бы у неё был человек, за которого следовало держаться, всегда, наверное, её жизнь была бы куда более насыщенной. По крайней мере, наполненной смыслом.

Это был минус, её недостаток, у неё никак не получалось кого-то подпустить к себе достаточно близко, Алёна всегда в последний момент вытягивала руку и останавливала, в первую очередь, себя. И даже не жалела об этом после. И поэтому сейчас, понимая, что прикасается к Павлу как-то не так, с незнакомым трепетом, в досаде осознавала, что в этот раз у неё не получается вытянуть руку, и всё это остановить. Но она не собиралась разбираться в себе и в своих чувствах, всё это ненадолго, и её выставят из этого дома в тот момент, как это сочтёт нужным Павел. Он, действительно, заимел себе загородное увлечение, он об этом знает, она знает, все знают, даже Вадим. Недаром он вчера у неё со смешком интересовался, как ей отдыхается. Алёна не слишком гордилась тем, что вместо достойного ответа ограничилась неприличным жестом в его сторону, но Негожин, кажется, всерьёз не воспринял, потому что лишь рассмеялся. Зато тут же отвязался от неё и ушёл, даже завтракать с ними за стол не сел. Между прочим, Негожин садился за один стол с хозяином, и не редко, чего Алёна понять не могла. По её мнению, так с подчинёнными не общаются, но с вопросами не лезла. Пообещала себе, что будет поступать, как Павел и брать от их отношений то, что можно и в тот момент, который представится. Именно поэтому она и сейчас не спала, лежала, закинув на Кострова ногу, разглядывала его подбородок в полутьме, и водила пальцем по его груди. Ей казалось, что она делает это не ощутимо для него, кожи почти не касалась, и Павел вроде бы спал, но потом он вздохнул, закинул руку за голову, а другой крепче обнял её за плечи. Алёна улыбнулась, закусил губу, будто боясь быть на этой улыбке пойманной, а затем отвернулась от него. Села, спустила ноги с кровати, но вдруг пол показался ей слишком холодным. Алёна ещё посидела, опустив голову, потом волосы взъерошила. И снова улыбнулась, когда Павел на постели перекатился, и его рука обхватила её поперёк живота.

— Уходишь?

— Пойду. — Но поддалась его руке и назад откинулась, легла, устроив голову на его груди. А Павел её волосы принялся перебирать, потом зевнул. А она руку подняла, очертила пальцем его подбородок, откровенно играла с ним, но Костров засыпал и почти не реагировал. Алёна снова повернулась, приподнялась на руках и прижалась губами к его подбородку. — Я ухожу.

Костров угукнул, но глаз уже не открыл. Алёна с кровати поднялась, а пока надевала на себя хозяйский халат, который ей был жутко велик, самого хозяина и рассматривала. Снова пользовалась моментом. Но именно в этот момент в её изучающем взгляде не было места любопытству или понятному женскому любованию мужчиной, который совсем недавно занимался с ней любовью и делал это весьма умело. Она смотрела на него так, как Павел не позволил бы ей, будь он способен это прекратить. Алёна смотрела на его тело под простынёй, и уже знала, где находится каждый шрам на его теле. Их было немного, но они её пугали. Не своим видом, а тем, как они появились. Павел об этом говорить не желал, предпочитал отшучиваться, но его шутливый тон звучал предостерегающе, и Алёна уже дважды благоразумно замолкала. И даже опасалась прикасаться к нему в тех местах, будто знала, что её рука тут же будет остановлена. Его спина — у рёбер снизу, его бедро — длинный побелевший от времени рубец, и его лицо... Павлу не нравилось, даже когда она касалась сеточки шрамов на его щеке. Это казалось странным, немного смешным, глупым предрассудком, но Алёна всё это про себя проговаривала, потому что Костров обрывал эти разговоры на полуслове, и знать и слышать ничего не хотел. Только ухмылялся нехорошо. И она понимала почему. Он, из-за своей гордыни и самоуверенности, не терпел, когда его жалели, даже женщины. И ведь не объяснишь, что это совсем другая жалость. Жалость женщины, которая готова его принять таким, какой он есть, и ничего ужасного в нём не видит. В конце концов, она с ним спит, видит его раздетым, и её ничего в нём не пугает. Кроме, разве что, некоторой доли беспринципности, упрямства и достаточной жёсткости в поступках. Что из этого относится к его внешности?

Алёна кровать обошла, наклонилась к нему и поцеловала. Застыла в паре сантиметров от

его лица, начала улыбаться, уже откуда-то зная, что Костров скажет в следующий момент.

— Что делаешь? — сонным голосом спросил он.

— Дразню тебя, — проговорила она ему в губы. — Я ведь ухожу.

Его рука пробралась под халат, прошла вверх по её ноге, потом пальцы ухватили ягодицу, а Алёна рассмеялась и отскочила от него.

— Спи, — сказала она ему негромко.

Он перевернулся на живот, руками обхватил подушку рядом с собой, а Алёна снова застыла, на этот раз в дверях, уже не обманывая себя по поводу томления в душе. Сильное мужское тело на постели... это серьёзное испытание для женского разума и сердца. Как выяснилось.

Несколько часов спустя её разбудил мобильный. Алёна глаза открыла, посмотрела за окно, после чего вздохнула. Потом протянула руку к шумно вибрирующему аппарату, но это совсем не означало, что она собиралась ответить. На экран посмотрела, звонил Артюхов. Зачем-то. В который раз. И вызов Алёна отклонила.

Конечно, она догадывалась, зачем он звонит и что именно его интересует. Здесь ли она, и чем занимается. А говорить об этом, особенно с Тарасом, она не собиралась. И не только потому, что Павел этого не одобрит, она и сама не хотела говорить. Особенно, в свете последних событий. Ей было немного неудобно. Да и Тарас вряд ли удержится от каверзных, провокационных вопросов. Поэтому в «бан».

Как и Рыбникова, кстати. Тот вчера тоже звонил, момент для звонка был выбран не самый удачный, Костров рядом был... прямо совсем близко, увидел имя её начальника на экране, и не разрешил говорить.

— А если что-то важное?

— Всё важное я с ним решу сам, — то ли пообещал, то ли объяснил ей Павел. И чтобы заглушить все доводы разума, поцеловал. Надо сказать, что заглушить все здравые мысли в её голове, у него получилось. Зато сейчас они вернулись, Алёна засомневалась, но не из-за Тараса, о Рыбникове вспомнила, но Артюхову всё равно пришлось остаться ни с чем, вызов был отклонён.

— Алён, ты проснулась?

Дверь в её комнату открылась, заглянул Павел, бодрый и, судя по всему, выспавшийся, его взгляд был заинтересованным.

Алёна голову повернула, а телефон, что держала в руке, поспешно сунула под подушку. На Павла взглянула, сонно прищурилась. Только спрашивается: зачем притворяется? Потому что ему не нравятся её телефонные разговоры?

— Почти, — сказала она.

Павел её оглядел, взгляд задержался на спутавшейся копне волос, по губам скользнула ухмылка, но в комнату он так и не вошёл, вместо этого просто сообщил:

— Завтрак на столе, вставай.

— А который час?

— Десять. Ванька уже все дела переделал. Вставай, солнце.

Она улыбнулась. Абсолютно глупая улыбка расцвела на её губах, и чтобы как-то скрыть её, Алёна уткнулась лицом в подушку. И в неё пробубнила:

— Иду.

Дверь закрылась, Алёна перевернулась на спину, убрала с лица волосы, и в притворной тоске, чувствуя, как грудь распирает от эмоций, подумала: а говорят, есть мужчины, которые приносят своим женщинам кофе в постель.

В последние дни Альбина Петровна стала смотреть на неё с явным подозрением. Если раньше в её взглядах было лёгкое снисхождение, она мирилась с нею, как с неизбежным, но

проходящим неудобством, то сейчас, по всей видимости, её заподозрили в злом умысле и коварстве. Конечно, скрыть от домочадцев, а тем более от obsługi, факт того, кто где ночует и чем при этом занимается, весьма трудно, да Павел особо и не старался, надо сказать. Он искренне считал, что это его дом, его жизнь, и он не обязан ни перед кем отчитываться. Тем более перед людьми, которым он зарплату платит. И, наверное, он был прав. Но в то же время, он совершенно не замечал того, что за их спинами теперь переглядываются и даже шепчутся. Не со зла, конечно, не со зла, просто всем было любопытно. Алёна все эти переглядывания и перешёптывания замечала, старалась близко к сердцу не принимать, и Павлу об этом не говорила. Мужчины в подобное не вникают, а она... вряд ли здесь задержится настолько долго, чтобы как-то решать эту проблему. Если это проблема, конечно. Возможно, кто-то из этих девочек, которым повезло устроиться на работу в усадьбу Костровых, ей завидует. Да и Альбина Петровна не просто так не в духе, ей не нравится поведение Алёны, считает, что та взяла на себя слишком много. А уж её практически единоличная забота о Ване, домоправительницу и вовсе не устраивает.

— Что на завтрак? — поинтересовалась она, как только вошла в столовую. Павел с Ваней уже сидели за столом: Костров в телевизор смотрел, слушал новости, а Ваня мотал ногой в ожидании тарелки с кашей. А услышав её голос, на стуле крутнулся и разулыбался. Алёна наклонилась к нему, чтобы поцеловать. Потом присмотрелась к его футболке, дёрнула за воротник. — Вчерашняя.

— Она мне нравится!

— На ней пятно.

Ваня оттянул ткань, любовался на пятно от молока. Наморщил нос.

— Ну и что, — решил он, в конце концов. — Пап, ничего, что пятно?

Павел глаза от телевизора на мгновение отвёл, посмотрел на сына. Потом рукой махнул. Ванька тут же обрадовался, улыбнулся Алёне через стол.

— Видишь?

— В том-то и дело, что вижу, — отозвалась она. — Пятно очень хорошо вижу, надо переодеть.

— А папа!.. — браво начал Ваня, что совсем не произвело впечатления.

— А папа в этом ничего не понимает.

Альбина Петровна как раз принесла тарелки, и после этих слов неодобрительно на Алёну глянула. Алёна даже решила, что на самом деле границу перешла, но Павел, кажется, спор о футболке пропустил мимо ушей. Повернулся к столу и только в некотором ступоре уставился на тарелку с кашей, которую перед ним поставили. Алёна толкнула его ногой. Костров вздохнул, взял ложку и принялся есть. После вчерашнего утреннего разговора о том, что за столом все должны есть одно и то же. Раз кашу, значит кашу. Раз блинчики, значит, все едят блинчики. Так ведь справедливо.

— Раз одному четыре, то и всем должно быть четыре, — ворчал вчера Костров, на что Алёна предпочла отмолчаться. И о пользе каш на организм и взрослого человека говорить не стала. Только зря его раздражать. Зато Ваня доволен. Ест манную кашу, с куда большим энтузиазмом, поглядывая на отца.

— Чем нас сегодня кормят? — браво осведомился Негожин, появляясь в столовой. Ладони потёр в предвкушении, забыл поздороваться, за стол уселся и принял всерьёз растерянный вид, когда увидел перед собой тарелку. Поднял глаза на хозяина дома. — Это что?

— Каша, — сказал ему Ваня, облизывая ложку. — Манная.

Вадим нахмурился, а Павел ему кивнул.

— Угощайся. Расти большой, не кашляй.

— А мяса нет?

— Мясо будет на обед, — сообщила Альбина Петровна. — Тушёное. С баклажанами.

— А до обеда долго?

— Вадим, ешьте кашу, — посоветовала ему Алёна. — Не поверю, что такой большой и серьёзный мужчина не в состоянии осилить тарелку манной каши. Это очень полезно.

Вадим прищурился, глядя на неё.

— Это ты придумала?

— Нет, диетологи.

Павел брови вздёрнул.

— Серьёзно? А вчера ты говорила о справедливости.

— И это тоже. — Она посмотрела сначала на одного, потом на другого. — Мужчины, в конце концов, не подавайте ребёнку дурной пример. Ешьте кашу.

Ванька хихикнул, съел ещё ложку, а на Алёну взглянул с видом заговорщика.

После завтрака Павел снова скрылся за дверью своего кабинета, это уже был обычный день в усадьбе. По утрам он работал, и беспокоить его не стоило, это знали все в доме. Даже Альбина Петровна и Роско в эти часы шмыгали мимо двери в кабинет неслышно. А Алёна с Ваней в это время обычно гуляли. Забирали Роско и шли изучать территорию. Далеко не уходили, это запрещалось Вадимом, и, не смотря на обещание далеко не удаляться, Алёна была уверена, что за ними присматривают. Порой затылком чувствовала чужой настырный взгляд. Спорить было бессмысленно, и Алёна старалась не обращать внимания, а Ванька и вовсе не замечал. Он, кажется, искренне радовался возможности побегать по траве, поноситься наперегонки с Роско, и исследовать всякие кочки и кусты. Всё-таки мальчишки нисколько на девочек не похожи. Пока Алёна пыталась приобщить мальчика к прекрасному, рассказывала ему о птицах и растениях, тот умудрялся найти какую-нибудь грязь, жука или даже мышь-полёвку, что вызывало просто бурю восторга.

— Сегодня идём собирать землянику, — сообщила она Ване после завтрака. — Она точно поспела на той полянке, что мы видели вчера. Ты футболку так и не переодел?

— Алёна, у меня больше нет «Человека-паука»! А я хочу ходить сегодня с ним.

Алёна вздохнула. Остановилась на крыльце, на мальчика посмотрела.

— Хорошо, — сказала она в итоге. — Поход в лес твоя футболка как раз переживёт. Но к обеду переоденешься, хорошо?

— Нужно всегда быть чистым?

— Да. И умытым. И причёсанным. И вежливым. И ещё...

Ваня взял её за руку.

— Я сразу столько не запомню.

Алёна глаза к нему опустила, улыбнулась.

— Иногда ты становишься очень похожим на папу. Такой же хитрый.

— Папа умный.

— Одно другому не мешает.

— Как это?

Алёна посмотрела на небо. Потом пообещала:

— Я тебе вечером объясню, хорошо?

Собирать ягоды Ваня не слишком любил, ему на это терпения не хватало. Сначала он вместо банки клал ягоды в рот, а когда наедался, принимался искать себе более интересное занятие. Алёна ему не мешала, крупные ягоды собирались быстро, а мальчик был занят, заинтересован, а это самое главное. А ещё окончательно перепачкался, и уже становилось сомнительно, что футболку с «человеком-пауком» можно будет спасти. Ваня ещё и руки об неё несколько раз

вытер, и на ткани чётко проступили ягодные разводы.

— Ты так много насобираала? — удивился он, когда увидел целую банку земляники.

— Так я не ела, — поддразнила его Алёна.

— А что мы теперь с ней делать будем?

— Принесём домой и папу угостим. А то он из кабинета своего почти не выходит.

Ванька весело заскакал по дорожке, остановился только когда увидел впереди стройку и рабочих. Те на них оглянулись, кивнули в знак приветствия, но достаточно сдержанно, только один из них, мужчина в возрасте, вполне добродушно заметил:

— Хороший день для ягод.

— Да, спасибо, — улыбнулась Алёна в ответ. — Здесь, кроме нас, собирать некому.

Павел ругал её за то, что она общается с рабочими, говорил, что это лишнее, и доказать ему, что доброжелательность должна быть присуща любому человеку, было невозможно. Он говорил о необходимости держать дистанцию с чужими людьми, а она считала это грубостью. Ей ничего не стоит перекинуться парой фраз с любым человеком, пусть и с рабочим, которого она, возможно, больше никогда не увидит. И Ване, кстати, совсем не помешает это понять. Мальчик чужих людей сторонился, и не из-за своего характера, Ваня был открытым ребёнком, скорее это был недостаток общения в его жизни в целом. У него был ограниченный круг знакомых, в основном родственников, а что делать при появлении чужих людей, Ваня не знал. Особенно, если это первые встречные, он даже здороваться зачастую забывал, только молча на людей смотрел. Наверняка, Павел считает это правильным, думая о безопасности сына, а вот о последствиях вряд ли задумывается.

Хотя, кто она такая, чтобы влезать в воспитание чужого сына? Поэтому и молчала, никого жить не учила.

Землянику решено было есть с молоком. Решено это было Алёной, потому что Ване этот вкус был незнаком. И она отправилась на кухню, за молоком и белым хлебом, и, видимо, этим тоже вызвала некоторое неудовольствие со стороны Альбины Петровны. Все эти дни Алёна на кухню не заходила, теперь это была чужая территория, да впрочем, и необходимости не было, домоправительница угадывала все пожелания хозяев и гостей дома, а тут Алёна вошла на кухню, и все разговоры тут же смолкли.

— Вы что-то хотели? — спросили у неё с явным намёком на подозрение.

Алёна окинула быстрым взглядом кухню и людей, что здесь находились. Поваром оказалась женщина средних лет при пышных формах, за столом пили кофе две девушки, что занимались уборкой в доме, и садовник, мужчина в годах, которого все звали Максимыч. Алёна остановилась в дверях, посмотрела по привычке на Альбину Петровну.

— Да, мне нужно молоко, немного белого хлеба и сахар. Хочу Ваню земляничкой с молоком накормить.

Альбина Петровна стояла и молча смотрела на неё, кажется, раздумывала, а вот повариха поспешила к холодильнику. Улыбнулась.

— Конечно, конечно. Мальчику наверняка понравится.

— Надеюсь.

— Много собрали? — спросил садовник.

— Банку набрала, пока Ваня бегал, — улыбнулась Алёна.

Из холодильника достали бутылку молока, в плетёнку положили хлеб и поставили глубокую тарелку. Алёна за этими приготовлениями наблюдала, а потом, видимо, чёрт дёрнул её за язык.

— А молоко в магазине берёте?

— Конечно, — ответила ей Альбина Петровна. — Вы предпочитаете другое?

— Нет, просто... Здесь вокруг деревни, думаю, стоит брать молоко там, настоящее. Пока

есть возможность. Ване будет полезно, магазинное он и в Москве попьёт. Да и творог, наверняка, здесь можно купить.

Пока она говорила, повар согласно кивала головой, а вот Альбина Петровна сверлила Алёну придиричивым взглядом. Алёна снова влезла не в своё дело.

В гостиную она вернулась с подносом. Ваня валялся на диване, раскинув руки, и время от времени дёргал Роско за ухо. Тот не злился, только огромной головой мотал, даже не вздыхал. Но когда Алёна вошла, Ваня вскочил и оставил пса в покое.

— Что мы будем делать?

— Сейчас тебе вкуснятину сделаю, — пообещала Алёна. И попросила: — Иди, папу позови, его тоже накормим. Он в кабинете.

Ванька убежал, а Алёна принялась насыпать ягоды в тарелки.

— Что вы опять затеяли? — спросил Павел, появляясь в столовой через пару минут. Сына за руки от пола приподнял, тот засмеялся и замотал ногами в воздухе.

— Мы набрали земляники, — похвастала Алёна, — сейчас будем её есть.

Костров хмыкнул. Усадил сына за стол, сам сел и поднял голову, чтобы Алёне в лицо заглянуть.

— И ради этого я прервал разговор с Испанией?

— Именно. Чувствуете, какой запах?

Ванька полез пальцами в банку за ягодами, а Павел, пока сын не видел, погладил Алёну по спине. Та плечами повела, кинула на Кострова укоризненный взгляд, но он ему не внял. Пока Алёна сама за стол не села, его рука так и гуляла по её спине и ниже. А она села и поторопила:

— Ешьте, ешьте.

Павел улыбнулся её энтузиазму, на сына посмотрел. Спросил того:

— Вкусно?

Ванька съел первую ложку и быстро закивал. А Алёна довольно улыбнулась.

— Я в детстве больше всего любила землянику с молоком. Ничего вкуснее в жизни не ела.

Ваня посмотрел на неё.

— А конфеты?

— А конфет не было, — ответила она. Её улыбка была чересчур воодушевлённой, но это лучше, чем пускаться в объяснения. Павел и без того кинул на неё задумчивый взгляд, правда, ничего не сказал. А она, чтобы перевести разговор на другую тему, сказала:

— Я снова перешла Альбине Петровне дорогу.

Павел доел свою порцию ягод, в конце даже ложку облизал, а на Алёну взглянул весело.

— Что на этот раз?

Алёна указала на свою тарелку.

— Молоко. Кстати, хочешь ещё?

Павел головой качнул.

— Нет. Но было очень вкусно, ты права. А что с молоком?

— Паш, надо молоко в деревне покупать, и творог тоже. Пока возможность есть. Ванька круглый год пьёт магазинное молоко. Скажи ей, меня она не слушает. — Он молчал, губы насмешливо кривились, и Алёне пришлось потрясти его за руку. — Я серьёзно! Раз есть такая возможность, пусть ребёнок ест всё натуральное. Это куда полезнее, чем возить из супермаркета.

— Ладно, ладно, — сдался он. — Я скажу, пусть Альбина узнает. Ванька, ты будешь пить парное молоко?

Ваня ложкой вылавливал последние ягоды со дна тарелки, поднял на отца непонимающий взгляд, а Алёна с недовольством констатировала:

— Твой ребёнок не знает, что такое парное молоко. Теперь дошло, папа?

Павел зубами на неё клацнул, что заставило Ваньку рассмеяться, и из столовой ушёл.

После обеда пошёл дождь. Небо стало мрачным, его заволокло свинцовыми тучами, и дождь пошёл сильный и беспросветный. Роско было сунулся на улицу, но уже через несколько минут вернулся, недовольный и мокрый, а Алёна кулаком ему погрозила, когда поняла, что он замыслил отряхиваться прямо посреди гостиной.

— Уходи в коридор! Иди!

Пёс, недовольный, вышел за дверь и не вернулся. А Алёна поднялась на второй этаж, и некоторое время стояла у окна, наблюдая, как разъезжаются рабочие. В такую погоду оставаться смысла не было. А она стояла у окна, смотрела на мрачное небо, на мгновенно потемневшие и нахохлившиеся сосны неподалёку, на красный защитный тент, натянутый над недостроенным зданием, и думала о том, насколько ей всё кажется нереальным. Даже она сама в этом доме, в усадьбе, словно ей сон снится. Долгий, наполненный событиями, но сон. И проснуться было страшно, боялась, что сон исчезнет и не вернётся, останутся только воспоминания. Со снами ведь так обычно бывает?

— Алёна, пойдём мультик смотреть! Мне одному скучно.

Она вздохнула, секунду ещё смотрела вдаль, никак не могла взгляд отвести, потом всё же повернулась к мальчику.

— Иду, Вань.

— А конфету можно? Мы же уже пообедали?

Алёна улыбнулась в ответ на его умоляющий взгляд.

— Можно. Сбегай в столовую. И мне возьми, — добавила она.

Телефон снова звонил. Негромко, но настойчиво. И напоминал сигнал будильника. Вот подойдёт она к нему, ответит на вызов, всё равно чей, и тут же проснётся, сон развеется в одно мгновение, и всё тут же станет сложно, даже неосуществимо. А телефон звонил, с утра звонил уже трижды. Рыбников, Тарас, даже Серёга Бурдовский попытку предпринял. Но ни с кем из них Алёна говорить не хотела.

— Не хочешь отвечать, выключи его совсем, — немного ворчливо проговорил Павел, появляясь в детской вслед за сыном.

Ванька уселся на кровать, к Алёне под бок, протянул ей конфету. Алёна негромко его поблагодарила, взгляд перевела на телевизор, на Кострова не смотрела. Но понимала, что он ждёт ответа, и что он недоволен. Вряд ли тем, что она к телефону не подходит, скорее самим фактом, что ей кто-то звонит. Что ей звонит Тарас, Рыбников и какой-то неведомый Серёга. Что им всем от неё надо?

Его слова, не её.

— Так они знают, что я жива, — сказала она, в конце концов.

— Правда? Из чего это следует?

Алёна растянула губы в вынужденной улыбке.

— Я же заряжаю телефон.

— Логично.

Павел на детскую постель прилёг, Алёне подвинуться пришлось, руку за голову заложил и тоже уставился в телевизор. Все молчали, только Ванька спросил:

— Пап, ты хочешь конфету?

— Нет.

Алёна свою развернула, откусила половину, а другую половину к губам Павла поднесла. Чтобы видеть его лицо, пришлось голову ему на плечо откинуть, встретила с ним взглядом, и от его пристальности пришлось мысленно дух перевести. Костров же головой мотнул, по-

прежнему от конфеты отказываясь, зато его рука легла на её плечо, и сразу стало спокойнее. Дождь барабанил по карнизу, и снова, как две недели назад, казалось, что дождь отрезает Алёну от реальной жизни, там, за территорией усадьбы.

Ванька уснул через полчаса. Поначалу ещё брался что-то рассказывать отцу, вопросы задавать, даже на руки к нему перелез, потом ёрзал долго, и, наконец, заснул, прижавшись щекой к подушке. Алёна укрыла ребёнка мягким пледом, а Костров тут же потянул её прочь.

— Оставь его, пусть спит.

В комнате, из-за мрака на улице, практически стемнело. И это в три часа дня. Зато не пришлось задёргивать шторы. Павел выключил телевизор и вышел из детской, плотно прикрыв за собой дверь. Прошёл в свою комнату и увидел, что Алёна стоит у окна и расплетает волосы, забранные с утра в небрежную косу. Она смотрела за окно, а может, на капли дождя, что сбегали по стеклу, и казалась задумавшейся.

— О чём ты думаешь сегодня? — заворчал он, просто не мог сдержаться. Её молчание от чего-то выводило из себя. Когда Алёна думала о своём, она казалась далёкой и расстроенной. И это тоже ему не нравилось. Хотя, ждать от неё довольства и бесконечной радости, также было глупо. Чему ей особо радоваться? Как ни крути, а он её здесь насильно держит. Или уже не насильно? Просто неделю назад он запретил ей и думать о побеге или работе. И больше они об этом не говорили.

Он подошёл, обнял её, даже чуть навалился на Алёну, отчего они вместе покачнулись, а она схватилась за его руки. Зато улыбнулась.

— Честно?

— Хотелось бы.

— Смотрю на лес и думаю, что сейчас ни за что бы в него не зашла. Мне ощущений на всю жизнь хватило.

— Я и говорю: дурочка. — Он пальцами расчесал её волосы, потом в кулак их собрал.

— Паша.

— У?

— Тебе из Следственного комитета звонили?

Он вздохнул.

— Алён...

— Я не из любопытства спрашиваю, я беспокоюсь. Что им нужно от тебя?

Он тихо рассмеялся.

— Помню, недавно ты чётко представляла, что именно им от меня нужно и что мне за это светит.

Она погладила его руку, которой он её обнимал, а пока Павел не видел, зажмурилась. Наверное, молчала дольше, чем надо было, и этим себя выдала, потому что Павел обнял её крепче, голову наклонил и прижался губами к её шее.

— Ладно, не думай об этом. Тебе вообще об этом думать не нужно.

Этот ответ ей не понравился. Возможно, Павел имел в виду что-то иное, но Алёну его слова обидели. Будто он предлагал ей не думать о его проблемах потому, что её это совершенно не касалось. Но повернулась к нему лицом, когда он этого захотел, подставила губы для поцелуя, и даже ответила на его поцелуй с удовольствием, за шею обняла. А Костров, осознав степень её податливости, даже зарычал ей в губы. Алёна же рассмеялась. Потом оттолкнула его, а пока она расстёгивала молнию на длинной юбке, и та скользила по её ногам вниз, Павел отошёл к двери и запер её на ключ. Пара часов для себя, пока Ванька спит.

Сегодня всё было неспешно, наверное, испортившаяся погода так действовала. Стук дождя по карнизу задавал ритм, заставлял дышать с ним в унисон, и время стало тягучим и приятным.

Алёна обнимала Кострова за шею, двигалась, как он хотел, подчиняясь его рукам, целовала сама, тянула за волосы, заставляя его откидывать голову на подушку и закрывать глаза. А сама вглядывалась в его лицо, потом прижалась губами к его израненной щеке и провела языком по сеточке шрамов. Павел не возразил и не оттолкнул, слишком занят был собственными ощущениями, чтобы контролировать её. Его ладони гладили Алёну по бокам, по животу, поднимались к груди, потом спускались на бёдра и тогда принимались управлять и задавать новый ритм. Полумрак в комнате, drobный стук дождя, срывающееся дыхание, накатывающее волнами наслаждение, Алёна в какой-то момент глаза закрыла, окончательно теряясь в звуках и ощущениях, упёрлась руками в подушку и опустила голову, укрыв Павла своими волосами. И даже не сразу поняла, что он снова её целует, причём всё настойчивее. Наклонилась к нему, на поцелуй ответила, потом застонала ему в губы.

— Паша, Паша, — зашептали губы.

Он что-то шепнул ей в ответ, а может, и не шепнул, Алёна на какое-то мгновение перестала соображать и что-то слышать, только почувствовала, как он прижает её к себе, потом ловко перекатился с ней по постели и снова впился в её губы. А она раскинула руки в стороны и счастливо вздохнула. Правда, долго ей отдыхать не дали, Павел её за подбородок взял, требовательно сжал, и Алёна глаза открыла, посмотрела на него. Встретила насмешливую улыбку.

— Не притворяйся, я тебя знаю. Ты ещё со мной.

Алёна руки подняла, чтобы обнять его, а когда он наклонился, поцеловала в подбородок.

— Я с тобой.

Просто лежать с ним после, тоже было приятно. Алёна любила такие моменты. Когда к Павлу можно было прижиматься, когда они оба молчали, переводя дыхание, или просто думали каждый о своём. Алёна уже привычно закидывала на него ногу, водила пальцем по его груди или рёбрам, а иногда и улыбалась в темноте. Сегодня не улыбалась, не настолько темно было, щекой к плечу Кострова прижалась и грелась. Спине было немного прохладно, пока там его рука не оказалась. В её жизнь возвращались звуки. Внизу залаял Роско, потом за стеной послышалась мелодия её мобильного. Алёна в досаде вздохнула, даже предприняла попытку носом в подушку зарыться, но Костров ругнулся сквозь зубы, шевельнулся, потом на постели сел, повернувшись к Алёне спиной. Она потянулась к нему рукой.

— Паш.

Он не откликнулся, поднялся и пошёл в ванную, а Алёна вновь обратила внимание на шрам на его бедре. Он выделялся на фоне более смуглой кожи. Павел включил в ванной свет, дверь не закрыл, но это ничуть не успокоило. Алёна на подушки откинулась, убрала с лица волосы. А руку положила на соседнюю подушку, которая ещё хранила тепло чужого тела.

Их уединение прервал короткий стук в дверь. Алёна как раз застегнула юбку, расправила её и поторопилась дверь открыть, но, наверное, зря надеялась, что сможет кого-то обмануть порядком в своей одежде, уж точно не Альбину Петровну. Та только устремила на неё свой пронизательный взгляд, как тут же стало стыдно, за всё, особенно за запёртую на ключ дверь, явный намёк на то, что за ней происходило.

— Хотела сказать, что Ваня проснулся, — оповестила экономка спокойным голосом. — Спрашивал... где вы и Павел Андреевич. И ещё звонила Регина Родионовна.

Алёна кашлянула в лёгком смущении.

— Хорошо, спасибо, Альбина Петровна. Мы... Сейчас спустимся.

— Ваня внизу, пьёт молоко с печеньем, — добавила домоправительница, развернулась на каблуках и поспешила прочь по коридору. А Алёна закрыла дверь комнаты, обернулась на Кострова, который только появился из ванной, с полотенцем на шее после душа. Она же дверь

закрыла и в досаде проговорила:

— Ну, вот, теперь меня однозначно записали в проститутки.

Павел усмехнулся.

— Не бери в голову. Альбине не положено судить и что-то думать.

— И, по-твоему, её или кого-то другого в этом доме это останавливает? Я просто не понимаю, чем так её раздражаю.

— Альбину пригласили в этот дом, чтобы она не кухней управляла, а за Ваней присматривала. Пока в этом необходимости нет, он занимает всё твоё время.

— Ах, вот в чём дело. Она ревнует.

Павел кинул на неё удивлённый взгляд.

— Она боится лишиться работы.

Алёна растеряно моргнула.

— Глупость какая. А кто будет домом заниматься?

Костров пожал плечами, по его лицу было заметно, что ему, по сути, всё равно, кто будет заниматься домом — Альбина или кто-то ещё, лишь бы всё шло, как положено и делалось в срок.

— Я пойду, переоденусь, — сказала ему Алёна, решив закончить непонятную для них обоих тему. Подошла, дотронулась до него, потом в голое плечо поцеловала. — Ваня внизу уже.

— Хорошо.

Дверь в свою спальню Алёна намеренно прикрыла. Снова сняла юбку, открыла шкаф, но потом, позабыв об одежде, присела на кровать, взяла в руки телефон. На сердце стало тяжело. Пять пропущенных вызовов, и самое плохое то, что два от Дуси. Конечно, тётке можно было перезвонить, Алёна, кстати, звонила ей три дня назад, поболтала ни о чём, выслушала семейные новости, а вот о себе ничего не сказала. С Дусей они договорились созвониться в субботу, и тот факт, что тётка вдруг еёхватила среди недели, ничего хорошего не сулил. Особенно, если принять во внимание то, что до этого она два дня не желала отвечать на звонки Рыбникова. Она сказала об этом Павлу вчера, точнее, осторожно поинтересовалась, что он там «решил». Он в очередной раз успокоил, что всё устроил, но Рыбников сегодня звонил снова.

Он точно Дусе обо всём доложил. Алёне захотелось кулаком по подушке стукнуть. Самое плохое, что могло было случиться, по всей видимости, случилось. Конечно, Павел ведь знать не знает, что Рыбников является не просто её непосредственным начальником, который вечно ею недоволен и подгоняет, у него ещё и моральное, так сказать, право на это есть, индульгенция, выданная самой Дусей. Дело в том, что когда-то, очень давно, когда Дуся была молода и наивна, как она сама описывает те времена, она умудрилась выскочить за Рыбникова замуж. Брак этот был скоропалительный, по страстной и безумной любви, и закончился также внезапно, как вдруг и приключился. Всего через год после свадьбы. Но они остались в хороших отношениях, что и помогло однажды Алёне устроиться сначала на практику, а потом и на работу в главное новостное издание области. Хотя, сама Алёна родственником Петра Алексеевича не считала, даже дальним. В те времена она и понятия не имела о жизни Дуси, даже о её существовании знала по скудным рассказам отца. А уж тем более Дусины мужа её никак не касались. Но Рыбников, помня о прошлом, терпел её, Алёны, неудачи, фокусы, как он говорил. И даже ответственность чувствовал, иногда. Как в данной ситуации, надо полагать. И не смотря на то, что Павел, как считал, «всё уладил», Пётр Алексеевич не успокоился, и сдал Алёну тётке со всеми потрохами. И теперь Дуся звонит и пишет грозные смски. Как раз угрозой можно было посчитать сообщение о том, что она срочно приезжает и требует, чтобы Алёна ждала её дома. Иначе...

Так и было написано: «Иначе...», и уже становилось страшно.

Алёна повалилась на постель, закрыла глаза и так лежала некоторое время. Кажется, сон всё-таки заканчивается.

Весь вечер Алёна об этом думала. Старалась, чтобы её невесёлая задумчивость в глаза не бросалась, Ване улыбалась, ко всем словам Павла прислушивалась, и даже молоденькую домработницу из столовой за ужином буквально выгнала, решив, что они вполне способны поесть сами, без того, чтобы им подносили тарелки. В конце концов, это странно и сильно напрягает. Хотя, видимо, только её.

Позже, когда Ваня вдоволь набегался с Роско наперегонки по дому, из-за невозможности выйти на улицу, чтобы как-то мальчика успокоить, Павел усадил его в детской за письменный стол и предложил заняться прописями, которые выдали в садике на лето. Чёрточки, кружочки, закорючки... Ванька долго вздыхал, канючил и даже трагично ронял голову на сложенные на столе руки. Алёна сидела рядом, всё это от ребёнка выслушала, потом предложила быстренько сделать, что просил папа, и продолжить играть.

— Всего одна страничка. Давай, ты быстро справишься, я уверена. Пиши.

Ваня наморщил нос, но взял ручку и открыл тетрадь.

— Только старайся, — попросила Алёна, — потом мне покажешь.

Он кивнул, нос потёр, а Алёна из детской вышла, решив ребёнка своим присутствием не отвлекать. Из комнаты, в которой находились спортивные тренажёры, слышались характерные звуки. Алёна знала, что Павел там, он каждый вечер около часа занимался, упорно, без лишних эмоций и раздумий, просто тягал тяжеленные диски на силовом тренажёре. Он даже больную ногу качал, и когда Алёна в первый раз это увидела, с трудом в себя пришла. Но её просто развернули в сторону выхода и сказали, что она ничего не понимает. Спорить она не стала, на самом деле не понимает, и уж точно не может видеть, как он, морщась от боли, выжимает ногой достаточно большой вес. Поэтому на этот час она оставляла Павла в покое. Но сегодня её потянуло к нему со страшной силой. Павел был один, сосредоточен, а у неё кончилась выдержка, необходимо было с ним поговорить.

Она в комнату вошла, остановилась в дверях и с минуту наблюдала. Костров в её сторону не смотрел, был занят тем, что следил за дыханием и правильностью выполнения упражнения. Дыхание было тяжёлым, он громко выдыхал, вены на шее вздулись. Алёна смотрела на него, потом присела на пуфик у двери. А как только Павел руки опустил, поднялась и подала ему полотенце, он лицо вытер.

— Ну, и что ты хочешь мне сказать? — спросил он, усмехнувшись.

Она оглядела страшный тренажёр, даже дотронулась до него.

— Паша, мне нужно вернуться в город.

— Серьёзно? — его тон был полон сарказма.

Алёна губу закусил.

— Очень серьёзно. То есть, очень надо.

— С ума сойти.

— Паш, ну, перестань. То, что ты язвишь, ничего не решает.

— А я не язвлю. Поезжай. — Он открыто и до противного спокойно посмотрел на неё. — Ты ведь не успокоишься? А бегать за тобой по лесу я больше не буду. Поезжай в город.

И что надо было ему сказать? Что это последнее, чего она в эту минуту хочет? Не хочет в город, не хочет думать о работе, она влюбилась в эту усадьбу, по щелчку пальцев влюбилась, как только увидела этот дом, через пелену дождя, заснувший и тихий. Сказать, что она просто влюбилась... и её отъезд — это конец самого фантастического её сна? И сейчас кажется, что за забором пустота, ничего нет.

— Рыбников Дусе всё рассказал. Она звонила сегодня, а я не ответила. И она написала, что

срочно приезжает. И если я не появлюсь... Мне нужно вернуться в город, понимаешь? Я не могу так с ней поступить, заставлять её волноваться. Просто не могу.

Павел молчал, молчал долго и оттого очень тревожно, затем поднялся.

— У Рыбникова длинный язык, как понимаю.

Алёна сокрушённо вздохнула.

— И длинные руки. На него, как на бывшего мужа, возложена обязанность за мной присматривать. Он не слишком ответственный контролёр, но... ситуация располагает на этот раз.

— Он был женат на твоей тёте?

— Это было очень давно, они тогда ещё оба учились. Студенческий брак. Но он всё равно обязан.

— Ясно. — Павел снял футболку, из комнаты вышел, зашёл в ванную, что была напротив. Умылся, а футболку кинул в корзину для грязного белья. Алёна за ним наблюдала. Потом осторожно позвала:

— Паша.

Он обернулся через плечо, наградил её тяжёлым взглядом.

— Я уже всё тебе сказал, поезжай. Завтра утром, пока Ванька спит. Прощания нам ни к чему.

Он отвернулся, а Алёна поспешила уйти в свою комнату, чтобы он не видел её предательски затрясшихся губ.

Вернуться в город показалось странным. Алёна подумала об этом в тот же момент, как со всех сторон её обступили высотные дома. Всю дорогу до города она была занята другими мыслями, ощущала нешуточную горечь и мысленно с Павлом разговаривала. Хотя бы мысленно, слушать-то он её не стал. Он просто её отпустил. И, наверное, тот факт, что её с утра пораньше не выставили за ворота усадьбы, можно счесть везением и доброй волей Кострова. Он ведь добрый? Добрый! Он проявил великодушие и просто отпустил её, даже пригрозить забыл. Мол, рот поменьше открывай. А убеждать его в том, что она и не собирается, было бессмысленно. Алёна вечером попыталась, а Павел только понимающе покивал, затем улыбнулся... Многозначительно так. И Алёна плюнула. И на него, и на попытку что-то до него донести, и, вообще, на всё взаимопонимание, которое между ними было в последние дни. Или это ей казалось, что оно было? Наверное, так и есть. Тот самый, единственный аргумент, который объясняет всё, и Павел, кстати, его не раз озвучивал: она дура.

Алёна думала об этом по дороге в город, смотрела в окно автомобиля, совершенно не обращая внимания на водителя, и, признаться, за полтора часа пути накрутила себя так, что почувствовала нешуточную злость. Он не дал ей проститься с ребёнком! Конечно, Алёна не знала, что бы Ване сказала на прощание, как бы объяснила свой отъезд, почему-то хотелось верить, что ему было бы жаль с ней расставаться. И, возможно, в этом моменте Павел был в чём-то прав, но просто исчезнуть из дома в одно прекрасное утро тоже было не слишком удачным решением. По её мнению. Но её мнение никого не интересует.

Деспот.

Тиран и деспот.

А потом они въехали в город, и Алёна поймала себя на мысли, насколько успела отвыкнуть и от шума, и от людей на улицах, от огромного количества машин. Люди жили в привычном им ритме, спешили по своим делам, на работу, им некогда было остановиться и оглядеться по сторонам, а она... она думала о том, что сегодня с Ванькой некому будет гулять после завтрака. Или Альбина Петровна, наконец, займётся своими прямыми обязанностями? И вскоре никому не станет дела до того, что она уехала.

— Вам помочь донести вещи до квартиры?

Автомобиль подъехал прямо к подъезду, водитель даже не спросил ни разу, по какому адресу ему ехать и где лучше свернуть. Чемодан с её вещами из багажника достал, и Алёна теперь смотрела на него, затем головой качнула.

— Нет, спасибо.

Забрала у мужчины свой чемодан, коротко улыбнулась в знак благодарности и направилась к подъезду. Дверью хлопнула, но всё равно услышала, как отъезжает автомобиль. Всё, усадебная история закончена.

Достала из сумки ключи от нового замка, но воспользоваться ими не пришлось, дверь оказалась открыта. Алёна её толкнула, переступила порог, а свою ношу тут же опустила на пол и даже ногой поддала. Она снова злилась. Но только до того момента, пока из комнаты не показалась Дуся, устремила на неё огненный взгляд и грозно упёрла руки в бока.

— Ты, блин, где была?!

Алёна замерла перед ней, понимая, что в этот раз встреча с объятиями ей не грозит. Дуся была вне себя, смотрела на неё убийственно, хмурилась и страшно поджимала губы. И всё это казалось очень серьёзным и страшным, да к тому же тётка, за то время, что они не виделись, успела из рыжей перекраситься в жгучую брюнетку, и теперь напоминала цыганку, причём

цыганку в гневе. А ведь все знают, что это опасно, да? Темпераментом Дуся точно не уступит.

— А ты уже приехала? — Алёна сделала шаг и споткнулась о свой же чемодан, чертыхнувшись в полголоса. А вот тётку постаралась задобрить: — А я собиралась на вокзал, тебя встречать.

— Меня не надо встречать! Меня надо вовремя предупреждать, куда ты направляешься, чтобы я не срывалась среди ночи за триста километров!

— Ну, прости. — Алёна совершенно искренне вздохнула, посмотрела на Дусю, извиняясь. — Я совершенно не думала, что так получится.

— Вот в это я как раз верю! Что ты не думала!

Алёна обернулась на дверь.

— А как ты вошла? Замки же... я поменяла.

— Я что, по-твоему, в свою квартиру не войду? Если понадобится, я эту дверь взорву! А вдруг ты тут лежишь?

— А всё-таки?

— Вызвала мастера. И хватит заговаривать мне зубы. Где ты была?

— За городом. — Алёна скинула босоножки, прошла в комнату, провожаемая горящим, возмущённым взглядом. — И волноваться было совершенно ни к чему.

— Серьёзно? — Дуся взмахнула руками и страшно рассмеялась, демонстрируя издёвку. Вот после этого Алёна взглянула на неё с откровенным укором.

— Перестань. Я понимаю, что виновата, что надо было тебе рассказать правду, но...

— Что «но»?

— Ничего. Тебе Рыбников проболтался, да?

— Он не проболтался! — в возмущении воскликнула Дуся. — Он вовремя сигнализировал!

— Конечно, — пробормотала Алёна, садясь на диван. Села и откинулась на диванные подушки. Тётка возмущалась, и, без сомнения, имела на это право, но Алёна чувствовала странную апатию, и оттого реагировала не столь эмоционально, как Дусе, наверное, того хотелось бы. Не принялась оправдываться и сыпать подробностями.

Дуся же руки опустила, на племянницу взглянула с претензией, но уже не с такой всепоглощающей, как несколько минут назад.

— А ты мне ещё и врала. Звонила и говорила, что у тебя всё в порядке, как всегда и ничего не происходит.

— Дуся, — Алёна умоляюще взглянула на неё. — Ну, не мучай ты меня. Я и сама знаю, что виновата. И прости, что тебе пришлось приехать, но, правда, ничего страшного и ужасного не происходило.

— Да что ты говоришь? — Дуся вспыхнула моментально. — Ты пропадаешь где-то, тебя нет дома, ты не появляешься на работе!..

— У меня отпуск!

— Что ты мне врешь? Какой ещё отпуск? Знаю я всё про твой отпуск!

Алёна глаза в сторону отвела, головой качнула и пожаловалась:

— Ну, Рыбников...

— Оставь Петю в покое! Он всё сделал так, как должен был! Правда, поздно! Если бы он мне сразу всё сказал, я бы... я бы...

— Ну, что ты бы? — передразнила тётку Алёна, вступив на опасную дорожку. — Что бы ты сделала? — И спокойнее, примирительнее добавила: — Так сложились обстоятельства.

— Алёнка, скажи честно, ты во что-то влезла?

Алёна на Дусю молча смотрела, не отрицала и не соглашалась, если честно, сама сейчас уже не знала, во что же она влезла, главный повод как-то позабылся за последнюю неделю, а вот

тётка глаза к потолку возвела.

— Я так и знала.

— Что ты знала?

— Что тебя нельзя одну оставлять! Что ты обязательно найдёшь приключение на свою задницу!

— Господи, сколько экспрессии.

— Ты пошути, пошути. — Дуся сжала кулак и примерилась к её лбу, но Алёна вовремя уклонилась, хотя и знала, что Дуся не стукнет, только грозит. Вот и сейчас лупить её передумала, вместо этого с усталым вздохом присела на диван рядом с ней. Покосилась. — Ну, — начала она со всей серьёзностью, — и где ты была?

Алёна руки на груди сложила, смотрела прямо перед собой.

— А что тебе Рыбников сказал?

— Какие-то небылицы насочинял. Про Артюхова, что тот тебя втянул в какую-то тёмную историю, чуть ли не с Костровыми этими. Но запугать сумел. Что я, Артюхова не знаю?

— А откуда ты его знаешь? — заинтересовалась Алёна.

Дуся удивлённо глянула.

— Как откуда? От тебя. Ты же в него влюблена, вечно про него болтала, обо всех его похождениях и статьях.

Алёна чуть слышно фыркнула, отвернулась.

— Вот ещё.

— Что? Скажешь не так?

Алёна помолчала, обдумывала, затем плечом дёрнула.

— Не знаю. Я сейчас вообще ничего не понимаю.

— Что это?

Алёна снова молчала, нос потёрла, а Дуся толкнула её локтем.

— Говори. Что он тебе сделал?

Алёна даже рассмеялась после её вопроса.

— Кто? Тарас? Ничего он мне не сделал.

— Вообще?

— Ну... Я с ним целовалась. И всё.

— Хотя что-то. А то даже странно. Столько лет вздыхать по мужику со стороны.

— Да не вздыхала я по нему, — заспорила Алёна. — То есть, вздыхала, но скорее по его работе, чем по нему самому. — На тётку посмотрела. — Знаешь, он не такой уж и интересный. Как человек. А вот как журналист... Как выяснилось, умеет из всего пользу извлечь.

— Та-ак. Значит, он тебя всё-таки во что-то втянул.

— Да нет, я сама втянулась. Так получилось.

— Только не говори, что полезла в политику. Это такое неблагодарное дело. Даст тебе ещё кто-нибудь по носу.

— Кто?

— Кто-нибудь, — весомо повторила Дуся и сделала страшные глаза. — Думаешь, некому? Мне вот Петя рассказывал, один знакомый его решил написать про гаишников, всю правду, так сказать, так те обиделись, и потом полгода штрафовали его на каждом углу. Так и пришлось ему на автобусе целый год ездить. Вот и ты, — Дуся постучала ей пальцем по лбу, — думай, прежде чем куда-то влезать. Сколько раз тебе говорили?

— Можно подумать, меня кто-то всерьёз воспринимает.

— И, слава Богу, я тебе скажу! — Дуся выдохнула, головой покачала. — Не бережёшь ты меня. Я с ума с тобой сойду. Есть будешь, несчастье моё?

— Буду, — Алёна мрачно кивнула. — Одна отдушина осталась.

— О, ну, это ты перебарщиваешь. Пельмени будешь?

Алёна хмыкнула.

— В десять утра? Конечно.

— Я, между прочим, со вчерашнего дня ни кусочка проглотить не могла, — вновь возмутилась Дуся. — Думала, что тебя убили! Похитили и убили. Как я могла есть?

— Действительно.

— Хватит там бубнить! — крикнула Дуся с кухни. — Иди сюда и рассказывай мне всё в подробностях.

Алёна поднялась и нехотя последовала за ней на кухню, села на диванчик у окна и ноги под себя поджала.

— Я уверена, что дядя Петя тебе всё в подробностях рассказал.

Дуся обернулась на неё от плиты, взглянула с ужасом.

— Я каменею, когда ты его так называешь.

Алёна рассмеялась.

— Поверь, он тоже. Я только пару раз этот номер проделала, он потом со мной неделю не разговаривал.

— Ужас, — подтвердила Дуся. — И толку от него особо не было, я ничего в его криках не поняла. Он всё повторял, что ты его головная боль, что ты вечно лезешь, куда тебя не просят, но в этот раз ещё и Артюхов помог, и вот — тебя умыкнули в неизвестном направлении. А всё из-за Кострова. Из-за той пресс-конференции. — Дуся снова на неё посмотрела. — Кстати, а ты молодец была. Так смело смотрела на этого Кострова.

— Правда? — Алёна этим словам удивилась. — Я внутри тряслась, как заяц.

— Незаметно было, — авторитетно заявила тётка. А Алёна подумала, что раз так, может, Павел поэтому и решил её в усадьбе на некоторое время запереть, уж слишком уверенно она выглядела, будто что-то знает? — И что у тебя с этим Тарасом?

— Ничего. Кажется, он на самом деле меня подставить пытался.

— Правда? — Дуся расстроено хмыкнула. — Попадают же такие... — Рукой решительно взмахнула. — Не встречайся с ним больше.

— Вряд ли получится.

— Тогда не целуйся.

Алёна грустно улыбнулась.

— Не буду.

— И где ты пряталась?

Алёна посмотрела за окно.

— Я не пряталась. Меня на самом деле... умыкнули.

Дуся повернулась к ней, замерла с шумовкой в руке. Нахмурилась.

— Кто? — Потом рот открыла, ахнула. — Значит, Петя не соврал? Костров? Вот тот вот... опасный тип? Господи, почему ты мне по телефону не сказала?!

— И что бы ты сделала?

— Уж поверь, я что-нибудь бы да сделала! Я бы всю милицию, я бы... Мало его следователи ищут?! А он такое творит?

Алёна прикусила губу.

— Дусь, его никто не ищет. То есть, сейчас. Они прекрасно знают, где он и... Они ничего не докажут, — закончила Алёна в некоторой панике.

А Дуся брови нахмурила, сдула тёмную прядь волос со щеки.

— Что не докажут?

— Да ничего... Я так думаю. По крайней мере, Паша так говорит, и он уверен в своих словах.

— Паша?

Алёна примолкла, взгляд забежал по кухне, но тётка так пристально её разглядывала в этот момент, что она поневоле начала наливать краснотой. Затем рукой взмахнула, попыталась найти правильные слова:

— Это совсем не то, что ты думаешь.

— Да ты даже не знаешь, что я думаю! — И Дуся тут же перешла на изумлённый крик. — Костров? Вот тот самый? С папочкой-ворюгой и сроком за плечами?

— Дуся, это одна из самых уважаемых семей в нашей стране. Была, по крайней мере.

— Вот именно, что была! Их сейчас на каждом углу обсуждают! И этого Павла в первую очередь! А ты являешься неизвестно откуда, через две недели, и называешь его Пашей?! Ты с ним спала?

Алёна рот открыла, после чего отчаянно замотала головой. А Дуся закатила глаза в манере благородных девиц из старых фильмов.

— Господи, какая же ты дура!

А у Алёны снова губы затряслись, совсем, как вчера.

— Да, я дура! Дура! И что мне теперь делать? — Слёзы, как назло, потекли, Алёна принялась их вытирать, а они всё текли, а Дуся смотрела на неё в полном молчании, потом на стол тяжело оперлась.

— Алюш, как тебя угораздило?

Алёна горько всхлипнула.

— Не знаю.

— Ему лет-то сколько?

Алёна молчала, царапала ногтём вышивку на набивной подушке. Потом глянула в сторону плиты.

— У тебя пельмени убегают.

Дуся кинулась выключать газ, полотенцем над кастрюлей замахала, разгоняя пар.

— Вот ведь несчастье.

— Это ты о чём?

— Обо всём! Садись за стол, горе.

Всё-таки организм её устроен странно, наверное, в тысячный раз за свою жизнь подумала Алёна. Нормальные женщины в расстройстве кусочка проглотить не могут, вот как Дуся, а она вздыхает, слёзы льёт, а ест. Пельмени с майонезом в начале одиннадцатого утра. Паша бы посмеялся. Мысленно произнесла его имя, и слёзы снова потекли, Алёна поторопилась их вытереть, сунула в рот ещё один пельмень. А потом, не прожевав толком, жаловаться принялась:

— Он меня из дома буквально выставил. Прямо с утра. Всё хорошо было, а потом я сказала, что мне нужно в город, и... и всё.

— Он что, неадекватный?

— Нет. Просто он ненавидит журналистов. Он так и говорит. А я... Мне же Рыбников звонил, и Тарас... Звонят, и звонят, — с тихой злостью проговорила Алёна. — Вот он и решил, что я из-за работы... Дуся, неужели он думает, что я Тарасу что-нибудь расскажу? Про него, про усадьбу, про Ваньку?

— Откуда я знаю, что думает Павел Костров? Он мне и по телевизору-то не слишком душевным показался. Мрачный тип.

— Он не мрачный.

— Конечно. Тебе лучше знать, — съязвила Дуся. — Блин, я опять аппетит потеряла. Я из-за

тебя умру голодной смертью, так и знай!

— Извини.

— Ладно уж. Дальше рассказывай.

— Что?

— Что-нибудь! Рассказать нечего?

Алёна принялась рассказывать ей про усадьбу, про Роско, про Ваньку. Только имя самого Павла стороной обходила. Даже спотыкалась на нём. Как собиралась что-то о нём сказать, сразу обидно становилось, и слёзы подступали. Приходилось их заедать или запивать. Да, если Дуся из-за неё умрёт от голода, то она, судя по всему, из-за Павла Кострова растолстеет, как корова.

— Значит, у него ребёнок. Теперь понятно.

— Что тебе понятно?

— На какой почве вы сошлись.

— И вовсе нет.

— И вовсе да, — передразнила Дуся, поднимаясь из-за стола и убирая свою тарелку в раковину. — Даже самые монолитные и мрачные мужики тают, когда любят их чадо. Так устроен мир.

— Я не специально! Я же... от души. Ванька замечательный.

— Верю, верю.

Алёна лицо руками закрыла, потом головой помотала.

— Хотя, сейчас-то уж чего. Я в городе. Всё вернулось на круги своя.

— Ага, скрасила загородную жизнь барина. Молодец, девочка.

— Ну, зачем ты так?

— А как? А у него совести нет! Видит, что девчонка совсем, а он и рад стараться.

— Дуся, ты забыла, сколько мне лет?

— Толка от твоего возраста! Растаяла в один момент! — Дуся вновь расстроено качнула головой. — Прав был Олег, надо было тебя замуж выдать, а потом уже уезжать.

— За кого?

Дуся руку в бок упёрла, подумала, затем кивнула.

— Ты права. — И тут же ткнула в Алёну пальцем. — Переедешь ко мне в Ярославль. Хватит с меня твоей самостоятельности. Мне ещё инфаркта не хватало.

— Дуся...

— Переедешь, и не спорь. Устроишься там в газету, сменишь приоритеты, поменяешь настрой, и всё будет хорошо. Ярославль тоже город не маленький. Это даже полезно — переезжать.

Алёна щёку рукой подпёрла, отвернулась к окну. Тётка планы строила на её жизнь, а она молчала. Правда, потом спросила:

— Дусь, что мне делать?

— На работу съездить. Петя кричал что-то про заявление на отпуск, что тебе его подписать надо. Я так и не поняла, ты в отпуске или нет?

— Не знаю. Паша что-то там решал.

Дуся руками в досаде всплеснула.

— Снова Паша! Чёрт бы его взял, твоего Кострова! Развратник старый!

— Дуся, он не старый. Ему тридцать восемь.

Тётка замерла, затем осторожно поинтересовалась:

— Ты на что-то намекаешь?

Алёна тут же выпрямилась и посмотрела на неё честными глазами.

— Нет. Говорю, что молодой.

— Ага, — с угрозой отозвалась Дуся, после чего ещё и кулак ей продемонстрировала.

Дуся время от времени возобновляла свои поучения, ходила по квартире и возмущалась. То на Кострова, то на её, Алёны, доверчивость, то на бывшего мужа, который не соизволил доложить о происходящем сразу, в общем, на всех и сразу возмущалась. А Алёна, тайком от неё, квартиру осматривала. И что странно, никаких признаков того, что в квартире был кто-то чужой, да ещё шарил по полкам шкафов, не замечала. Всё аккуратно, всё на своих местах, кажется, ни на сантиметр не сдвинуто. Ну, Негожин, опасный тип, ничего не скажешь. И в компьютере у неё полный порядок, ничего не нарушено и не удалено. Да и что было удалять? Никаких фактов и записей по поводу Кострова не было, только то, что касается усадьбы, а это, по всей видимости, визитёров мало заинтересовало.

Пользуясь тем, что у неё снова появился неограниченный доступ к интернету, просмотрела все интересующие её новости. В основном, они касались Костровых, и не были чересчур познавательными. Практически ежедневно Следственный комитет отчитывался о списке допрошенных лиц, но подача информации была до того скудная, что сделать какие-то выводы возможным не представлялось. Куда больше было опять же слухов, домыслов и пустых рассуждений непонятно откуда повылезавших экспертов. Несмотря на то, что всерьёз их принимать не стоило, Алёна прочитала всё, что нашла, и спокойнее себя не почувствовала. Пока была в усадьбе, даже забывать стала, почему она там оказалась, что за повод, да и Павел о проблемах не говорил, а когда она пыталась расспросить, предпочитал отмахиваться или переводил разговор на другую тему. И Алёна поверила, что всё само собой утрясётся, и, вообще, ничего страшного не происходит. А вернувшись в реальный мир, поняла, что скандал ещё и не думает затихать. Пресса гудит, люди обсуждают, а самое главное, осуждают. В конце концов, компьютер она выключила, переполнившись уверенностью в том, что всё плохо. Ну, или почти плохо. Все знакомые, однопартийцы и друзья, старательно открещивались от тесных связей с Андреем Костровым, а кто мог ещё и переваливал на него свои грехи. Правильно, он ведь не возразит и за себя не вступится, попробуй сейчас разберись, кто больше виноват. А Павел по-прежнему был скуп на объяснения и оправдания, и это натравливало журналистов и обывателей против него. Копались в его жизни, в его финансовых делах, особого успеха не добивались, и это лишь разжигало домыслы и пересуды. Правильно, очень правильно, что он поторопился спрятать сына от чужих глаз, в усадьбе, за высоким забором. Да и сам за последнюю неделю лишь дважды выезжал за её пределы, попросту прятался от мира. И теперь Алёна его готова была понять в этом вопросе, почитав всю несусветную чушь...

— Твоя доверчивость тебя в яму загонит, — сказала Дуся, когда Алёна попыталась ей объяснить, насколько не стоит верить всему, что говорят про Кострова. — И я даже удивляюсь, откуда она вдруг взялась. Тебя ведь хлебом не корми, дай отрыть какую-нибудь пакость. А тут ты разом ослепла, оглохла и уверовала.

Алёна обиженно поджала губы.

— Я ничего не знаю про Кострова-старшего и его дела, и как среднестатистический гражданин, пребываю в неприятном удивлении, но Паша... Дусь, он был в плохих отношениях с отцом, и очень сомнительно, что тот его посвящал в свои делишки.

— Всё-таки в «делишки»! — усмехнулась Дуся.

Алёна в раздражении прикрыла крышку ноутбука.

— Не лови меня на слове. Я говорю тебе, что знаю.

— Что чувствуешь. Это разные вещи.

— Может быть, — пришлось согласиться Алёне. — Но не вздумай ни чем с Рыбниковым делиться. Не стоит ему знать.

— Пусть думает, что тебя похитили?

— Он так не думает. — Алёна даже поморщилась. — А если думает, то не всерьёз.

— Конечно, тебя лишь увезли с охраной в неизвестном направлении! Подумаешь, диво!

— Дусь, а ты надолго приехала?

В неё швырнули тряпкой, которой Дуся пыль протирала, и обвинили:

— Ты маленькое, неблагодарное чудовище. Ничего, в Ярославле я займусь твоим перевоспитанием, вплотную.

— Мне уже страшно.

— И правильно.

В редакцию Алёна отправилась только на следующее утро. Знала, что Дуся предупредила Рыбникова о её возвращении, они даже обсудили, насколько она беспечна и наивна, что странно для девушки её возраста, к тому же её профессии. Алёна их разговор прекрасно слышала, потому что находилась с Дусей в одной комнате, и знала, что тётка старается специально для неё. Чтобы слышала и на ус мотала. На ус не получалось, но Алёна стыдилась из-за того, что заставила людей волноваться. Дуся же говорила, что она вместе с головой совесть потеряла. Может быть, она была права.

Вечером они отправились в ресторан. После уединения в усадьбе, где Алёна виделась и общалась лишь с ограниченным кругом людей, ей необходимо было выйти в свет. Это опять же была инициатива Дуси, хотя Алёна предпочла бы остаться дома и поискать в интернете ещё информацию. Уже не о Кострове-старшем, Бог с ним, она никогда с ним не встретится, её интересовал Павел. О нём было очень мало известно, и его бизнес Алёну тоже не слишком интересовал, куда любопытнее было узнать о его личной жизни. Она всё ещё очень хорошо помнила фотографию девушки в купальнике в его телефоне, а сам Павел назвал её своей бывшей.

— Ты представляешь, — в полголоса говорила она Дусе, грызя чесночную палочку, что подавали в плетеных корзинках в итальянском ресторанчике в центре города. — Там буквально порнозвезда. — Алёна даже на себе попыталась продемонстрировать. — На таких, как она, в мужских журналах большой спрос.

— Значит, не промах твой Костров.

— Перестань называть его моим. — Алёна с печалью во взгляде осмотрела ресторанный зал и напонила, в первую очередь себе: — Он меня из усадьбы выставил.

— Прямо-таки выставил?

— Даже до свидания не сказал. И с Ванькой проститься не дал... Хотя, это, может, к лучшему? Что бы я ему сказала?

— А где у мальчика мама?

Алёна плечами пожала.

— Паша настоятельно просил не спрашивать.

— И ты послушно прикусила язык. — Дуся даже языком цокнула, головой покачала. — Загипнотизировал он тебя, что ли.

Алёна подумала, отпила из бокала с вином, после чего покивала.

— Если честно, то он может. Видела, как он пресс-конференции держался? Будто каждый день перед журналистами ответ держит.

— Ага. А с лицом у него что?

От этого вопроса стало немного не по себе, даже обидно, и Алёна с достоинством проговорила:

— Это просто травма... Авария.

Дуся скептически хмыкнула.

— Авария? Если честно, Алёш, у меня от твоего... от Кострова, мурашки размером с кошку.

Алёна вздохнула, немножко мечтательно.

— У меня тоже. — Встретила выразительный Дусин взгляд, заставила себя встряхнуться, даже выпрямилась, и требовательно спросила: — Где наш ужин?

В общем, весь день прошёл в разговорах о Павле, и это вместо того, чтобы с порога собственной квартиры начать о нём забывать. Но вопреки здравому смыслу полночи старалась выяснить, был ли он женат, и что вообще о его личной жизни известно. И ничего кроме нескольких скандальных фактов, не обнаружила. Его имя пару раз всплывало в компании с известным в России шалапутным олигархом, и бальзам на Алёнину душу это совсем не пролило. Сведения были более чем пятилетней давности, но разве от этого хоть немного спокойнее? Разве что Ванька за это время появился, и Павлу пришлось делать выбор. Наверное. Но отец он замечательный, и Ваня всегда много рассказывает о том, что они с папой вместе делали. То есть, ребёнку он уделяет всё свободное время и надолго его не оставляет, ни с Региной, ни с нянями. Но Дуся права, это совсем не объясняет, где мама мальчика. Ведь если бы с ней приключилось что-то трагическое, хранить тайну не имело бы смысла, правильно? По крайней мере, Алёна считала, что ей бы Павел сказал. А тут поступил чёткий приказ не расспрашивать. Но и сама вряд ли она сможет что-то узнать. Всё-таки нет у неё способностей Артюхова и его нюха на сенсацию.

Только подъехав следующим утром на такси к зданию редакции, Алёна вспомнила про свой автомобиль. Он так и стоял на стоянке и грустил. Конечно, нерадивая хозяйка и думать про него забыла. Соседей каждый вечер забирали домой, их заправляли и мыли, а мимо него проходили люди, его поливало дождём, и никто о нём не вспоминал. Алёна к машине подошла, для начала осмотрела, после чего погладила по капоту.

— Сегодня я тебя домой заберу, не переживай, — сказала она ему. Потом на свою руку посмотрела, ладонь была грязная. Вздохнула, и первым делом отправилась в туалет, мыть руки, а уже после в кабинет Рыбникова. Шла по коридору, здоровалась с попадающимися встреч коллегами, и отмечала, что поглядывают на неё странно. Всё-таки журналистская братия совершенно не умеет хранить секреты, им всё нужно обсудить и высказать своё собственное мнение.

— Золотарёва! — Бурдовский окликнул её через весь коридор, Алёне пришлось оглянуться и махнуть ему рукой. Но Серёга на этом не успокоился, догнал её и обнял за плечи, как лучший приятель. — Золото, ты где пропадала?

Алёне пришлось голову закинуть, чтобы в его улыбающуюся физиономию посмотреть.

— Тебе правду сказать или соврать?

— Правду, конечно.

— У меня отпуск, Серёж, я отдыхаю.

— С какого это прибабаха у тебя ещё один отпуск?

Алёна хмыкнула.

— Заслужила. Я бесценный сотрудник. — Попыталась отпихнуть его от себя. — Что ты навалился на меня? Тяжёлый, как тюлень.

Бурдовский отодвинулся, а её разглядывал с недоверием. После чего сказал:

— Всё ты врешь. Как только не стыдно.

Алёна моргнула, притворяясь оскорблённой.

— Чего это я вру?

— Да всё. Эх, ты, Золотарёва, зазналась, да?

Вот тут Алёна уже искренне удивилась.

— Я? С чего бы это?

Серёжка по сторонам зыркнул, как заправский шпион, после чего негромко, но весьма

впечатляюще проговорил:

— Признайся, ты с Артюховым вместе эту историю раскручиваешь?

Алёна подошла к нему вплотную и шёпотом переспросила:

— Какую историю?

Серёга презрительно скривился, но ответил:

— С Костровым. Об этом все говорят.

— Что, и Тарас что-то говорил?

— Скажет он, как же, — вроде бы обиделся Бурдовский. — И ты тоже, ни на один мой звонок не ответила.

Алёна отступила от него и улыбнулась.

— А вдруг я была на задании, под прикрытием? Как бы я ответила?

Серёга сверлил её взглядом.

— Я и говорю, зазналась.

В знак примирения Алёна подхватила его под руку, потянула за собой по коридору.

— Не зазналась, просто не могла говорить, — успокоила она его. — Но мне приятно, что ты беспокоился. Ведь беспокоился?

Бурдовский шёл рядом и сопел, потом всё же кивнул. А Алёна попросила:

— Расскажи, что тут было без меня?

— Да чёрт его знает, что было, — сдался он. — Рыбников сам не свой ходил, Тарас всё бегом бегал, с телефоном у уха. В первые дни только раз двадцать за день заглянет, спросит: «Не звонила?», и опять убегает. А потом перестал. Алён, скажи честно, ты что-то раскопала? Какую-нибудь сенсацию?

Алёна головой покачала.

— Нет, Серёж, даже не думала. Я, вообще, думаю, что меня уволят.

Бурдовский остановился, вытаращился на неё.

— За что?

— За прогулы.

— Что ты заливаешь?

— И ничего не заливаю. И ничего я не раскручиваю, Серёжа, тем более с Артюховым. Я просто... влюбилась и сбежала в несанкционированный отпуск.

— Ты? Влюбилась?

Алёна напустила в глаза побольше возмущения.

— А я, по-твоему, влюбиться не могу?!

— В Тараса?

Алёна окончательно оттолкнула его руку.

— Господи, что ты пристал ко мне со своим Тарасом?

Алёна отвернулась от него и зашагала по коридору, бодро цокая каблучками, по направлению к кабинету Рыбникова. Тот, кстати, её появлению не обрадовался. Наверное, его ещё и Дуся изрядно накрутила, беспокоиться за подчинённую Пётр Алексеевич перестал, а вот праведным возмущением переполнился. Конечно, никаких интимных подробностей Дуся ему не поведала, и, наверное, Рыбников сделал собственные выводы, потому что встретил Алёну обвиняющим взглядом. И даже пальцем погрозил, как маленькой. И что это ей все грозят?

— Ты... — начал он и тут же замолчал, буравил её взглядом. Затем пальцем в стул ткнул. — Сядь.

Она села, окинула взглядом его кабинет, только чтобы на Рыбникова не смотреть. Хватит того, что он её разглядывает.

— Ну, Золотарёва, — привычно завёл он, — такого я даже от тебя не ожидал.

— Какого такого?

— Не ёрничай. Мне ещё не хватало нелепо погибнуть от рук бывшей жены! А она может, ты знаешь. А получается так, что это я всё проморгал, недосмотрел, и вот — пожалуйста, её любимую племянницу паук в своё логово уволок. Прямо у меня из-под носа!

— Вам бы, дядя Петя, любовную прозу писать, а не журналистикой заниматься.

Рыбников по столу ладонью стукнул, и Алёна послушно примолкла.

— Ты чего вернулась?

После такого Алёна откровенно ахнула.

— А не вы ли меня Дусе сдали?

— Я не сдал, я в известность поставил. Обязан был. — Алёна в печали кивнула, а Пётр Алексеевич продолжил: — И я не об этом. Я вообще... — Он руками развёл, после чего прямо поинтересовался: — Что там с Костровым?

— Ничего, — хмуро отозвалась Алёна. — Здоров и весел.

— Серьёзно?

Она плечами пожала, совершенно не собираясь вдаваться в подробности и откровенничать с ним. И, наверное, Рыбников это понимал, потому что сказал:

— Мне всё равно, что ты там с ним крутишь. — Алёна рот открыла, чтобы возразить, но он жестом попросил её помолчать. — Я уже сказал, что мне всё равно. Но пока эта история не утихнет, тебе лучше отдохнуть. Подальше от редакции. Тарас вон, как ворон крови ждёт твоего возвращения. У него нюх знаешь какой?

— Знаю.

— Вот именно.

— Я только не знаю, на что жить буду, если буду всё время отдыхать.

Рыбников поморщился.

— Не приbedняйся. К Дусе съезди, она тебе мозги-то вправит. А я знакомому позвоню, он в областной больнице отделением заведует, какой-нибудь больничный тебе напишет, ещё на пару недель. А дальше видно будет. Тебе что больше нравится — гастрит или сотрясение мозга? — Присмотрелся к ней, усмехнулся, но тут же посерьёзнел и даже крикнул. — Хотя, что я спрашиваю?

Замечательно, она ещё и умственно отсталая. Не просто дура.

В общем, возвращение к реальной жизни проходило не особо радужно. Перед тем, как Рыбников её отпустил, заставил подписать заявление на отпуск, причём, оформленный задним числом. А пока Алёна подписывала, стоял над душой и бубнил что-то про то, что Костров только распоряжения отдавать хорошо умеет.

— Оформите ей отпуск, — расслышала Алёна в его исполнении в издевательской манере. — А потом придёт какая-нибудь проверка и по шапке мне дадут, не ему.

Ну вот, теперь она официально в отпуске, а после на больничном. По состоянию здоровья.

— Ты представляешь, — жаловалась она позже Дусе, — он сказал, что я на голову больная.

— Так и сказал?

— Намекнул.

Дуся хмыкнула, к Алёне присмотрелась пристальнее, та даже стукнула её несильно по руке. Потом Дуся подошла, прижала её голову к своей груди, и даже поцеловала в макушку.

— Ребёнок мой. Поедем в Ярославль, а?

— Завтра? — Алёна, признаться, ужаснулась.

— Купим тебе билет. Или мой сдадим, и поедем на машине. — Дуся даже за плечи её потрясла. — Алёш, поедем!

Алёна на секунду зажмурилась, потом головой качнула.

— Не поеду, Дусь.

— Ну, вот что ты упрямишься! — вышла тётка из себя. — Что ты здесь делать будешь? На больничном!

Алёна дотянулась до вазочки, взяла баранку, с трудом откусила. Помнится, эти баранки она купила ещё до своего отъезда.

— Буду думать. У меня кризис.

— Творческий?

— Хуже, кризис личности. Я должна принять решение.

— Боже, как всё серьёзно. — Дуся, кажется, разозлилась на это её решение, но говорить больше ничего не стала. И откладывать отъезд не стала, и Алёна её понимала, Дусю дома ждал муж, любимый, и сидеть рядом с ней, ждать, какие выводы она вынесет из всей этой истории, для себя, для своей будущей жизни, Дуся совсем не обязана. К тому же, непонятно, как долго Алёна будет принимать это самое решение.

— Надеюсь, ты больше никаких установок Рыбникову не давала? — вприпрыжку следуя за Дусей по перону вокзала, спросила Алёна.

— Не давала, — ответила Дуся. Остановилась, сверилась с указателем платформ, а на племянницу взглянула с намёком. — Ему прежних за глаза хватит.

— Дуся!

— Цыц, мне лучше знать. — Они остановились у столба, Дуся сумку с вещами на асфальт опустила, а на Алёну взглянула с печалью. Даже за руку её взяла и ближе к себе притянула. — Алюша, пообещай мне, что будешь мне звонить. И если ты, зараза такая, не ответишь хотя бы на один мой звонок, я приеду, упакую тебя в этот чемодан и увезу в Ярославль. И я это сделаю, ты меня знаешь.

Алёна улыбнулась.

— Перестань угрожать людям. Тебя даже Рыбников боится. И, по-моему, куда больше, чем свою нынешнюю жену.

Дуся фыркнула.

— Ты видела эту его жену? Их мопс умнее её.

Вот тут Алёна рассмеялась и тут же уличила:

— А ты её видела? — Изобразила удивление. — Он тебе жаловался? Господи, Дуся!

— Молчи, не учи тётку жить. Это я о тебе забочусь, а не наоборот.

У платформы тормозил поезд, вагоны медленно тянулись один за одним мимо них, Алёна провожала их взглядом. А Дуся снова за руку её взяла и сжала, а когда Алёна взгляд на неё перевела, проницательно прищурилась.

— Что ты будешь делать?

— Я же тебе сказала, думать.

— Не ври. Ты всё уже придумала.

Алёна вздохнула, увернулась от её взгляда.

— Как только я сяду в поезд, ты ему позвонишь, да?

— Нет. Не буду я ему звонить. Могу я тоже обидеться?

— Конечно, можешь. И даже будешь права. Потому что твой Костров мне определённо не нравится. Вот только проблема.

— Какая?

— Как он узнает, что ты обиделась?

Алёна на тётку посмотрела, встретила с ней взглядом, и они вместе рассмеялись. Потом Дуся притянула её к себе и расцеловала.

— Будь умной, — сказала она напоследок. — И звони мне каждый день!

— Каждый день? — ужаснулась Алёна.

— У тебя испытательный срок! Не позвонишь или не ответишь, я примчусь на следующий день!

Потом Алёна махала ей рукой, поезд набирал скорость, а Алёна чувствовала себя так, будто провожает Дусю в какие-то далёкие края, хотя, на самом деле, ехать ей было всего несколько часов.

Вот и всё, она одна. Алёна шла через вокзал, смотрела на людей, которые куда-то уезжали и откуда-то приезжали, некоторых встречали и обнимали на радостях, а она шла и думала о том, что она теперь одна. И у неё даже работы нет. Только мнимое сотрясение мозга.

Благодаря Дусе холодильник дома оказался забит до отказа. Тётка с утра даже сырников и котлет нажарила, видимо, живёт в уверенности, что любимое чадо без неё голодает. Стало немножко стыдно, потому что Дуся, в принципе, была права, на одну себя готовить всегда было лень, и Алёна зачастую жила на полуфабрикатах. А сейчас, глядя на полки холодильника, из уважения к Дусе, поклялась, что будет отныне вести здоровый образ жизни. Будет ходить в магазин, и покупать всё свежее, готовить себе и есть.

Очень весело, готовить для себя одной и есть одной. Алёна дверцу холодильника закрыла. Совершенно не знала, чем себя занять. Ни одного дела в голову не приходило, кроме генеральной уборки, а убираться было жутко лень. И из дома выходить было лень, и думать о будущем. Вообще, никакого будущего не виделось. Кажется, на своей карьере ей можно ставить крест. После случившегося, Рыбников ни за что и никогда ей ничего серьёзного не доверит. Каждый раз будет припоминать... сотрясение мозга.

Может, и, правда, в Ярославль переехать? Начать с чистого листа...

По телевизору шли сериалы. Алёна устроилась на диване, в обнимку с миской клубники, и переключала каналы. Время домохозяек. Тут Рауль, на другом канале Рамон, а вот просто Рома, симпатичный блондин с прикольной татуировкой на спине. Все герои, все спортсмены и, несомненно, душевные и чуткие. Такие только в кино бывают.

Алёна откусила от крупной ягоды, наблюдала за блондином с татуировкой, и замерла, когда телефон зазвонил. Признаться, в первый момент, на одну секунду, она поверила... понадеялась... нафантазировала себе... В общем, чёрт с ним, звонил Артюхов, а совсем не тот, кто должен был. Алёна на самом деле ждала, что позвонит и извинится. Что хоть немножко, но скупает, что Павлу её не хватает. Но Дуся права: он абсолютно мрачный тип.

Телефон звонил, а она думала, ответить или нет. Потом всё-таки вызов приняла и сказала:

— Привет.

— Привет, привет. — Голос Тараса звучал задумчиво. — Говорят, ты вернулась.

— Я же не с Луны вернулась. И не через двадцать лет. Прошло всего две недели.

— И что?

Алёна решила прикинуться дурочкой.

— Что?

— Не расскажешь, где была?

Она даже хохотнула.

— Тарас, ты прекрасно знаешь, где я была. Поэтому и звонишь.

Он тоже хмыкнул. Они вместе помолчали. Потом он предложил:

— Давай встретимся. Посидим в ресторане.

Алёна на диване вытянулась, уставилась в потолок.

— Нет, Тарас, мы не встретимся.

— Золотарёва, ты сбрендила?

— Тебе так кажется?

— Ты понимаешь, что это твой шанс?

— Нет у меня никакого шанса. И делиться мне нечем.

— Серьёзно?

— Тебя интересует восстановление усадьбы? Могу рассказать про строительство конюшни.

— Дура ты, Золотарёва.

— Сами вы все дураки, — всерьёз обиделась она.

— Ты что, запала на Пашку? Ты серьёзно? Ё... — Он некрасиво выругался, даже смеяться начал, а Алёна обозвала его идиотом, и телефон отключила. Потом даже кинула его на другой конец дивана и ногой под подушку задвинула.

На душе была маета. Телевизор раздражал, а без него, в тишине, становилось тоскливо, Алёна лежала, уставившись в потолок и понимала, что ещё немного и начнёт реветь. Просто так, без повода, просто потому, что одна. И телефон молчал, больше никто не звонил. Костров не звонил. И это, кажется, как раз было поводом для слёз.

Но сама она звонить не станет. Она Дусе обещала, да и вообще... Вдруг он не ответит, или скажет что-то не то, или не захочет с ней разговаривать. Что она тогда делать будет, одна? Выть в темноту или в подушку рыдать?

Решение пришло само собой, на следующее утро. Как говорится: утро вечера мудренее. Правда, Алёна совсем не была уверена, что это верное решение, просто нужно было что-то сделать. В конце концов, она немного приврала, самой себе, из-за обиды в какой-то момент захотелось поглубже разбередить рану, и она наговорила Дусе, что Павел выставил её из дома. Но это ведь не совсем правда. Он явно был недоволен тем, что она захотела уехать. И совсем неважно, по какой причине. Проведя ночь в пустой квартире, в осознании того, что ей теперь совершенно нечем заниматься, что после отъезда тётки она в этом городе, по сути, никому не нужна, думать получалось только о том, что есть на свете человечек, которому она нужна точно. Ваня. А с его отцом она разберётся позже. Если ей дадут шанс. Но Ване она нужна, и он, наверняка, по ней скучает. В это очень хотелось верить. А ещё хотелось... очень хотелось совместных завтраков, прогулок после, солнца и шума сосен за окном. И пьяных, невероятных ночей. Это сказочно и, наверное, призрачно, и верить в эту сказку всей душой, конечно же, не стоит. Но так хочется.

Смешно, но ей даже позвонить и посоветоваться не с кем. Дуся домой добралась ближе к ночи, звонила уже в начале двенадцатого, а в девять утра, наверняка, ещё спит. И беспокоить её Алёна не хотела. Да и опасалась, если честно. Того, что Дуся ей если не посоветует, то скажет. Снова назовёт её дурой. Они все считают её дурой. Наверное, это правда. Со стороны ведь виднее.

Но в постели уже не лежалось. Молниеносно приняв решение, Алёна только взгляд на часы кинула, а затем вскочила. Невероятно, но вместо беспокойства, настроение исправилось. Заправила постель, тщательно разгладила покрывало, подсознательно настраивая себя на то, что ей долго не придётся в ней спать, затем открыла дверцы шкафа. Чемодан был открыт, и она принялась придирчиво просматривать свои вещи. Больше недели ходила в усадьбе в одной длинной юбке да в шортах, и несколько футболок на смену. Необходимо было разнообразие.

Единственное, прежде чем отправиться в Марьяново, нужно кое-что купить. «Кое-что» уместилось в пятнадцать пунктов на блокнотном листке. И потратила на покупки Алёна не один час. В итоге, домой приехала с несколькими пакетами, и опять же принялась всё перекладывать, из сумки в сумку, поклажа получилась внушительной, хорошо, что таксист попался услужливый и не поленился подняться с ней в квартиру, чтобы помочь с чемоданом. Два пакета с покупками были не такими тяжёлыми, а вот чемодан был забит под завязку.

Алёна мужчину благодарила, улыбалась, обещала чаевые, а когда, наконец, вышла за порог и

запирала замки, на секунду остановилась, и даже зажмурилась. Вот тут страх попытался прорваться наружу, в голову полезли нехорошие мысли. А что если она приедет, а её не пустят на территорию усадьбы?

Головой качнула, заставила себя сделать глубокий вдох. В конце концов, на эти переживания и плохие мысли, у неё часа полтора есть. Поэтому сейчас нужно запереть дверь, спуститься вниз и сесть в машину. И через полтора часа она узнает... что её ждёт. И ждёт ли вообще.

— За город решили уехать? — попытался разговорить её таксист после довольно долгого молчания. Алёна что-то неопределённое пробубнила, а мужчина покивал. — Правильно, говорят, жара ещё недели две простоит. Вам в Марьяново куда? Какой номер дома?

— Э-э... — Алёна смотрела за окно, они уже сворачивали с трассы непосредственно к Марьяново. — За центральной площадью будет дорога через лес. К усадьбе.

— Вам в усадьбу?

— Да.

— Так нас не пустят, говорят даже, что там охрана с оружием.

Алёна на сидении откинулась, опустила на глаза тёмные очки.

— Вот и проверим, пустят или нет.

Чем ближе они подъезжали к воротам, тем явственнее у неё начали дрожать пальцы. Наверное, внешне она выглядела спокойной, но смотрела вниз на свои руки, и видела, что пальцы подрагивают. Пришлось их сцепить.

Калитка открылась прежде, чем такси успело затормозить перед воротами. Вышел дюжий охранник, придирчиво шурился, разглядывая автомобиль, потом обошёл его, наклонился, чтобы видеть лицо водителя, а тот, кажется, занервничал, потому что заёрзал на сидении. Кинул на Алёну взгляд в зеркало заднего вида.

Она же стекло опустила, выглянула, совсем не уверенная, что охранник её узнает. Но, на всякий случай, улыбнулась.

— Добрый день. Павел Андреевич не уехал?

Охранник всмотрелся в её лицо, ни тени узнавания, ни добродушия в его глазах не мелькнуло. Но выпрямился и коротко сказал:

— Ждите.

Вот так, «ждите». Алёна даже губы облизала и снова руки сцепила. А таксист всё косился на неё, хорошо хоть она в тёмных очках, не так заметно, что она нервничает.

Те две-три минуты, что они сидели перед закрытыми трёхметровыми воротами, показались Алёне вечностью. Хотя, скорее всего, и водитель был не в восторге и уже не радовался выгодному заказу на границу области. Но вот ворота дёрнулись, зашумели и стали медленно отъезжать в сторону. Алёна даже не знала, что почувствовала в этот момент. Вряд ли это было облегчение, слишком незначительное объяснение. Ей просто захотелось глубоко вдохнуть и в этот момент полностью перезагрузить своё сознание. Всё, отставить плохие мысли. Ничего хорошего ещё не случилось, зная Павла, с распростёртыми объятиями он ей навстречу не выйдет, но её не развернули прямо от ворот, а это явно знак.

Такси проехало на территорию, охрана на них больше не взглянула, а вот таксист без конца крутил головой, осматриваясь. Ещё и смотреть-то не на что было, но он смотрел.

— Ничего себе дача.

— Это не дача, — не удержалась Алёна. — Этой усадьбе почти три столетия.

— Да? — в голосе мужчины слышался здоровый скептицизм. Но как только они повернули, и из-за деревьев показался дом, таксист откровенно присвистнул. — Ни хрена... настроили.

— Этому дому триста лет! — повторила Алёна, на этот раз с нажимом. — Не хотите вложиться в реставрацию? Здесь работы не початый край.

Мужчина хмыкнул.

— Пусть вкладывает тот, у кого бабки бесятся.

Алёна откровенно разозлилась. Посверлила взглядом затылок незнакомого, не такого уж и вежливого, как на первый взгляд показалось, мужика, и поспешила выйти из автомобиля. Вышла и остановилась, глядя на крыльцо. Павел стоял, опираясь на каменные перила, и даже не думал улыбаться. Просто смотрел на неё, но, надо сказать, что с интересом. Алёна заставила себя выдержать его взгляд, правда, в голове мелькнула мысль о том, что, возможно, вытаскивать вещи из багажника ей не стоит. Они смотрели друг на друга две секунды, три, потом Алёна вспомнила, что на ней тёмные очки, и подняла их, убрала ими волосы со лба. Голову вскинула, пытаясь продемонстрировать решительность. И эта ситуация обязана была как-то разрешиться, по-другому не могло быть, Павел бы наверняка что-нибудь сказал ей, но в этот момент из дома выбежал Ванька, остановился на мгновение, увидев её, глазёнки вытаращил, а потом расплылся в радостной улыбке и даже подпрыгнул.

— Ты вернулась!

Алёна рассмеялась, когда поймала его. Ванька на ней повис, как на отце, но если Павел в такие моменты просто держал его, то Алёна покачнулась. А Ванька голову поднял и спросил:

— Где ты была? Мне было скучно!

— Правда? С тобой никто не гулял?

Ванька обиженно помотал головой.

— Вань, не висни на Алёне, ей тяжело, — сказал Костров, а Алёна вдруг поняла, что он совсем рядом, всего в шаге от неё. Подошёл к такси, достал из заднего кармана деньги и протянул водителю несколько тысячных купюр. Чтобы не смотреть на него, Алёна глядела только на мальчика и улыбалась ему же.

— Я столько подарков привезла, — подразнила она его. — Купила тебе новую футболку с «Человеком-пауком».

— Круто! А ирисок?

— И ирисок. А ещё клюкву в сахаре. — Пришлось голову повернуть, посмотрела на молодого охранника, пасшегося рядом, указала на багажник. Тот послушно принялся доставать оттуда её вещи.

А Павел всё молчал.

На крыльце показалась Альбина Петровна, и глянула на неё без одобрения. Что было привычно и даже вносило во всё происходящее тень стабильности. Ванька держал Алёну за руку, что-то тараторил про лягушку и грозного Роско, который вчера долго лаял на чужих дяденек на стройке. А Алёна не удержалась и оглянулась через плечо на Кострова. Заметила усмешку на его лице. Вот что он усмехается? Лучше бы сказал что-нибудь, именно ей, хоть слово.

Роско выбежал на встречу, повил хвостом и даже позволил потрепать себя за ухо, но бурной радости не выражал, и тут же побежал к хозяину, как только того увидел.

— Вы уже обедали? — спросила Алёна, проходя в гостиную.

— Да. — Ванька влез на кресло, чтобы быть выше. — Нас кормили мясным супом. А потом запеканкой.

— Здорово.

— А ты поработала? Больше не поедешь?

Алёна снова на Кострова обернулась. Он стоял в нескольких шагах от них, плечом к стене привалился, и руки на груди сложил. А взгляд, устремлённый на Алёну, был насмешливым. Она из-за этого сильнее занервничала, кашлянула, а в ответ на Павла взглянула возмущённо. Ваньку за руки взяла, перевернула его ладони вверх.

— Ты когда руки мыл?

Мальчик руки свои освободил, вытер их о шорты.

— Я копал тоннель.

— Это замечательно. Но потом надо было помыть руки. Давай бегом. А потом будем подарки разбирать.

Ванька с кресла спрыгнул, пробежал мимо отца и затопал по лестнице наверх.

— Павел Андреевич, — сдержанно поинтересовалась Альбина Петровна, — вещи отнести в прежнюю комнату?

Пауза была практически неуловима, но она была, и заставила Алёну внутренне замереть. Но потом Павел ровным тоном сказал:

— Да, Альбина Петровна.

Домоправительница из гостиной ушла, а Алёна ещё некоторое время стояла к Павлу спиной, набираясь смелости. Потом решила, что раз он молчит, то и ей незачем торопиться с объяснениями. Повернулась и направилась к лестнице. Правда, на Кострова косилась.

— Как тётя? — спросил он, когда Алёна с ним поравнялась. Пришлось остановиться.

— Уже в Ярославле.

Он покивал. Затем задал ещё вопрос:

— А отпуск у тебя не кончился?

— Я на больничном. — Алёна уставилась на Роско, у которого взгляд был один в один, как у хозяина, насмешливый. Алёна могла в этом поклясться. На Павла можно было не смотреть, перед ней его зеркало было. Но она всё равно сказала, чтобы разрядить атмосферу: — У меня сотрясение мозга.

Он не засмеялся, только носом уж слишком громко и красноречиво шмыгнул. Правда, заметил:

— Иногда оно так и не проходит, солнце. Последствия остаются на всю жизнь.

— Звучит страшно. — Алёна всё-таки посмотрела на него. Подходить ближе и касаться его не стала, решила на время сохранить дистанцию. Но предложила: — Ты тоже зайди ко мне в комнату. У меня и для тебя есть подарок.

— Правда?

— Да. Таблетки от зазнайства. Заходи.

Ждать от него реакции не стала, поднималась по лестнице, и только когда услышала вопрос молоденькой домработницы:

— Алёна Дмитриевна, вы пообедаете? — с улыбкой ответила:

— Да, спасибо!

Внутри всё пело, пришлось даже губу закусить, чтобы счастливая улыбка никого, не дай бог, не ослепила.

— Почему ты вернулась?

— Ты не рад?

— Это был вполне конкретный вопрос.

— Сейчас глубокая ночь, мы лежим в постели, оба голые, а ты задаёшь мне конкретные вопросы?

Костров в темноте хмыкнул, довольно весело, но от своего отступить не хотел.

— Хочу знать.

— Конкретно? — Алёна держала его за руку, устроив голову на его плече, и с непонятным удовольствием доводила Павла своими вопросами, вместо ответа. Конкретного ответа. Что за жуткое слово?

Павел, видимо, понял, что она смеётся над его серьёзностью, и за руку её потряс.

— Алёна.

Она вздохнула, несколько секунд просто таращилась в темноту.

— Вообще, — начала она в итоге, — это вполне объяснимо. Только дура бы не вернулась.

Павел тихо засмеялся, но переспросил с намёком:

— Серьёзно?

— Конечно. В кои-то веки получилось встретить олигарха, которому так нравится моя... кхм, ну ты понял.

Он серьёзно покивал.

— Твоя задница. Полная приключений.

Алёна всё-таки ткнула его кулаком в живот. Костров не охнул, только поправил её:

— Я не олигарх.

Алёна беспечно отмахнулась.

— Я в этом ничего не понимаю, олигархов не встречала, так что, ты вполне подходишь, не расстроюсь, если ошибусь.

Он снова засмеялся, подбородком ей в макушку упёрся.

— Значит, деньги...

Алёна кивнула.

— Конечно. — Помолчала, руку его погладила, потом совсем другим тоном сказала: — Мне было одиноко дома. Странно, но одиноко было даже с Дусей. Я думала, что такого быть не может.

— А Ванька ревел полдня, — признался Павел. — Он к тебе быстро привык.

— Из-за него и вернулась. И только потом из-за тебя.

Он головой качнул.

— Я не ревел.

— О, я не удивлена.

Костров улыбнулся в темноте, тон Алёны был весьма выразителен. Но потом она повернулась, прижалась к его боку, даже локоть на его груди пристроила.

— Паш.

— М-м?

— Но ты рад, что я вернулась?

Он погладил её. Сначала по волосам, потом по голой спине, потом в лоб поцеловал. И сказал:

— Я рад.

Алёна сделала вдох, голову опустила и прижалась щекой к его груди.

— Я что-то натворила со своей жизнью, не знаю, что дальше делать.

— Ты о работе?

— Обо всём.

— Солнце, я сразу сказал, что не твоя профессия. Ты для неё слишком открытая и честная.

А надо быть другой.

— Как Тарас?

— Да, наверное. Надо уметь жонглировать фактами, сенсации создавать. Не искать, а именно создавать. А ты не умеешь. Ты, как я понимаю, борец за правду.

— Я всегда думала, что в этом и заключается работа журналиста — говорить людям правду.

— Наверное, когда-то так и было.

— И что мне делать? Уйти с работы?

— Зависит от того, чего ты хочешь. Чего ты хочешь? — Его рука в этот момент проникла под одеяло, добралась до её ягодицы и сжала. Алёна рассмеялась.

— Это как-то неприлично.

— К чертям приличия.

Алёна провела ладонью по его плечу, не удержалась и вздохнула.

— Дуся точно расстроится, если я с работы уйду.

— Ничего, переживёт.

— Ты просто её не знаешь. Она будет переживать и возьмётся за меня всерьёз. И так уже пригрозила забрать в Ярославль и там выдать замуж, чтобы к ней поближе и всё самой контролировать.

— За кого замуж?

Алёна плечами пожала. Потом усмехнулась.

— Отсутствие кандидатов вряд ли её остановит.

Алёна на локте приподнялась, потянулась к губам Павла. Он её поцеловал, собрал в кулак растрепавшиеся волосы, потом отпустил. А Алёна, как любая нормальная женщина на её месте, подумала, что не отказалась бы заполучить в мужья мужчину, который умеет так целоваться. И, вообще, от этого мужчины не отказалась бы... во всех смыслах.

Она прижалась к нему, за шею обняла, уже готова была ногу через него перекинуть, собираясь занять более удобную позицию, но Костров её неожиданно остановил.

— Расскажи-ка мне лучше про другое.

Алёна неожиданно насторожилась, почему-то решив, что сейчас он спросит, с кем она встречалась за эти два дня и кому как объясняла своё отсутствие. Отодвинулась, села рядом с ним на постели и даже дыхание перевела. Но услышала кое-что неожиданное для себя. И куда более неприятное, сразу захотелось тему замять, забыть и лучше рассказать про Рыбникова и Тараса. Но Павла, кажется, это больше не волновало.

— Расскажи мне про конфеты, — попросил он. — И почему у тебя их в детстве не было.

Она пару секунд обдумывала его вопрос, потом голову опустила, и волосы тяжёлой волной упали вперёд. Будто закрыться от него хотела. Но Павел взял её за плечо и тихонько встряхнул, потом волосы принялся ей за спину убирать.

— Алён, я, правда, хочу знать. У тебя есть родители, мне это известно. Но ты никогда о них не говоришь. И ты никогда им не звонишь. Дусе — да, а им никогда.

— Ты не можешь этого знать.

— Ты права, не могу. Но я почему-то в этом уверен. Я не прав?

— Я не звоню им, потому что у них нет телефона.

Костров тоже сел, сунул за спину подушку. На Алёну смотрел, правда, кроме тёмного

силуэта ничего не видел, но свет включать не хотелось. Обдумал её довод, и согласился.

— Логично.

Алёна выдохнула, чувствуя, как внутри поднимается знакомая с детства волна протеста, непонимания и необыкновенной печали. Эти чувства душили её столько лет, сколько она себя помнила, всю её сознательную жизнь. И то, что Павел принялся её расспрашивать о семье, вполне могло привести к закономерным последствиям: слезам и раздражению, которое она не могла контролировать, как ни пыталась научиться.

— Ты не понимаешь, — сказала она и поморщилась. — У них нет телефона. — Сглотнула. — Как нет телевизора, нет компьютера, упаси Господь, интернета, у них нет газа... Из всех достижений цивилизации, у них есть только электричество. И то... — Она нервно кашлянула. — Если бы отец знал, что может без него обойтись, он бы и электрические провода перерезал. Я уверена.

Костров молчал, обдумывал. Затем проговорил:

— Интересно.

Алёна горько усмехнулась.

— Да уж. — Пришлось сделать глубокий вдох, прежде чем продолжить. Захотелось даже помахать на себя, как тургеневской барышне, в надежде высушить непрошенные слёзы. — Я ненавижу об этом говорить, — вырвалось у неё, а потом пришло в голову: — И никогда ни с кем не говорила. Дуся и так всё знает.

— Тогда не говори, — разрешил он. — Потом как-нибудь.

— Снова реветь и злиться на всех? Нет уж. Я расскажу, а ты больше не будешь меня об этом спрашивать.

— Идёт, — сказал Павел и протянул ей руку, а Алёна уцепилась за неё, как за спасение.

— Мы раньше в городе жили. В деревню переехали, когда мне около девяти лет было. Девяносто восьмой год. Думаю, не надо ничего объяснять. Мама — учитель русского языка и литературы, а папа по образованию инженер. Самая ненужная и бесполезная профессия в те годы. И если до девяносто восьмого с работой было плохо, то потом... — Она головой качнула. — А нас у родителей тогда уже четверо было. Я из девочек самая старшая, передо мной только брат. Родители у меня идеалисты. И фантазёры. Они поженились ещё во времена учёбы, даже странно, как смогли найти друг друга. Поистине судьба сводит. Они всегда хотели большую семью, чтобы много детей, и это похвально, это вызывает уважение, и они... хорошие родители. — Эти слова дались с особым трудом. — Но время им выпало трудное. А в деревне жила старая тётка отца, деревня была глухая, туда до сих пор автобус дважды в день ходит. Правда, я не преувеличиваю. А раньше и вовсе на попутках добираться приходилось, мы поэтому и не бывали там никогда. А когда с работой совсем плохо стало, родители решили туда перебраться, насовсем. Натуральное хозяйство, и всё такое. Тётка к тому моменту умерла, дом был в запущенном состоянии, крыша дырявая, как решето. Ни газа, ни воды, только лампочки Ильича в каждой комнате. Их кстати, было три, малюсенькие, как шкафы. В общем, хоромы, а не дом. Зато земли — сажай не хочу. В паре километров от деревни село, довольно крупное, а сама деревня в двадцать домов, как на отшибе. Бывало, что за год ни одного нового лица не увидишь. Нас родители редко с собой в село брали, делать там было нечего. Без денег-то. — Алёна зажмурилась и даже головой мотнула, но воспоминания были такими яркими, что просто так их из сознания не выгнать. — Если честно, я не представляю, как мы выжили первые года два. Только тем, что у отца руки золотые и жили. Он брался за любую работу, за любой ремонт, а люди тогда платить не любили, давали продуктами. Тем и кормились. Не было ничего, кроме того, что росло у нас на огороде и что люди давали. Я плохо помню какие-то события из того времени, зато помню, как текла крыша, холодный дощатый пол и скудную еду. Мясо по

праздникам ели, а о конфетах и говорить не приходилось. Но знаешь, что во всём этом самое удивительное? — Алёна в рассеянности даже схватила Павла за руку, искренне делясь с ним своим непониманием. — Родители были счастливы! Я до сих пор не могу этого понять! Наверное, у них в то время что-то случилось... — Она отчаянно подбирала верные, а главное, дозволенные в отношении родителей слова. — С головой. Они будто ничего не замечали, никаких проблем, а скорее попытались отстраниться от мира, который эти проблемы с собой нёс. Всё, что касалось денег, чего-то нового, каких-то, по их мнению, излишеств, всё было напрочь вычеркнуто и забыто. Семья перешла на подсобное хозяйство. Мы жили огородом, мы ели то, что вырастили сами и собрали в лесу. Мама нам целые экскурсии проводила, с огромным воодушевлением. Нам рассказывалось о том, что мы оставили в городе и для сравнения об истинных ценностях, труде и семье. О том, что мир катится в никуда, погряз в деньгах, войнах и разврате. — Алёна снова замолчала, даже не замечала, что Павел тоже молчит в задумчивости и только поглаживает её руку, но тоже в рассеянности. — Странно, да?

— Что?

— Как можно возненавидеть правильные вещи? Я ведь понимаю их правоту, и своего ребёнка я наверняка буду учить тому же, но... Не знаю, у меня нет слов. — Она слёзы вытерла. — Я плохая дочь.

— Солнце, ты на самом деле так думаешь?

Она убеждённо кивнула.

— Да. Я разочаровала родителей, я единственная, кто сдался, кто запомнил полуголодное существование в доме с худой крышей. Я ведь говорила с остальными и не раз, они не помнят, Паша.

— Они младше.

— А брат? Он тоже не помнит. Когда я пытаюсь с ним разговаривать, у меня чувство, что я говорю с отцом. Те же слова, те же убеждения, даже выражение глаз то же. Я единственная, кто сбежал. Я просто уцепилась за ниточку, я уцепилась за Дусю. Она приехала в первый раз, когда мне было лет тринадцать. И я видела по её лицу, что она в шоке.

— Она чья сестра?

— Отца. Отцу исполнилось сорок, и она приехала. К тому времени отец дом начал ремонтировать, даже первую пристройку сделал, корову завели, коз, кур... В общем, целое хозяйство. Родители собой гордились, а Дуся, приехавшая и ахнувшая, их не обрадовала. А я увидела её и просто дар речи потеряла. — Алёна рассмеялась сквозь слёзы. — Она приехала в джинсах, в какой-то невообразимой майке, я такой и не видела никогда, она была огненно-рыжей, а ещё у неё был мобильный телефон. И она была такой энергичной, такой неугомонной, рассказывала столько всего невероятного... А слушала только я. Дуся привезла книги, которые мама вернула ей обратно, я даже рассмотреть их толком не успела. И с тех пор я покой потеряла. Ходила в школу в соседнее село, понимала, что ещё год и будут выпускные классы, а дальше что? И тогда я поняла, что хочу выбраться из деревни. Что я задыхаюсь на этих бесконечных просторах и свободах, что хочу чего-то большего, вот как Дуся.

— И родители тебя отпустили?

Она головой покачала.

— Я сбежала. Закончила девятый класс, получила паспорт, и сбежала. У меня было немного денег, Дуся украдкой сунула в свой последний приезд, на выпускное платье, а я на них билет на автобус купила. Родителям записку оставила. Я её писала несколько месяцев, переписывала, рвала, писала заново, но знала, что объяснить не смогу. И не смогла. Отец меня так и не простил, до сих пор со мной не разговаривает. Из дома не гонит, просто делает вид, что меня нет. Даже когда я приезжаю... Он стал очень принципиальным, даже суровым в своих решениях.

— Ты часто ездишь?

— Раз в год, на день рождения мамы. Подарков она не принимает, но я приезжаю. На один день. Чтобы просто её увидеть. Младшие дети меня почти не знают, и я уверена, что их на моём примере стращают. Я паршивая овца, вот так.

— Как они живут сейчас?

Алёна размышляла, потом плечами пожала.

— Наверное, хорошо. Дом в приличном состоянии, скотины полно, огород огромный, отец с братом в город урожай возят, молоко и мясо. Но ничего лишнего не привозят и не покупают. Младших четверых детишек из детских домов взяли, они теперь официально приёмная семья, очень уважаемая в районе. Свои старшие выросли. У старшего брата в прошлом году второй ребёнок родился, сестра с родителями живёт, она совсем на меня не похожа, вся в мать, тихая и спокойная. В общем, все рядом или вместе с родителями живут. Только я из дома ушла... Всё ещё считаешь, что я хорошая дочь?

— А чем плохая? Что переживаешь и слёзы льёшь?

— Отец считает, что я поддаюсь негативному влиянию и меня надо спасать. Правда, спасти можно человека, который этого хочет. А я не хочу. Это знаю я, и знает он. Они замечательные родители... наверное. Они хорошо воспитывают детей, правильно, приучают их работать, кормить семью, заботиться друг о друге. И это тоже жизнь, другая, но достойная уважения. И я уважаю их выбор. Но это... не моё. Я не могу там... жить, зная, что это именно моя жизнь. Мне становится страшно. Я всегда хотела чего-то другого.

— Зай, но это же хорошо.

— Правда? — Она не удержалась от язвительности. — Мне тоже так казалось. После сельской школы, где в классе училось пять человек, оказаться в огромном городе, казалось, что это хорошо. Невероятно трудно, страшно, но хорошо. Паша, я наслаждалась этим, я училась, как помещанная. Навёрстывала, читала всё подряд, смотрела всё, что хотела. И я сразу поняла, кем хочу быть. Журналистом. Я даже поступила сама. Знаешь, каких трудов мне это стоило? Дуся всерьёз думала, что у меня что-то с головой случится. — Павел улыбнулся. А вот Алёна руками развела. — А что мне делать теперь? Что у меня, вообще, осталось? Я даже самой себе ничего доказать не смогла.

Она была расстроена. Слёзы не лила, но это было и не нужно. Сидела, поникшая, снова вздохнула, а потом потянулась к Павлу. Прилегла рядом и обняла. Молчала, думая о своём, и Алёне было о чём подумать, теперь он об этом знал. И прижалась она к нему доверчиво, и если искала не помощи, то хотя бы моральной поддержки. А его это неожиданно смутило, Павел не сразу решил, как нужно поступить, медлил, думая о том, какая горячая у неё щека, после слёз. Потом всё-таки обнял. Сначала просто положил руку на плечо Алёны, а когда она инстинктивно придвинулась к нему, спрятав лицо у него на плече, обнял крепче. И даже губами её лба коснулся.

— Ты что-нибудь придумаешь. Уж в этом я не сомневаюсь.

Она носом шмыгнула, потом кивнула. Ничего не сказала, лежала тихо-тихо, только дышала очень размеренно. А Павел, неожиданно для себя самого, тихо сказал:

— Спи. Не думай ни о чём.

И Алёна просто закрыла глаза. Как оказалось, она жутко устала от этого разговора. Глаза закрыла, Павла обняла и несколько минут лежала, без всяких мыслей в голове. Слушала его дыхание, чувствовала, как он едва ощутимо гладит её через одеяло. Костров молчал, и она молчала. Больше не хотелось ничего говорить. А потом уснула. Первый раз она уснула с ним, в его постели, а Павел её не разбудил. И от того, не в первый, но уже в следующий момент после пробуждения, Алёну настигла паника. Да ещё проснулась не сама, а от того, что ей в лицо

ткнулись холодным влажным носом, она инстинктивно отодвинулась, глаза открыла и уставилась в морду Роско, с приоткрытой пастью и розовым языком. Секунду соображала, после чего оттолкнула от себя огромную собачью голову.

— Боже, Роско, хватит меня слюнявить.

— Он целует, — сообщил детский голос за её спиной, и Алёна в ужасе прижала к груди одеяло. Обернувшись, посмотрела на Ваньку, который сидел на постели, поджав ноги и корчил псу смешные рожи. А Алёна на пустую подушку посмотрела. Нервно кашлянула, но ребёнку своего смятения показывать было нельзя, поэтому как можно спокойнее спросила:

— Ты давно проснулся?

— Да.

— А папа?

— Он новости смотрит. Ты встаёшь? — Ванька потянулся к ней и потряс за руку. — Вставай. Папа сказал, что если ты сейчас проснёшься, мы пойдём на рыбалку. Алёна, я хочу, хочу на рыбалку!

Она выдохнула, села, старательно заворачиваясь в одеяло, и уже продумывая, что скажет Кострову по поводу того, что он оставил её голую досыпать в своей постели. Мог бы хоть в бок толкнуть, когда сам вставал, чтобы она не попала вот в такую ситуацию.

— Хорошо, сейчас я встану, мы позавтракаем и пойдём.

Ванька разулыбался, кивнул, при этом преданно смотрел на неё, не собираясь двигаться с места. Алёна в детские глаза смотрела, потом взгляд на Роско перевела, который положил лобастую голову на постель и щурился.

В конце концов, рукой на обоих махнула.

— Идите.

Ванька с постели сполз, позвал собаку, но в дверях оглянулся, задумчиво посмотрел.

— Ты боишься темноты?

Алёна моргнула, затем осторожно кивнула, быстро смекнув, к чему мальчик разговор ведёт.

— Немного. А ты боишься?

— Папа говорит, что смелые и взрослые не боятся. И поэтому они должны спать одни. — Ваня к Алёне ещё присмотрелся, после чего головой качнул. — Хотя, ты девчонка. Хочешь, я буду с тобой спать ночью?

Пришлось приложить усилие, чтобы не улыбнуться.

— Спасибо, милый, я подумаю. Но папа вполне справляется.

Ванька задорно улыбнулся.

— Папа смелый, всех монстров прогоняет.

Алёна выдохнуть смогла, только когда за Ванькой дверь закрылась. Приложила руку к груди, проглатывая смущение. Кажется, так неловко ей ещё никогда в жизни не было.

Кострову досталось. Как только увидела его в коридоре, выходящим из кабинета, подошла и стукнула по плечу кулаком. Потом ещё раз.

— За что?!

— Ты почему меня не разбудил? — возмущённо зашипела она. — Меня Ванька в твоей постели застал. Я чуть со стыда не сгорела, Паша!

Костров ухмыльнулся, взглянул весело.

— А он?

— Заподозрил, что я темноты боюсь.

Павел засмеялся, а Алёне пришлось его толкнуть.

— Не смешно, между прочим. У ребёнка мог случиться шок.

— Но не случился.

— Потому что его отвлекли мысли о рыбалке!

Костров довольно кивнул.

— Мой сын. Пока не получит то, что хочет, его даже голые тётки не интересуют.

— Ты дурак, — обвинила его Алёна.

Он рукой её за плечи обнял, поцеловал в щёку, а Алёна на пороге столовой поторопилась из-под его руки вывернуться. Ванька уже сидел за столом и в ожидании мотал ногами. А когда их увидел, развёл руками.

— Где вы ходите?

Павел снова хмыкнул, сына по волосам потрепал.

— Ты чего такой активный с утра?

— Хочу на рыбалку! Пап, мы ведь пойдём?

— Конечно, пойдём. Я же обещал.

Ванька на стуле подскочил, потом украдкой стянул с тарелки кусок ветчины и руку опустил. Алёна Роско не видела, но слышала, как клацнули челюсти. А мальчик отцу, отвлекшемуся на диктора экономических новостей, улыбнулся. Алёна же только головой качнула, продолжая намазывать Ване бутерброд маслом.

На рыбалку они всё-таки пошли. Пока собирались, обещания звучали невероятные. О том, что предстоящий улов обеспечит их обедом. Павел на полном серьёзе обещал сыну уху на костре, Алёна молча это всё слушала, после чего отправилась на кухню, об обеде позаботиться. Вода, бутерброды, булочки, оставшиеся от завтрака, и даже жареная курица в холодильнике нашлась.

— Кто на рыбалке ест курицу? — спросил у неё Павел, Алёна же только хмыкнула.

— Посмотрим, что ты скажешь часа через три. Рыболов-спортсмен.

— Думаешь, я рыбу ловить не умею?

Она плечами пожала.

— Понятия не имею.

— Ладно, увидишь. И пусть тебе стыдно будет.

— Ничего, мне с самого утра стыдно.

До реки пошли пешком, примерно полчаса неспешной прогулки. По тропинке, мимо стройки, Ванька впереди вприпрыжку скакал, его только Роско обгонял. А Алёна посматривала по сторонам, так далеко от дома она ещё не отходила, Павел не разрешал, всё время повторял, что в усадьбе много чужих. И сейчас Алёна осматривалась, поле, на котором они с Ванькой землянику собирали, сменилось заросшим оврагом, потом густым кустарником, с другой стороны высились сосны. Они шли и шли, а Алёна думала о том, что это невероятно — быть хозяином всего этого.

— Забор в той стороне? — спросила она в какой-то момент.

Павел кивнул.

— В той. — Усмехнулся вдруг. — Не помнишь, с какой стороны пришла?

— Шутишь? Это была самая ужасная ночь в моей жизни.

Он негромко рассмеялся.

— Будешь знать, как через чужие заборы лазить.

Алёна голову закинула, чтобы в лицо ему посмотреть, и с долей здорового возмущения проговорила:

— Я спасала свою жизнь.

— Ага, — хмыкнул он в ответ и тёмные очки на глаза опустил.

— Паша, а ты ничего не забыл? Чем собираешься рыбу ловить?

— Не умничай. Я всё продумал.

— Правда?

— Конечно. Шагай, давай, по тропинке. Умница.

Она рассмеялась, а вместо того, чтобы обогнать его и шагать впереди, за руку его уцепилась. Признаться, Павла это немного удивило, он на их руки посмотрел, потом на Алёну кинул быстрый взгляд, она улыбалась, глядела по сторонам, и он ничего не сказал.

Иногда она делала такие вещи, кажется, простые и незначительные, которые ставили его в тупик. Вот, например, как сейчас, просто за руку взяла, сжала его ладонь, и выглядела при этом довольной, если не счастливой. Шагала по сельской в выбоинах дороге, и шуточки отпускала. Или носилась вечерами с Ванькой, играла с ним в футбол или в прятки, а вчера запускала цветастого воздушного змея, что привезла из города. А недавно влезла на подоконник в коридоре, чтобы выяснить, как крепится карниз со шторами. Чуть не упала оттуда, содрала шторы, но зато всё выяснила и сообщила всем, что необходимо заменить все занавески, во всех коридорах. Потому что это, по её мнению, ужасно и старомодно смотрится. Поступки были необдуманными, спонтанными, даже дерзкими, хотя бы вспомнить их знакомство, и некоторое время Павел был уверен, что Алёна играет. И необходимо было понять, делает она это осознанно, ожидая награду за свой талант, или у неё такой характер и всё это от безудержной энергии. Оказалось, что не то и не другое, особенно это стало понятно после сегодняшнего (или вчерашнего?) ночного разговора. Он её выслушал, оценил искреннюю печаль, и понял, что всё совсем не так, как он о ней думал. И уж точно девочка не играет, и награды за старательность не ждёт. Если вдуматься, то всё куда серьёзнее и опаснее, особенно для него. Потому что выходит так, что он единственный взрослый и ответственный, Алёна же проживает каждый день искренне и глубоко. И она, не смотря на свой не юный возраст, доверчива и в какой-то степени наивна. Она всё ещё верит в добро и людей, это, по всей видимости, тётя её постаралась. Сохранить в ней детскую непосредственность и честность в отношении к людям. Начали родители, а несравненная, по мнению окружающих, Дуся, продолжила. И, если честно, не очень понятно, что теперь с этим делать. Ему, например. Принять подарок с благодарностью или схватиться за голову от содеянного. И попытаться объяснить девочке суровую реальность, за пределами одной взятой в масштабе Вселенной усадьбы. Вот только в чём состоит эта реальность? В том, что он старше её на чёрт знает сколько лет, да даже не в годах дело, их жизненный опыт разнится на пяток десятилетий, и в нём уже давным-давно не осталось ни искренности, ни глубины, зачастую даже честность на обе ноги хромает. Только сын и спасает, его надо воспитать хорошим человеком, учить быть добрым и справедливым, вот как Алёна ночью говорила, а Павел часто боялся, что его внутренний циник подведёт, и Ваньку он научит чему-то не тому. Вот как у него с отцом было. Хотя, справедливости ради надо сказать, что его отец не особо старался привить сыну что-то хорошее. Как Костров-старший любил говорить: ничего лучше реальной жизни человека не учит. Вот и не видел повода брать основную нагрузку на себя. Поступать так с собственным сыном не хотелось, вот и старался, чтобы у Ваньки было настоящее детство. У него и так многого в жизни не было, например, матери, например, полной безопасности. Необходимо было всегда всё контролировать. И Павел понимал, что пока Ваня не замечает и не задумывается, а когда подрастёт, начнёт задавать вопросы. Избежать их возможным не представляется, поэтому следовало готовиться. К трудным ответам.

И с Алёной была, по сути, та же ситуация. И для неё были трудные ответы на её множество вопросов. Но пока давать их не хотелось. Но пройдёт время и нужно будет что-то решать. Что ей говорить, пытаясь донести очевидную правду: он не слишком удачный выбор для серьёзных отношений с молодой девушкой. Ей нужен кто-то, кто будет не только заботиться, но и любить, как любить умеют люди её возраста, самоотверженно и с отдачей; кто будет вместе с ней что-то открывать для себя и беречь новые эмоции. А он для этого... не стар, но юношескую эмоциональность растерял давно, задолго до рождения Ваньки. И теперь старательно

соскребают остатки, чтобы сыну хватило его теплоты и душевности. Но сейчас Алёна держала его за руку, улыбалась, и эти мысли хоть и пронеслись у Павла в голове, но сосредотачиваться на них не хотелось. Даже руку её отпускать не хотелось. А Ванька радостно скакал впереди, правда, то и дело оборачивался и принимался что-то рассказывать. Павел, занятый своими мыслями, не сразу понял, что говорит его сын о вещах, которые ему самому были неизвестны или малоинтересны. А Ванька рассказывал про цветы, про птичек и даже какой-то короткий стишок продекламировал. После стихотворения Костров покивал, похвалил и поинтересовался:

— Кто тебя научил?

— Алёна, — бесхитростно ответил ребёнок, и Павел на Алёну взглянул. Та лишь плечами пожала.

— Что помнила, то и рассказала.

Границы усадьбы проходили как раз по берегу реки. В самом удобном месте был оборудован небольшой пирс, рядом стояла домушка без окон, запертая на амбарный замок, а у самого пирса покачивалась на воде скромная лодка, на борту которой белой краской было написано «Фаина». Рядом с пирсом просторная полянка, на траве бревно и несколько пеньков, а между ними след от костра. А вид отсюда открывался необыкновенный. Алёна вдохнула полной грудью, огляделась, потом потянулась руками к солнышку, как мама когда-то учила, даже на цыпочки привстала. Павел занимался ребёнком, наказывал Ване к воде близко не подходить одному, потом достал из кармана ключ и направился к домушке. Ребёнок, конечно, за ним бросился, без конца задавая вопросы.

— Чья лодка? — спросила Алёна, когда они вернулись с удочкой и каким-то ящиком.

— Максимыч живёт в деревне на другом берегу. На лодке куда быстрее, чем пилить в объезд тридцать километров.

— А кто такая Фаина?

Павел посмотрел на неё и усмехнулся.

— Любимая женщина. Наверное.

Алёна улыбнулась ему в ответ.

Сама по себе рыбалка вышла замечательная, правда, богатым уловом не порадовала. Павел с Ванькой поймали двух рыбин, не маленьких и не больших, и на этом успокоились. Ванька набегался, накричался, Роско ему вторил утробным басом, в таком крике даже глухонемые рыбы обязаны были попрятаться или убратся восвояси, так, в итоге, и вышло. Но это уже никого не расстроило. И Алёна пресекла все разговоры об ухе, рыбы (Павел знающе утверждал, что это окуни) были определены в ведро, и ни о какой их гибели Алёна слышать не хотела.

— Мы отпустим их в пруд за домом, — сказала она, имея в виду лужу три на три метра недалеко от крыльца. Павел красноречиво закатил глаза, но ничего не сказал, а Ваня пообещал приходить и кормить рыб хлебом, и даже имена им дал. Но тут же опечалился, что не знает, кто из них кто.

Костёр всё же разожгли, пожарили принесённые специально сосиски и съели холодную курицу. Роско достались сосиски, и он казался довольным. Шнырял по кустам и камышам, и нарывался на то, чтобы по возвращению домой быть вымытым с особой тщательностью.

— Отличная получилась рыбалка, — сказала Алёна, встречая Павла на пирсе после купания. Полотенце ему протянула, и даже сама краем плечи ему промокнула, пока он лицо вытирал.

— Это не рыбалка, — проговорил он с лёгким сарказмом, — это пикник. Твоими усилиями. На рыбалке едят то, что поймают.

— Глупости. Мне жалко рыб, и Ване жалко, а уху он всё равно есть не будет.

— Сплошные женские отговорки.

— Папа, тебе не холодно?

— Не холодно, — отозвался он.

Роско тоже из воды выбрался, огляделся, потом принялся отряхиваться. Закрутил обрубок хвоста и довольно оскалился.

— Я смотрю, мальчики, все довольны, — улыбнулась Алёна, наблюдая за ними.

Ванька подпрыгнул.

— А на лодке покататься?

Пришлось покататься на лодке. Роско и тот предпринял попытку забраться на борт, но Алёна эту попытку пресекла. Испугалась, что лишние пятьдесят килограмм судёнышко не выдержит. Пришлось псу метаться по берегу и скулить. Слушать это было невозможно, поэтому они довольно быстро вернулись на берег. Роско запрыгал вокруг них, будто не видел неделю, просто заходил от радости, что Кострова смешило.

Домой возвращались куда медленнее. Ваня держался за руку Алёны, а когда начал зевать во весь рот, Павел его на руки взял. Ванька обнял его за шею, свесил голову отцу на плечо и почти тут же заснул.

— А ты, — шёпотом проговорил Павел, глядя на Алёну, которая несла ведёрко с рыбами, — устала?

— Хочешь и меня на плечико?

— Чуть позже.

Рыб выпустили только перед ужином. Специально дождались, пока Ваня проснётся, и Алёна вместе с ним отправилась к пруду. Прудик был заросший осокой по берегам, но на воде плавали несколько листьев кувшинок, что говорило о чистоте воды. Правильно, долгие годы здесь никто не мусорил и гадость в воду не лил, с чего ему быть грязным. Окуни освоились тут же, один мгновенно скрылся на глубине, а вот другой не забыл покрасоваться, навернул круг, прежде чем последовать за приятелем. Ваня ещё булку в воду покрошил, но рыбы не вернулись.

— Они потом всё съедят, — успокоила его Алёна. — Пойдём в дом, дождь собирается.

После ужина Ваня снова сел за прописи, это было единственное, что могло удержать его от беготни по дому, что после еды было вредно. Мальчик снова надулся, поворчал, но за стол сел и взял ручку. Правда, попросил попить, потом заявил, что снова хочет спать, затем поинтересовался, где папа.

— С дядей Вадимом в кабинете, — ответила ему Алёна, разворачивая мальчика обратно к столу. — Папа работает, и ты немножко поработай. Тебе за лето нужно все прописи закончить. По страничке в день. Давай, мы с тобой договаривались.

— Ты со мной посидишь?

— Нет. Ты должен делать это в тишине и покое. А я потом посмотрю.

— А может, я беспокоюсь, — пробубнил Ваня, наваливаясь на стол. Алёна сделала вид, что не слышала этих слов, из детской вышла, правда, дверь закрывать не стала. Прошла в комнату Павла, собираясь посмотреть телевизор. В усадьбе у неё совершенно не находилось времени на внешний мир. Сразу перестало существовать телевидение и даже интернет, реальная жизнь вдруг оказалась интереснее. И пока выдалась свободная минута, Алёна и решила разузнать, что в мире делается. Ванька занимался домашней работой, Павел после ужина заперся с Негожиным в кабинете, и они решали какие-то вопросы, хотя, Алёна подозревала, что дело скорее было в бутылке виски, которую Костров почему-то в сейфе хранил. А Алёна устроилась на широкой постели в спальне Павла, включила негромко телевизор, чтобы Ваня не отвлекался, и достала из кармана припасённую конфету. Вдохнула, чувствуя довольство всем днём в целом. Телевизор включился на любимом Павлом новостном канале, мужчина в стильном костюме бодро вещал о котировках и акциях, и Алёна канал переключила. Конфету в рот сунула и перещёлкивала

каналы. Добралась до федеральных, и когда увидела известного на всю страну ведущего вечернего ток-шоу, остановилась на нём. Шоу было разноплановым, иногда откровенно скандальным, но порой там обсуждали известных людей или какие-то события в стране. Поэтому она пульт отложила, решив дать шоу шанс в этот вечер. К этому моменту уже шло бурное обсуждение в студии, знаменитые гости качали головами и ахали, и ведущий взял слово.

— Давайте не будем торопиться с выводами, и выслушаем Ирину до конца. Думаю, это только начало истории, и здесь всё далеко неоднозначно. Ирина, продолжайте.

Камера взяла крупный план, сидящей на диване гостьи. Её лицо показалось Алёне знакомым, она жевала конфету и вспоминала. Актриса, певица? Наверняка, расскажет что-нибудь душераздирающее, как её кто-то бил, обокрал или морально издевался. В последние годы на телевидении появилась мода пиариться подобным образом. А девушка и выглядит подходяще для этого: скромное тёмное платье, скорбный взгляд и нервно стиснутые руки.

После предложения ведущего продолжить рассказ, девушка тяжело качнула головой, от чего тяжёлая копна волос едва не вырвалась из-под заколки.

— Я не знаю, что сказать, не знаю, куда мне ещё идти. Я понимаю, что у меня нет ни сил, ни средств судиться. Меня заклеивают позором, такое уже было. И я сына не увижу. Я не знаю, как разговаривать с этим человеком. У меня была единственная надежда... на свёкра. Конечно, вы можете говорить, что он был плохим человеком, коррупционером, я об этом ничего не знаю. Но Андрей Константинович был единственным человеком, который мог хоть как-то повлиять на ситуацию. Он хоть что-то старался сделать. Павел человек трудный... если он сам не хочет идти на компромисс, то добиться от него этого невозможно. Поверьте, я через многое прошла...

Девушка снова стиснула руки, посмотрела сначала вверх, как бы сдерживая слёзы, а потом в камеру. А Алёна, которая последнюю минуту лежала и, кажется, не дышала, только чувствовала, как сердце колотится одуряюще, вдруг поперхнулась конфетой и резко на постели села. Вот сейчас, когда девушку в очередной раз показали вблизи, она её и узнала. Хотя, надо признать, сделать это было трудно. До этого Алёна её только на фотографии видела, и тогда у брюнетки была другая причёска, другое выражение глаз, куда меньше одежды, и её руки, соблазнительно касающиеся полной груди, не были нервно стиснуты. Но это была она. Она. И сейчас она на всю страну говорит о Павле и сыне...

Алёна посмотрела на открытую дверь спальни, за стеной Ванька старательно писал закорючки в прописи, а тут... Алёна в панике выключила телевизор, с кровати вскочила, и как была, босиком, кинулась бегом по коридору. Только мимо детской на цыпочках прокралась, а дальше побежала сломя голову. Без стука дверь в кабинет распахнула, мужчины на неё обернулись, а она никак с дыханием справиться не могла. Павел брови вздёрнул.

— Ты чего?

— Там такое... — выдохнула она. Схватила с полки телевизионный пульт, и только повторяла: — Паша, там такое... Господи, это федеральный канал...

Экран, наконец, вспыхнул, Алёна нажала кнопку нужного канала, а сама на Павла смотрела. Видела, как вытягивается его лицо, тяжелеет подбородок, а глаза сужаются. Он впился глазами в экран и слушал.

— Я просто оказалась не нужна, — лился с экрана печальный голос. — Я знаю, что Паша меня никогда не любил, но он хотел ребёнка, он сына хотел. Я ему была не нужна. Да и наши отношения к тому моменту окончательно испортились, я ему надоела, и я приняла решение оставить его в покое. А тут беременность, и я... Признаться, я думала об аборте. Потому что знала, что с этим человеком будет очень сложно. Но я хочу повторить, Паша хотел сына. И поэтому выбора мне буквально не оставили.

— Что это значит? — спросил ведущий. — Можно заставить женщину родить?

— Знаете, можно. Если лишить её возможности выходить из дома, общаться с родными и друзьями, хоть у кого-то попросить помощи. А мне, если честно, и просить было не у кого. Родители далеко, в Новосибирске, хороших знакомых в Москве нет. — Она всхлипнула. — Поверьте, я ведь на самом деле считала, что встретила того самого мужчину. Надёжного, обеспеченного, который никогда не обидит.

— Вот ведь коза, — с чувством проговорил Негожин, отхлебнул из бокала и откровенно поморщился. Но на его высказывание никто внимания не обратил. Алёна привалилась спиной к стенному шкафу и, не отрываясь, смотрела в телевизор. На Павла больше не смотрела, почему-то уверена была, что он этого не хочет. И без того слышала, как он дышит и зубами скрипит.

— Думаю, если бы родилась девочка, всё было бы по-другому. Но Паша очень хотел сына.

— И что случилось после родов?

Последовала пауза, ещё всхлип, после чего девушка сделала глубокий вдох, собираясь с силами.

— Я стала не нужна. Ребёнка у меня просто забрали.

Вадим выпрямился на стуле, недовольно покосился на Кострова. Ткнул пальцем в экран.

— Ну, ты посмотри, что делает, зараза. Паш, она тебя на всю страну позорит!

— Помолчи, — сказал тот, и Алёна нервно сглотнула, тон был глухой и страшный, такого она ещё не слышала. И так и не осмелилась на него взглянуть.

— Что значит, вы не нужны? — послышался чей-то вопрос, интересовалась и негодовала женщина. — Вы мать! Вас лишили прав?

Ирина отчаянно замотала головой.

— Я ничего не подписывала! Я не отказывалась от сына! Бумаги мне показали уже после, я ни на одном суде не была!

— Вот ведь... — Вадим еле слышно, но выругался, а Алёна всё же голову повернула и на Павла посмотрела. Почему-то ждала увидеть его бледное лицо и панику в глазах, а он сидел, откинувшись на кресле, сложив руки на груди, и на экран смотрел со зловещей, едва заметной усмешкой.

— Вы не знаете, что это за человек! — Кажется, Ирина вошла в раж. Слёзы высохли, а в глазах появился пожар. — Он очень скрытный, и очень опасный. Меня все предупреждали. Говорили, что ему никого не жаль. Даже отца не было жаль, они всегда общались сквозь зубы. Паша как видел его, у него сразу настроение пропадало. И все близкие знакомые знают, что, точнее, кто тому причиной! Это уже давно не секрет! Только я долго верить отказывалась!

— Ирина, о чём вы конкретно говорите? Расскажите?

Она негодуя сверкнула глазами, плечи расправила. Потом важно кивнула.

— Расскажу. Я пришла сюда, чтобы всё рассказать. Чтобы, наконец, начать бороться. За себя и своего ребёнка. В последние недели много чего произошло, и Андрея Константиновича грязью полили обильно. И его любимые родственники в том числе. Я не знаю ничего про его работу, но то, что говорили они... Это просто бесчестно и бесчеловечно. А все, кто хорошо знаком с семьёй Костровых, знают, кто разрушил семью. Она изнутри разрушена. Павлом и Региной.

Повисла тишина, и в студии, и в кабинете. Алёна дыхание затаила, невольно вспомнила Регину Ковалец и как всегда восхищалась ею — умом, красотой и статью, и захотелось поморщиться. А Павел, наконец, рыкнул:

— Удавлю эту тварь.

— Если поспеешь вперёд Регины, — невесело хмыкнул Негожин. — Но это, конечно, аттракцион самоубийцы. Нельзя быть настолько дурой.

— Вы хотите сказать, что Регину Родионовну с пасынком связывают особые отношения?

— Да. И, поверьте, это заметно всем, кто оказывается рядом. Думаете, почему Павел

никогда не появлялся в обществе вместе с отцом и мачехой? Господи, да он к сыну ни одну женщину, кроме Регины, не допускает. Андрей Константинович терпел, сколько мог, а теперь его обвиняют бог знает в чём. Это, по меньшей мере, несправедливо. А он не может за себя ответить, его больше нет. — Ирина слёзы вытерла. — Он жил ради семьи. Он так любил Регину.

— Он говорил Вам об этом?

— Да. В последний год мы часто общались. Он старался помочь мне... договориться с Павлом. Даже адвоката оплачивал. А после того, как они с Региной... решили разъехаться, ему просто не с кем стало поговорить. Видимо, на работе начались сложности, семья окончательно распалась, а единственный сын не имел желания с ним встречаться лишней раз. А потом, когда Андрей Константинович попытался поговорить с Павлом обо мне, он и с внуком ему видется запретил. Понимаете, человек остался один.

— Ирина, но вы сюда не просто так пришли. Не просто рассказать свою историю, вы хотите чего-то добиться этим поступком. Должен сказать, очень смелый поступок. Костровы в нашей стране — это не просто фамилия, и не просто должность, эта семья очень долго являлась примером семейных ценностей. А сейчас выясняется всё больше подробностей, не лицеприятных.

— Мне наплевать на это, на то приятно кому-то или нет, я хочу, чтобы мне вернули ребёнка! — Ирина лицо руками закрыла, плечи затряслись.

— Сколько вы не видели сына? — спросил кто-то весьма проникновенно.

Ирина вытерла слёзы. А Алёна краем сознания отметила, что тушь на её глазах не потекла, не смотря на обилие влаги.

— Его забрали из роддома.

— Какой кошмар. Вы пытались его найти?

— Конечно! Но это невозможно сделать. Паша — очень богатый человек, он занимается гостиничным бизнесом, в том числе, и за рубежом. И где в данный момент ребёнок — знать невозможно. Думаю, многие и о его существовании не знали. У Костровых много недвижимости, к тому же, Павел единственный родитель, он в праве в любой момент вывезти сына за границу.

— А суд?

— У них есть мой отказ от родительских прав, и я не могу ни на что претендовать. Его нужно оспаривать, доказывать, и мой адвокат старается, но... Нас просто игнорируют. Я поэтому и пришла сюда, чтобы меня услышали! — Она поднялась и прижала руку к груди. — Я, клянусь, на всю страну, я ничего не подписывала! Или была в таком состоянии после родов, что не помню этого. Но это ведь не считается законным, это... это практически похищение!

Дверь кабинета чуть скрипнула, открываясь, и, кажется, вздрогнула не только Алёна, но и мужчины. Ванька заглянул, озабоченно, но их всех увидел и разулыбался.

— Зачем вы спрятались? Что вы без меня делаете?

Алёна в панике бросила взгляд на мрачного Павла, и поспешила мальчику улыбнуться, подошла и развернула к выходу, под несчастный голос Ирины, что ещё лился с экрана.

— Ты всё доделал?

— Да, написал. Знаешь, как я устал?

— Правда? — притворно ахнула она и взяла Ваню за руку. — Пойдём, я тебе молока налью с печеньем. Хочешь?

Ванька деловито кивнул.

— Хочешь.

Алёна, не смотря ни на что, рассмеялась, получив такой ответ.

— Очень хорошо. Ты хорошо поработал, можно вкусно покушать.

— А папа? Придёт?

Алёна погладила мальчика по голове и незаметно для него вздохнула.

— Придёт. Сейчас решит проблему, и придёт.

Пока Ванька пил молоко на кухне, скандальное ток-шоу закончилось. Алёна мрачно смотрела на часы, наблюдать за продолжением передачи ей не хотелось, просто по движению стрелки отслеживала, сколько ещё минут прошло. И думала, какое количество гадостей за эти минуты Ирина ещё могла рассказать с телеэкрана. На Ваньку смотрела, через силу ему улыбалась и кивала, когда он ей новый мультик пересказывал. Потом руку протянула, пригладила ему волосы.

— Вкусно?

Он кивнул, молоко допил и вытер губы ладошкой, даже не вспомнив о салфетке. Но Алёна лишь улыбнулась.

— Пойдём, я тебе почитаю?

— А папа? Он обещал почитать сегодня.

— Он занят, солнышко. Он почитает тебе завтра, хорошо?

Ванька демонстративно надул губы, но ничего не сказал, с табуретки прыгнул. В дверях кухни им попалась повариха. И по тому, как она поспешно отвела глаза в сторону, Алёна поняла, что не она одна сегодня смотрела эту дурацкую передачу. С трудом, но пришлось подавить вздох. Необходимо было выглядеть бодро и спокойно.

— Вам что-нибудь ещё нужно? — спросила женщина, но Алёна качнула головой и поспешила вывести мальчика с кухни.

Этот вечер был самым тяжёлым, так Алёне казалось. Бесконечно длинный, наполненный тревогой и ожиданием чего-то неприятного. Ещё более неприятного, выводов и решений, которые могут не порадовать никого. Но лично от неё ничего не зависело, на долю Алёны выпало лишь ожидание, и она занимала время тем, что читала Ване на ночь. Он слушал внимательно, книжка ему нравилась, красочная, тяжёлая, с несчётным количеством страниц, в ней были собраны истории и про Вини-Пуха, и про Карлсона, и про Пеппи. Ваня особенно любил проделки Пеппи Длинный чулок, искренне смеялся и даже пытался что-то повторить, за что получал на орехи от отца, уже не раз и не два. Но мальчик не унывал, и Алёна подозревала, что мысленно вычёркивал из одного ему ведомого списка очередную попытку или проделку. И переходил к обдумыванию другой. Вот и сегодня внимательно слушал, даже вопросов не задавал, чему Алёна, признаться, была рада. Читала, старалась делать это с выражением, но голова была занята совсем другим.

Но засыпать без отца Ваня отказался. Умылся, после короткого пререкания почистил зубы и лёг. Но ворчал и ворочался. Алёна сидела рядом с ним на кровати, но, в конце концов, сдалась и пошла за Павлом. За дверью кабинета слышался его голос, она даже разобрала вполне конкретное и резкое:

— Я всё устрою. Тебе не надо волноваться по этому поводу... А она заткнётся.

После этого жёсткого «она заткнётся», Алёна дверь и открыла. Остановилась в дверях, прислонилась спиной к дверному косяку, отворачиваясь от Кострова, чтобы не терзать его своим взглядом, потом руки на груди сложила в ожидании. Он всего несколько секунд на неё смотрел, после чего положил трубку. Сказал только короткое:

— Я завтра позвоню, — и трубку положил.

Алёна не смотрела на него и ничего не спрашивала. И без того знала, кому он звонит. Регине. И это было неправильно, было ужасно, но в душе шевельнулся червячок. Сомнения? Это скорее напоминало ревность. Хотя, откуда ей знать это доподлинно? Она никогда никого не ревновала. Но что-то с ней случилось, внутри случилось, и пока Алёна старательно

прислушивалась к себе.

— Что? — довольно резко спросил он.

— Поднимись к Ване. Он не хочет засыпать без тебя.

Секундное молчание, потом Павел поднялся из-за стола, и звук отъезжающего назад кресла прозвучал, как гром. Предупреждение о надвигающейся грозе. Костров даже прошёл мимо неё молча, Алёна смотрела ему вслед, как он поднимается по лестнице, потом опустила руки. Чувствовала себя полностью беспомощной. Прошла в кабинет и села на кожаный диван. Там и дождалась Павла. Он спустился минут через двадцать, и, судя по взгляду, не ожидал застать её в кабинете. Губы недовольно поджал, прошёл к столу и сел. На кресле развалился, вытянув ноги. На краю стола стояла ополовиненная бутылка виски, рядом бокал, и Костров залпом допил то, что в нём оставалось.

— Я её узнала, — сказала Алёна, так и не дождавшись от него ничего.

— И в каких из своих образов она понравилась тебе больше?

— А тебе она в каком больше нравится?

Он пренебрежительно фыркнул.

— Думаю, ты и так догадываешься.

Алёна кивнула. Смотрела не на него, в стену напротив, казалось, что от возмущения, особенно после его последнего замечания, задохнётся.

— Ты прав, разница разительная.

Павел устало навалился на стол, Алёну разглядывал в явном недовольстве.

— Перестань стену взглядом сверлить. Скажи, что думаешь. Ведь справедливость — наше всё, да?

— Моё всё, — поправила она его сухо.

— Конечно.

Алёна голову повернула, посмотрела на него.

— Паша, что теперь будет?

Он плечами пожал, изо всех сил старался казаться равнодушным.

— Новый виток скандала. Ещё пара десятков подобных шоу, теперь уже с моим именем. Где будут переживать за участь моего сына. Говорить, что я монстр, что я украл ребёнка у матери, что я лишаю его детства... Ну, помоги мне, ты же журналист, что ещё говорят в таких ситуациях?

Алёна оперлась локтями на колени и закрыла лицо ладонями.

— Кошмар какой.

Павел не ответил, откинулся на спинку кресла, чуть крутнулся из стороны в сторону.

— Я думала, она умерла. Поэтому ты не хочешь о ней говорить.

— Можно было сказать, что угодно. Её никогда не было, это считается смертью?

— Она собирается судиться, Паша!

Он в нетерпении взмахнул рукой.

— Алёна, не неси чушь! Она не собирается судиться, и никогда не собиралась. Иначе она пошла бы в суд, а не на телевидение. Ей скандал нужен, и поддержка, которую она получит вследствие этого. Она же несчастная мать! У которой забрали ребёнка! Ты сама всё видела и слышала, всё, что творилось в студии. А это пошло на всю страну!

— Она его ни разу по имени не назвала, — проговорила она негромко, пока Костров кипел от возмущения. И, наверное, он этого не ожидал, этих слов, потому что переспросил:

— Что?

— Она не называет его по имени, — повторила Алёна. — Я специально следила. У меня ощущение было, что она не знает, как его зовут.

Павел смотрел на неё в упор и молчал. После чего упёрся лбом в свой сжатый кулак, даже

поморщился. Повисло молчание, Алёна наблюдала за ним, уже почти собралась встать и подойти, но в ту секунду, когда она решилась, Костров снова потянулся за бокалом. Сделал глоток, после чего сказал:

— Иди спать.

— А ты?

— Мне надо подумать.

Он развернулся на кресле к окну, Алёна видела, как поднялась его рука, пальцы потёрли подбородок, и Костров вздохнул. Он уже не мог рассуждать здраво, вне зависимости от того, что выглядел абсолютно трезвым, бутылка виски на столе говорила сама за себя. И поэтому она решила оставить его сегодня. Поднялась, поборола желание подойти к нему, и из кабинета вышла. В доме сегодня было слишком тихо, даже мрачно, как в её первую ночь здесь. Роско спал на диване в гостиной, наплевав на все запреты, поднял голову, когда услышал шаги Алёны. Посмотрел настороженно, наверное, тоже чувствовал напряжение, появившееся в доме. Но Алёна ничего не сказала, с дивана не погнала, и когда она стала подниматься по лестнице, он снова опустил голову на лапы. Шумно вздохнул и закрыл глаза.

Павел так и не пришёл. Алёна долго не могла уснуть, думала обо всём, что сегодня узнала, крутилась с боку на бок, то и дело на часы смотрела. Время хоть и медленно, но шло, а Павел в спальню так и не поднялся. В какой-то момент показалось, что задремала, но потом неожиданно глаза отрыла, снова на часы посмотрела и поняла, что уже третий час ночи. Вот тут уже нервы сдали, и Алёна с постели поднялась. Накинула на себя махровый халат Павла, который был ей почти до пят, и пошла вниз. Роско на диване в гостиной не было, зато дверь в кабинет была открыта, и пёс лежал на полу, вытянувшись на дорожном ковре. Когда Алёна в кабинет вошла, Роско тут же голову поднял, проявляя бдительность, но расслабился, только наблюдал. А Алёна подошла к дивану. Павел спал, положив голову на мягкий округлый подлокотник, ноги на другом подлокотнике, ему явно было неудобно, но будить его Алёна не решилась. От Кострова пахло виски, бутылка на столе была пуста, а он спал, закинув одну руку за голову. Алёна постояла над ним в сомнениях, потом сняла с себя халат и осторожно Павла им укрыла.

Наутро Костров выглядел разбитым. Он был без настроения, как впрочем, и все в доме, даже обычно улыбчивые девушки, накрывающие на стол, сегодня были тихи и практически незаметны, передвигались по дому, как тени. Альбина Петровна без конца шикала на них, а хозяину этим утром даже улыбаться не рисковала, чтобы, не дай Бог, не вывести его из себя. Казалось, что достаточно одной капли, одной искры, и Павел взорвётся. Убрать с лица выражение недовольства его заставил только сын. Павел растянул губы в улыбке, взял Ваньку на руки, подкинул, но тут же болезненно скривился, когда ребёнок ухватил его за шею. Поставил мальчика на ноги, и потёр ладонью шею.

Алёна наблюдала за ним, потом решительно подошла, заставила сесть и убрала его ладонь от шеи. Сначала погладила, потом принялась осторожно разминать шею и плечи, Павел голову опустил и даже застонал.

— Подняться в спальню сил не хватило? — чуть ворчливо проговорила она, чувствуя, насколько он напряжён. Ванька от них отвлёкся, теперь вис у Роско на шее, и слышать их не мог. Павел в ответ что-то пробубнил, но зато вздохнул довольно, когда Алёна ещё раз с нажимом потёрла шейные позвонки. — Я тебя полночи ждала.

— Угу.

Алёна разминала ему плечи.

— Лучше?

— Так — да.

— Теперь буду ругать себя за то, что решила не будить. Видела же, что тебе неудобно. Кто

купил этот дурацкий диван?

— Регина.

— А, ну тогда это замечательный выбор. Без сомнения.

— Алён, не сходи с ума, — попросил он негромко.

Ей пришлось выдохнуть. Она даже волосы на его затылке пригладила, покосилась на Альбину Петровну, которая принесла тарелку с оладьями. Ещё раз провела ладонями по плечам Кострова, он голову поднял и осторожно повернул её сначала в одну сторону, потом в другую. На Алёну посмотрел. В его взгляде был определённый намёк и в то же время задумчивость. Алёна всё это прочитала, осознала, пропустила через себя, но решила проигнорировать. Не сейчас, явно не сейчас.

— Ваня, снова руки мыть и за стол.

Ванька посмотрел на свои ладони.

— А чего их мыть?

— Я, конечно, понимаю, что Роско у нас самый чистый пёс на свете, мы его лавандовым шампунем моем, но всё равно нужно мыть руки. Бегом, оладьи уже принесли.

— Блинчики!

— Блинчики, — согласилась Алёна.

Ванька из столовой выбежал, и Алёна с Павлом ненадолго остались одни. Альбина Петровна тоже вышла, без её вездесущего пригляда дышалось куда легче. Алёна за стол села, почувствовала, что Павел на неё смотрит. А потом он ещё и попросил:

— Скажи что-нибудь.

Она оглядела накрытый стол, в приступе нервозности подвигала тарелки. И повторила, как ночью:

— Она ни разу не назвала его по имени. Поэтому я ей не верю. Но ты...

— Что?

Это был самый трудный момент, но Алёна всё-таки заставила себя встретить его взгляд.

— У тебя её фотография в телефоне. — И с нажимом добавила: — Ты хранишь её фотографию.

— Нет, солнце.

Она руку вскинула и попросила:

— Молчи. Ваня идёт.

Мальчик сам влез на стул, продемонстрировал влажные ладони, а Алёна протянула ему тарелку с несколькими оладьями и свежим клубничным вареньем. Ванька улыбался, и Павел согласился:

— Да, давайте позавтракаем спокойно.

Спокойствия хватило, как раз на завтрак. После появился Негожин, и Алёна хоть и увела Ваньку от взрослых разговоров, но напряжённость всё равно чувствовалась. Она таилась в каждом углу дома, а уж когда Павел повышал голос, каждое его слово, казалось, отскакивало от стен и увеличивало негатив в разы. Даже закрытая дверь в кабинет не спасала. Да ещё взгляды и перешёптывания домработниц на нервы действовало, лишь Альбина Петровна хранила стойкое молчание, и даже сердилась, услышав посторонние разговоры. Но хуже всего было то, что при появлении Алёны все разговоры смолкали, а на губах появлялись смущённые, а порой и притворные улыбки. Работников в доме было немного, но и от них не было никакого спасения.

— Я хочу «Сникерс», — в какой-то момент вздохнул Ваня.

Он катался на качелях, Алёна сидела неподалёку на одеяле и пыталась читать, краем глаза приглядывая за мальчиком. Но тому её помощь не требовалась, он раскачивался сам, и только когда Алёна понимала, что он готов с качелей спрыгнуть, нарушая все запреты, грозила ему

пальцем, и Ваня от этой идеи отказывался. Но прыгнуть ему хотелось, не понятно, откуда взялось это желание, наверное, в детском саду у кого-то подсмотрел, но все без исключения взрослые его за это ругали.

— С чего такое желание? — удивилась Алёна. — Ты не вспоминал о шоколадках ни разу.

— А сейчас хочу. Очень. Когда мы поедем в город?

Алёна плечами пожала. Потом вспомнила.

— В деревне есть магазин.

— И там есть «Сникерс»? — У Ваньки глаза загорелись.

— Возможно.

В общем, после недолгих раздумий, было принято решение, пойти к Павлу и попросить разрешения съездить в деревню. Костров, услышав об этом, непонимающе посмотрел.

— Зачем?

— Ваня хочет шоколадку. — Алёна вошла в кабинет, прошла к столу и присела на край стула. На Павла посмотрела. — Паша, ему надо отвлечься. Хотя бы на полчаса. Он всё равно чувствует, что что-то не так. И ты кричишь.

— Я не кричу.

— Ты кричишь.

Он на кресле откинулся, посмотрел недовольно, но потом потёр лицо.

— Ладно, поезжайте. Только недолго, Алёна.

— Недолго. До магазина и обратно, полчаса. — Она улыбнулась ему. — Что тебе вкусненького привезти?

— Бутылку виски, и побольше.

— Обойдётся.

Павел усмехнулся.

Поездке в деревню Ванька обрадовался. Забрался в высокий автомобиль, Алёна только немного его поддержала, уселся на сидение, и по всему было видно, что очень доволен.

— Далеко ехать? — спросил он.

— Нет, всего несколько минут. — Алёна по волосам его погладила. — Ты заскучал?

— Просто хочу шоколадку. — Ванька выглянул в окно. — Смотри, Роско за нами бежит! — Он помахал псу рукой. А Алёна окно приоткрыла и на собаку рукой махнула.

— Домой, Роско.

Тот ещё бежал за машиной, потом остановился и залаял им вслед. А Алёна к водителю обратилась:

— В деревне ведь есть магазин?

— Да, на площади. И не один.

— Вот и хорошо.

Площадь в Марьянове была совсем маленькая, пара магазинов — продуктовый и хозяйственный, крохотное отделение почты, газетный киоск, а рядом автобусная остановка. Но Ваня и эту малость разглядывал любопытными глазёнками, указал на подъехавший автобус, потом потянул Алёну в магазин. Конечно, оказавшись у прилавка, глаза у него разбежались, и помимо «сникерса» он назвал ещё пяток своих желаний. Чипсы, вафли, леденцы на палочке и «киндер-сюрприз». Алёна исполнила половину, купила пару «киндеров», «Сникерс», как обещала, и вафли. Ванька расстроено развёл руками.

— Мне никто не покупает чипсы.

Продавщица ему улыбнулась, поневоле умилившись:

— Никто?

Ваня, переигрывая, шмыгнул носом.

— Совсем никто.

Алёна взяла его за руку.

— Пойдём, несчастный. Я видела у дороги рынок, я куплю тебе морковки.

— Зачем?

— Будешь грызть. Тоже вкусно. Пойдём. Ты спасибо сказал?

Ваня оглянулся, помахал продавщице рукой на прощание.

— Спасибо!

— Пожалуйста, — отозвалась женщина.

Водитель открыл перед ними дверь автомобиля, но Алёна прежде подошла к газетному киоску. Ванька вис у неё на руке.

— Здесь что будем покупать? — Мальчик подпрыгивал от нетерпения, а Алёна разглядывала заголовки газет. Ничего ужасного пока не видела. Но подошёл водитель и всё испортил.

— Сюда так быстро свежие газеты не доходят, — проговорил он негромко. — Надо подождать до завтра.

Алёна кинула на него быстрый взгляд через плечо.

— Сделаете это для меня?

Он моргнул, но тут же кивнул.

— Конечно. Завтра приеду, посмотрю.

— Спасибо. — Заставила себя улыбнуться и спросила у Вани: — Купить тебе раскраску с машинами?

Мальчик тут же кивнул.

У выезда на трассу располагался небольшой рынок. Деревенские торговали тем, что вырастили сами. Машин мимо проезжало достаточно, останавливались, и торговля шла. Они тоже к этому рынку подъехали, и Алёна, признаться, мысленно ахнула. Сколько всего можно было купить в деревне, свежего, вкусного, а они питались из супермаркета. Она была уверена, что Павел и Альбина Петровна пропустили её слова о свежем молоке и твороге мимо ушей. И если у Кострова в одно ухо влетело, а в другое вылетело, то домоправительница наверняка проигнорировала с явным умыслом. А вот теперь, увидев всё своими глазами, Алёна решила не отступать. Женщины торговали и молоком, и творогом, даже сметаной, которую делали сами. Овощами, ягодами и зеленью.

— Хорошо покупают? — любопытствовала Алёна, пока женщина в пёстром фартуке накладывала ей творог из бидона в пластиковую тару.

— Покупают. Летом дачников-то много. Едут, едут. Москвичей много, а им наши цены что, — она рукой махнула.

Алёна покивала, незаметно погрозила пальцем Ване, заметив, что тот подошёл слишком близко к чужой собаке. Мальчик отодвинулся и даже спрятал руки за спину.

— Возьмите огурчиков, только с грядки.

— Возьмём. — Передала покупки водителю, осмотрела самодельные прилавки. — Огурчиков, ягод, а ещё моркови. Ваня, посмотри, какая морковка, прямо бери и ешь.

— Сейчас?

— Нет, дома помоем, и будешь грызть.

Ваньке отсыпали пригоршню чёрной смородины, он ладошку сжал, принялся класть в рот по одной ягоде. Улыбался, довольный, прыгал рядом, пока Алёна покупки делала. Но самое главное, что Алёна для себя отметила, готов был общаться. К нему обращались чужие люди, он если и насторожился, то только в первый момент, потом начал отвечать, а рядом с мужчиной, который продавал свежепойманную рыбу, провёл больше всего времени. Рассказывал, как сам ходил на рыбалку. Неподалёку от рыбы крутился чёрно-белый кот, наблюдал и явно чего-то ждал.

Погладить себя не дал, его больше рыба занимала, пришлось купить у мужчины небольшую рыбу, чтобы кота покормить.

— Всех облагодетельствовали, — посмеялся водитель, наблюдая, как кот тащит свою добычу в высокую траву.

— А это что за ягодки? — Ванька приставал с вопросами к женщинам, те, надо сказать, общались с ним с удовольствием, смеялись его вопросам и рассуждениям. Алёна за ним приглядывала, раскладывала свои покупки по сумкам, и сама укладывала их в открытый багажник. Банкам с молоком и сметаной нужен был упор, ягоды не должны были просыпаться и измяться. Шофёр только наблюдал и помогал поднять, когда нужно было. Ванька же всё-таки погладил собаку, под бдительным взглядом хозяйки. Хотя, и без него дворняга вряд ли бы на ребёнка даже зарычала. Дремала на солнце и только одним глазом наблюдала за происходящим. А когда Ваня осторожно её погладил, и вовсе зевнула всю пасть.

— Не кусается! — в восторге воскликнул ребёнок.

— Конечно, чего ему кусаться, — отмахнулась хозяйка. — Мишка, ты бы хоть встал, — обратилась она к собаке. Та, точнее, тот — Мишка, никак не отреагировал, даже глаза прикрыл.

Алёна улыбнулась, слушая всё это, на Ваню обернулась, тот уже разглядывал грибы в чьей-то корзинке. Всё-таки заскучал в усадьбе за столько дней.

— Ваня, не уходи далеко!

По дороге, метрах в десяти от них, неслись машины, кто-то остановился, Алёна даже внимания сначала не обратила. А потом её внимание привлёк звук, очень знакомый, очень ненавязчивый. Она машинально повернула голову, и целую секунду, а может и две, смотрела на молодого человека с фотоаппаратом. Он вышел из остановившейся машины, и сразу принялся фотографировать. Алёну будто изнутри кипятком окатило. Она дёрнулась, развернулась и в панике нашла глазами Ваньку. Тот был совсем рядом, в десяти шагах от неё, и гладил наевшегося рыбки кота.

— Ваня, иди ко мне! — крикнула она, и сама поспешила к ребёнку. Наверное, бежала, но казалось, что двигается до ужаса медленно. Ванька после её крика поднялся с корточек, обернулся. На неё все в этот момент обернулись. А она подбежала и как-то незаметно для себя самой подхватила мальчика на руки. Он был тяжёлый, Алёна прекрасно об этом знала, но в этот момент она тяжести даже не почувствовала. Зато заметила другую машину, на другой стороне дороги, там тоже был человек с фотоаппаратом, а рядом с ним уже более чем знакомая личность. И Тарас уже переходил дорогу, торопился к ней. Ему наперерез бросился водитель, хотя Алёна предпочла бы, чтобы он в этот момент заводил машину. На минуту Алёна решила, что начнётся драка. Потому что Артюхова буквально сбили с курса, толкнули в сторону, и Тарас не на шутку разозлился. Зло глянул на шофёра, потом всё-таки к Алёне повернулся. Она уже шла к машине, чувствуя, как Ванька крепко обхватил её руками за шею, а ногами за талию.

— Алёна, давай поговорим!

Она дёрнула на себя ручку двери. Та открылась, но с другой стороны, буквально ей в лицо, сверкнула вспышка фотоаппарата, Алёна даже рукой глаза прикрыла. И разозлилась:

— Вы с ума сошли? Уходите!

— Алёна, это кто?

Она коснулась губами детского уха.

— Никто, малыш. Садись в машину. — Оглянулась на водителя, потом толкнула наглого парня с камерой. Потом ещё раз толкнула, чтобы захлопнуть дверь. Махнула рукой шофёру. — Оставьте его, — крикнула она, имея в виду Артюхова, — надо уезжать. — Повернулась, разглядела у незнакомого парня на футболке нашивку московского новостного издания. Чертыхнулась про себя.

Водитель поспешил к машине, напоследок пихнув Тараса, на что тот нецензурно выругался, и в несколько шагов подлетел к машине. Московский паренёк снова был послан, теперь уже им, а Алёну он успел за руку схватить.

— Алёна, подожди. — Она повернулась к нему, посмотрела прямо в лицо.

Рыночек затих, все забыли про то, зачем здесь находятся и наблюдали. А совсем рядом остановилась ещё одна машина, и это уже становилось опасным. Откуда они все лезут?

Алёна дёрнула рукой, освобождая её от хватки Артюхова.

— Ты их сюда привёл?

— Это работа. Ты забыла?

— Пошёл ты к чёрту! Это, может, и работа, а это, — она ткнула пальцем в окно автомобиля, — это ребёнок, Тарас! А ты на него свору журналистов напустил!

— Это тот самый мальчик? — Рядом оказалась какая-то девушка в ярком брючном костюме, и принялась толкать в бок неповоротливого оператора. — Что ты стоишь, снимай! Это сын Кострова?

Алёна упёрлась руками в грудь Артюхова, с ненавистью посмотрела и дёрнула на себя дверь автомобиля. Ванька смотрел на неё испуганными глазами.

— Отойдите от машины! — пришлось крикнуть ей. И поторопить водителя: — Поехали, поехали!

— Алёна, ты дурью занимаешься! — крикнул Тарас и даже по стеклу «гелендвагена» успел кулаком стукнуть. Алёна же дверь, наконец, захлопнула, едва не прищевив какому-то любопытному то ли палец, то ли нос. И поделом. Ваньку обняла и прижала к себе, чувствуя, как тот уткнулся лицом ей в грудь.

Машины журналистов отправились за ними. Алёна обернулась, посмотрела в заднее стекло, качнула головой в расстройстве. А когда они свернули на дорогу к усадьбе, водитель набрал номер охраны. Машина так и ехали за ними, но у ворот их уже ждали. «Гелендваген» не сбавляя скорости, въехал на территорию через открытые ворота, они тут же начали закрываться, но Алёна успела увидеть, как охранники тормозят автомобили журналистов. Ворота закрылись, и Алёна вздохнула с облегчением. А Ванька упёрся руками ей в живот. Она поняла, что держит его слишком крепко и отпустила. Посмотрела мальчику в лицо, волосы ему пригладила.

— Всё хорошо?

— Не знаю. Я же ничего не видел. Что там было, что за дяденьки? Они нас фотографировали?

— Да, нас.

— Зачем?

— Потому что это их работа.

— Странная работа.

Алёна в задумчивости кивнула.

— Очень.

Павел встречал их у крыльца. Алёна опасалась, что он успел разозлиться, ведь его совсем не вдохновила её идея свозить Ваньку в магазин, и вот к чему это всё привело. Но Павел казался больше обеспокоенным, чем злым. Она первой из машины вышла, взглянула виновато, но он только в лицо её взглядеться успел, потом протянул руки к сыну, который выпрыгнул из автомобиля. А так, как Ваня обладал детской любознательностью, то его испуг уже успел пройти, и он принялся рассказывать отцу про то, что с ними произошло. Правда, на «плохих дяденек» у него ушло всего одно предложение, зато на магазин, собаку, рыбу и кота он готов был потратить минимум полчаса.

— Папа, меня угощали ягодками! И мы домой купили, вкусные! А дяденька торгует рыбой,

совсем такой, как мы поймали. Только у нас она в пруду живёт, а он её зачем-то продаёт. Ты знаешь зачем?

Павел поудобнее сына перехватил, притянул его голову ближе и поцеловал в щёку.

— Наверное, это его работа.

— И мы кормили кота! Он потом дал себя погладить!

— Здорово. Альбина Петровна! — Напряжение всё-таки дало о себе знать, и Павел крикнул громче, чем было необходимо. Особенно, если учесть тот факт, что домоправительница оказалась прямо за его спиной, и Костров даже на пятках от неожиданности крутнулся, поворачиваясь к ней. Сына на пол опустил. — Отведите Ваню в детскую. Пусть... — Рукой неопределённо махнул. — В общем, вы знаете.

— Пусть умоется и переоденет футболку, — рискнула вставить Алёна своё слово. Альбина Петровна наградила её тяжёлым взглядом, но кивнула.

Они поднялись по лестнице, в гостиной всё это время царила тишина. Алёна осторожно на Павла смотрела, не зная, точнее, опасаясь того, что можно было от него ожидать в подобной ситуации. Вадим ещё появился из кабинета и сообщил:

— Четыре машины.

— Чёрт.

Алёна устало опустилась на подлокотник дивана.

— Это Тарас, — сказала она.

Павел на неё посмотрел.

— Ты его видела?

Она кивнула, после чего невесело усмехнулась.

— Он даже поговорить со мной пытался. Я ему в глаза сказала, что это он их на усадьбу вывел, он даже отрицать ничего не стал.

— Сукин сын, а. Ему славы захотелось? Он её огребёт, по полной программе.

Тон был откровенно угрожающим, Павел сделал глубокий вдох, и по нему было заметно, что он в данную минуту принимает решения. Именно, решения, во множественном числе. Они шли списком, на каждое не более пары секунд.

— Они теперь осаду устроят? — не удержалась Алёна от вопроса. — Они теперь знают, где ты, где Ваня...

— Ну, от ворот мы их погоним, — ответил Негожин. — Всю территорию будем контролировать, мышь не проскочит. Но зная эту свору, они в деревне лагерем встанут. А завтра их будет ещё больше.

Павел стоял посреди гостиной, уперев руки в бока, и тяжело дышал. Потом каменным голосом проговорил:

— Всех вон из усадьбы. — Никто ему не ответил, и тогда он повернулся к Негожину и рявкнул: — Всех вон! Рабочих, прислугу, чтобы никого не было!

Вадим только кивнул и ушёл, а Алёна осторожно выдохнула. Потом рискнула извиниться.

— Паша, прости. Не надо было ездить. Но я даже подумать не могла...

Он повернулся к ней, сначала просто смотрел, затем подошёл. Алёна казалась не на шутку расстроенной, и уж точно злиться на неё за то, что она, да и он сам, не могли предвидеть, было глупо. Поэтому Павел спросил:

— Ты испугалась?

Она качнула головой, глядя куда-то в сторону.

— Нет. Разозлилась.

Он коснулся её волос, пальцы прошли по заплетённой косе, потом он притянул её голову к своему животу. Алёна тут же обняла его за талию, щекой прижалась.

— Сколько мы выдержим осаду? — спросила она тихо.

— Сколько надо.

Потом Алёна сидела на перилах крыльца и наблюдала за тем, как разъезжаются люди. Строительство было спешно остановлено, стало тихо, непривычно тихо. Обслугу из дома увезли первыми на микроавтобусе, за ними выехал автобус с рабочими. Всем руководил Вадим, и Алёне почему-то казалось, что он едва ли не обыски проводит. Но скорее всего, он внушал людям, что от их болтливости многое зависит. Лично в их жизни.

И стало совсем тихо. Дома, на улице. Ни голосов, ни звуков работающих инструментов. Ни негромкого девичьего смеха в коридорах огромного дома. Только Альбина Петровна ходила неслышно и занималась своими делами. Но делала всё медленно, и Алёна поняла, что женщина тоже всерьёз расстроена. И поэтому перед обедом отправилась на кухню, на помощь. Альбина Петровна попыталась протестовать, но Алёна слушать её не стала.

— Ничего страшного, если Павел Андреевич некоторое время будет питаться, как простой смертный, — сказала она, заглядывая в холодильник. — Без смены блюд обойдётся. — Попыталась изобразить смешок. — С осадами, с ними так.

За её спиной хохотнул садовник. Он единственный, кто остался после того, как все остальные разъехались. Видимо, он был сам себе хозяин. Сам приезжал, сам уезжал, ответственно относился к работе. Крепкий на вид мужчина лет шестидесяти, его даже Ваня любил. Не раз ходил смотреть, как дядя Саша косит траву новомодной газонокосилкой.

— Да уж, — проговорил садовник, опустил на нос очки. Он уже довольно давно сидел у окна и зачем-то разбирал допотопный будильник. — Воевать, так воевать. Но делать это сподручнее на сытый желудок. Готовить кто будет, дамы?

Алёна с Альбиной Петровной кивнули одновременно, не сговариваясь.

— Я. — И переглянулись растеряно. Мужчина у окна ухмыльнулся.

— Это радует.

— Александр Максимович, кажется, вы сомневаетесь в моих способностях, — пожурила его Алёна. — Прокормимся. Единственное, что я первое варить не умею.

— Ну, самая первейшая еда. Как тебя так угораздило?

Александр Максимович был человеком добродушным, но несколько беспардонным, хотя Алёна считала это деревенской простотой. В этом доме уважительного «вы» от него удаивался только Павел.

— Да вот как-то. — Алёна решительно махнула рукой. — В общем, решено. Альбина Петровна будет варить суп, а я всё остальное. Будем жить скромно, но не голодно. По-моему, это меньшее из зол.

— А щи ты варить научись, Алёна, — крикнул Максимыч. — Как же тебя замуж брать, если ты щей не сваришь?

— Вы меня прямо застыдили. Придётся учиться.

Ванька тому, что она теперь готовит, удивился. Как проснулся, кинулся Алёну искать, а застав её жарящей котлеты, открыл рот. Потом принялся. Алёна мальчику задорно улыбнулась.

— Вкусно пахнет?

Ванька кивнул, влез на подоконник, набрал в ладошку чёрной смородины из блюда. Алёна ему ещё небольшой огурец протянула.

— Грызи.

— Теперь ты будешь варить кашу?

— Да, наверное. Некоторое время.

— А когда мы будем ходить гулять?

— Не думаю, что всё так плохо, — успокоила его Алёна. — Нас всего пятеро. Ну, и ещё

Максимыч. Не думаю, что придётся стоять у плиты целыми днями. Сейчас нажарю котлет, потом сырников. Альбина Петровна суп сварит, и два дня будем есть. — Она улыбнулась в сторону. — Интересно, как быстро твой папа заскучает.

— Папа крепче, чем некоторые думают, — услышала она за своей спиной. Обернулась, увидела Павла и улыбнулась уже ему.

— Подслушиваешь?

— Нет. Хватился вас. Куда, думаю, все подевались. — Он подошёл, заглянул Алёне за плечо, глянул на сковородку с котлетами, тоже принялся. Незаметно для ребёнка приобнял Алёну за талию. — Как давно я не видел, как ты готовишь.

— А как я мою посуду?

— И это тоже.

— Голодный?

Он головой качнул, всё-таки прижался губами к её волосам, всего на секунду, но у Алёны от сердца отлегло.

— Папа, смотри, я ем огурец!

Павел обернулся на сына, хмыкнул.

— Вкусно?

Ванька с энтузиазмом закивал.

— С ума сойти. Регина бы с ума сошла, ты огурец грызёшь. Кстати, она завтра приезжает, — сказал он. Для Алёны сказал, но у сына, для отвлечения внимания, поинтересовался: — Ты рад?

Ваня спрыгнул на пол, вскинул руки.

— Я покажу ей рыб в нашем пруду!

Алёна смотрела на скворчащие в масле котлеты и лихорадочно обдумывала полученную информацию. Регина Ковалец приезжает. Она с ней познакомится. Скажи ей кто об этом месяц назад, она бы точно, как Ванька от радости скакала. А вот сейчас на душу навалилась непонятная тяжесть. Точнее, это было беспокойство, от того, что она понятия не имеет, что же это означает.

На кухню прибежал Роско, процокал когтями по полу, заурчал, когда Павел наклонился к нему, чтобы погладить. Пальцы прошли по загривку, потом по бокам собаки, Роско от восторга заскулил и закрутил обрезанным хвостом. А Павел выпрямился, пошёл к холодильнику, чтобы собаку покормить, достал кусок мяса.

— Продуктов нам на сколько хватит?

Алёна даже обрадовалась нейтральной теме.

— Мы с Альбиной Петровной были в кладовой, на неделю точно.

— Вот и отлично.

— Думаешь, за это время всё успокоится?

— Надеюсь. Пока из усадьбы не выезжаем.

— А... Регина? Знаешь, — не выдержала всё-таки Алёна, — мне кажется, что сейчас совсем не время ей приезжать. Это только подстегнёт журналистов. И... всякие домыслы.

Павел кинул на неё насмешливый взгляд.

— Какие ты обороты находишь, я прямо поражён.

— Что, я лезу не в своё дело? — Всё-таки стало обидно. Говорила себе, что обида мимолётна и почти незаметна, но... Было неприятно. Да ещё Костров откровенно хмыкнул и сказал:

— В какой-то степени. Регине никто не может указывать. Сказала, что приедет, значит, приедет.

И, правда, она-то кто такая, чтобы что-то советовать или сомневаться в поступках Регины

Ковалец?

Но зачем-то она едет... спешно, плюнув на осаду журналистов...

Этим вечером была очередь Павла читать Ване на ночь. Алёна только зашла, поцеловала мальчика и оставила их одних. Спустилась вниз, вышла на крыльцо и присела на плетёный диванчик. Мебель поставили лишь пару дней назад, когда всё ещё было хорошо. Алёна уже представляла, как здорово будет вечером пить на крыльце чай, за аккуратным столиком со стеклянной поверхностью. А за эти два дня ни разу не присела на диванчик, и уж точно не нашла времени выпить чаю, в тишине и покое. А сейчас, оказавшись в полной тишине, почувствовала себя неуютно, и спокойствия в душе нет, как ни пытайся притворяться, даже перед самой собой.

На крыльцо вышла Альбина Петровна, постояла, ожидая, пока Алёна её заметит. Та, наконец, голову повернула, и домоправительница поинтересовалась:

— Вам ещё что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо. Отдыхайте, Альбина Петровна.

Женщина помедлила, затем продолжила:

— Я бы хотела завтра сама приготовить обед. Я знаю, что любит Регина Родионовна. Она совсем не ест мясо. И если не возражаете...

Алёна недовольным взглядом изучала округу.

— Конечно, я не возражаю.

Кто она такая, чтобы возражать? Она здесь, по сути, на тех же условиях, что и экономка.

Вскоре Павел появился. В доме и вокруг всё стихло, солнце село, и сумерки стали сгущаться. Алёна так и сидела на крыльце, вся в невесёлых мыслях, и даже не сразу Павла заметила. Он подсел к ней, ноги вытянул и тоже стал смотреть вдаль. Алёна кинула на него быстрый взгляд.

— Уснул?

Он кивнул. А ей вот не молчалось.

— Тихо так.

Костров снова кивнул. Потом руку на спинку дивана закинул, ладонь оказалась у Алёны на плече.

— Ты новости смотрел?

— Смотрел.

— И что там?

— Ты, правда, хочешь знать? — Он даже усмехнулся. А вот Алёна в расстройстве качнула головой. Павел посмотрел на неё. — Почему ты ничего мне не говоришь?

— О чём?

— Ты знаешь о чём. Ты весь день старательно избегаешь этой темы. Ты ограничилась фразой о том, что она Ваньку по имени ни разу не назвала. Этот вывод для тебя или для меня?

Алёна смотрела в сторону.

— А что ты хочешь услышать?

— Наверное, правду. Только не ври, что понимаешь. Чисто по-женски ты не можешь понимать. Женская солидарность по любому существует, и ты должна была усомниться. Это нормально, Алёна. Но ты молчишь.

— Я не знаю, что тебе сказать.

Он понимающе хмыкнул.

— Это уже ближе к истине.

— Ну, какой истине? — Алёна отодвинулась от него, зато повернулась лицом. — Нет никакой истины, тем более у меня. Откуда? Ты хочешь, чтобы я тебе это сказала в глаза? Что это

ужасно, забирать ребёнка у матери, вне зависимости от ситуации, что ты не должен был так поступать, что это бесчеловечно... Ты вот сейчас не смотришь на меня, а знаешь почему? Потому что ты сам всё это отлично знаешь, и ты сам себе это говорил, ведь так? Я тоже себе всё это сказала, всю ночь говорила. — Она голову опустила. А следующую фразу выдохнула со всей душой и сердцем: — Но я не верю ей. Может, я не права, наверное, я жестокая. Пусть меня в этом вся страна обвинит. И я, вообще, в этой ситуации ничего не понимаю и ничего не знаю, я чужой человек, но... Я как представляю, что она придет, обнимет его, будет с ним разговаривать... подарки дарить... — Алёна неожиданно носом шмыгнула. — В общем, я плохой человек.

Павел даже не подумал её переубедить. Выслушал, осторожно вытянул больную ногу, потёр её, а после недолгого молчания сказал:

— В чём ты не права, так это в том, что я себя ругал за содеянное. Не ругал и не жалел, что так поступил. Я правильно сделал, я скажу это прокурору, если понадобится. Вот только я ребёнка не крал и силой не забирал. У нас был уговор, который мы оба выполнили в полной мере. Жаль, что письменного нет, но это фактически была бы продажа ребёнка, поэтому я вот так сплеховал. Так что, я тоже плохой человек. Наверное. Так что не переживай.

— Ты не был на ней женат?

— С ума сошла совсем? Мне что, семнадцать, чтобы я на подобных свиристелках женился? Хотя, что скрывать, это было Иркиной целью, выйти за меня замуж. Уж очень не хотелось терять добычу, вот и забеременела. Думала, я тут же помчусь кольцо ей покупать. — Костров практически плюнул. — Дура. Жадная дура. Условия мне ставить надумала: хочешь ребёнка — женись, иначе аборт сделаю.

— И ты её запер, — догадалась Алёна.

Павел подбородок почесал, как Алёне показалось, в некотором смущении.

— Ну... было такое.

— Паша, у тебя какая-то мания похищать людей.

Он повернулся к ней, потом по носу щёлкнул.

— Молчи, женщина.

Алёна печально улыбнулась, и после этого уже взяла его под руку, к крепкому плечу привалилась.

— Что дальше было?

— Сама, наверное, догадываешься. Она родила, я получил сына, а она кругленькую сумму, в обмен за отказ от ребёнка.

— И что?

— Что? — не понял он.

— Ну, хотя бы то, что у тебя в телефоне её фотография!

Павел выдохнул, надув щёки, старался казаться возмущённым.

— Алён...

— Что? И не надо говорить, что этой фотографии несколько лет. Это даже не слишком удачное оправдание. К тому же, я знаю, что это не так.

— Это откуда? — хмыкнул Костров.

— Просто знаю и всё.

— Ясно, женские штучки.

— Иногда мне хочется тебя укусить, честно.

Он выдохнул со смешком, потом за плечи её обнял. Алёна попыталась его оттолкнуть, но если Паша этого не хотел, то сделать это было практически невозможно. Рука тяжёлая, крепкая, сжала её плечи и притиснула к себе. И Алёна, в конце концов, сдалась. Правда, едко напомнила:

— Ты так и не ответил.

Костров глаза закатил, но всё же проговорил:

— Она время от времени напоминает о себе. Желания встретиться с Ванькой пока не возникало, но манипулировать фактом своего материнства Ирка любит. Особенно, когда оказывается на мели. Эта фотография была как раз из разряда манипуляций. Вот и всё.

Алёна молчала. Выслушала его объяснения и даже не стала отстраняться, когда он решил её в щёку поцеловать. И постаралась не показать того, что эти оправдания её не удовлетворили.

Значит, эта особа ему о себе напоминает. С какой целью объяснять никому не надо, она посылает ему провокационные фото, где вся грудь наружу, а в глазах откровенный призыв, а он... он снимок не удаляет. Замечательно. И называется всё это «манипуляция». Вот кому он врёт?

Сглотнула, минуту смотрела в сторону, позволив себе посидеть, прижавшись к любимому мужчине. Переживала в себе неприятное открытие, но быстро пришла к выводу, что делать этого не стоит, лучше подумать о чём-то более серьёзном.

— Почему она пошла на телевидение?

Павел рассеянно поводил пальцем по её плечу.

— Насколько я понимаю, положение у неё сложное. Она, на самом деле, в последний год жила за счёт моего отца.

Алёна нахмурилась.

— Она с ним... — начала она неловко, а Павел плечом дёрнул.

— Не знаю, и знать не хочу. Да и роли это никакой не играет. Но мой отец любил прикармливать врагов своих врагов, поэтому я не удивлён факту их, так скажем, дружбы.

— А ты был его врагом?

— Иногда так казалось. У нас всегда были... сложные отношения.

Алёна голову закинула, чтобы в лицо ему посмотреть, сказала:

— Это не смешно, не улыбайся.

— Ладно, буду серьёзен. — Его рука вновь погладила её плечо. — Деньги портят людей, солнце. Даже близких родственников. Отец считал, что я всем обязан ему. — Павел усмехнулся. — Возможно. Когда я переехал в Москву, он... давал мне крупные суммы денег. Он должен был как-то деньги отмывать, а тут родной сын. В общем, я брал и раскручивал бизнес. Отец считал, что это всё, до последней копейки, принадлежит ему. Я отлично понимал, к чему всё идёт, и в какой-то момент вернул ему всё вложенное. С процентами. Остался с пустыми карманами, но с бизнесом. И без отца. У нас и так отношения были никакие, а после этого он посчитал, что я неблагодарный сукин сын. Так и сказал. За что получил по морде.

— Ты ударил отца?

— Я ударил его один раз в жизни, за мать. Ему этого хватило. Папа у меня из той категории людей, которые предпочитают вершить судьбы издалека. Чтобы не было возможности кулаком до их физиономии дотянуться. Удивляюсь, как Регина его не раскусила, у неё интуиция, как у волчицы. А вот поди ж ты, повелась на обаятельную улыбку и обещания. Хотя, Регина — это лучшее, что могло произойти в жизни моего отца. Всеми остальными он манипулировал, а её побаивался. Наверное, поэтому они столько лет и прожили, возможно, он даже любил её. Я в это почти верю, особенно, когда смотрю на неё.

Алёна зубами скрипнула, но Павел явно не услышал или не проникся её возмущением. Продолжил:

— Поэтому их дружба с Иркой меня не удивила нисколько. Ей нужен был спонсор, а ему... Чёрт знает, наверное, держал её возле себя на всякий случай, чтобы в удобный момент против меня использовать. Кто знает, может, это его план со скандалом, а она только воспользовалась

последней волей покойного. Терять-то ей теперь нечего.

— А если она на самом деле пойдёт в суд?

— Пусть попробует. Она моего сына даже на руках ни разу не держала. Она ему не мать, — безапелляционно проговорил он.

— Это не главное, — вздохнула Алёна.

— Да?

— Ване нужна мать, — сказала она. — Очень нужна, Паша.

Он помолчал, разглядывал Алёну, пока она не замечала. После чего кивнул.

— Я знаю.

Долго не спали. Павлу, без сомнения, было о чём подумать. Он всё больше молчал, правда, особой тревоги или злости на его лице, которую Алёна наблюдала днём, не было. Днём Павел взорвался, он был вне себя, и кричал так, как Алёна ещё не слышала. Она даже испугалась в какой-то момент, не за себя, а за него. Ведь каким он бывает в настоящем гневе, она ещё не знает. На ощупь идёт, прощупывает и внимательно присматривается к нему, запоминает привычки и пристрастия. А что ещё остаётся? Говорить по душам Костров не любитель. А она должна знать, должна чувствовать его настроение и предугадывать желания... Дуся вчера сказала, что вот ей такое не присуще, мужчине в глаза заглядывать. Мужчину надо в тонусе держать, чтобы он ценил и боялся, что она взгляд на кого другого переведёт.

— А ты в мать, — сказала Дуся, что заставило Алёну вздохнуть. Тётке говорить ничего в ответ не стала, и спорить не стала, но подумала кое-что нехорошее... наверное, нехорошее, но после Дусиных слов в душе всё равно поднялось сопротивление, и Алёна подумала о том, что посмотреть на кого-то другого, даже ради того, чтобы проверить теорию Дуси, у неё не получится. Ну, где, кого она ещё найдёт, чтобы посмотреть так, как на него? Это будет жалкая попытка, которая только посмешит. И его, и её.

Хотя, Павла, может, и не посмешит. Алёна замечала его задумчивые взгляды, он присматривался к ней, и её это тревожило. Оставалось только гадать, что у него на уме. Алёне не раз хотелось подойти к нему, запросто, обнять, поцеловать, просто потому, что хочется, но осмеливалась это сделать далеко не всегда. Пугалась того, что её простота и порывы покажутся ему глупыми или наивными. Она всё ещё не знала, как правильно к нему подступить и в какой момент. А хотелось бы узнать, очень бы хотелось, до дрожи. И когда возможность появлялась, Алёна готова была сидеть рядом с ним ночь напролёт, даже если молчали при этом. И когда его мысли были заняты не ею, она почему-то всегда это чувствовала. Правда, сегодня Павел её удивил, причём неприятно. Время уже за полночь ушло, они лежали в темноте, молчали. В окно луна заглядывала, Алёна в её тусклом свете Павла разглядывала. Он лежал, устроив голову у неё на груди, а Алёна обнимала его. Сверху разглядывала его лицо, поймала себя на мысли, что совершенно не замечает неровности от шрамов на его щеке. Просто перестала замечать, сама не знает когда именно, и всё. Павел тщательно никогда не брился, особенно дома, наверное, где-то в глубине души всё же комплексовал, но искренне считал подобную мнительность слабостью и не отвлекался на это. А Алёна смотрела и не видела, только сейчас щёки его ладонями обхватила, наклонилась к нему и поцеловала. Правда, в нос, до губ не дотянулась. А Павел вздохнул, ладонь скользнула по её голой ноге, которая практически обнимала его за талию. А Костров взял и сказал:

— Алёнка. — Он раньше никогда её так не называл. Как шоколадку. — Я ведь тебе не нужен.

Алёна, за удивлением, неожиданно поняла, что подсознательно давно ожидала от него чего-то подобного. Вопросы, разговора, намёка. Сглотнула, волосы с его лба отвела.

— Нужен, — ответила она твёрдо. Или это упрямство было?

Павел голову закинул, чтобы ей в лицо заглянуть.

— Старый я для тебя.

От его тона как-то не получалось свести всё к шутке. И даже улыбнуться не получалось, Алёна понимала, что он серьёзен как никогда. И одно неверное слово — её или его, и ничего уже не вернёшь. Даже к этой минуте не вернёшь.

— Я циник, причём злопамятный. Прощать не умею, и чуткости во мне ни на грош нет. А

тебя, солнышко, любить надо.

Интересно, он чувствует, как у неё сердце колотится, и вздохнуть у неё никак не получается? Наверняка чувствует. Но ему её не жалко.

Алёна с трудом сглотнула. Горло перехватило спазмом, а глаза уже защипали горячие слёзы, а она знала, что поднять руку и вытереть их, ещё надо решиться.

— А что хуже, что злопамятный сухарь или что старый? — проговорила она сдержанно.

Он усмехнулся. Снова её погладил.

— Мальщ, не обижайся. Я ведь серьёзные вещи тебе говорю. Ты сама спохватишься.

Она снова наклонилась к его лицу.

— Это ты мне так отставку даёшь? Мне завтра уехать?

— Ну, перестань. — Павел сел, отодвинулся от неё, а Алёна сразу на себя одеяло натянула. Потом всё-таки зло вытерла слёзы, отвернулась. Он потянул её к себе. Алёна в сердцах оттолкнуть его хотела, но он легко с ней справился, обнял. Уткнулся носом ей в щёку, подышал тяжело. Попросил:

— Перестань слёзы лить. Чего ты?

— А ты чего? — обиженно переспросила она.

— Я же обязан тебя предупредить. Во что ты ввязываешься. Тебе мало неприятностей?

Она молчала, только носом шмыгнула.

— Паша...

— Алён, — его голос снова стал серьёзным. — Я не знаю, чем всё закончится. Но не жду, что чем-то хорошим. Меня наизнанку вывернут, всю мою жизнь, обсудят и кости перемоют. Ну, зачем тебе это? Ты же не глупая девочка, должна сама понимать, во что ввязываешься. А я точно не твоя мечта.

— Вот откуда ты это знаешь?

Он невесело хмыкнул.

— А что, ты мечтала об угрюмом, хромом принце с поцарапанной рожей?

Алёна снова слёзы утёрла.

— К твоему сведению, да. Я «Анжелику» три раза читала.

Костров помолчал, подёргал себя за ухо. Затем признался:

— Я не знаю о чём ты.

— Я тебе расскажу, — с готовностью согласилась она. — Там главный герой, граф Жофрей де Пейрак, он...

— Всё, — торопливо перебил её Павел, — дальше не рассказывай. Меня только имя убило.

Алёна на насмешку в его голосе внимания не обратила, повернулась и, дуря от собственной смелости, спросила:

— Я тебе нужна?

Павел смятённо выдохнул.

— Я тебе разве об этом?

— А я тебе об этом! Я же не спрашиваю тебя, любишь ты меня или нет. Но если я тебе нужна, просто нужна, не отталкивай меня. Паша, пожалуйста. — Она глаза закрыла, прижалась лбом к его лбу. Он её обнял, коснулся губами её губ, потом слёзы ей вытер.

— Хватит реветь, — попросил он. И тут же посетовал: — Говорить с тобой невозможно. Я о тебе, дурочке, думаю, а ты?

Алёна всхлипнула.

— А я о тебе.

— Вон оно как... — Павел по спине её погладил, потом назад, на подушки повалился, увлекая Алёну за собой. Она его обняла, прижалась щекой к его плечу. Напряжение начало

отпускать, кажется, опасный момент был пройден. Правда, Павел всё-таки добавил:

— Ты даже не представляешь, что может начаться.

— Мне всё равно, — убеждённо проговорила она. Глаза закрыла. — Когда-нибудь это всё закончится, им надоест.

Его ладонь так и гладила её по спине, неторопливо поднималась, потом спускалась на ягодицы и там замирала на какое-то время. А другая рука коснулась её волос, пальцы запутались в них, Алёна голову повернула и ответила на горячий поцелуй. Приподнялась над ним, волнистые волосы упали Павлу на лицо, а Алёна проговорила ему в губы:

— И никогда мне больше этого не говори. Что ты старый и некрасивый. Это не работает, Паша.

Он, кажется, улыбнулся. Прикусил зубами её нижнюю губу. И согласился.

— Хорошо. Придумаю что-нибудь ещё.

Алёна только недоверчиво фыркнула. Как Костров не верил в собственную душевность, так она не верила в его богатое воображение. Поэтому волноваться по этому поводу особо не собиралась. Что он ещё придумать может? Что портит ей репутацию?

Кстати, именно этим сейчас и занимается. Берёт и портит.

Страшно подумать, сколько было необходимо работников, чтобы контролировать весь дом и территорию. До вчерашнего дня в доме постоянно жили три девушки, занимающиеся уборкой и помогающие на кухне, кухарка и Альбина Петровна. Приезжал Максимыч и время от времени ему на помощь из соседнего городка прибывал мастер на все руки, он занимался электрикой, сантехникой, что-то подколачивал и подпиливал. И казалось, что дом бурлит. А сейчас было тихо и пусто. А в подвальном помещении, где располагались прачечная, гладильная комната и другие подсобные помещения, попросту неуютно. Ведь в доме сейчас всего одно жилое крыло, другая половина дома стоит закрытой, до неё ни у кого руки не доходят. Торопливо загрузив стиральную машину детскими вещами, Алёна поднялась наверх, невольно поёжившись от дискомфорта.

— Что с тобой?

Она оглянулась на голос Павла, рукой махнула.

— Там в коридоре лампочка перегорела, неприятно как-то.

Негожин, устроившийся за антикварным столиком в гостиной с ноутбуком, не удержался и хохотнул.

— Привидений боишься? Зря, бояться надо живых. Вот они — звери. В большей своей части.

— Замечательно начинается утро, — вздохнула Алёна. Подошла к Кострову, а когда тот к ней наклонился, вместо того, чтобы поцеловать, спросила: — Что происходит?

— Ничего. Только ток-шоу уже у нас под дверью.

Она его всё-таки поцеловала, но его слова о ток-шоу расстроили, и Алёна подошла к Вадиму, посмотрела на экран ноутбука. На нём было чёрно-белое, не слишком чёткое изображение, видимо, с камер слежения.

— Сколько их?

— Пока меньше, чем предполагалось, но больше, чем хотелось бы. Определённо.

Алёна руки на груди сложила, продолжая смотреть на экран.

— Но это ведь глупо, стоять там. Они ждут, что ты выйдешь и ответишь на вопросы?

Павел ей не ответил, зато Негожин съехидничал:

— Да, кто поумнее дырки в заборе ищет. Беспардонно лезут... в чужую жизнь.

Алёна устремила на него убийственный взгляд, но Вадим намеренно на неё не обернулся. Зато Костров усмехнулся.

— Хватит вам.

Алёна заставила себя выдохнуть. Ещё секунду сверлила затылок Негожина пристальным взглядом, после чего пошла на кухню, помогать Альбине Петровне с завтраком.

На кухне негромко бубнил телевизор. Шёл выпуск новостей, и под его аккомпанемент совсем не хотелось желать никому доброго утра. Поэтому Алёна лишь поздоровалась и взялась за приготовление омлета. Диктор в студии говорил о событиях в мире, потом об изменении в законодательстве, что должны вступить в силу через несколько дней, а потом, когда Алёна уже готова была перевести дух, показали знакомые ворота. И молоденькая журналистка бодрым голосом принялась рассказывать о том, что так и не удалось доподлинно установить, здесь ли в данный момент находится Павел Костров с сыном.

— Охрана отказывается общаться, и на территорию усадьбы никого постороннего не допускают, — сообщила она. — Усадьба «Марьяново» является частным владением Павла Кострова. Она была приобретена Андреем Костровым в 2010 году, по решению местной комиссии, и факт её передачи сыну Кострова является ещё одним неоспоримым фактом связи Павла с деятельностью отца. Следственный комитет занимается проверкой всей деятельности Костровых, и законности сделок и приобретения имущества. Мы будем держать вас в курсе.

Алёна в сердцах отложила нож и постояла минуту, глядя в окно. Очень хотелось что-нибудь сказать или даже выругаться, но за спиной была Альбина Петровна, с привычным для неё бесстрастным выражением на лице, и Алёна сдержалась.

Приготовление завтрака заняло около получаса, и за этим занятием Алёна отвлеклась от Вани, была уверена, что он давно встал с постели и спустился. Она успела разбудить ребёнка, прежде чем занялась домашними делами, отправила умываться и даже одежду чистую ему приготовила. Ваня был достаточно самостоятельным, чтобы не контролировать каждый его шаг, и Алёна не беспокоилась, уверенная, что мальчик занимается чем-то важным. И только когда накрывала на стол, услышала топот по лестнице, возню, а потом Ваня крикнул:

— Роско, иди сюда! — и Алёна, привлечённая шумом, из столовой выглянула. При этом едва не была сбита с ног собакой. Роско сбежал по лестнице, странно фыркал и мотал головой, а Ваня стоял наверху и призывал его вернуться. Потом даже ногой топнул.

— Роско!

Павел тоже из кабинета выглянул.

— Что за шум? — На сына посмотрел. — Ты почему ещё не одет?

— Папа, я умываюсь! — Ваня продемонстрировал ему зубную щётку, что держал в руке.

— Ты должен был умыться ещё полчаса назад, — удивилась Алёна. — Чем ты занимался?

Она посмотрела на Роско, который всё ещё фыркал и даже чихнул. Павел тоже на него внимание обратил, кинул на сына подозрительный взгляд.

— Иван, тебе вопрос задали. Что натворил?

Мальчик тут же обиделся.

— Да ничего я не творил! Мы с Роско умывались, вот! И зубы чистили!

Алёна ахнула.

— Ты чистил Роско зубы? Своей щёткой?

— Но ты же говоришь, что их обязательно надо чистить!

Павел потёр рот, Алёна уверена была, что улыбку скрывал, потом к собаке наклонился. Взял Роско за ошейник и повёл того на улицу, смывать с морды зубную пасту, а Алёна поспешила подняться к ребёнку. Взяла мальчика за руку, а щётку отобрала.

— Ваня, это же собака. Нельзя чистить ему зубы своей щёткой, так никто не делает.

— Значит, у него должна быть своя щётка. Как-то их надо чистить.

— Этим занимается папа. Если ты хочешь узнать, как заботиться о Роско, надо спросить у него, он тебе всё расскажет. Ты сам зубы чистил?

— Да.

— Покажи.

Ванька раздвинул губы, потом даже язык ей показал.

— Молодец, — похвалила его Алёна, выбросила щётку с головой тигра на ручке в мусор. — Одевайся и бегом за стол.

Но всё равно день был наполнен ожиданием. И не только новостей, но и приезда Регины. Вслух об этом не говорилось, Алёна лишь краем уха успела услышать разговор между Павлом и Вадимом, последний уверял, что всё пройдёт чётко, и никакие журналисты не помеха, даже если те строем выстроятся. Павел, кажется, остался доволен услышанным. Он ждал мачеху, несомненно ждал. Алёна приглядывалась к нему украдкой, замечала, как он на часы поглядывает и то и дело о чём-то задумывается. Возможно даже о том, как представит и объяснит её присутствие в своём доме.

И, правда, интересно, что он скажет?

Альбина Петровна занималась обедом, и, кажется, всерьёз решила поразить дорогую гостью. Алёна ей не мешала, прошлась по комнатам, убрала постели, потом уговорила Ваню собрать с пола игрушки и конструктор. Тот особо сопротивляться не стал, и под просмотр мультика, они навели в детской порядок. Потом Алёна и к мальчику присмотрелась. На её взгляд он был одет вполне прилично, как раз для дачной жизни. Чистые шорты, новая футболка, даже причёсан аккуратно. И в какой-то момент она поймала себя на мысли, что подсознательно боится приезда мачехи Павла. Получается так, что она в какой-то степени ответственна за то, что происходит в доме в последние недели. А вдруг она упустила из виду что-то важное и непростительное, и Регине тут же бросится это в глаза? И тогда на Алёну она станет смотреть иначе, а та этого даже не поймёт.

Пыль, что ли, протереть?

Регина приехала ближе к обеду. Алёна из комнаты охраны наблюдала на экране, как машины проезжали через ворота. Кажется, за кортежем Регины приехали ещё журналисты. Это было смешно и странно наблюдать, и всерьёз почему-то не воспринималось. Будто кино, непонятное авторское чёрно-белое кино.

— Ваня, — услышала она голос Павла из гостиной, — Регина приехала! Иди, встречай!

На лестнице послышался топот детских ног, Алёна помедлила за дверью, смиряя недовольство в душе. Все радовались приезду Регины, а она понятия не имела, как себя вести.

Регина Ковалец оказалась ещё изящнее и красивее, чем выглядела на экране. Алёна стояла на крыльце, чуть в стороне ото всех, и наблюдала. Наблюдала, как Ваня подпрыгивает от радости и нетерпения на ступенях крыльца, ожидая, когда машины остановятся. Наблюдала за Павлом, который не сводил глаз с дороги, казался расслабленным и даже улыбался. Он улыбался! А потом Регина вышла из машины, и странно, что не послышалось восторженных вздохов со всех сторон. Обычно слышались, а сегодня было мало зрителей. А она вышла, красивая и белокурая, и совсем молодая. Назвать её женщиной, перешагнувшей пятидесятилетний рубеж, казалось кощунством. Свежа и молода. Наверное, она продала душу дьяволу, как в фильме. Ну, не могут реальные земные женщины так выглядеть.

— Регина! — Ванька бросился по ступеням вниз и угодил в её объятия. Регина присела на корточки, прижала мальчика к себе, потом окинула его внимательным взглядом. А Алёна про себя торжественно проговорила: «Новая футболка, новая футболка! Без единого пятнышка!». По крайней мере, полчаса назад было именно так.

— Как ты вырос! Я прямо в растерянности, Ваня.

Ванька довольно улыбнулся, потом спросил:

— Что ты мне привезла?

— А тебе бы только что-нибудь привезли, — заворчал на сына Павел. Тоже спустился, и Алёна с настороженностью наблюдала, как он мачеху обнимает. Регина едва до плеча ему доставала, и рядом с ним казалась девочкой. А Павел её обнял, со всей душевностью, потом сына от земли поднял, зажал под мышкой, чтобы тот не вис на дорогой гостье.

— Как поездка? — спросил он с явным намёком.

Регина сделала глубокий вдох, огляделась, после чего стала подниматься по ступеням крыльца.

— Сам знаешь, ничего хорошего. Паша, я очень недовольна, — сказала она, словно была недовольна именно его поведением.

— Догадываюсь.

Поднявшись на крыльцо, он сына поставил на ноги, а взглядом нашёл Алёну. Посмотрел, но ничего не сказал.

— Не при Ване будет сказано, но Москва гудит. И мне это не нравится. — Регина, продолжая обмениваться с пасынком обеспокоенным взглядом, притянула к себе Ваню и погладила того по волосам. — Я привезла тебе мультфильмы на английском. Скажи мне, папа ведь и думать забыл, что тебе нужно учить язык?

Павел глаза закатил, а Ваня только плечами пожал, абсолютно безразлично. А Регина сокрушённо кивнула.

— Я так и думала. Осенью все дети в саду будут болтать по-английски, а ты?

— А он по-русски, — ответил Павел, — и поверь, переговорить его будет трудно.

— Ты по мне соскучился?

Ваня обхватил её руками.

— Да!

Регина улыбнулась.

— Наш мальчик. Я тоже очень соскучилась. В Москву хочешь?

Ваня призадумался, потом головой помотал.

— Нет. Мне здесь нравится.

— Пойдёмте в дом. — Павел указал на распахнутые двери, пропустил Регину с сыном вперёд, а сам остановился, глядя на Алёну. Усмехнулся и кивком предложил ей последовать за ними. Она посверлила его взглядом и прошла в дом.

Как раз застала момент, когда Альбина Петровна, улыбаясь, приветствовала Регину.

А та приветливо поинтересовалась:

— Как вы тут? Освоились после Москвы, привыкли?

— Да, всё замечательно, — расцвела Альбина Петровна. — Такая тишина, красота вокруг. И Ване очень нравится, да, Ванечка?

— Да, мы гулять ходим. И за ягодами!

— За ягодами? — Регина притворно ахнула, оглядела гостиную, свою безумно дорогую сумочку положила на кресло.

— Да, Алёна все-все ягоды в лесу знает!

— Алёна?

Регина обернулась и, наконец, нашла её взглядом. На мгновение прищурилась, разглядывая её, после чего вежливо кивнула. Очень сдержанно, но вежливо, а Алёна в некоторой панике решила, что ей надо её опередить и поздороваться первой. Что и сделала, и даже улыбнулась.

— Очень приятно, Регина Родионовна, я... много о вас слышала... и читала.

Костров за её плечом негромко хмыкнул. Алёна не удержалась, обернулась и наградила его предостерегающим взглядом. Павел тут же поджал губы.

А Регина вдруг сказала:

— Ах да, девушка с фотографии.
Алёна тут же развернулась к ней.

Переспросила:

— С какой фотографии?

— А вы не знали? Вы на первой полосе. — Регина достала из сумки газету и протянула им.

Павел газету развернул, Алёна заглянула в неё, и первые полминуты в ступоре разглядывала себя с Ванькой на руках. Тот повис на ней, обхватил руками и ногами, и лицо Алёны было не рассмотреть, но сам факт... Самое главное, что смысл снимка был очевиден: она прятала от журналистов ребёнка.

Павел посмотрел на неё, она на него, и единственное, что пришло Алёне в голову: не работать ей больше журналистом, она против своих пошла.

— Что там про меня написано? — Она забрала у Павла газету, присела в кресло и открыла нужную страницу.

Регина наблюдала за ней, потом на Павла, пока Алёна отвлеклась, бросила красноречивый взгляд. Тот же только недовольно отмахнулся.

— Да, — констатировала Регина, — мы все попали в весьма неприятную ситуацию.

— Давай поговорим об этом позже, — прервал её Костров. — Хоть дух переведи. Альбина Петровна, проводите Регину в мою комнату.

Ванька подошёл, повис у Алёны на плече, заглядывая в газету.

— Что там написано?

Алёна страницу перевернула, пробежала глазами оставшийся текст.

— Про одного дяденьку, — сказала она ребёнку, при этом бросая особый взгляд на его отца, — предателя.

— Предателя? — Ваня глаза на неё вытаращил. — Значит, он плохой?

— Уж точно не хороший.

Павел снова газету у неё забрал.

— Тарас?

Алёна мальчику улыбнулась.

— Иди, позови Роско с крыльца. Он загулял где-то. — Ваня кивнул и умчался, а Алёна рассерженно выдохнула. — Это без сомнения он статью состряпал. Моё имя, моя должность, а ещё сляпанная им история про наше с тобой знакомство. Что я, якобы, специально сбивала коллег с твоего следа. Что за бред?

— Вполне вписывающийся в факт твоего появления в усадьбе.

— Больше мне журналистом не работать, — озвучила она свои мысли.

— Я его на наших воротах за ноги повешу.

— Не вздумай! — Алёна даже вскочила. — Ещё не хватало с Артюховым связываться. Он тогда ещё не то напишет!

— Не напишет, без рук не пишут, — зловеще проговорил Костров, а Алёна на него шикнула:

— Паша!

Он лишь отмахнулся в раздражении.

— Ладно... Мы обедать будем?

— Будем. — Пришлось заставить себя сделать глубокий вдох. — Пойду, помогу Альбине Петровне накрыть на стол.

С обедом экономка расстаралась. Алёна была искренне удивлена тому, как Альбина Петровна всё в одиночку успела. Ей осталось только на стол накрыть, и то, Альбина Петровна прибежала и принялась что-то переставлять и докладывать столовые приборы. Надо сказать, что до этого они за столом вполне обходились минимумом из них, а тут полный комплект, причём

его достали из ящика буфета, чистое серебро в специальной коробке с замком. Это уже казалось смешным. Алёне, а не Альбине Петровне, поэтому Алёна ничего ей не сказала. В конце концов, домоправительнице лучше знать, как ублажать хозяев.

— Паша, с домом работы ещё не початый край. И мебель... С ней нужно что-то делать.

Алёна слышала бодрый голос Регины из гостиной. Слышала, но предпочла остаться в столовой.

— Регина, ещё рано что-то делать, — отозвался Павел, в голосе слышались ленивые нотки. — Сначала надо ремонт закончить.

— А тебя не смущает, что этому креслу сто лет?

— Нет. Оно даже не качается. Умели ведь делать.

— Ясно. — Регина показательно вздохнула. — Думаю, про паркет и разговор заводить не стоит.

— Меня всё устраивает. К тому же, ты слышала последние новости? Нам грозят конфискацией имущества. Ты к этому готова?

Алёна вся превратилась в слух, стараясь не обращать внимания на всколыхнувшуюся в душе обиду: ей он этого не говорил, и с ней подобным не делился.

А Регина сказала:

— Я даже обсуждать это не хочу.

Павел усмехнулся.

— Хотя, думаю, что тебя пощадят. Ты у нас всё-таки заслуженная, народная... кто ещё?

— Я для этой страны сделала всё, что могла и даже больше. И думаю, достойна чего-то другого, а не конфискации имущества.

— Это без сомнения.

— А ты?

— Что?

— Обеспокоен?

— Угрозами оставить меня без штанов? Не слишком.

Алёна услышала стук каблуков по паркету, Регина прошла по гостиной. А Алёна про себя посетовала, что жизнь в усадьбе её совсем расслабила, и она думать забыла, что такое каблуки. Даже не одних приличных туфель сюда не привезла. Может, надо было? Её шорты, футболки и сандалии явно не идут с нарядами Регины ни в какое сравнение.

И будто в продолжение своих мыслей, она услышала её слова, и тон показался Алёне особым, проникновенным:

— А ты хорошо выглядишь.

Костров насмешливо хмыкнул.

— Серьёзно?

— Да. Видимо, свежий воздух пошёл тебе на пользу.

— Да, с воздухом тут проблем нет. Пойдём к столу?

Услышав это, Алёна вскочила, схватила с буфета тарелку с хлебом, и когда Павел и Регина появились в столовой, она сделала вид, что только что зашла со стороны кухни. Даже сумела выдать улыбку.

— Где Ваня?

— Сейчас найду его, — кивнул Павел и снова вышел.

Регина оглядела столовую, провела рукой по антикварному, немного потерявшему свой вид, буфету, потом на шторы внимание обратила. Алёна читала на её лице неодобрение, наверное, по мнению Регины, в доме всё должно быть с иголочки. А вот Алёне и так всё нравилось. И старая, антикварная мебель придавала дому особый колорит, здесь не чувствовалось течения времени.

— Алёна, мы с вами так и не были представлены друг другу, как полагается. У Паши с этим проблемы. — Регина подошла и протянула ей руку.

Руку, очень тонкую, изящную, с безупречным маникюром, Алёна осторожно пожала. Затем переспросила:

— С чем, с воспитанием?

Губы Регина тронула улыбка.

— С учтивостью. А вы давно здесь?

— Почти три недели.

— Давно. Не заскучали?

— Нет. Это сегодня здесь тихо. Вчера, после случившегося... Паша... Павел Андреевич всех выгнал.

— Выгнал?

— Да. Обслугу, рабочих. В общем, всех. Остались только мы и Альбина Петровна. И охрана. Регина казалась немного обескураженной.

— И как вы намерены справляться?

Алёна бодро улыбнулась.

— Как-нибудь. Больше половины дома закрыто, людей мало. Справимся.

— Очень любопытно.

В столовой появился Павел, Ваню он за руку вёл, а Алёна, взглянув на ребёнка, пока Регина не видела, в отчаянии зажмурилась. Новая футболка на животе окрасилась травянисто-зелёными пятнами. Ванька явно вытер об неё руки.

— Руки мы помыли, — объявил Костров, — а вот переодеться не успели. Садись за стол, ботаник.

— Хочу кушать, — согласился Ванька, — но не суп!

Своё место за столом Алёна уступила Регине. Решила, что той правильнее будет сесть рядом с пасынком. Сама же села рядом с Ваней. Тот активно отказывался от овощного супа, а Алёна его вполголоса уговаривала, пока Павел и Регина говорили о доме. А потом Регина спросила про футболку.

— Где ты испачкался?

— Я траву рвал. Мы с Роско ходили смотреть кротов и ящериц, они живут за домом, там полянка. Там трава растёт, она им мешает, и я её рвал.

Регина нахмурила идеальные брови.

— Ящерицы?

Ванька даже подпрыгнул на стуле.

— У них отваливается хвост, представляешь?

— Слава богу, нет, — отозвалась Регина и посмотрела на Алёну, видимо, заподозрив, что это именно она даёт ребёнку подобные знания.

Алёна наклонилась к мальчику и тихо напомнила:

— Ешь.

Ванька сунул в рот ложку супа.

— Регина, а ещё у нас есть рыбы! Мы их с папой поймали в реке, а теперь они живут у нас в пруду. Мы с Алёной ходим кормить их хлебом!

— Какая насыщенная у тебя жизнь.

Павел усмехнулся.

— А ты хотела оставить его в Москве, учить английский.

— Знаешь, это тоже было бы не лишним. Алёна, вы говорите на английском?

Алёна с трудом проглотила суп. Подумала, но решила ответить честно.

— На уровне школы.

Регина печально качнула головой.

— Надо выучить. Обязательно.

Почему-то стало стыдно за себя. Алёна нервно кашлянула, затем коротко кивнула.

— Конечно. Давно об этом думала.

— А вы, значит, занимаетесь журналистикой? На какие темы пишете?

Пока Алёна раздумывала, что сказать, Павел абсолютно серьёзно произнёс:

— На политические.

Алёна послала ему суровый взгляд, заподозрив, что он издевается.

— На самом деле, я работаю только третий год, — пояснила она. — Таким, как я, ничего особо значимого не доверяют.

— Таким, как вы?

— После института.

— Понятно. — Регина бросила на Павла выразительный взгляд. — После института.

Тот сосредоточено ел суп и ни на кого не смотрел.

— Алён, я больше не хочу суп, — громким шёпотом проговорил Ваня и умоляюще посмотрел. Она без разговоров забрала у него тарелку. При Регине даже спорить казалось нарушением всех норм приличия. В её присутствии хотелось, чтобы всё было идеально и красиво, ей под стать. За мясной рулет Ваня принялся с аппетитом, и у Алёны даже возникло желание указать на него и с гордостью заявить:

— Вот, ест, — будто она готовила обед. Но вместо этого она путалась в приборах и, кажется, впервые в жизни потеряла аппетит. Доела суп и теперь мечтала, чтобы обед поскорее закончился. Даже не могла по достоинству оценить стараний Альбины Петровны. На столе в основном были диетические лёгкие блюда, и только для мужчин был запечён мясной рулет. Алёна на всё смотрела без аппетита. Регина ела, как птичка, как и положено балерине, а Алёна кляла количество столовых приборов у своей тарелки.

— Будем играть в футбол?

Ваня облизал губы, и уже поднял руку, чтобы их вытереть, Алёна в последний момент успела сунуть ему в руку салфетку.

— Вечером, сейчас жарко, — негромко ответила она.

— Так и остались без бассейна на это лето, — вдруг посетовал Костров.

Ваня широко улыбнулся Регине через стол.

— Меня поливают из шланга. Как Роско!

Регина молчала. И Алёна, как ни старалась, не могла понять, что у неё на уме. Казалось, что она в шоке, но старается этого не показывать.

— Надо купить надувной, — вырвалось у Алёны. — Я видела в магазине, есть даже большие.

Теперь Регина на неё смотрела. Смотрела и молчала. Видимо, она брякнула глупость. Павел же кашлянул в кулак. Алёна подозрительно на него посмотрела, но когда Костров кулак от губ отнял, казался серьёзным.

В общем, обед не задался. Когда Алёна встала из-за стола, её даже подташнивало.

— Ты можешь мне объяснить, что здесь происходит?

— Что?

— Паша, перестань улыбаться. — Регина прошла за ним в кабинет, села в глубокое кресло и положила руки на подлокотники. Сидела прямо, как на троне. Она всегда так сидела, Павел ни разу не видел у неё даже опущенных плеч, казалось, что Регину ни что не могло сломить. Он

знал, что впечатление это обманчиво, но Регина никогда не позволяла обстоятельствам её сломить. Вот и сейчас в первую очередь интересовалась его делами и личной жизнью, оставив общие проблемы на потом.

— Я не улыбаюсь. Я сама серьёзность.

— Он сама серьёзность! — повторила за ним Регина. Потом качнула головой. — Что за сельская романтика?

Павел откинулся в кресле.

— Жизнь здесь расслабляет. Правда.

— Это я как раз вижу. Совсем расслабился. Усадьба, земельные угодья... студентки.

Павел потёр нос, ухмыльнулся.

— Регина, она не студентка.

— Паша, она ровесница моей младшей дочери.

— Не прибедняйся, а.

Она вздохнула.

— Я не прибедняюсь, я обеспокоена.

— Давай об этом буду беспокоиться я. У тебя поводов и без того достаточно.

Она сдержанно улыбнулась.

— Но девочка красивая.

— Что есть, то есть.

— И что?

— Что?

— У тебя какие-то определённые намерения на её счёт? Не зря же ты её здесь держишь.

В ответ на это Павел ни усмехаться, ни отмахиваться не стал.

— Во-первых, не держу. Она сама вернулась. А во-вторых, во-вторых, Регин, Ванька к ней очень привык.

— А вот это плохо.

— Да чёрт его знает... А может, неплохо?

— Ты серьёзно? — Регина смотрела на него, не мигая.

Ванька пробежал мимо открытой двери кабинета, за ним Роско, потом мальчик вернулся и крикнул во всё горло:

— Алёна, а где тарелка? Я буду играть с Роско!

— В шкафу! И чтобы я тебя видела из окна, Ваня!

— Хорошо! И я не буду кашу есть, не вари мне её!

— Роско съест, — отозвалась Алёна, не растерявшись. Хлопнула дверь, и на некоторое время воцарилась тишина. А Павел на Регину посмотрел и развёл руками. Та голову склонила, выглядела задумчивой.

— Интересно. И ты ничего не рассказал.

Павел усмехнулся.

— Регина, я же не подросток, чтобы обсуждать с тобой всех, с кем сплю.

— Ты уж определись, дорогой, ты с ней спишь или это «чёрт его знает».

Он вздохнул.

— Вот что вы, бабы, за народ? Из каждого слова вытащите проблему.

— Серьёзно? Хотя, знаешь, мне весьма любопытно, как на эти слова твоя Алёна отреагирует.

— Ты меня не шантажируй.

Павел придвинулся к столу, руки на нём сложил, и тише проговорил:

— Думаешь, я не понимаю? Что не вовремя всё, и ситуация из-под контроля выходит.

Раздуют всё до такого размера, что не охватишь. Одна Ирка расстареется, особенно после этой фотографии в газете.

— Вот в этом я с тобой согласна. Поэтому и спрашиваю. Что ты собираешься дальше делать.

— Ты знаешь. Поэтому и приехала. Воевать будем. И ни один суд не заставит меня показать ей ребёнка. Плевать я хотел на её желания, у меня ребёнок растёт в покое, и никаких судов и органов опеки рядом с ним не будет.

Регина отвела глаза в сторону и вздохнула, после чего сказала:

— Паша, мне вчера вечером Геворкян звонил.

Павел прищурился.

— Почему тебе?

— Наверное, чтобы высказать, что хотел. Ты ведь его слушать не стал бы.

— Конечно, не стал. Эту брехливую сволочь, как он злорадствует, слушать?

— Ты можешь злиться сколько угодно! От этого ничего не меняется. Они сейчас все свои грехи на Андрея спишут, а потом на тебя свалить попытаются. А эта история с Иркой твоей...

— Она не моя.

— Да, — согласилась Регина. — Она общая!

Павел брезгливо поморщился.

— Ты хоть не начинай.

— Я этот разговор давно начала. Или ты забыл, что я тебе говорила?

— Помню. Чтоб не связывался с этой шлюхой.

— Нет, милый мой, до этого я тебя просила не связываться со шлюхами в принципе. А ты весь в папу своего.

— Вот сейчас взяла и обидела.

— Имею право, я тебе мать. Почти. В крайнем случае, старшая сестра.

— Младшая, — любезно поправил её Костров, а Регина ему пальцем погрозила.

— Нашёл время шуточки отпускать. Она этой историей из тебя подлеца и чудовище сделала. Каждое её слово, как выстрел нам в спину. Они ждут не дождутся, когда её на допрос вызовут, боюсь подумать, что она там расскажет. И кто тебе поверит после того, как она тебя опозорила на всю страну?

— Мне не нужно, чтобы мне верили, — угрюмо проговорил он. — Пусть доказывают. Пусть каждое своё обвинение в мой адрес доказывают.

— А если докажут, Паша?

Он судорожно втянул в себя воздух.

— Я над этим думаю. Но ты, чтобы не случилось, Регина, должна держать нейтралитет. Ради девчонок. Ты, вообще, не причём.

Она в сердцах развела руками.

— Конечно, я не причём. У нас получается очень интересная семья. Мы с тобой, папа твой с твоей бывшей, и все как бы не причём.

— Высокоморальная семья, — поддакнул Павел. — Кто поспорит.

Регина поводила ладонью по гладкому подлокотнику.

— Наш народ до ужаса такие истории любит. Особенно, про богатых и знаменитых. Ещё больше про тех, кого долго в пример ставили. Так что, дорогой, нам с тобой от этой славы никогда не отмыться. Даже если истина наружу выйдет, помнить будут, сколько твой отец украл и целый час ток-шоу, звёздный час этой... — Регина многозначительно кашлянула, она никогда не ругалась. — Ей есть, что рассказать на допросе? — спросила она напрямую.

— Про меня или про него?

— Паша, не говори «он»! Ты знаешь, что я этого не люблю. Как бы то ни было, он твой отец

и называй его так. И Андрей... его больше нет. В чём бы его не обвиняли, ему это никак не навредит. Меня беспокоишь ты. Именно поэтому я приехала. Я не могу говорить с тобой по телефону, я хочу при этом смотреть тебе в глаза.

— И ты приехала на глазах толпы журналистов.

— О нас и так говорят чёрте что. Что может быть хуже? А мы семья. Я должна всё знать. Всё, что происходит.

— Семья, — повторил он. Поднялся, стол обошёл, к Регине наклонился. Но в щёку не поцеловал, взял за руку и поднёс её к губам. — Ты же знаешь, что я это ценю.

— Знаю, дорогой, — ответила она и потрепала его по щеке. — И когда ты хочешь, ты можешь быть милым и галантным.

— Ты научила. — И добавил с тихим смешком: — Мама.

Алёна выглянула в открытое окно кухни, свесилась вниз и подала Ване стакан воды. Ребёнок дышал тяжело, жадно пил, потом указал рукой на поляну.

— Ты видела, как я кидал?

— Конечно, видела. Очень хорошо.

— Роско любит играть в тарелку, всегда её отдаёт, чтобы ещё кидали. А папа далеко кидает, у меня так не получается.

— Вырастишь и получится. Хочешь морковку?

— Хочу. А ты со мной поиграешь?

Алёна достала из блюда мытую морковку и мальчику дала.

— Я помогу Альбине Петровне ужин готовить, а потом поиграем, хорошо?

Ванька кивнул, от моркови откусил и вприпрыжку отправился обратно на детскую площадку. Алёна на подоконник облокотилась, наблюдая за ним, на солнце щурилась. Потом охнула, когда ей на спину навалились, а щеки коснулась щетина.

— Наговорились? — спросила она, улыбнувшись.

Павел неопределённо угукнул, губами потёрся, потянул её от окна. Алёна у него в руках развернулась, обняла за шею и на поцелуй ответила. Таким порывам следовало радоваться, случались они редко, зато были по-особенному сладкими. Алёна на цыпочках приподнялась, к Павлу прижалась, от его поцелуя захотелось растаять. Он целовал её со вкусом, не торопясь, от его поцелуя становилось жарко и приятно, а губы у Павла были мягкие и податливые. И она таяла, таяла от его ласк, от прикосновений и поцелуев, и когда Павел её отпустил, первые секунды не могла прийти в себя, чувствуя, что у неё горят щёки, губы, и явные проблемы с дыханием. А Костров смотрел на неё смеющимися глазами и улыбался, довольный собой. Алёна руку протянула, за футболку его схватила и опять к себе притянула. Волосы ему взъерошила, когда он её поцеловал. На этот раз поцелуй был игривый, дразнящий, Павел подхватил её, заставляя приподняться ему навстречу. Алёна улыбнулась ему в губы.

— Паша...

Но сказать ему ничего не успела, только глазами с ним встретилась, инстинктивно вцепилась в его руки, пальцы крепко обхватывали её бёдра, а на кухню совершенно некстати зашла Альбина Петровна и остановилась, как вкопанная. Глаза вытаращила на них, кажется, покраснела, резко отвернулась.

— Извините.

Алёна от Павла шарахнулась, руки его оттолкнула, губы рукой прикрыла. А Костров так и стоял к домоправительнице спиной, Алёну глазами ел. Потом ухмыльнулся.

— Всё в порядке, Альбина Петровна, — ровным тоном произнёс он. А Алёна, когда поняла, что от него извинений не дождёшься, извинилась сама:

— Это вы нас простите, Альбина Петровна. — Толкнула Павла в бок и одними губами проговорила: — Уходи. — Он кивнул ей на дверь, но Алёна головой покачала. — Мне нужно помочь с ужином.

Экономка бочком прошмыгнула к плите, по-прежнему стараясь на них не смотреть. А от предложения Алёны попыталась отказаться.

— Это совсем не обязательно. Я справлюсь сама.

— Вдвоём мы справимся быстрее, — заверила её Алёна. Снова толкнула Павла, который продолжал стоять, как скала, и делал это намеренно, чтобы она мимо него так просто не прошла, обязательно коснулась. — Иди, поиграй с Ваней. Он будет рад.

Он кивнул, но прежде чем выйти на улицу, сказал:

— Регина у меня в кабинете. Не надо её беспокоить.

— Ни в коем случае, Павел Андреевич.

Домоправительница едва ли честь ему не отдала и, наконец, улыбнулась. А вот Алёна повернулась ко всем спиной и негромко повторила:

— Ни в коем случае.

Павел шлёпнул её по попе и сообщил:

— Я всё слышу.

Может, это и есть ревность? Кто её знает... Алёна не злилась, не впадала в отчаяние, даже не возмущалась. Но присутствие Регины Ковалец в доме её определённо стесняло. Алёна присматривалась к ней, и если одна её половина (наверное, лучшая) по-прежнему была готова восхищаться этой женщиной — её красотой, выдержкой, умом, то другая половина готова была признать своё поражение и из-за этого страдала и печалилась. Регина приехала и отняла большую часть внимания, по крайней мере, внимания Павла. Он мачеху и в самом деле очень уважал, он так говорил, но на самом деле, наверное, любил. Он всегда её слушал, откликался на каждое слово и предложение, и во многом соглашался с нею. Алёне же всегда приходилось усилие прикладывать, чтобы занять его внимание надолго. С ней Павел смеялся, зачастую над ней, над её затеями и словами подшучивал и Алёну поддразнивал, а вот с Региной всегда был серьёзен и практически с каждым её словом соглашался. Это было странно и незнакомо. И отчего-то злило. Ну, почему к ней он относится не так серьёзно?

Алёна весь день ловила его взгляды, обращённые к мачехе. Пыталась их прочитать, проанализировать, что-то понять для себя. И сама же называла себя фантазёркой. Она просто не находила себе места, своего места, рядом с ними. На кухне Павел её целовал, он с ней заигрывал, и вроде бы не было их ночного разговора, а когда она украдкой смотрела на него серьёзного, шепчущегося с Региной, ей чудилось разное... Опасное, к чему её не допускали, и вряд ли допустят. Да, того, о чём говорила его бывшая, тех скандальных отношений и чувств между ними нет, но есть что-то другое, сильная связь, и допуска к ней у Алёны не было. Хотя, скорее всего, ни у кого не было. Они не любовники, они союзники, которые очень давно играют на одном поле и по одним правилам, которые сами же и установили. А её даже в известность не поставили об их наличии.

И поэтому Алёна чувствовала себя лишней, а оттого оскорблённой. Чуть-чуть.

— Этот дом тебя разорит. — Регина ела салат из руколы и запивала его минеральной водой. Ела медленно, и будто бы с удовольствием, словно это была отбивная или пирожное. Алёна также украдкой и за Региной наблюдала, изучая её привычки и пытаясь понять её характер, и, может быть, заметить что-то, что приоткроет завесу тайны.

Павел вздохнул, окинул задумчивым взглядом столовую. Алёна следом за ним осмотрелась.

— Он того стоит, Регина, — сказал Костров, в конце концов.

Та несогласно качнула головой.

— Совсем не уверена. Тем более в нашей ситуации. Время ли затевать стройку века?

— Так уже начал.

Регина сделала резкий жест рукой.

— Ещё даже не начинал. Не успокаивай себя. Капля в море.

Алёна ела котлету, взяла ещё кусок хлеба. Жевала сосредоточено, стараясь занять своё внимание, и в разговор их ни в коем случае не вмешиваться. На Ваню посмотрела. Он сидел рядом, мечтал о чём-то непонятном, а котлету вилкой ковырял. Алёна наклонилась к нему, салфетку на груди поправила.

— Вкусно? — шёпотом спросила она.

Мальчик от мыслей своих отвлёкся, на Алёну посмотрел и кивнул. Потом протянул к ней руку, собираясь обнять за шею, но Алёна это действие пресекла и кивком указала на тарелку.

— Кушай.

— У нас есть ещё конфеты?

— У нас есть варенье, — успокоила его Алёна. — Яблочное и клубничное.

— С чем мы будем его есть?

— С хлебом и молоком, очень вкусно. Доедай котлету.

Ванька вздохнул, откинул на тарелке кусочек огурца. Ребёнок капризничал и дулся весь вечер, причину Алёна знала, Ваня днём не спал. Распорядок дня, который она с трудом наладила в последние две недели, сегодня был нарушен, после обеда Ваня не спал, и поэтому уже к ужину принялся капризничать. То хотел ужинать, то не хотел; то хотел гулять, то не хотел, а спать было рано, и поэтому Алёна старательно его теребила. Но Ванька дул губы и жаловался на всё, что видел.

— Ваня, сядь, пожалуйста, прямо. — Регина ободряюще ему улыбнулась и расправила плечи, показывая ему на своём примере.

Павел кинул на сына многозначительный взгляд.

— Давай, давай. За столом же сидишь.

— Он спать хочет, — сказала Алёна.

— Не хочу, — тут же разобиделся мальчик, но плечи так и не расправил.

А Регина снова на Павла взглянула, с явным намёком.

— Здесь в округе есть хотя бы одна приличная школа?

— Понятия не имею.

— Вот именно. Вы оба болеете этой усадьбой, что ты, что твой отец. А если вы чего-то хотите в этой жизни, то всё остальное перестает существовать. Но ты же не сможешь здесь жить.

— Почему? — Павел не поднимал глаз от тарелки, ел, потом сказал: — Когда-нибудь придёт время... надо будет где-то остановиться... Старость встретить, Регина.

— Боже, Паша. Что ты говоришь?

Он улыбнулся. Не слишком весело, но улыбнулся. А потом кинул взгляд исподлобья на Алёну. Она хмурилась, и ела, в отличие от обеда, с аппетитом. Павел ещё днём заметил, что Алёна за обедом только на Регину смотрела, и, видимо, неосознанно подражая гостье, съела только тарелку супа, и то, больше думала, чем ела. Это было странно. Павел уже успел привыкнуть к её аппетиту. Если Алёна ела, значит, всё хорошо, значит, она в настроении и полна сил и идей. А вот сейчас, в противовес обеду, кажется, заедала свой протест. Правда, снова молчала больше, только Ване постоянно что-то на ухо шептала, тот куксился, но сидел за столом. А Алёна в разговор между Павлом и Региной старалась не влезать. И, вроде бы, из-за этого злилась. Но больше из-за того, что слышала от гостьи в отношении усадьбы. И словно в подтверждение его догадок, Алёна сказала:

— В городе есть школы. Думаю, хоть одна приличная найдётся.

Регина взглянула на неё в удивлении.

— Алёна, что вы. Ваня должен учиться в Москве. А, возможно, за границей. Он должен получить лучшее образование. Да, милый? — Регина мальчику улыбнулась.

«Милый» водил вилкой в тарелке и на рассуждения о его будущем никак не отреагировал. А вот Алёна с ужасом посмотрела на Павла.

— За границей?

Костров попытался успокоить всех разом.

— Давайте не будем обсуждать это сейчас. Может, поужинаем спокойно? Никто ни про какие заграничные речи не ведёт. Пока, по крайней мере.

Регина допила воду и неожиданно тяжело вздохнула.

— А, по-моему, как раз пора...

Павел кинул на неё предостерегающий взгляд, едва ли не цыкнул. Алёна отвернулась, притворилась, что не заметила. Не заметила, не понимает, делает вид, что всё в порядке. Со злости хлеб вареньем намазала не только Ване, но и себе. Хотелось плакать. Чёрт...

Не сразу поняла, что Регина на неё смотрит, в некотором удивлении. Алёна поторопилась прожевать, сделала глоток чая, потом вспомнила, что за столом нужно сидеть с прямой спиной, расправив плечи. Она всё это проделала, но взгляд Регины не изменился. После чего та осторожно заметила:

— У вас хороший аппетит, Алёна.

Регина это произнесла, и аппетит тут же пропал. Алёна посмотрела на хлеб с вареньем в своей руке, положила его на тарелку. А Павел, негодяй такой, рассмеялся. Попросил:

— Регина, оставь её в покое. Не все, как ты, питаются воздухом.

— Я ничего в виду не имела.

Ваня поднял руку со своим сладким бутербродом вверх, демонстрируя его всем, и, наконец, улыбнулся.

— Вкусно, — похвастал он.

Павел по волосам его погладил.

— Тогда жуй, как следует, а то заглатываешь, как удав. — А Алёне подмигнул.

После ужина, подойдя к ней, услышал расстроенное:

— Я много ем.

Костров погладил её по бокам.

— Не обращай внимания.

Алёна смотрела на белую скатерть и продолжала печально кивать. Потом руки в стороны развела.

— Я буду вот такая толстая. И ты меня не будешь любить.

Павел внимательно вглядывался в её лицо, но Алёна, кажется, искренне не поняла, что сказала. Это не было уловкой, не было наживкой, она закусил губу и, наверное, пыталась представить себя в состоянии, которое ей предвещало своим замечанием Регина. Поэтому Павел наклонился к её уху и успокаивающе шепнул:

— Буду. — А Регине после попенял: — Тебе обязательно было это говорить? — Прошёл в свой кабинет, сел за стол, а мачехе, не скрываясь, кулак показал. Та ничуть не смутилась, вроде бы даже удивилась.

— Я ничего такого в виду не имела. Я на самом деле не встречала девушек с таким хорошим аппетитом.

— Ты знаешь, хоть одну девушку не из балета?

— Конечно, знаю.

— Регина, я тебя прошу, оставь её в покое.

— Паша, я тебе клянусь, у меня даже в голове не было. — Регина неопределённо повела плечами. — Если она тебе нравится, я ничего не имею против. Посоветовать могу... и то не буду. Ты мальчик взрослый.

— Ага.

Регина осторожно выглянула через открытую дверь в гостиную. Алёна с Ваней перебрались на диван в гостиной, о чём-то негромко переговаривались, Регине даже показалось, что спорили. Ваня снова куксился, сполз с дивана и уселся у ног Алёны. Та его по волосам потрепала, но поднимать не стала. Взяла со столика книгу и стала читать.

— Что ты собираешься с ней делать? — спросила Регина негромко, то и дело поглядывая в гостиную. Павел тоже смотрел, она видела, и даже когда Алёна Ваньке пальцем погрозила, у него в глазах ничего не изменилось.

— Ты знаешь, я не держу в своём доме... лишних людей.

— Значит, она не лишняя?

— Выходит, что так.

— Паша.

Он поморщился.

— Ты вот, как Алёнка, сейчас начнёшь намекать.

Регина заинтересованно вздёрнула брови.

— На что намекать?

— На то самое. У неё тоже в голове ветер гуляет.

Регина ахнула и рассмеялась.

— И у меня ветер?

— Ты же вышла замуж за моего отца. Явно не тем местом думала.

— Знаешь, что я тебе скажу, милый мой? Когда женщина начинает думать не тем местом, мужчине порой нужно этим пользоваться. Но у вашего брата ума на это хватает нечасто. Вам бы «поматросил и бросил», а вот после «бросил» зачастую самое интересное начинается. Но у вас не хватает терпения.

Павел криво усмехнулся, на кресле сдвинулся немного в сторону, чтобы наблюдать за сыном и девушкой на диване. Ванька к тому моменту влез на диван, на Алёну навалился и обхватил ту руками. Мешал ей читать, но она лишь гладила его по спине, а Ванька дёргал ногой и канючил.

— А она молодец, — заметила Регина.

Павел перевёл на неё взгляд. Головой покачал.

— Не начинай.

Алёна время от времени поглядывала на открытую дверь кабинета. Павел с Региной снова о чём-то негромко разговаривали, разговоры и перешёптывания между ними весь день не заканчивались. Алёна, если честно, многое бы отдала, чтобы узнать, что именно они обсуждают. Чем можно настолько занять внимание Павла, чтобы он на самом деле тебя слушал, тебя слышал и даже с тобой соглашался.

Заставив себя отвернуться, Алёна на Ваню глаза подняла, предложила ему:

— Давай ты ляжешь, а я тебе почитаю.

— Взрослую книжку?

— Да. Хочешь?

Мальчик не отвечал, демонстрировал сомнение, Алёна сама себе на колени положила подушку и потянула его вниз. Ваня лёг, раскинул руки в стороны, тут же перевернулся на живот. Роско подошёл и ткнулся носом ему в лицо, лизнул. Вздохнул шумно и сел рядом, вроде бы тоже слушать приготовился. Алёна негромко читала им обоим, читала Джека Лондона, нашла книгу

на полке в кабинете Павла, и книге этой, судя по титульному листу, было больше пятидесяти лет, страницы пожелтевшие, а шрифт неровный. Непонятно, откуда она взялась в усадьбе. Но Джека Лондона Алёна любила, и перечитывала с удовольствием и интересом, а вот Ваня очень быстро уснул. Виноват в этом был не талантливый американский писатель, ребёнок сегодня сильно устал, но это всё равно заставило улыбнуться. Ваня уткнулся лицом в подушку, пальчиками вцепился в Алёнину футболку и уснул. От собственного недовольства этим вечером, наверное, устал не на шутку. Читать вслух Алёна перестала, ребёнка больше не трогала, и приказала себе больше не смотреть в сторону кабинета. Павел сам вышел минут через двадцать, остановился перед ними, потом подошёл и на корточки присел.

— Завод у него кончился? — тихо спросил он.

Алёна кивнула.

Очень трудно было усидеть на месте, когда Павел понёс сына наверх. Ещё вчера Алёна непременно пошла бы с ним, расстелила бы детскую постель, помогла бы ребёнка уложить, и всё это казалось бы уместным и делалось сообща. А сегодня следом за Костровым из кабинета вышла Регина, и хотя улыбнулась Алёне вполне радушно, но именно она отправилась за ним наверх. А Алёна осталась сидеть на диване. В сердцах захлопнула книгу, да так громко, что Роско вскинул голову, сонно поморгал и покрутил головой по сторонам, проявляя бдительность. А когда осознал, что его провели, недовольно на Алёну покосился. Зевнул.

Как же её раздражали тихие разговоры за стеной! Выяснилось, что Павел уступил Регине свою комнату, и после того, как уложил сына, зашёл к мачехе, и они снова разговорились. Алёна, закрыв дверь своей спальни, которая, по сути, её уже давно не была, потому что она в ней давно не ночевала, старалась не прислушиваться, но всё равно слышала. Негромкие голоса, иногда тихий смех, потом на какое-то время всё смолкало, и это казалось ещё более мучительным. Потому что Алёна в эти минуты вся превращалась в слух, но знала, что это бесполезное занятие, стены в доме не картонные, чтобы что-то можно было расслышать. Поэтому ничего не оставалось, как переодеться, выключить свет и лечь в постель. Лежала, вытянувшись солдатиком, таращилась в темноту, а руки сложив на животе. За стеной негромко бубнили, она то и дело посматривала на часы, один раз даже встала и сходила в детскую, проверить Ваню, но тот спал без задних ног. Алёна вернулась в свою комнату, правда, на секунду-другую приостановилась под дверью комнаты Павла, но почти тут же почувствовала себя жалкой, и ушла, закрыла за собой дверь.

Что он делает в её комнате так долго? Почему не выходит? О чём они могут разговаривать весь день?

Что происходит?!

Потом всё стихло. Неожиданно. Стало очень тихо, и от этого страшно. Алёна даже на постели села, старательно прислушиваясь, и чувствуя, что у неё от нервного напряжения немеют пальцы. Грудь распирало, дыхания не хватало, а за окном... за окном стало темно. В комнате Павла погасили свет. А Алёна для себя решила: ещё минута — и она умрёт. Ещё минута, всего одна... и если не умрёт, нужно будет что-то делать. Вот только что?

Дверная ручка осторожно повернулась, Алёна даже не успела сглотнуть и до конца осознать, а уже рухнула на подушку и затаила дыхание. Павел вошёл, очень аккуратно, почти бесшумно, прикрыл за собой дверь. Прошёл, на ходу снял футболку, джинсы расстегнул, а когда сел на край кровати, устало вздохнул. А у Алёны от этого вздоха, ставшего уже знакомым и необходимым, наконец, от сердца отлегло. И это было такое невероятное облегчение, что она вцепилась в одеяло. А он лёг и сразу к ней придвинулся. Вот как тут можно было и дальше притворяться спящей? Алёна повернулась к нему и обняла, руки крепко обхватили его шею. Павел прижался губами к её лбу, пальцы запутались в волосах.

— Ты чего не спишь?

Она только головой мотнула, продолжая горячо дышать ему в плечо. А Павел её погладил. Как-то по-особенному погладил, по-хозяйски. Ладонь прошлась по спине, по ягодицам, прижала её к его телу теснее. А вот голос прозвучал несколько сурово:

— Никогда больше не думай об этом.

Алёна смогла вдохнуть. И пообещала:

— Не буду.

Это было первое утро, когда Алёна проснулась рядом с Павлом. Обычно он просыпался рано, и она заставляла его либо в кабинете, либо в тренажёрной комнате. А сегодня... сегодня было какое-то особенное утро. Павел спал, не проснулся, даже когда Ваня влез к ним в постель. Алёна в этот момент глаза открыла, но мальчик забрался на кровать, пролез между ней и отцом и лёг. Тогда Алёна на часы и посмотрела. Восемь утра, Павел спит, Ванька зевает, а в доме тихо. Она на локте приподнялась, спросонья не в силах понять, что делать ей, встать и отправляться готовить завтрак? Но на мальчиков посмотрела, и вместо этого снова прилегла. Укрыла Ваню одеялом, а он глаза открыл и посмотрел на неё. Вполне осмысленно, хотя когда лез к ним в кровать, казался совсем сонным. Алёна волосы ему пригладила и шёпотом спросила:

— Проснулся?

— В папиной комнате Регина, — ответил он тоже шёпотом.

Алёна кивнула, поцеловала его в лоб. И проговорила на ухо:

— Полежи тихонько, пусть папа поспит.

Ванька под одеялом повожился, прижался к отцу. Глаза закрыл, но Алёна видела, что он подглядывает. Потом он разулыбался, а Алёна прижала палец к губам. Правда, долго лежать не пришлось. Во-первых, Ване уже спокойно не лежалось. Он возился, то и дело принимался что-то Алёне шёпотом рассказывать, и Павел, понятное дело, в какой-то момент глаза открыл, посмотрел на них, но затем голову отвернул, ещё не в силах проснуться. А во-вторых, вскоре в дверь деликатно постучали и голосом Регины оповестили:

— Паша, некогда спать.

Ваня тут же сел на постели, скинул с себя одеяло и во весь голос отозвался:

— Регина, а я не сплю!

Ребёнок полез с кровати, перебрался через ноги отца, прыгнул на пол и распахнул дверь. Алёна не знала, как его остановить и что сказать, и поэтому только успела натянуть на себя одеяло. Потому что знала: Регина Родионовна заметит всё.

— Я уже проснулся, — повторил Ваня, хватая Регину за руку. — А папа ещё спит!

— Не сплю, — отозвался Костров из-под своей руки. И пробормотал: — С этим ребёнком не поспишь.

Регина, конечно же, на них смотрела. На лице абсолютно спокойное выражение, ни тени любопытства в глазах. За это Алёна была ей благодарна. А ещё за то, что Регина довольно скоро прикрыла дверь в спальню, уводя с собой Ваню. Алёна услышала её голос:

— Пойдём, умоемся и оденемся. Нельзя спускаться к столу в пижаме. Ты ведь знаешь об этом?

— Знаю.

Алёна, наконец, расслабилась, приподнялась на локте и на Павла посмотрела. Погладила его по груди.

— Выспался?

Он вздохнул и потянулся.

— Не люблю долго спать. Потеря времени.

— Зато для здоровья полезно. — Алёна к нему придвинулась, поцеловала в губы. Улыбнулась, когда Павел её обнял. — Если бы Ванька не разбудил, ты бы ещё спал.

— Некогда, — сказал он, повторяя слова Регины. — Дел много.

Павел глаза, наконец, открыл, посмотрел на Алёну. Поднял руку и убрал с её лба волосы, всматривался в её лицо, очень внимательно, Алёна даже забеспокоилась.

— Что, Паш?

Он обвёл пальцем её щёку. Головой качнул.

— Ничего. — Потом улыбнулся, вполне заодно. — Ты красивая, ты знаешь?

— Теперь знаю.

Павел усмехнулся, недоверчиво прищурился.

— Заигрываешь?

— Совсем немножко, — созналась она. Наклонилась к нему за поцелуем. Тёплые, мягкие губы коснулись её губ, пальцы запутались в волосах, заставляя Алёну наклониться к нему ниже, и тогда уже она ощутила прикосновение его языка. Но всё это длилось минуту, Алёна только успела почувствовать приятное тепло внизу живота, а Павел отстранился от неё, вздохнул и на постели сел. Она же по-детски хныкнула, что вызвало у него смех, чего Алёна, признаться, и добивалась. Придвинулась к Павлу и обняла, прижавшись к его спине. Поцеловала в щёку.

— У меня, на самом деле, нет времени, солнце. В девять будет звонить Сутулов.

— Кто это? — спросила она, и тут же вспомнила. — Адвокат... У него есть хоть одна хорошая новость?

— Очень сильно сомневаюсь. — Павел поднялся, повернулся к Алёне, а заметив, что она обеспокоенно хмурится, коснулся пальцем кончика её носа. — Не переживай, таких, как Сутулов, у меня рота. Кто-нибудь что-нибудь да придумает.

— Всё равно звучит не слишком вдохновляюще.

— Тогда приготовь мне хороший завтрак. Это меня точно вдохновит.

Как можно было ему отказать? Алёна готовила завтрак на кухне, в компании Альбины Петровны, а думать могла только о том, что Павел и Регина снова заперлись в кабинете и что-то обсуждают после телефонного разговора с адвокатами. Ваня крутился рядом, успел съесть половину яблока, а теперь насыпал в миску Роско сухой корм. И разговаривал с ним, время от времени обращаясь с вопросами к женщинам. Роско сидел рядом с миской и строгим взглядом следил за тем, сколько корма мальчик ему кладёт. И только после последней чашки подошёл и стал есть.

— Я могу всегда заботиться о Роско, правда?

— Конечно, милый. Папа будет очень тобой доволен.

— И мыть его могу!

Алёна всё-таки переглянулась с Альбиной Петровной, очень живо представив себе эту картину. Кто кого будет мыть — большой вопрос. Но всё равно кивнула.

— Конечно. Иди, дойди до кабинета папы, скажи, что завтрак уже на столе. Только постучи, они с Региной заняты!

Ваня с готовностью кивнул и выбежал из кухни.

Алёна раскладывала на тарелке нарезанный хлеб, потом всё-таки сказала, обращаясь к молчавшей экономке.

— А в доме сейчас спокойнее стало, правда?

Альбина Петровна удивлённо посмотрела.

— Без девочек?

— Без всех. Без девочек, без рабочих. Так тихо. Правда, за забором настоящая война, — закончила она негромко. В ответ на это Альбина Петровна лишь вздохнула, видимо, соглашаясь.

Завтрак прошёл в пустых разговорах. Регина занимала Ваню болтовнёй, улыбалась чаще, чем следовало бы, и из-за этого Алёна всерьёз насторожилась. Стала присматриваться к Павлу, но тот ни разу не встретился с ней взглядом. Тоже на сына смотрел, но больше молчал и только улыбался. А Алёне очень хотелось расспросить, чем же закончился разговор с Сутуловым. Должна же быть хоть одна хорошая новость? Иначе, это попросту несправедливо.

— Алёна, завтрак был очень вкусный, — поблагодарила её Регина.

Алёна, не ожидавшая этого, вскинула на неё растерянный взгляд, после чего сообразила, что ей следует улыбнуться.

— Спасибо, мы с Альбиной Петровной старались. Но вы почти ничего не съели.

— Я очень мало ем. Наверное, это особенность моего организма. Хотя, Паша считает это недостатком.

— Не считаю, — тут же ответил тот, — просто меня это удивляет. Вот сколько лет тебя знаю, столько лет и удивляюсь. Тебя можно прокормить пшеничным зёрнышком.

— Как Дюймовочку! — воскликнул Ваня и разулыбался. Алёна тоже улыбнулась.

А Костров кивнул.

— Вот-вот. Регина у нас и есть Дюймовочка. По всем параметрам.

— У меня есть сказка про Дюймовочку, в книжке, которую Алёна привезла. Там картинок много.

Регина мальчику улыбнулась.

— Правда? Ты мне покажешь? — Ваня с готовностью закивал. А Регина допила чай и аккуратно отодвинула от себя чашку. — Сейчас возьмём с тобой книжку и пойдём на улицу, там почитаем.

— Покормим рыб?

— Конечно. Возьмём с собой хлеба.

Ребёнок радовался, торопливо допил какао и отпросился из-за стола. Регина поднялась следом за ним, Алёна их взглядом проводила.

— Регина его любит.

— Любит, — кивнул Павел. — Она всегда сына хотела, а две девчонки родились. Вот она на Ваньку и перенесла всё неистраченное.

— Паша, что сказал адвокат?

Он сидел, по привычке вытянув ногу, допивал кофе, а смотрел в сторону. Затем кивнул, наверное, осознав, что слишком долго молчит.

— Я расскажу. Пойдём, погуляем? — Улыбнулся Алёне. — Воспользуемся тем, что ребёнком занимается бабушка. — Из-за стола поднялся. — Пойдём.

— Нужно убрать со стола...

— Альбина Петровна уберёт, пойдём.

Алёне всё это не нравилось. Его тон, желание прогуляться, всё это настораживало. Но спорить не стала. Взяла Павла за руку, когда он её к ней протянул. Ванька бегом спустился по лестнице, прижимая к себе любимую книжку, выбежал на крыльцо, где его Регина ждала, а Павел Алёну повёл другим коридором. Они вышли через строящийся бассейн, и сразу оказались за домом. Не смотря на достаточно раннее утро, солнце уже припекало. Алёна на какие-то доли секунды замешкалась, зажмурилась, сделала вдох, принимая этот солнечный, жаркий день, а потом спустилась со ступеньки на траву.

— Я только говорила Альбине Петровне, насколько стало спокойно. Без всех.

Она держала Павла за руку, прижалась к его боку, когда он этого захотел. Они пошли по тропинке, Костров обнимал её за плечи, и это пугало столь же сильно, как и заставляло сердце сжиматься от счастья.

Павел после её слов усмехнулся.

— Да, разгоним всех, и будем жить здесь одни. Как на другой планете.

Алёна вздохнула.

— А я бы согласилась.

— Правда?

Она голову закинула, чтобы в лицо ему посмотреть. Храбро улыбнулась.

— Да. Здесь есть всё, чтобы жить в своё удовольствие.

Он рассмеялся.

— Это ты сейчас так говоришь. А через месяц тебе бы захотелось по магазинам, захотелось в ресторан, новые туфли.

— Не без этого, конечно. Я же не говорю, что мы здесь запрямся ото всех... — Она окинула взглядом окрестности. Поляну, на которой любила собирать землянику, сосновый бор неподалёку, дом... — Но это самое лучшее место на земле.

Павел шёл и улыбался. Потом свернул с тропинки на поляну. Они прошли немного по мягкой траве, потом сели. Алёна прислонилась спиной к груди Кострова, он обнял её одной рукой, потом на шею подул. Ей стало щекотно, она плечами повела. С трудом сглотнула. Даже рада была, что Павел сейчас не смотрит ей в лицо, а уж тем более в глаза. Знала, что ничего хорошего от него не услышит. И эта прогулка рука об руку... его улыбки и лёгкий тон...

В какой-то момент не выдержала и попросила:

— Скажи уже.

— Я уеду сегодня с Региной.

Алёна глаза закрыла.

— Ты же сказал, что мы будем пережидать здесь.

— Не всё зависит от меня. Я тянул, как мог. Но меня вызывают на допрос. От этого я не могу отказаться. — Он провёл ладонями по её плечам, раздумывал, следует ли пугать её подробностями. — Всё немного осложнилось, солнышко. Ирка... в общем, очень не вовремя она влезла. А может, как раз вовремя. В этом и следует разобраться. Отсюда я этого сделать не смогу.

Алёна сорвала травинку, накрутила её на палец.

— Паша, дай ей денег. Ей ведь нужны деньги, так дай их!..

— И что? Думаешь, после этого она исчезнет раз и навсегда? Ты не знаешь её аппетиты! Да и с какой стати? — Он невольно возвысил голос. — Я ей ничего не должен. И оплачивать её вольготную жизнь не собираюсь.

— Значит, она подаёт в суд?

— Говорит, что да. Никаких шагов к этому пока, правда, не делает. — Павел опёрся на руку, посмотрел на лес. — Она ждёт меня. И я должен поехать.

— А я? — тихо спросила Алёна.

Павел разглядывал её.

— А ты будешь с Ваней. У тебя есть загранпаспорт?

Алёна в расстройстве закусил губу, потом кивнула.

— Есть. Правда, я не уверена, что он не просрочен. Я давно никуда не ездила.

— Я всё решу, — пообещал он. — Через несколько дней за вами приедут, отвезут в аэропорт. Улетите в Испанию через Нижний.

Алёна повернулась к нему, впиалась глазами в его лицо. Головой решительно качнула.

— Нет, мы останемся.

Он за подбородок её взял, крепко.

— Вы улетите. Ты увезёшь его, поняла?

Слёзы потекли, Алёна поторопилась их вытереть. А когда Павел прижал её голову к своему плечу, всхлипнула.

— Да что же это такое, — пожаловалась она.

Павел погладил её по спине и зашептал на ухо:

— Всё будет хорошо. Вы побудете в Испании, у меня там дом. Ванька любит море, он рад будет. А ты по магазинам походишь. А потом я прилечу.

— Когда?

Он помедлил с ответом.

— Как только смогу.

Эти слова ничего не значили, но других у него не было. Алёна это прекрасно понимала. Снова слёзы вытерла, на этот раз насухо. Сделала вдох, потом ещё один, стараясь успокоиться. И совсем другим тоном поинтересовалась:

— У них что-то есть на тебя? — Павел сделал попытку отвернуться, но Алёна не дала ему этого сделать. Встала на колени, чтобы быть с ним на одном уровне и смотреть прямо в глаза. — Есть?

Он нехотя проговорил:

— Возможно.

— С её подачи?

— Возможно, — снова попытался он уйти от ответа.

— Расскажи мне, — потребовала она.

Павел на неё посмотрел.

— Алёна, зачем? — Он хотел коснуться её волос, но Алёна от его руки уклонилась. И смотрела требовательно.

— Рассказывай. — Он молчал, и она горько усмехнулась. — Тогда я тебе расскажу. Хочешь? — Павел вздохнул и отвернулся. А она слёзы смахнула. — Ты с ней встречался. Совсем недавно.

— С чего ты взяла?

— Паша, может, я и плохой журналист, но я не дура. Я видела дату на той фотографии в твоём телефоне, где она полуголая. Ты с ней встречался. Так? И что-то ей рассказал. Или она что-то слышала, это неважно. Она позвонила, и ты к ней поехал!

— Это не совсем так.

Алёна скептически усмехнулась, сделала попытку от него отвернуться, но Павел взял её за плечи и развернул обратно. Поймал её взгляд и повторил:

— Это не так. Я на самом деле с ней встречался. Но не потому, что я этого хотел. Особенно, зная, что в последний год она весьма тесно общается с моим отцом. Ей нужны были деньги, ей надо на что-то жить, а Ирка не знает слова «работа», у неё на него аллергия, если хочешь. А отец её содержал. У него была своя выгода, потому что он, в отличие от Ирки, знал, как можно использовать её против меня. И поэтому я в конце концов согласился с ними встретиться. Я даже прилетел ради этого в Калининград. Чтобы подальше от знакомых глаз и ушей. Но с отцом мне увидеться не удалось, к тому времени он уже уехал, а с Иркой разговора не получилось.

— Да, я видела почему, — пробормотала Алёна в сторону.

Павел прижался лбом к её лбу, в глаза заглянул. Протянул:

— Алёнка.

Она от этого задохнулась, а на глаза снова слёзы навернулись. А Павел тихо продолжил:

— Ты понимаешь, что я тебе говорю? Дело не в ней, и не в фотографии. Она рассказала им, что я там был. В эту ночь отец погиб. Но до этого... до этого он встречался кое с кем, и встреча эта была... В общем, они всеми силами пытаются притянуть меня к этой истории. Пытаются доказать, что я знал и участвовал, что отмывал чужие деньги через свои отели. Поэтому я должен поехать, я не могу больше прятаться. Каждый день в усадьбе лишь усугубляет ситуацию. Я должен поехать.

— Паша, они тебя арестуют.

— Возможно.

— Возможно?!

Он сжал её плечи. Кивнул.

— Возможно, меня арестуют. Поэтому ты должна увезти Ваню из страны. Если это случится, я не смогу его уберечь. А для Ирки сын — это доступ к моим деньгам, любым способом. И если она его заберёт, потом придётся драться насмерть. И я не уверен, что я выйду победителем. На неё сейчас вся страна смотрит. Мне потом сына никакой суд не отдаст. — Он большим пальцем провёл по её мокрой щеке. — Поэтому ты его увезёшь. А я разберусь с одной проблемой, а потом займусь другой.

Алёна смотрела вниз, на траву, а сама гладила его плечи, потом вцепилась в рукава футболки.

— Они смогут доказать... твою вину?

— Нет. Я практически не общался с отцом, и никаких дел с ним не имел. Ни с ним, ни с его приятелями. Но чтобы доказать это, нужно время. И в это время я не должен переживать ни за сына, ни за тебя. Понимаешь?

Она кивнула. Ещё минуту сидела, прижав руку к трясущимся губам, обдумывала всё, после чего вытерла слёзы и расправила плечи.

— Да. Я всё поняла. Мы уедем в Испанию.

Он прижался губами к её лбу.

— Вот и умница. Через несколько дней привезут документы, моё разрешение на вывоз ребёнка за границу, до этого времени из усадьбы ни шагу. Никто. Регина на днях даст интервью и вскользь упомянет, что забрала Ваню к себе. Чтобы отвлечь от тебя внимание.

— Думаешь, они про меня уже всё выяснили?

— Тарас мог сделать на этом себе рекламу.

Алёна осторожно выдохнула, печально покивала. Потом попросила:

— Прости.

Павел удивлённо посмотрел.

— За что?

Она руками развела.

— За Тараса. Это я его разозлила.

— Это чем, интересно? — Костров улыбнулся.

— Наверное, тем, что не оценила.

— Да пошёл он. — Павел её обнял и повалился на траву. Алёна оказалась лежащей на нём, прижалась щекой к его волосам и вздохнула. А Павел пообещал: — Это будет третьим моим делом. Оторвать Артюхову башку.

Алёна поцеловала его в щёку.

— Вот ещё... Я с ним только целовалась.

Павел хохотнул.

— Я должен этому радоваться?

Алёна не ответила. Обняла его, прижалась, пообещав себе, что отпустит Павла через две минуты. Или три. Всего три минуты, и она его отпустит. А Костров сжал её в объятиях, щекой потёрся.

— А с другой стороны, если бы не он, ты бы ко мне через забор не перелезла. Я ему должен быть благодарен. Ты моя красивая, добрая девочка.

Алёна сама его поцеловала, накрыла ладонями щёки, улыбнулась, когда Павел перевернул её, и на траве уже оказалась она. Закрыла глаза, ослеплённая солнцем. Пахло травой, цветами, даже солнцем, казалось, пахло, жарким и слепящим. И эти минуты хотелось запомнить, как Павел Костров целует её, опрокинув на землю. В эту минуту она верила, что он её любит. И отпускать его было страшно. А пока он целовал её, казалось, что всё в порядке, что ничего

плохого никогда не случится. Но это было бы излишней доверчивостью и наивностью, поверить в благополучный исход, и поэтому нужно было успеть ему сказать. Обязательно сказать... И дело даже не в «люблю», Алёну настолько переполняли эмоции и чувства, что в простое «люблю» это всё уместить было невозможно. И поэтому, когда время вышло, когда необходимо было взять себя в руки и вернуться к реальности, Алёна, прежде чем отпустить его, обняла и, не глядя ему в глаза, сказала:

— Я хочу, чтобы ты знал. Когда я уезжала от родителей, я понимала, что меняю свою жизнь. Я хотела чего-то большего, даже не любви, я хотела... всего, я хотела добиться чего-то невероятного, поехать на край света, выучить пятнадцать языков. Мне казалось, что это настоящая жизнь. — Она погладила его по груди. — Я хотела всего этого ещё месяц назад. — Слёзы опять потекли, и Алёна уткнулась лицом Павлу в плечо. — А сейчас я хочу, чтобы все просто оставили нас в покое.

— Перестань слёзы лить.

— Не могу.

— Надо.

Ещё один судорожный вздох, после чего Алёна кивнула, от Павла оторвалась и кивнула.

— Я знаю. — Повторила, для себя в первую очередь: — Мы просто подождём тебя... в Испании. — Сделала попытку улыбнуться. — Я никогда не была в Испании.

— Вот и замечательно. — Он наклонился и поцеловал её, коротким, обжигающим поцелуем. — Тебе понравится.

Они не спеша направились обратно к дому, Алёна обеими руками держалась за руку Павла, а смотрела на дом. На закрытый, нежилой флигель, с пыльными тусклыми окнами. У неё было точно такое настроение, словно её опустошили и заперли сердце на ключ.

Регина, без сомнения, заметила её красные глаза. Как Алёна не старалась казаться спокойной и не навешивала на лицо улыбку, ради Вани, печаль в глазах скрыть не получалось. Ребёнок был маленький, таких нюансов не замечал, а вот Регина печально качала головой и сочувствовала. Правда, Алёне казалось, что Павлу, а не ей. Что ж, это не так уж и удивительно. С ней они практически незнакомы, а вот пасынка Регина любит и за него беспокоится не на шутку.

Услышав об отъезде отца, Ваня в первый момент в расстройстве замер. Выпятил нижнюю губу и спрятал руки за спину, демонстрируя недовольство и упрямство. Алёна сидела на ступеньках лестницы и со стороны наблюдала, как Павел что-то нашёптывает сыну на ухо. Ванька выглядел расстроенным, но затем начал вздыхать и, в конце концов, кивнул, согласившись с отцом. Павел поцеловал его в щёку.

— Я уеду с Региной, а ты останешься с Алёной и Роско. Хорошо?

Ваня уцепился за воротник его рубашки.

— Когда ты вернёшься?

— Как только закончу все дела, — туманно ответил Павел. Снова сына поцеловал. — Но ты же у меня взрослый, ты знаешь, что я много работаю и иногда уезжаю. Так надо. А вы с Алёной отправитесь в путешествие.

— Какое?

— На море. Ты же любишь ездить на море. — Павел ободряюще сыну улыбнулся. — Будете купаться, есть мороженое, кататься на водной горке. Всё, что ты любишь.

Ванька вздохнул, но уже более благосклонно. На Алёну обернулся, та через силу, но улыбнулась ему. А Ваня отца за шею обнял.

— Ладно.

Павел его по спине погладил, чуть стиснул, чтобы не пугать ребёнка своим пылом.

— Только води себя хорошо. Ты мужчина, ты должен об Алёне заботиться.

Ваня серьезно кивнул.

— Вадим вернётся через пару дней с документами, — сказал ей Павел, когда они уже вышли на крыльцо. Перед ним ожидали знакомые братья-близнецы «гелендвагены» и охрана. Павел был в костюме, правда, без галстука, портфель с документами передал охраннику и повернулся к Алёне, заговорил негромко, стараясь поймать её расстроенный взгляд. — И не реви, всё будет хорошо.

Она кивнула. Сделала осторожный вдох, провела ладонью по лацкану его пиджака. На поцелуй ответила, когда Павел к ней наклонился. Но губы тряслись, и целоваться никак не получалось. Зато вспомнила, что самого главного так и не сказала.

— Люблю тебя, — проговорила она ему в губы чуть слышно.

Они глазами встретились, и Костров улыбнулся. Снова её поцеловал.

— И я тебя.

Это не было признанием. Ответного «люблю» не прозвучало, но он так смотрел на неё в этот момент... что Алёна сама его оттолкнула от себя, испугавшись, что иначе не отпустит вообще. Возьмёт и устроит банальную истерику. Он улыбнулся на прощание и пошёл к сыну. А Алёна смогла перевести дыхание. Потом голову повернула, услышав стук каблуков. Регина остановилась рядом с ней, посмотрела в лицо, затем с лёгким укором качнула головой. Пальцем приподняла Алёне подбородок.

— Иногда мало любить. Иногда женщина должна быть сильной и смелой. Будь смелой, Алёна.

Алёна сглотнула, кивнула соглашаясь.

— Думаю, мы скоро увидимся, — добавила Регина с тенью улыбки. — Позаботься о нашем мальчике. Паша тебе доверяет.

Потом они с Ванькой стояли на крыльце и махали им на прощание. Ваня очень старался, расстроенным не выглядел, папа ему путешествие пообещал и совсем скоро вернуться, а вот Алёна кусала губы, уговаривая себя не плакать, но перед глазами так и стоял образ Павла. Как он обернулся, посмотрел на них, прежде, чем сесть в машину. А ей больше нельзя плакать, ни в коем случае. Она несёт ответственность за ребёнка.

— Теперь станет совсем тихо, — печально проговорила Альбина Петровна, всё это время стоявшая у дверей в дом.

— Нам надо на это надеется, — отозвалась Алёна. — Что будет тихо, и через несколько дней мы сможем уехать беспрепятственно.

В доме осталось двое охранников, они были заняты и незаметны, всё время проводили в комнате, глядя в экраны компьютеров, наблюдая за тем, что показывали камеры наблюдения. Алёна пару раз останавливалась в дверях, тоже смотрела на экраны, но, судя по всему, ничего не происходило. Это радовало, но не слишком успокаивало. Дом снова замер в ожидании, тишину нарушали только крики ребёнка и лай собаки. Зачастую они звучали в унисон. Вечером Алёна нарушила, наверное, все правила приличий, этикета и что там ещё есть, Регина, наверняка бы, подсказала, и поужинали они на кухне, вместе с Альбиной Петровной. Домоправительница была немного смущена этим, но на Алёну напала такая тоска при мысли, что они с Ваней вдвоём окажутся за огромным столом в столовой, что она не смогла с собой справиться. А потом она долго сидела на скамейке у детской площадки, наблюдая за Ваней, как он катается на качелях и бежит с Роско наперегонки. Павел позвонил незадолго до ужина, но разговор был коротким, он только спросил, как дела, как Ваня, и попросил не впадать в панику.

— Я оставил тебе номер Регины. Если что, звони ей, хорошо? Я позвоню, как смогу. И не плачь, солнце.

— Не плачу, — заверила она его. — У нас всё хорошо. Не волнуйся.

Роско тоже скучал. До самой ночи просидел на крыльце, наверное, ждал, когда хозяин вернётся. Алёне с трудом удалось уговорить пса зайти в дом. Даже пришлось сказать, что Павел сегодня не вернётся.

— Не станешь же ты неделю сидеть на крыльце, Роско. Пойдём в дом. Я тебе печенье дам.

Собачье печенье Роско соблазнило. Он поднялся со ступенек, в дом вошёл, но как обычно с воодушевлением на кухню не потрусил, шёл за Алёной, а после полученного лакомства, отправился в комнату Вани, улёгся на мягком ковре. Всем было тоскливо. Алёна постояла в дверях, посмотрела на собаку, на спящего ребёнка, и дверь закрывать не стала. И дверь в спальню Павла тоже закрывать не стала. Устроилась в огромной постели, одна, лежала на самом краю и смотрела в темноту. Первая ночь в одиночестве, первая ночь в ожидании.

Только первая.

На следующее утро на кухне застала Максимыча. Он снова что-то ремонтировал, сидел на привычном месте у окна и ковырял отвёрткой какую-то штуку, отдалённо похожую на старый приёмник. Где он только брал эти штуки, то будильники, то приёмники. Об этом Алёна и спросила. Варила Ване манную кашу и всеми силами храбрилась, стараясь прогнать дурное предчувствие. Вот и захотелось поговорить. О глупостях, ни о чём.

— Где беру, — удивился Максимыч её вопросу. — Да на чердаке!

— На нашем?

— Ну да. Ты на чердак поднималась?

— Нет. — Алёна повернулась к нему. — Туда же надо идти через закрытое крыло.

— И что, боишься, что ли?

Алёна помолчала, обдумывая. Потом качнула головой.

— Нет. Просто... немного не по себе.

— Глупости какие. А там полно всякого добра. Даже картины стоят, в простыни завёрнутые.

— Правда? — Алёна призадумалась. — Паша мне не говорил.

— Думаешь, он сам туда поднимался? Хотя, — Максимыч подбородок почесал, — Пал Андреич мужик деловой, наверняка, поднимался.

— Александр Максимович, а как вы на работу сюда устроились? Вы ведь не профессиональный садовник.

— Профессиональный? А что, этому ещё где-то учат?

— Конечно. И причём, довольно долго.

Мужчина головой качнул, удивляясь.

— Траву косить и листья в кучу сгребать?

— Заниматься растениями, деревьями, ландшафтным дизайном.

Максимыч ухмыльнулся и головой качнул.

— Чего только не выдумают. А я вот приехал к Пал Андреичу, взял косу и пошёл косить. И всё устройство на работу.

Алёна улыбнулась.

— Это хорошо.

— Конечно, хорошо. А коса в сарае старая была, пришлось точить. Это потом только машинку эту привезли. А раньше... — Он очки на носу поправил. — Страшное дело было.

— С косой?

— Да нет же, с усадьбой. Пропадало всё, заросло. Люди сюда даже заходить боялись, кто знает, кто тут поселился, бандиты, может, какие. Но и когда папаша, Костров, то бишь, купил, тоже особо не обрадовались. Понаехало рабочих, всё забором огородили, лето одно стучали-колотили, а потом всё забросили. И опять сюда ходу нет.

— Паша любит этот дом.

— И дом это чувствует. Что хозяин приехал. Дома — они такие, как живые.

— Александр Максимович, а что вы знаете про родственников Костровых?

— А что я должен знать?

— Паша говорил что-то о доме в самой деревне. Второй от выезда на трассу, — повторила Алёна скороговоркой.

— А-а. Живут там, Костровы тоже. У меня же жена из Марьяново, всех, поди, знаем. Но уж родственники или нет, это пусть Пал Андреич разбирается. У него и спроси.

Алёна согласилась.

— Спрошу.

Каша была сварена, и Алёна позвала Ваню с улицы завтракать. Тот тут же прибежал на кухню, уселся за стол. Крутанул, посмотрел на садовника.

— Дядя Максимыч, ты будешь со мной кашу есть?

— А почему не поест? Каша — дело хорошее. Щи да каша... — Он на Алёну выразительно глянул, а та глаза закатила.

— Научусь я варить щи, научусь. Я же обещала. Садитесь за стол, Александр Максимович.

После завтрака выдалось свободное время. Альбина Петровна взялась пыль вытирать, от помощи отказалась, и Алёна вышла с Ваней на улицу. Максимыч кусты подрезал, Ваня рядом с ним бегал, потом за Роско гонялся. Тот делал вид, что убегает, но Алёна замечала, что пёс, в отсутствие хозяина, стал как-то грустнее и степеннее. Но с Ваней играл и даже лизал в нос, что приводило мальчика в восторг. Алёна сидела в плетёном кресле на крыльце, наблюдала за ними, и настраивала себя позвонить Дусе. Позвонить ей было необходимо, вчера не смогла себя заставить, боялась, что снова начнёт плакать, а вот сегодня чувствовала в себе силы. И надо было предупредить тётку о скором отъезде в Испанию. Уже предвидела её реакцию и волну беспокойства, что на неё обрушится. Но прежде чем окончательно собралась с мыслями, на крыльцо вышел охранник, который постоянно находился в доме, приблизился к ней и негромко проговорил:

— Алёна Дмитриевна.

Она голову подняла, посмотрела на него, с некоторым смятием услышав от него своё имя и отчество, так её ещё никто не называл, только при получении паспорта.

— Алёна Дмитриевна, у нас проблемы.

Это было невероятно. Следующие полчаса Алёна провела, таращась на мониторы камер наблюдения. И то, что видела, уже не казалось чёрно-белым кино. Потому что одновременно с тем, что происходило у их ворот, по телевизору, в новостях рассказывали о том, что именно в эти минуты Павел Костров находится на допросе в Следственном Комитете. И чем всё это закончится, и выйдет ли он оттуда — неизвестно. А у ворот усадьбы стояла Ирина и на всю страну лила слёзы. Рядом с ней были журналисты, адвокат, представитель органов опеки, ей задавали вопросы, а она трясла перед камерами какими-то бумагами. И это тоже показывали в новостях, в прямом эфире. Хотелось закрыть глаза, зажать уши и отрешиться от всего этого.

— Как она оказалась здесь? Почему она здесь?!

Она задавала эти вопросы в никуда, и все это понимали, поэтому молчали. Охранники хмуро смотрели в мониторы, а Альбина Петровна в гостиную капала себе в стакан успокоительные капли. Только Ваня был спокоен и играл с машиной на радиоуправлении. Она жужжала и этим отвлекала его внимание от происходящего, чему Алёна была рада.

— Я уверена, я просто уверена, что мой ребёнок здесь! На территории усадьбы! Они пытаются всех обмануть, Регина говорит, что забрала его в Москву, но я не верю! — Ирина посмотрела прямо в камеру, в её глазах были слёзы. — Я просто хочу увидеть сына. Почему и кто

его прячет? Павел в Москве, он арестован, а мой ребёнок с кем? И где?! — Она подошла к закрытым воротам и забарабанила в них кулаком. — Откройте немедленно! Я хочу видеть сына!

Калитка рядом с воротами открылась, и вышел охранник, Алёна знала, что это начальник смены. Он только утром был в доме и представился по всей форме. Борис Владимирович. На него тут же посыпались вопросы, но он стоял, как скала, обвёл всех собравшихся взглядом и громовым голосом оповестил:

— На территории усадьбы никого, кроме охраны, нет. Я прошу всех разъехаться.

— Пропустите меня внутрь! — потребовала Ирина. — У меня есть доказательства того, что я мать, что я имею право видеть сына.

— Девушка, вы не слышите? Его нет здесь. Павел Андреевич со всеми домочадцами уехали вчера.

— Я вызову полицию!

— Ради Бога. На частную территорию их всё равно не пропустят. Только по постановлению суда.

— Вы можете как-то подтвердить, что в усадьбе никого нет? — спросил кто-то из журналистов.

Охранник выдвинул подбородок.

— Я не обязан этого делать. Ещё раз прошу всех разъезжаться.

Ирина попыталась проникнуть за его спину, к калитке.

— Пропустите меня внутрь, я требую!

Начальник охраны довольно ловко её оттеснил, а пока Ирина вопила о применении силы, прошёл через калитку и наглухо закрыл её за собой. Ирина снова забарабанила кулаком, журналисты всё это снимали, а она ещё ногой пару раз от души по воротам заехала.

— Я никуда отсюда не уйду, пока нас не пропустят внутрь. Вы слышите? — Это относилось к охранникам за воротами. — Не уйду! Артём, вызывай полицию! — Видимо, мужчина по имени Артём был её адвокатом, потому что именно он полез в карман за телефоном.

Алёна зажмурилась, потом из комнаты охранников вышла. Альбина Петровна сидела на диване в гостиной, в руке держала стакан с лекарством и тревожным взглядом наблюдала за Ваней. Максимыч на стуле пристроился и смотрел по телевизору «шоу у усадьбы Марьяново», правда, без звука, чтобы внимание ребёнка не привлекать. Но и не слыша того, что главная героиня говорила, морщился и вздыхал. А когда Алёна в гостиную вошла, посмотрел на неё, головой огорчённо качнул.

— Дела, — протянул он печально.

— Альбина Петровна, как вы? — спросила Алёна бледную, как простынь, женщину. Та лишь кивнула.

— Хорошо всё... Хотя, чего уж тут хорошего? Что мы без Павла Андреевича делать со всем этим будем?

— Алёна, ты глянь, она ж через забор лезет.

Алёна к телевизору повернулась, мрачно наблюдала за тем, как Ирина предпринимает попытку забраться на трёхметровый забор. Её снимали, её фотографировали, а она цеплялась за все выступы и пыталась подтянуться хотя бы на полметра. Странно было, что никто не предложил ей свою помощь, не попытался посадить, даже её собственный адвокат, а ведь она ему платит. Наверное. Но она карабкалась в одиночестве, а видела это вся страна.

— Алёна, можно мне конфету?

Она повернулась на голос ребёнка, изобразила улыбку.

— Конечно, малыш. Возьми на кухне.

Ванька убежал, бросив машинку, а Алёна снова повернулась к телевизору.

— Она не успокоится, пока не войдёт сюда. Она знает, что Паша в Москве, и остановить её некому.

— А мы на что? Остановим.

— Не остановим. Всё это спектакль, и чем хуже последствия, тем лучше. — Алёна потёрла виски, в которых стучала кровь. — Где мы будем их всех ловить? У нас территория огромная, и чёрт знает, что с этим забором. — Потёрла холодные руки, на садовника посмотрела. — Александр Максимович, вы ведь можете нас на лодке на другой берег перевезти?

Он выпрямился, но соображал недолго. Кивнул.

— Конечно, могу. Хочешь мальчика вывезти?

После того, как он озвучил её идею, Алёна окончательно решилась.

— У нас выбора нет. Паша сказал: спрятать, значит, я спрячу. В Испанию мы не попадаем, но ничего, страна у нас, слава богу, не маленькая.

— Так ко мне можно, — оживился Максимыч.

Алёна мрачно кивнула, продолжая обдумывать план.

— Да, в погреб.

— Ну, почему в погреб? В тераске поживёте.

— Нет, я его увезу. Туда, где никто не найдёт. Ваня!

Ванька прибежал, жевал конфету, другую Роско в пасть сунул.

— Ваня, мы едем путешествовать.

Он глаза удивлённо округлил.

— Сейчас?

— Да. Иди наверх, переоденься. Я сейчас поднимусь, и мы вместе соберём рюкзак. Бегом, Ваня.

Все поднялись, смотрели на неё в волнении. А Алёна обратилась к охраннику.

— Пустите их в усадьбу. Через час после нашего отъезда, пусть там ещё попрыгает. Пустите её, адвоката и органы опеки. Полицию, если будет. Пусть осмотрят дом, не мешайте. Альбина Петровна, единственное, не давайте заходить в кабинет, там им делать нечего. — Она осторожно перевела дыхание. — Думаю, за час мы уже отъедем далеко. За рекой нас точно искать не будут. Но для всех: мы уехали вчера, вместе с Павлом. И пусть ищут.

— Алёна Дмитриевна, куда вы его? — чуть не плача, спросила Альбина Петровна. Она впервые обратилась к ней не просто по имени, а по имени-отчеству. Но сейчас до этого никому никакого дела не было.

Алёна обвела всех взглядом, затем кивнула немного не к месту.

— С ним всё будет в порядке. Не переживайте. И никому знать не надо, так спокойнее.

Она побежала вверх по лестнице.

Ваня в детской разбирал свои игрушки. Рассматривал, на кровати уже лежал робот, солдатик и машинка.

— Ваня, я просила переодеться. — Дверцы шкафа распахнула, достала яркий рюкзак, быстро просмотрела детские вещи, кое-что хватала с полок и складывала в рюкзак. Потом оглянулась, посмотрела на игрушки. — Бери солдатика и машинку. Больше ничего не возьмём.

— А книжку?

— Я все сказки наизусть помню, — успокоила его Алёна. — Давай, малыш, переодевайся.

Из своих вещей взяла самый минимум, смену белья и сарафан. На себя надела джинсы и лёгкую кофту.

— Мы полетим на самолёте? — Ваня едва поспевал за ней, вприпрыжку бежал.

— Нет, милый. Мы пока не поедem на море. Мы... папу подождём. А потом все вместе поедem. — Алёна посмотрела на него. — Это же лучше?

— С папой лучше, — обстоятельно кивнул Ваня.

— Вот видишь. А пока мы поедем просто путешествовать. Папа нас потом заберёт.

Альбина Петровна встретила их с красными от слёз глазами. Ваню обняла, поцеловала, проводила на крыльцо. А потом взяла и перекрестила. Алёна на женщину посмотрела.

— Альбина Петровна, не расстраивайтесь так. С Ваней всё будет хорошо... для этого и уезжаем. — Она даже позволила по плечу её погладила. — Вам ещё незваных гостей встречать, успокаивайтесь.

— Алёна Дмитриевна, у меня тут машина, я вас до реки довезу.

Она кивнула молодому охраннику.

— Хорошо, спасибо. Ваня, иди в машину.

Роско вышел на крыльцо, подозрительно посмотрел на них. На Ваню, который садился в чужую машину, потом на Алёну, и неожиданно заскулил. А Алёна уставилась на него в полной растерянности. От его скулежа захотелось разреветься. Смотрела в глаза собаки, задохнулась.

— Где поводок?

Роско нельзя было оставлять. Он и без того с момента отъезда Павла был сам не свой, а если она ещё и Ваню увезёт, пёс сойдёт с ума. Он сегодня уже сорвал голос, лая в сторону ворот. Чужал, что там непорядок, полно чужих.

Поводок и намордник пришлось поискать, в усадьбе ими совсем не пользовались, и пока Алёна и Альбина Петровна металась по дому, Роско уже забрался в машину на заднее сидение, обнюхал ребёнка на всякий случай. Ваня игрался с солдатиком и болтал с охранником, который пытался мальчика отвлечь от происходящего. Наконец, Алёна с поводком из дома выскочила, села в машину и вздохнула. Посмотрела на обернувшегося к ней Максимыча.

— Можно ехать. — Роско погладила.

Уже через полчаса они высаживались на другом берегу реки. Максимыч провёз их дальше, мимо своей деревни, прямо до райцентра. Они вышли на бережку, совсем рядом дачные участки, старенькие домики и повалившиеся в некоторых местах заборы.

— Я вас провожу до остановки, — сообщил садовник, намереваясь тоже из лодки выбраться. Но Алёна отказалась. Присела рядом с Роско, надевала ему намордник и пристёгивала поводок, а Максимычу сказала:

— Нет, возвращайтесь. Как раз успеете к представлению. А мы сами отлично справимся, тут никого знакомых нет. Сядем на автобус и уедем.

Мужчина снова опустил на сидение. Оглядел их.

— Ну что ж, тогда с Богом.

— Пока, дядя Максимыч! — Ваня помахал ему на прощание рукой. Голову задрал, на Алёну посмотрел горящими глазами. — Куда мы поедем дальше?

— Далеко поедем, на автобусе. Ты ездил на автобусе?

Ваня активно затряс головой.

— Нет, никогда.

— Вот видишь, сколько интересного. Пойдёмте, держи меня крепко за руку. А ты, Роско, иди спокойно, а то мы за тобой улетим.

В общем, мальчики вели себя очень прилично и спокойно. Ваня с любопытством разглядывал всё, что попадалось ему встреч — людей, машины, других детей, а вот Роско, как только оказался на городской улице, насторожился и строго посматривал по сторонам. Но поводок не дёргал, степенно вышагивал рядом и предостерегающе на всех зыркал. Кстати, на Роско внимания обращали куда больше, чем на Алёну с Ваней, зря она опасалась. Огромный алабай интересовал граждан куда сильнее. А может, беспокоил. На автостанции, присев на скамейку, пожилая женщина рядом, несколько минут разглядывая Роско, затем головой качнула.

— Надо же, телёнок целый. Это где ж вы такого взяли?

Алёна погладила собаку.

— Это алабай, — ответила она доброжелательно.

— Зверюга. Загрызёт и не заметит.

Ваня выслушал незнакомую тётю, тоже на Роско посмотрел, после чего обнял того за мощную шею. А в защиту любимца сказал:

— Роско добрый, он нас любит. И мы его любим.

— Да это ж прорву денег надо, чтобы его прокормить! Он же за раз полтелёнка съест!

Ваня смотрел на неё и казался растерянным, явно не понимал, что тётенька от Роско хочет. А вот Алёна улыбнулась. Встретилась глазами с молодым парнем, который к разговору прислушивался и тоже собаку разглядывал. Только Роско оставался невозмутимым, бурно дышал и бдительно поглядывал по сторонам.

В ожидании автобуса пришлось купить в буфете пирожков и сока, а для Роско воды. Отошли в сторонку, сели на пустую лавочку, в стороне от людей, Ваня жевал пирог с повидлом, ногами мотал, и расстроенным или уставшим не выглядел. Роско, за неимением другой еды, проглотил слойку с сыром и теперь пил воду из одолженной у буфетчицы миски. А потом лёг у ног мальчика. А Алёна, воспользовавшись моментом, отошла на несколько шагов, набрала номер Дуси. Но глаз с Вани не спускала. Он разговаривал негромко, то ли с собакой, то ли со своим солдатиком, но главное, что был занят.

Дуся на звонок ответила сразу и вместо приветствия спросила:

— Ты телевизор смотришь?

— Уже нет. Не вижу смысла.

— Алёна, это ужасно. Его арестовали, это правда?

Алёна с трудом подавила вздох.

— Не знаю. Паша звонил вчера, а сегодня... Кажется, его ещё допрашивают.

— А ты? Вас окружают! Всё, я еду к тебе. Я сейчас приеду, и раскидаю всю эту свору!

— Дуся, тише. Дуся, меня там нет.

— Нет?

— Послушай меня, пожалуйста, не перебивай. Ты должна кое-что сделать. Я тебе сейчас продиктую номер, это номер Регины Ковалец.

— Чей?

— Ты слышала! Ты должна ей позвонить, и сказать, что я увезла Ваню. Увезла из усадьбы. Скажи, что я его спрячу. Пусть она Паше передаст. Пусть он не волнуется.

— Куда ты его увезла? Где спрячешь?

Алёна глаза рукой закрыла, потом в кулак её сжала.

— А куда я могу поехать? Я везу его к родителям.

Дуся молчала, довольно долго. Потом осмелилась спросить:

— Ты уверена?

— Нет, я не уверена! — не выдержала она. Ваня тут же голову повернул, посмотрел на неё, удивлённо и обеспокоенно, пришлось ему улыбнуться, а тон сбавить. Практически зашептала в трубку: — Мне больше некуда идти.

— Приезжай ко мне!

— Не могу! У меня нет паспорта, Паша забрал все документы, мы на днях должны были вылететь в Испанию. Не успели. Куда я без документов? Даже на автобус билет не возьму. И на Ваню никаких документов. Дуся, если меня задержат с ним в городе, меня посадят за похищение.

— Я сойду с ума, — решила тётка.

Алёна дыхание перевела.

— Не надо, не время. И всё у нас в порядке. Сделаем пару пересадок и выберемся из области. К вечеру будем у родителей. Только, пожалуйста, сообщи Регине. Пусть она Паше передаст. Потому что ему точно есть от чего сойти с ума.

— Хорошо, хорошо, я передам. А завтра приеду в Кулчино.

Алёна разглядывала ряд автобусов на стоянке.

— Нет, не надо. Ты знаешь отца. Он только больше разозлится. Решит, что ты меня спасать приехала. — На выдохе проговорила: — Всё будет хорошо. Позвоню, как смогу. — Телефон выключила и подошла к мальчику, надела ему на голову кепку. — Доел пирог, вкусный?

— Да. Но Роско хочет котлету.

— Придётся потерпеть. — Алёна снова присела, принялась надевать на Роско намордник. И его попросила: — Потерпи. К вечеру доберёмся до места, и не придётся его носить. — Со стоянки тронулся автобус, и Алёна торопливо поднялась. Надела на плечи рюкзак, взяла Ваню за руку и потянула за собой собаку. — Пойдёмте, наш автобус.

В автобусе Ваня выспаться успел. Роско втиснулся в пространство у его ног, положил голову ему на колени и терпеливо сносил тяготы путешествия. Не спал, смотрел по сторонам, охранял ребёнка. Алёна время от времени Роско гладила по голове, а Ваню к себе прижимала. А пассажиры рядом косились на них, но в основном, когда слышали, как Роско сглатывает или клацает зубами.

Из последнего автобуса вышли уже после шести вечера. Пять часов добирались, а впереди ещё три километра пешком. Алёна спустила Роско с поводка, сняла намордник, пёс тут же головой помотал, зевнул и снова громко клацнул зубами. Алёна рассмеялась.

— Тут совсем никого нет, — удивился Ваня, оглядываясь по сторонам.

Они стояли на остановке, позади поле, впереди поле и только между ними дорога, сейчас даже машин видно не было.

— Да, придётся прогуляться. Роско, вперёд.

Она храбрилась, улыбалась, даже болтала с Ваней, отвлекая его от усталости. Но на самом деле холодела внутри. И чем ближе они подходили к деревне, в которой она провела своё детство, как только начала узнавать окрестности, у неё начало мутиться сознание. Родителей она не видела год, и последний её визит был не из разряда удачных и душевных. Отец тогда ни одного слова ей не сказал, не поинтересовался, как у неё дела, и, вообще, что происходит с её жизнью. А теперь она собирается появиться на пороге его дома... с ребёнком. И собакой.

— Мы сейчас придём домой?

— Домой?

— В усадьбу. Мы поездили на автобусе и сейчас придём домой?

— Почему ты так решил?

— Тут тоже лес и полянки кругом.

Алёна Ваню по волосам потрепала.

— Нет, родной. Мы скоро придём, но мы проживём в другом месте. — Алёна помедлила с продолжением: — Я познакомлю тебя со своими родителями. Правда, здорово?

— Родителями? — Глаза Вани округлились. — С твоим папой?

Алёна кивнула, улыбнуться не смогла.

— Да, с моим папой.

Они прошли через деревню, навстречу попались несколько человек, в основном, женщин, и все смотрели им вслед. Но Алёну, кажется, никто не узнал. До дома родителей оставалось немного. Выйти из деревни и подняться на пригорок. Показалась крыша дома и забор. У Алёны сердце заколотилось. Она сильнее сжала руку мальчика, а когда до калитки оставалось

несколько метров, остановилась. Стояла и смотрела на дом. Тёмный, но добротный, с резными наличниками и коньком на крыше. Во дворе конура, стол со скамьями, на траве половики разложены для просушки. В стороне свежая поленница, а рядом ещё брёвна. И пахнет... пахнет сеном, древесиной и чем-то съестным. Знакомые с детства запахи. Но, не смотря на это, Алёна не осмеливалась сделать следующий шаг, не была уверена, что её здесь примут. Затряслись губы, похолодели руки, она стояла и чего-то ждала.

Как выяснилось, ждала отца. Он вышел на крыльцо, наверное, заметил её в окно, и теперь её разглядывал. Их разглядывал. Высокий, с тяжеловесной фигурой, он выглядел крепким и нестигаемым, таким Алёна его и помнила. И взгляд хмурый помнила, таким он её каждый раз провожал, и каждый раз встречал.

Алёна взволнованно сглотнула и выдавила из себя:

— Здравствуй, папа.

Ваня сидел на постели с панцирной сеткой, и время от времени мотал ногами. От этого кровать под ним поскрипывала, и этот звук казался ему удивительным, а уж точно был ему незнаком. Мальчик разглядывал тесную комнату деревенского дома, с любопытством, потом встал на постели на колени и потянулся рукой к часам с кукушкой. Часы давно не ходили, не тикали, а кукушка не подавала голос. Но они были такими красивыми, такими удивительными, с шишечками на цепочках, и потому хозяева не снимали их со стены. Алёна помнила эти часы с детства, они остались от бабушки, и, кажется, уже и в её детстве перестали показывать время. Кукушка застыла на взлёте, расправив крылышки, и теперь лишь молчаливо наблюдала за происходящим в комнате. Ваня попытался дотянуться до неё, до домика, даже подпрыгнул. Кровать снова скрипнула, и Алёна обернулась. Подошла, чтобы мальчика поддержать.

— Не упали.

— Зачем эти шишечки? — Ваня подёргал за них, разглядывая.

Алёна принялась ему рассказывать про самые лучшие часы, которые ей доводилось видеть. Про кукушку и позолоченные стрелки, старалась ребёнка отвлечь, потом попросила переодеться. Их ждали к завтраку.

И кто бы знал, как Алёна этого завтрака боялась. Оказаться за столом со всей семьёй, как когда-то. В этом доме поодиночке за стол не садились, никогда.

Каждая трапеза была семейной, за большим столом собирались все домочадцы и обсуждали то, что случилось за день. Отец всегда мечтал об этом, Алёна знала. И знала, что он не любит опозданий и не принимает в этом случае никаких оправданий. Поэтому стоило поторопиться.

На ночь их устроили в маленькой комнатке, которая когда-то служила тераской. Узкая, неотапливаемая, ей пользовались преимущественно летом. Но со временем дом перестроили, все комнаты отремонтировали и утеплили, и в этой ночевал старший брат Алёны, Максим, когда оставался в родительском доме на ночь или две. Кровать была старинная, с панцирной сеткой и пуховой периной. Где ещё такое увидишь, как не в родительском доме?

Ваня же ко всему присматривался с любопытством, но и явной настороженностью, и от Алёны старался не отходить. В доме были дети, самому младшему, Пете, недавно исполнилось шесть, родители усыновили его самым последним, два года назад. Перед ним девочки-погодки, родные сёстры, Маша и Кристина, им было по восемь лет. Ещё один приёмный ребёнок, мальчик тринадцати лет, Артём. Все они появились в этом доме уже после отъезда Алёны, плохо её знали, и, наверняка, считали гостьей в своём доме. Даже когда она появлялась, относились к ней с осторожностью, откровенничали мало, больше присматривались. И Алёна к ним присматривалась, хотя и не забывала приветливо улыбаться. Но что значат улыбки от малознакомого человека? Ничего. Но она видела, видела, что дети довольны своей жизнью здесь, и её родителей искренне любят. И, наверное, им повезло, они искренне так думают и чувствуют, и Алёна даже говорила себе не раз, что вот эти дети точно знают, что такое везение, и ценят свою удачу, а она не смогла. Не поняла и не оценила. Дуся говорила, что в этом нет её вины. Каждый человек сам строит свою жизнь, так, как он считает необходимым и для себя удобным, и она поступила по велению сердца. Так, как когда-то поступил её отец, увезя свою семью подальше от города и соблазнов. Поэтому её вины в этом нет. Но Алёна себя винила. Не за то, какой выбор однажды сделала, не за то, что уехала, а за то, что не смогла объяснить родителям, чего же она хочет от своей жизни. И случилось так, что они окончательно потеряли общий язык. Даже мама, вроде бы искренне радовавшаяся каждому её приезду, не понимала её и была всерьёз расстроена выбором Алёны. И поэтому все их встречи проходили без задушевных

бесед и откровенных разговоров. Алёна приезжала просто для того, чтобы знать: её семья в порядке, все живы и здоровы. И о своих делах рассказывала также: всё хорошо, учусь, работаю. Делиться с родителями банальными радостями городского обывателя не следовало, это приводило только к одному — к ссоре. А Алёна раз в год, на день рождения матери, приезжала не для того, чтобы ссориться. Поэтому о своих делах больше молчала.

А вот вчера она появилась на пороге родительского дома, опустив голову и надеясь скрыться от неприятностей и людской молвы. От того, от чего её родители всегда и предостерегали. И не было необходимости что-то объяснять и описывать в деталях случившееся, родители, без сомнения, уже вынесли свой вердикт. И интересовать их будет только одно: чей это ребёнок.

— Ты голодный? — спросила она мальчика.

Ваня от часов отвлёкся, бухнулся на пружинистую кровать, ещё разок подпрыгнул.

— Да, — согласился он. И вспомнил о друге: — И Роско голодный.

— И Роско покормим.

— Алёна, мы здесь останемся? — спросил ребёнок после короткой паузы. Тон был осторожный, а взгляд задумчивый. Алёна подошла к нему, присела на край кровати, пригладила Ване волосы. Пришлось кивнуть.

— Да. На некоторое время.

— А домой не поедем? — Ванька начал расстроено хмуриться. — Я хочу домой.

— И я хочу, — призналась она. — И мы обязательно поедем домой. Но некоторое время нам придётся пожить здесь. Вместе с Роско. А потом... папа нас заберёт.

Ваня кусал губу.

— Папа уехал в командировку?

— Да.

— А когда он вернётся?

— Очень надеюсь, что скоро. А мы с тобой... мы будем его ждать, я ему обещала. Мы... смелые, взрослые, мы просто его подождём. Он не должен за нас волноваться, понимаешь?

Мальчик смотрел в сторону и кусал губу. Так прошло полминуты, может, больше, но, в конце концов, Ваня кивнул. Алёна притянула его к себе и поцеловала.

— Папа очень тебя любит, — сказала она, и поняла, что вот-вот расплачется. Пришлось сделать вдох и от ребёнка отодвинуться. Попросила его: — Слезай с кровати, пойдём завтракать.

Роско, как оказалось, сидел прямо за их дверью. Поднялся, посмотрел серьёзно, позволил Ване обнять себя за шею, но хвостом не закрутил, как бывало обычно. Просто ждал. Алёна тоже его погладила и сказала:

— Сиди здесь, я потом тебя покормлю.

— Кормили уже. Только он есть отказался.

Алёна на знакомый голос повернулась, улыбнулась младшему брату. Коля был младше её на пять лет, и, наверное, был единственным, кроме матери, человеком, который всегда радовался её приезду. И сейчас не стал противиться, когда Алёна подошла и обняла его. Старший брат нежничать был не приучен, и всячески избегал объятий и поцелуев. А вот Коля был парнем добродушным, характер имел лёгкий, и смущаться не умел. Алёна подозревала, что он первый парень не только на эту деревню, но и на десяток окрестных сёл и деревень. Правда, сам Николай в этом ни за что бы не признался, опасаясь получить выговор от отца.

— Где ты взяла этого зверя? — спросил он, как только Алёна его от себя отпустила. На Роско он смотрел с восторгом.

— Это алабай, — сказала она.

— Это Роско! — воскликнул Ваня и любимца снова обнял. А тот обнюхал его, видимо, после ночи в чужом доме, мальчик, по мнению пса, и пахнуть стал как-то не так.

— Знатный зверь.

— Ты говоришь, не ел?

— Нет. Переживает, видимо.

Алёна смотрела на Роско с тревогой. Пёс был огромным, сильным, тренированным, Павел его обожал и лелеял, но если Роско не будет есть, то насколько хватит его силы и мощи?

— Идите за стол.

Голос отца раздался прямо у них за спинами, и Алёна, признаться, внутренне замерла. Вчера они так и не поговорили. Их с Ванькой только накормили ужином и отправили спать, в деревне было не принято засиживаться до полуночи. И вчера Алёна этому обстоятельству радовалась, да и Ваня за день изрядно вымотался. Они на рейсовых автобусах всю область проехали и в соседнюю перебрались, было от чего устать. А вот сейчас предстояло посмотреть отцу и матери в глаза, а за время завтрака подобрать подходящие объяснения.

Коля украдкой Алёне подмигнул и поторопился пройти на кухню, а вот она повернулась, встретила с отцом глазами. Осторожно кивнула.

— Доброе утро, папа.

Он не ответил, на неё смотрел, потом перевёл взгляд на мальчика и собаку. И сказал именно Ване:

— Бегом за стол.

Ванька казался ошарашенным. А может, и немного испуганным. Таращил на мужчину глаза, потом на Алёну посмотрел. Та ободряюще ему улыбнулась, протянула руку.

— Пойдём.

Ваня продолжал держать Роско за ошейник, и тот поднялся и шагнул вместе с ребёнком. Но отец Алёны ровным голосом приказал:

— Сидеть. — И Роско, к удивлению Алёны, после секундного колебания, снова сел. — Животным на кухню хода нет.

Ваня вцепился в руку Алёны, а на её отца продолжал глядеть полными непонимания глазами.

Большую часть кухни занимал стол. Большой, прямоугольный, за ним при желании можно было разместить два десятка человек. Обычно же собиралось в половину меньше, и поэтому было достаточно просторно. Когда Алёна вошла, на неё, на неё и Ваню, посмотрели все без исключения. Дети уже сидели за столом, ждали, когда им разрешат приступить к завтраку, чего нельзя было делать, пока отец за стол не сядет, мама и младшая сестра Алёны, Аня, расставляли последние тарелки. Только Коля снова улыбался, правда, украдкой. Но Ваню на руки взял, сначала к себе на колени усадил, потом на стул рядом. А младшим детям сказал:

— Это Ваня. Приглядывайте за ним, он самый младший.

Старший мальчик тут же спросил:

— Это твоя собака? В коридоре?

Ваня осторожно кивнул. Обернулся на Алёну, проверяя, стоит ли она рядом, и тихо сказал:

— Его зовут Роско.

— Он такой большой!

— И зачем в городе такая большая собака? — проговорил Дмитрий Сергеевич, проходя к столу.

Алёна на отца посмотрела, потом на детей, и всё-таки решила пояснить:

— Он за городом живёт.

Её слова потонули в детских обсуждениях и мрачном молчании отца. И тогда Алёна к матери обратилась:

— Давай я помогу.

Нина Фёдоровна на дочь глянула, после чего незаметно махнула на неё рукой.

— Садись за стол, всё уже готово.

Спорить Алёна не стала, прошла и села рядом с Ваней. Тот больше ничего не говорил, только крутил головой и непонимающе таращил глаза, в том числе и на детей. И только знакомо, совсем, как отец, вздёрнул брови, когда Дмитрий Сергеевич негромко, но выразительно цыкнул на расшумевшихся детей. Те сразу примолкли и уткнулись взглядами в свои тарелки. А Ваня посмотрел на Алёну, та погладила его по волосам.

На завтрак была каша, собственноручно испечённый хлеб, масло, сыр и яйца. Деревенская еда, насколько простая, настолько и вкусная. Алёна положила Ване на тарелку каши и намазала хлеб маслом. Дети рядом с ним ели с аппетитом, и он, после короткого обдумывания, откусил от хлеба. Алёна украдкой наблюдала за ним. А когда Ваня посмотрел на неё, тихо спросила:

— Вкусно?

Ваня жевал хлеб и кивнул.

— Кашу ешь, — попросила его Алёна.

— А тебя значит, Иваном зовут? — Дмитрий Сергеевич ребёнка разглядывал. А когда Ваня обратил к нему взгляд, вроде как похвалил: — Хорошее имя. А отца как зовут?

Ваня с Алёной переглянулся. Прожевал, поглядел на всех и вдруг обстоятельно ответил, даже Алёну этим удивив:

— Павел Андреевич.

— О как! А ты, значит, Иван Павлович. А я дядя Митя.

— А где твой папа? — спросила одна из девочек.

— Он работает! А мы путешествуем. — Было заметно, что Ваня храбрится.

— Путешествуете? — переспросил отец и на Алёну посмотрел.

Нина Фёдоровна взгляд мужа перехватила и попыталась спасти ситуацию.

— Митя, дай детям поесть. Не к столу такие разговоры. — На нового ребёнка посмотрела. — Ты кашу ешь дома?

Ваня тут же кивнул.

— Мы с Алёной манную едим с вареньем.

Мать кинула на Алёну долгий взгляд.

— Да, Алёна любит с вареньем.

У Алёны комок в горле встал, и захотелось кашлянуть. Сдержалась. Вместо этого нацепила на лицо улыбку, посмотрела на детей, на сестру и брата.

— Лучше расскажите, какие у вас новости.

Аня улыбнулась немного смущённо.

— Да всё как всегда. Правда, мы недавно в город ездили. Папа детей в цирк возил.

— Да, а ты напросилась, — посмеялся над сестрой Николай.

— И что? — тут же вспыхнула Аня, на самом деле вспыхнула, на щеках румянец заиграл. Алёна за сестрой внимательно наблюдала.

— В цирке были медведи, — не отвлекаясь от завтрака, сказал самый младший, Петя. И через весь стол кинул на отца преданный взгляд. — Они большие были, да, пап? А ещё тигры!

Дмитрий Сергеевич покивал.

— А ты был в цирке? — спросили у Вани. Тот важно кивнул, и тоже рассказал про медведя и тигра. А ещё про дрессированных собачек.

— У Регины есть собачка, — добавил он. — Маленькая, она ей костюмчики покупает смешные. Алёна, ты видела?

— Нет, милый.

— Её зовут Афродита. Папа говорит, что Роско съедает больше, чем она весит. Только я не

понимаю, почему он так говорит. Роско не станет её есть, он добрый.

— Папа шутит.

— Папа шутник? — сдержанно поинтересовался Дмитрий Сергеевич, Алёна после этих слов кинула на него затравленный взгляд. Допила чай, прежде чем ответить.

— У всех своё понятие о чувстве юмора, — сказала она.

Отец кивнул.

— Тебе, конечно, виднее.

— Митя!

Завтрак закончили в молчании. Дети торопились доест, им не терпелось выйти на улицу, и Ваню тоже с собой позвали, кормить кроликов и ягнят. Тот несмело на них смотрел, потом на Алёну оглянулся.

— Ты со мной пойдёшь?

— Нет, я помогу убрать со стола. А ты иди. Только осторожнее, Ваня. И возьми Роско на улицу.

Она отпускала его, просто выйти из дома, с другими детьми, а сердце всё равно было не на месте. Но не держать же Ваньку за руку до того момента, пока они не вернутся в усадьбу?

Мальчик кивнул, осторожно спустился со стула, потом замер и оглянулся. Посмотрел на Нину Фёдоровну.

— Спасибо.

Алёна поневоле улыбнулась, не понимая, чем она-то гордится, а Нина Фёдоровна мальчику кивнула.

— На здоровье.

А Ваня стал смешно пятиться к выходу. А когда он вышел, Коля негромко хохотнул.

— Интересный мальчуган.

Родители молчали, он на них посмотрел и тоже замолк. А Дмитрий Сергеевич глянул сначала на сына, потом на младшую дочь.

— Поели? Подите прочь, за детьми присмотрите.

Коля сунул в рот последний кусок сыра и из-за стола поднялся, Ане кивнул. Они вместе из кухни вышли, и Алёна осталась наедине с родителями. Повисло молчание. Отец на стол облокотился, глянул на жену. У Алёны было чёткое ощущение, что лично с ней он говорить не хочет, но ему приходится. И поэтому она решила заговорить первой, признать:

— Мне некуда было больше идти. Простите.

— Алёна, чей это ребёнок?

Она разглядывала полупустые тарелки на столе, обдумывала. В итоге сказала:

— Мой.

Ведь её, правда? Паша доверил ей сына, ему это, наверняка, было сделать трудно. Он никому его не доверял, кроме Регины, а ей оставил. Значит, Ванька её. На какую-то частичку, но её.

— Мой ребёнок, — повторила она увереннее. — Я несу за него ответственность. Значит, мой.

— Тебя не об этом спросили.

Она сцепила руки под столом.

— Ваня — сын человека, которого я люблю.

— И где он, этот человек?

— В Москве. Ему пришлось уехать, у него... у нас некоторые неприятности. Он сейчас не может вернуться, а мы не могли остаться в Нижнем. Нам нужно было... где-то остановиться.

— И ты вспомнила о том, что у тебя есть родители.

Алёна сжала губы, чувствуя, как вся краска бросается ей в лицо. Но в душе всё равно поднялся протест.

— Я об этом никогда не забывала, иначе бы не приезжала. Это ты решил забыть, что у тебя дочь есть.

— Алёна, не говори так, — попросила Нина Фёдоровна, но муж остановил её жестом.

— Да нет, пусть говорит. Это ведь я её выгнал из дома в шестнадцать лет. Я всё правильно понимаю?

— Нет, папа, я ушла сама. Хочешь, чтобы я это вслух произнесла? Я ушла из дома. — Пришлось дыхание перевести, а щёки уже нещадно щипало. — Но только потому, что ты не стал бы меня слушать.

Отец сверлил её недовольным взглядом.

— Умная ты стала. И разговорчивая.

Алёна вздохнула.

— Наверное, я всегда такой была. Поэтому и ушла.

Дмитрий Сергеевич пальцем в стол ткнул.

— Сбежала.

Алёна отвернулась от него, пыталась в себе примерить возмущение. В конце концов, кивнула.

— Хорошо. Пусть будет так. Но это было давно. — И убеждённо проговорила: — Ты не можешь злиться на меня всю жизнь.

— Я не злюсь на тебя. Меня пугает то, что у тебя в голове происходит.

Алёна посмотрела на молчавшую мать. Видела по её лицу, что ей есть, что сказать, возможно, даже поспорить с мужем, но она молчала. Только дочь разглядывала. А Алёна, не смотря на то, что перед отцом и его категоричностью зачастую пасовала, никак не могла заставить себя молча всё выслушать. Отец заговорил с ней, на самом деле заговорил, пусть и с открытыми претензиями, можно сказать, что впервые за десять лет, и ей очень захотелось ему объяснить, хотя бы попытаться рассказать. Не о жизни и каких-то истинах, а просто о себе.

— Папа, я окончила школу, я поступила в институт. Я его окончила. Я стала журналистом. Неужели это так плохо? Что именно в моей жизни вызывает у тебя подозрения и недовольство?

— Хотя бы то, что ты прибежала сюда из города. И ты сама признаёшь, что прибежала прятаться. И хочешь меня уверить, что с твоей жизнью всё в порядке?

Она подбородок вверх задрала, хотелось казаться гордой и решительной, но перед родителями не получалось. Знала, что в их глазах она всё равно несмышлёный ребёнок.

— Нет, не всё в порядке, — пришлось Алёне признать. — Но... Паша вернётся, и всё будет хорошо.

— Ты вышла замуж? — осторожно спросила Нина Фёдоровна, а на мужа бросила предостерегающий взгляд. Тот всерьёз нахмурился, а на непутёвую дочь поглядывал исподлобья. Ответа ждал.

Алёне же пришлось качнуть головой. Отец же не удержался и хмыкнул.

— Но у тебя его ребёнок. То есть, вы вместе живёте.

Алёна зажмурилась на секунду.

— Папа, сейчас другое время.

— Это тебе Дуся объяснила?

Алёна в негодовании даже руками всплеснула.

— Нет, папа, жизнь! Ты сам родился не в восемнадцатом веке, поэтому давай не будем обсуждать моральную сторону вопроса. Если я и живу... с мужчиной, то только потому, что люблю его. Не все женятся на второй день знакомства. И ты не исключение.

Дмитрий Сергеевич откровенно цыкнул на неё, и даже ладонью по столу стукнул. Алёна хотела было возмутиться, но встретила взгляд матери, и тогда уже заметила у дверей Аню. Та смотрела на них с непониманием, даже удивлением. Видимо, таких речей в этом доме не случалось, по крайней мере, очень давно. Увидев сестру, Алёна примолкла, и даже руки на столе сложила, как ученица. А отец крикнул, на младшую дочь глянул.

— Что ты хочешь?

— Там Максим приехал.

— Пусть подождёт, выйду скоро.

Аня тут же выскочила за дверь. Алёна проводила её взглядом. Потом печально качнула головой.

— Даже если бы я осталась, я бы не стала такой. И ты бы всё равно был мной недоволен.

— Не говори так. — Мама из-за стола поднялась, обошла его, а к Алёне наклонилась. Поцеловала в макушку.

— У каждого из нас свои недостатки. И свои мечты. — Алёна осмелилась посмотреть на отца. — Ты хотел вот этого, — она обвела руками деревенскую кухню, — и привёз сюда семью. А я хотела чего-то большего для себя. И ты меня в этом винишь?

— Алёна! — голос матери был возмущённым, а Алёна из-за стола поднялась и из кухни вышла. Только переступив порог, поняла, что делать этого не должна была. Возможно, это был единственный, а и то и последний шанс, поговорить с отцом. А она снова всё испортила. А всё потому, что начинает злиться каждый раз, когда её пытаются обвинить в предательстве. А ведь отец расценивает её отъезд... бегство, именно как предательство.

Выскочив на крыльцо, натолкнулась на старшего брата. Максим её поймал, знакомо вскинул брови, притворяясь удивлённым.

— Посмотрите, кто вернулся. Блудная дочка.

— Ты ещё поиздевайся! — не выдержала Алёна. Обожгла брата взглядом, но почти тут же выдохнула, а Максима обняла. — Очень рада тебя видеть. — Отодвинулась, пригляделась к нему. — Слушай, чем тебя жена кормит?

Максим усмехнулся, потёр гладкую, румяную щёку. Щёки, кстати, у него румяные с детства были. И Алёна была уверена, что щетина на них вовсе не растёт. Максиму почти тридцать, он отец двоих детей, а физиономия по-мальчишески задорная и гладкая. Только в плечах за эти годы раздался, да животиком обзавёлся, что намекало на сытую семейную жизнь.

— Чем надо, тем и кормит. Знаешь, как готовит?

— Правда? — Алёну что-то вдруг царапнуло, прямо за душу. — Молодец она у тебя.

Он кивнул.

— Молодец.

— Максим. — Отец появился у них за спинами, хмуро глянул, снова сквозь Алёну. — Хватит языком чесать, пойдём. Ты карбюратор привёз?

Максим кивнул, и Алёне пришлось его отпустить. С крыльца спустилась, обернулась на отца и брата, но те уже спешили через двор к открытому амбару. А она прошла и села на лавку у стола. Детские голоса слышались неподалёку, Алёна даже Ваню смогла увидеть, и успокоилась. А к ней Аня подошла. Присела рядом, но молчала. Алёна посмотрела на неё. Аня была на три года младше, и, если честно, совсем на неё не похожа. Даже внешне. Русая, кареглазая, со спокойным характером. Иначе как объяснить её послушание? Алёна вот такой не была, ей всегда хотелось спорить и чего-то добиваться. Когда-то она хотела другой жизни, потом диплом журналиста, интересной работы. Сейчас вот хочет Павла Кострова. Вечное стремление к чему-то, которое, кстати, порой приносило разочарования.

— Папа будет злиться на тебя, — сказала Аня, наконец.

— Пусть злится на себя, — ответила Алёна. И с горьким смешком добавила: — Я вся в него. Аня странно посмотрела на неё.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что это так. Даже мама это понимает. Но он слишком упрям, чтобы это признать. А я вся в него. Если чего-то хочу, готова совершать глупости. Но я всё равно поступлю по-своему. Не могу по-другому.

К ней подошёл Роско, обнюхал её колени, а Алёна взяла его за уши и притянула ближе к себе. Принялась чесать мощный загривок. Пёс, кажется, расслабился, потому что сел у её ног и закрыл глаза.

— Большая собака, — сказала Аня, наблюдая за её действиями.

— Да, — согласилась Алёна. — Но он хороший, главное помнить, что он всегда охраняет Ваню. Да, Роско?

Пёс приоткрыл один глаз, посмотрел на неё. Алёна же ему улыбнулась и пообещала:

— Папа скоро вернётся.

Роско вздохнул совсем, как человек. А Алёна снова на сестру посмотрела.

— Расскажи мне о себе. Как ты живёшь? У тебя парень есть?

— Какой парень? Папа такого не признаёт.

— Ах, ну да. Только замуж.

Аня всё-таки улыбнулась.

— На самом деле, это правильнее. Ты так не считаешь?

— Не знаю.

— А ты? Разве ты не собираешься выйти замуж? Я слышала... что ты говорила родителям.

Про мужчину.

— Всё сложно, Ань. И если бы папа меня сейчас слышал, наверняка, поставил бы на мне жирный крест, но... мне сейчас совершенно всё равно — женится ли он на мне когда-нибудь. Для начала пусть вернётся. Это всё, чего я хочу. — Ещё Роско погладила. — Это всё, чего мы хотим.

— А он вернётся?

Алёна сглотнула.

— Вернётся. За сыном... он отовсюду вернётся.

— Алёна! — Ваня увидел её, вскинул руки и заулыбался. Потом к ней побежал. Алёна его поймала, перетащила через бок Роско и усадила к себе на колени. В лицо ребёнка заглянула.

— Что ты делал, что такой довольный?

— Там кролики, и мы их кормили! А ещё курочки и маленькие овечки!

— Как здорово. Ты их кормил?

— Да, мне Кристина давала хлеб и морковку.

Алёна прижалась щекой к его волосам.

— Моё сокровище.

Если не принимать во внимание, что отец старался с ней больше с глазу на глаз не оставаться, то всё было спокойно. В доме, в большой семье, особо много времени на то, чтобы предаваться тяжёлым раздумьям, не было. Все в доме были заняты своим делом, даже дети. Они кормили животных, помогали в огороде, Нина Фёдоровна занималась домом, и Алёна взялась ей помогать. Такую ораву следовало кормить, стирки было вдоволь, уборки. Алёна и забыла, каково это, заботиться о большой семье, когда ты лишена некоторых благ цивилизации, к которым привыкла и уже не замечаешь их, живя в городе. Здесь не было горячей воды, её нагревали специальным водоподогревателем, и стиральных машин-автоматов здесь не было. Бельё крутилось в старой советской машинке, а потом отжималось между валиков. Полы мылись

вручную, скоблились щётками, домотканые половики вытрясались на улице и жарились на солнце, вместе с подушками, одеялами и зимней одеждой. И всё это между приготовлением завтраков, обедов и ужинов. Если честно, через три дня жизни в родительском доме, Алёна чувствовала себя так, словно её выжали, как лимон. Рыбников всегда прикрикивал на своих сотрудников, и на неё в том числе, обвинял их в разгильдяйстве и лени, заставлял поторапливаться и поворачиваться, и даже не особо следуя наставлениям начальника, Алёна время от времени чувствовала усталость. А вот сейчас понимала, что просто забыла каково это — уставать и крутиться, как белка в колесе. А её мама так жила, долгие годы.

— Как ты справляешься? — спросила Алёна в какой-то момент.

— Мне девочки помогают. Просто сейчас ты приехала, и они занимаются другими делами.

— Всё равно. Мама, ты должна себя беречь.

Нина Фёдоровна рассмеялась.

— Я берегу. Просто, когда то, что ты делаешь, в удовольствие, то усталости не замечаешь.

— Конечно, — проворчала Алёна, — шестеро детей в доме.

— Слышал бы тебя сейчас Коля. Нашла ребёнка.

— Ты права. Два мужика в доме. Их нужно кормить, их нужно обстирывать. Ещё и по голове гладить, мол, всё они делают правильно.

Нина Фёдоровна развешивала бельё на верёвке, дочь слушала и посмеивалась.

— Когда ты говоришь это, я прямо слышу Дусю.

— Дуся тут не причём. Просто я не хочу, чтобы ты уставала.

— Я не устаю, я привычная.

— Надо купить стиральную машину. Ну, правда. Это не такая уж и роскошь. Она выстирает, отожмёт, высушит.

— Даже высушит?

— Можно купить с сушкой. — Алёна зажала прищепкой край простыни. — Я подарю тебе на день рождения. И мне всё равно, что скажет папа.

— Ох, как бойко у тебя получается. «Мне всё равно, что скажет папа!».

— Да, всё равно, — храбрясь, проговорила Алёна.

— Ты со своим мужем так будешь разговаривать.

Внутри всё опустилось. Алёна губы облизала.

— С ним так не поговоришь.

Нина Фёдоровна кинула на неё быстрый взгляд.

— Мне становится всё любопытнее. — Алёна помолчала, и ей пришлось задать очередной вопрос. — Не хочешь рассказать, что у вас произошло?

Стираного белья оставался ещё целый таз, и Алёна наклонилась к нему. Встряхнула наволочку, прежде чем повесить.

— Это сложно объяснить. Но он приедет за нами, как только сможет.

— Отец твой говорит, что это не к добру.

— У папы всё не к добру.

— Знаешь, я склонна с ним согласиться. Хотя, признаюсь, иногда он перебарщивает с беспокойствами. Особенно на твой счёт.

— Он считает, что я пропащая.

— Алёна, он беспокоится.

— Он бы беспокоился, когда тащил нас сюда! В голод и холод.

Нина Фёдоровна недовольно поджала губы.

— Не говори так.

Алёна загородилась от матери развешанной простынёй, закрыла глаза и вздохнула. После

чего признала свою вину.

— Ты права, я не должна так говорить. И знаю, что я несправедлива. Просто...

— Ты не можешь забыть.

Алёна отвернулась от неё.

— Это не значит, что я виню его... или тебя. Я просто не понимаю, почему он настолько категоричен. Все ошибаются. Даже из благих побуждений. Я тоже ошиблась. Мама, мне было шестнадцать лет, и я просто боялась... застрять здесь боялась. Что в моей жизни ничего не случится. Ничего достойного и интересного.

— И что? Ты довольна своей жизнью?

Алёна присела на скамейку. Прищепку между пальцев крутила. Всерьёз раздумывала.

— Наверное, да. Ещё совсем недавно я бы сказала, что мне мало. Снова мало. Что я хочу этого, и того хочу. Но я никогда не хотела денег, мам. Я хотела чего-то, что меня изнутри заполнит. Мне казалось, что это работа. Карьера, что-то безумно интересное. Оказалось, что нужно мне совсем другое. Но у меня это есть, появилось, и значит, всё не напрасно. Значит, уехала я отсюда не напрасно. — Алёна слёзы вытерла. Дурная привычка у неё завелась в последнюю неделю — реветь.

— Может, попробуешь сказать это отцу?

Алёна печально усмехнулась.

— Вряд ли его это заинтересует. Отсутствие штампа в моём паспорте является неоспоримым доказательством моего морального падения и очередной совершенной ошибки. А я тебе, мама, скажу больше: у меня даже паспорта сейчас нет. Я человек без всяких прав.

— Не говори ерунды.

— Не буду. — Алёна поднялась, натянула на верёвке край последнего пододеяльника. На мать посмотрела. — Ты научишь меня щи варить? Паша явно этому обрадуется.

Нина Фёдоровна улыбнулась.

— Научу.

Ваня по отцу скучал, сильно. Но заговаривал о нём в основном перед сном. Днём он был занят, носился с детьми по участку, стараясь не отставать от более старших и знающих. Интересного вокруг было много, его брали с собой кормить животных, брали с собой в огород и даже объясняли, что можно есть, а что лучше пока не трогать. Дети ели малину прямо с куста, смородину, грызли морковку и огурцы прямо с грядки. Для деревенских всё это было привычно, а вот для Ваньки, столичного ребёнка, в новинку и приводило в восторг. Ваня время от времени прибежал к Алёне, и, сбиваясь и тараторя, рассказывал той, о чём он только что узнал или что видел. Ванька пачкался, барахтался в сене, а пару раз даже засыпал на сене, в обнимку с Роско. И только перед сном, когда Алёна рассказывала ему сказку, стараясь не нарушать традицию, вспоминал об отце, принимался выпрашивать, когда тот к ним приедет, и даже расплакался однажды. Алёне было безумно его жаль, и Роско жаль, да и себя тоже, но мальчика она старалась успокоить, и обещала... обещала что-то абстрактное. Она сама ничего не знала. Лишь однажды позвонила Дусе, но у той новостей особых не было. Пересказала то, что слышала каждый день из новостей, сообщила, что Регина информацией её тоже не порадовала, потом поинтересовалась, как у них дела. В общем, успокоения после этого разговора Алёна никакого не почувствовала, и Ваню её порадовать было нечем. Им по-прежнему оставалось только ждать.

Но больше всего волновал Роско. Прошло несколько дней, а он отказывался есть. Ходил за Ваней, следил за ним цепким взглядом, почти не спал. Пёс откровенно тосковал. На ночь забирался под кровать, на которой спали Алёна с Ваней. Весь не помещался, из-под кровати торчала то задняя часть, то печальная морда. Коля за ним присматривал, Алёна даже видела пару раз, как уговаривает поесть и подкладывает Роско лучшие кусочки. Собакам, живущим здесь,

сырое мясо было не положено, а вот для Роско Коля лакомство находил. Но Роско и им не соблазнялся, хотя обычно от мяса не отказывался никогда. Но то из рук хозяина. Вот и сегодня есть не стал, а Алёна опасалась, что и не пьёт, за этим уследить никак не получалось. Об этом и думала. Лежала, слушала, как Ваня сопит, уткнувшись носом в её руку, а за окном темно. Хотя, часы показывали всего одиннадцать часов. По деревенским меркам глубокая ночь. В доме тихо, но Алёна знала, что Коля смылся через окно ещё час назад и вряд ли вернётся до утра. А под кроватью очень тихо лежал Роско, и только изредка вздыхал. Кажется, он даже не спал в последние дни. Как только Алёна обращала к нему свой взгляд, пёс тут же глаза открывал и смотрел на неё с ожиданием.

Долго лежала, слушала. Детское дыхание, вздохи собаки. Потом с кровати свесилась, на Роско посмотрела. Он лежал, устроив тяжёлую голову на скрещенных лапах, а как только Алёна к нему наклонилась, глаза открыл. А она его погладила.

— Роско, — шёпотом позвала Алёна. У него уши шевельнулись, но головы пёс не поднял и не повернул. Алёна ещё его погладила. — Ты должен есть, слышишь? Так нельзя. — На глаза снова слёзы навернулись, а горло перехватило спазмом. Пришлось сглотнуть. — Мы все его ждём, и он вернётся. Но что тогда я ему скажу? Что не уследила за тобой? А ты сам? Ты должен Ваню охранять, ты за него отвечаешь... А ты не ешь и не спишь. — И повторила: — Так нельзя.

Пёс не шевельнулся, глаза закрыл, а Алёна, после секундного раздумья вернулась на свою подушку. Вот что делать с этим упрямым?

Зато утром её Коля порадовал. Подошёл и показал пустую миску. Алёна ахнула.

— Поел?

Коля с довольным видом кивнул.

— И миску вылизал. — Он подошедшего Роско по загривку похлопал. Тот никак не отреагировал, Алёна давно поняла, что если Роско против, он никого к себе не подпустит, если настроен благосклонно, то от чужих похвалу или ласку воспримет равно, никак не реагируя. Но у ног Алёны сейчас сел, правда, смотрел в ту сторону, где Ваня с Петей играли. Алёна собаку тоже похвалила, потом погладила.

— Ты молодец. — Потом чуть наклонилась к нему, понюхала. От собаки начало пахнуть псиной, как от любой деревенской дворняги. Пришлось успокоить и себя, и Роско. — Ничего, домой вернёмся, папа тебя с лавандовым шампунем намоет. Будешь чистым и душистым. Да?

Роско смотрел в другую сторону, но Алёна заметила, что хвостом пару раз дёрнул. Можно вздохнуть с облегчением. А вот Коля откровенно ухмыльнулся.

— Лавандовый шампунь?

Алёна легко от брата отмахнулась.

— Ты ничего не понимаешь.

Самое трудное в жизни — это ждать. Кто угодно подтвердит. Особенно, если не знаешь, чего ждать. День проходил за днём, они сложились в неделю, начали другую, и пугало то, что перейдут и в третью. А Алёна сделать с этим ничего не сможет. С Региной по телефону пришлось пообщаться только раз, и этот разговор оставил на душе неприятный осадок. Не тем, что Регина Родионовна сказала что-то не то или обвинила Алёну в неправильном поступке и неадекватной, слишком острой реакции. Напротив, Регина порадовалась тому, что Алёна схватила Ваньку в охапку и увезла подальше. Это как раз и напугало. И трудно было предположить, сколько это осадное положение может продлиться.

— Они его арестовали? — спросила Алёна, замирая от ужаса.

— Они его задержали. Ограничили всяческие контакты с миром, проверяют... копаются в наших активах. — Регина не сдержала тягостного вздоха. — Это неприятно. Я даже не думала, что будет настолько неприятно.

— А... эта Ирина?

— Воевать с ней приходится мне. Но Ваню ищут, правда, неофициально. Подать заявление о пропаже ребёнка она не может. Хотя в этом нам повезло. Но, возможно, она наняла частную структуру. Такое возможно.

— У неё есть на это деньги?

— У неё нет. Но есть у других. Этим Вадим занимается. Как Ваня?

Алёна машинально нашла мальчика взглядом. Ваня с Петей наблюдали, как Коля с Максимом обстреливают доски, подбирали самые длинные стружки, и друг другу ими хвалились.

— Хорошо, — сказала Алёна. — Бегают, играет. Здесь детей много. Только по Паше скучает сильно.

— Передай своим родителям, что мы им очень благодарны. За помощь и поддержку в трудной для нас ситуации.

Прозвучало весьма официально, и Алёна знала, что Регина говорит это со всей серьёзностью, наверное, в последние недели все эти слова и тон, набили у неё на языке оскомину, и по-другому уже не получалось, только формально и отстранённо. Да и её родителям вряд ли нужны благодарности, Алёна сомневалась, что они хорошо помнят, кто такая Регина Ковалец. Но пообещала, конечно же, пообещала. А перед тем, как закончить разговор, не удержалась и спросила:

— Регина Родионовна... его ведь отпустят?

Повисла пауза, и Алёна успела пожалеть о своём вопросе. Вот не спросила бы, и можно было и дальше тешить себя надеждой, а теперь...

От беспокойства, что её съедало, напросилась с Максимом в город. Поближе к свежей прессе, телевидению и интернету. Хотя бы, узнать, что люди говорят. Как протекает скандал.

— Ты останешься с Роско, — мягко сказала она Ване. Он смотрел на неё с беспокойством, поэтому Алёна притянула его к себе и поцеловала. — Я вернусь через несколько часов. Привезу ирисок.

— А Роско?

— А Роско печенья. Он же его любит, ты знаешь.

— Которое, как косточка. Папа такое ему покупает.

Алёна ответственно кивнула.

— Я помню. — Пригладила Ване отросшие на макушке волосы. И снова пообещала: — Я вернусь быстро, не переживай.

Он отпустил её, но нехотя. И поэтому Алёна долго махала Ване и Роско рукой из кабины «Газели». Рядом сидела Аня, собравшаяся в город за покупками по списку, составленному матерью, а за рулём Максим, который что-то бубнил про то, что не нанимался возить девочек по магазинам.

— Ты так с женой разговаривать будешь, — не выдержала в какой-то момент Алёна. — И мы тебя с собой в магазин не приглашаем, иди за своим насосом.

Старший брат головой качнул.

— Какая ты стала разговорчивая. Тебя муж-то не выдержит.

— Выдержит. — Алёна послала ему в ответ язвительную улыбку. — У него нервы, как канаты. В отличие от некоторых. Мнительных.

Аня рядом с ней постаралась спрятать улыбку. Потом сказала:

— Ты всё-таки хочешь выйти замуж.

— Конечно, хочу. В своё время.

— Ньюху тоже надо замуж выдавать, — сказал Максим. — У меня жена в этом возрасте

второго родила.

Алёна заметила, что сестра насупилась, понятно, что расстроилась от этого замечания, и встала на её защиту.

— Вот тебя спросить забыли, кому когда жениться и детей рожать. Смотри, давай, на дорогу. — Алёна взяла сестру под руку. — И было бы за кого выходить в этой глуши. Ты да Колька, вот и все мужики. А вот лично нам от этого ничуть не легче.

— Тебе-то без сомнения.

Алёна на брата гневно взглянула, а тот рассмеялся, явно довольный собой. И чтобы как-то его язвительность сгладить, сестре сказала:

— Ничего, вот Паша вернётся, я тебя в город заберу. Мы к Дусе съездим вместе, устроим девичник.

— Ага, — хмыкнул Максим, — так её отец и отпустил.

— Макс, мы обе совершеннолетние.

— Да, да. Мы ещё на твоего жениха посмотрим, когда явится.

Алёна только головой качнула.

— Какой же ты бываешь ехидный. Под отца подстраиваешься?

Максим покосился на неё.

— Ты заноза мелкая.

— А ты большая. Ты нас у торгового центра высадишь?

— Какого торгового центра? Это же не Нижний. — Брат сокрушённо качнул головой. — Ты от жизни вообще отстала.

— Мы едем на оптовую базу, — сказала Аня. — Мы всегда там закупаемся.

Алёна только сокрушённо качнула головой.

— С вами каши не сварить.

Но самое главное — это информация. Неподалёку от того места, где они остановились, Алёна купила несколько журналов и газет, и пока ждала возвращения брата, читала и одновременно кипела от негодования. Писали об аресте Павла, писали о Кострове-старшем и его деятельности, экономическое издание рассуждало о последствиях и уровне коррупции. А на страницах «жёлтого» издания опубликовали интервью Ирины. Правда, ничего нового в нём Алёна не обнаружила, кроме фотографий из усадьбы, точнее, от ворот, через которые Ирина пыталась перелезть. От Регины Алёна знала, что на территорию её вместе с адвокатом и представителем органов опеки всё же допустили, но съёмку вести, понятное дело, не разрешили. И теперь Ирина взывала к общественности и просила помочь ей найти сына. А Алёна, не смотря на внутреннюю борьбу, прислушалась к себе, и поняла, что больше напугана этой перспективой, чем чувствует хоть какую-то вину за содеянное. А ещё пугала неизвестность. Что будет, если Павла не отпустят? Если не получится разобраться и всё уладить, как он её успокаивал? Что будет, Регина приедет и заберёт мальчика? А что тогда делать ей?

— Всё в порядке? — Аня подошла к ней, поставила сумку с покупками на скамейку рядом с Алёной. — Та выглядишь расстроенной.

— Есть от чего расстроиться, — созналась Алёна. Поднялась, а все газеты выбросила в мусорную корзину неподалёку. На сестру взглянула. — Всё необходимое купила? Теперь пойдём, порадуем чем-нибудь себя. Да и Ваню нужно приодеть. Кроссовки вдреизг разбил.

А в деревне было тихо, особенно вечерами. И именно вечерами тревожные мысли и одолевали. В доме принято было ложиться не позже десяти, становилось тихо и темно, в том числе и на улице, даже собаки не лаяли. В деревне всего пара десятков домов, и преимущественно проживали пенсионеры. Они тоже ночами не бодрствовали и электричество понапрасну не жгли. И когда Алёна, уложив Ваню спать, выходила на улицу, никого кроме

сверчков слышно не было. Она садилась на бревно за домом, куталась в кофту матери, и именно в эти моменты хотелось выть и устроить истерику. При Ване было нельзя, и при родителях нельзя, и днём приходилось сдерживать себя, отвлекать чем-то, наверное, поэтому с таким воодушевлением помогала матери по дому. Даже щи варить научилась, и чрезвычайно гордилась собой. А вечером, оставшись наедине со своими мыслями, опять же ревела. Кому она их варить собирается?

Днём иногда забирала Ваню и Роско, и они шли гулять. По полям, поднимались на опушку леса, спускались к реке и даже доходили до цепочки маленьких озёр, прозванных кем-то в незапамятные времена Светлыми. А это было далеко, от деревни километров семь, а они проходили их, а домой возвращались усталыми, но довольными. Долгие прогулки выматывали, и физически и морально. Кажется, даже Роско уставал. Он эти километры зачастую удваивал, носясь по полям взад-вперёд, сбрасывая адреналин и энергию.

В один из вечеров к ней отец подсел. Алёна была уверена, что все уже спят, а он бесшумно подошёл и присел, можно сказать, что рядом. Тоже в темнеющий горизонт всмотрелся.

— Что тебе не спится? — хмуро поинтересовался он.

Алёна плечами пожала, натянула на плечи кофту.

— Никак не привыкну.

— В городе под утро ложатся?

Алёна расслышала в его голосе намёк на издёвку, и голову повернула.

— Папа, ты прекрасно знаешь всё про город. Ты там половину жизни прожил.

— Это была первая половина. И не самая лучшая.

— Ах, вот оно что. — Алёна усмехнулась и покивала.

— Мать говорит, ты ревёшь.

Алёна отвернулась от него. После короткой паузы созналась:

— Иногда реву. Мы здесь уже десять дней. Ванька пока вопросы не задаёт, но скоро начнёт. Он ребёнок. А вот вы с мамой уже начали. Время идёт, а ничего не происходит.

— А чего ты ждёшь?

— Что Паша приедет! Всё остальное со временем, я уверена, решится.

— Уверенность — это хорошо.

Алёна на отца посмотрела.

— Ты опять недоволен мною?

— А чем мне быть довольным? Ты сидишь здесь, льёшь слёзы. А тот, из-за кого льёшь, в тюрьме сидит.

Алёна помолчала, потом кашлянула.

— Откуда ты знаешь?

— Алёна, я не наивный деревенский простак. И читать умею, и выводы делать.

— Понятно. Макс или Аня?

— А тебе не всё равно?

И, правда, было всё равно. Дмитрий Сергеевич тем временем недовольно хмыкнул.

— Я Кострова помню, он в девяностых как раз в депутаты подался.

— А я не помню. И мне всё равно. Я знаю одно: они всеми силами пытаются Пашу к делам отца притянуть. Чтобы он ответил и возместил. Разве это честно?

— Там не бывает честно или нечестно. Там бывает выгода.

— Выгода везде есть, даже здесь.

— Серьёзно?

— Да. Главное, с какой стороны посмотреть.

— Ты это Нюсе рассказываешь?

— Её зовут Аня, папа. И она терпеть не может, когда её называют Нюсей или Нютой. Ты знаешь об этом?

Дмитрий Сергеевич крикнул и отвернулся от неё. А Алёна печально улыбнулась.

— Извини, но я считала и считаю, что ты не хочешь слышать ничего, что тебе не нравится.

— Ты сейчас про себя?

— Не только. Папа, ей двадцать три года, что она видела? Макс и тот над ней смеётся. А за кого ей замуж выходить? Тут кроме деда Андрея ни одного холостяка на пять километров вокруг, по крайней мере, подходящего. А дальше ты её не пускаешь! Она и так боится тебе слово сказать поперёк. Да и не умеет. Я, конечно, понимаю, что ты её любишь, наверняка больше, чем меня, идиотку строптивую, но, папа, нельзя держать её на привязи вечно.

Отец нехорошо усмехнулся.

— И что ты предлагаешь? Отдать её на перевоспитание твоей тётке?

— Аню уже не перевоспитаешь, не волнуйся. Но дай ей шанс... просто посмотреть на мир. Если она захочет, она вернётся и никуда больше не уедет. Но у неё должен быть выбор. Как у меня и как у тебя. Иначе просто нечестно.

— Ты мне о честности говоришь? Ты хоть раз честно спросила у матери, что она пережила, когда нашла твою записку? Или та же Нютка?

Алёна сглотнула, отвернулась от него, а ногтями вцепилась в сырую древесину.

— Ты бы меня не отпустил, — проговорила она глухо.

— Это не значит, что нужно было сбегать из дома. Это позор, дочь.

Она руками всплеснула.

— Может быть. Но кто его, кроме нас, заметил? И я тысячу раз просила прощения. Но ты не дал мне ни единого шанса! Но, наверное, именно это было честно. По-твоему. И я, на самом деле, чувствую вину. Но куда больше перед мамой и перед Аней. Потому что из-за меня ты ужесточил контроль, и у неё не осталось не единого шанса.

— Шанса сбежать?

— Хотя бы что-то сказать в свою защиту.

— Ей не от кого защищаться. Она, слава богу, в мать пошла, а не в тебя.

— Ты путаешь, папа. Не в меня, а в тебя.

Дмитрий Сергеевич остановил на Алёне пристальный взгляд, после чего неожиданно хмыкнул.

— Что ж, может ты и права. А ты?

— Что?

— Всем довольна?

— Нет, конечно. Я же не сумасшедшая, чтобы быть всем довольной. Да и не бывает ничего гладко. Ты сам прекрасно знаешь. Но это моя жизнь, и большинство решений я принимала сама. Именно этого я хотела, а не развлечений и свободной жизни, как ты думаешь. Я несу ответственность за каждое своё решение. Даже за то, что я сейчас нахожусь здесь. — Алёна дыхание перевела и тише добавила: — Несмотря ни на что, мне есть куда возвращаться. И я это ценю. Ты меня не выгнал.

— Куда я тебя выгоню, с ребёнком?

Алёна улыбнулась сквозь слёзы, кивнула.

После Алёна долго обдумывала их разговор. Да, он не закончился объятиями и обоюдными просьбами о прощении, отец в какой-то момент просто поднялся и посоветовал ей идти спать. Но Алёна всё равно чувствовала облегчение, это был первый их разговор за десять лет. Без споров, криков и обид. Уж какие выводы для себя сделал отец, Алёне остаётся лишь догадываться, она отлично знала, насколько он упрям бывает и непримирим, но почему-то она

была уверена, что пусть маленький, но шаг к примирению сделан.

Павел появился неожиданно. Это было подобно грому, тому самому, среди ясного неба. Когда человек вздрагивает от неожиданности и замирает. Замирает в растерянности, не зная, что делать. Алёна две недели его ждала. Изю дня в день, просыпалась утром и говорила себе: сегодня он вернётся. А вечером, перед сном, чтобы как-то справиться с разочарованием, успокаивала: не сегодня, так завтра обязательно. Но время шло, к ожиданию привыкалось, с ним приходилось жить, как-то смиряться с ним, и поэтому когда оно закончилось, в одну минуту, на Алёну обрушилось непонимание. Вот только что она занималась своими делами, нарезала зелень, мама сушила её в огромных количествах, чтобы использовать зимой, а сейчас только смотрит на остановившийся за оградой автомобиль, на Павла, который вышел из машины и теперь идёт к ней. А у неё пустота в душе, будто воздушный шарик, наполненный тягостным ожиданием и тревогой сдулся, а что придёт на смену, пока не ясно. Загадывать страшно. И поэтому Алёне понадобилась целая минута, она руки опустила и просто смотрела на него. Потом задохнулась, и в тот же момент всё стало хорошо.

— Паша.

Из-за стола вскочила, укроп попадал на землю, нож, кажется, тоже, но это было совсем неважно. Кинулась к Кострову, даже не заметив его улыбки и призывно раскинутых рук. Алёна подбежала и повисла у него на шее. Павел немного покачнулся, но обнял её в ответ.

— Паша, Паша...

— Хватит уже повторять моё имя, я чувствую себя неловко. — Он посмеивался над ней, но вся его насмешка выливалась только в слова. Сам Павел её обнял, потёрся колючей щекой, и даже застонал негромко. После чего сказал: — Солнышко, от тебя укропом пахнет.

Алёна быстро вытерла слёзы, потом принялась руки отряхивать, и снова в Павла вцепилась. Поцеловала и тут же отстранилась, принялась всматриваться в его лицо.

— Тебя отпустили? Совсем? Что они делали? Как нога, болит?

Костров откровенно закатил глаза, за плечи Алёну обнял. И попросил:

— Не тараторь. И я же не в застенках НКВД был, Алён. Что, по-твоему, они могли со мной делать?

— Не знаю, — в тревоге проговорила она. Потом прижалась к нему, руками обхватила. — Как же мы по тебе скучали!

— Где Ванька?

Алёна в растерянности закрутилась на месте.

— Где... На огороде, с детьми. Я позову его. — Но прежде чем бежать за ребёнком, обернулась, услышав жалобный скулёж. Роско нёсся через двор, то ли лаял, то ли скулил, налетел на Павла, тому пришлось даже отступить под таким натиском, а пёс принялся скакать рядом. Павел рассмеялся, а когда Роско поднялся на задние лапы, прижал его к себе.

— Моя собака, здоровяк мой. — Павел его гладил, теребил, даже за уши потянул, а Роско всё норовил его лизнуть в нос. Прыгал, как щенок, поскуливал и крутил хвостом. Павел на корточки присел, обнял собаку за шею.

— Соскучился? И я по тебе соскучился, парень.

Алёна всё смотрела на них, а сама пятилась по направлению к тропинке, что вела за дом. А когда всё же повернулась, заметила на крыльце отца. Они на мгновение встретились взглядами, но она тут же побежала по тропинке.

Ванька с детьми дёргал морковь. Если для кого-то это и было работой, то только не для детей. Они тянули за ботву, падали назад, смеялись и спорили, кто вытянет самую большую. А Алёна прибежала и каким-то не своим голосом закричала:

— Ваня, Ваня! Иди быстрее! Папа приехал.

Ванька замер в первый момент, бросил морковку с ботвой на землю и вытаращил глаза.

— Папа? Папа приехал!

Он мимо Алёны промчался так, что только пятки засверкали. А она только улыбаться могла, и то устало, бурные эмоции её оставили, хотелось просто сесть и поплакать, на этот раз от облегчения.

Когда во двор вернулась, захотелось шаг сбавить. Павел разговаривал с её отцом, отвлёкся, только когда сына увидел. Лицо озарила улыбка, он Ваньку практически на лету подхватил и к себе прижал. Поцеловал в щёку, а мальчик его за шею обнял.

— Папа, наконец ты приехал! Мы тебя ждём, ждём!

— Правда? — Павел ещё его поцеловал, на руках подкинул. — Это хорошо, что ждёте. Я торопился к вам. А ты как, хулиганил без меня?

— Нет! Я хорошо себя вёл. — Ваня на руках у отца крутнулся. — Деда Митя, скажи, что я хорошо себя вёл.

— Хорошо, хорошо. Помогал вовсю.

— Ну, ты просто молодец.

Алёна как раз подошла, на отца взглянула, а тот ей сказал:

— Матери передай, что я на пасеку уехал. К ужину буду.

Она кивнула. А когда отец отошёл, сделала ещё шаг, прижалась щекой к плечу Павла. И пока Ванька, захлёбываясь от восторга, пересказывал отцу новости, он Алёне шепнул:

— Не реви. Всё хорошо.

Она кивнула и осторожно вытерла слёзы.

Павел же отошёл и поставил сына ногами на скамейку, отступил на шаг. Ухмыльнулся.

— Господи, видела бы тебя Регина.

Ванька утёр нос тыльной стороной грязной ладошки, снова к отцу потянулся.

— Папа, тут так интересно. Мы дёргаем морковку. Знаешь, какая она большая бывает? — Ванька в ажиотаже раскинул руки. — Вот такая!

— Да что ты? А щёки у тебя такие тоже с морковки?

Алёна улыбнулась.

— С парного молока.

— И стриженный под машинку. — Павел откровенно рассмеялся. — Ребёнок, мой ли ты? — Взял снова сына руки и с ним сел. А Алёна Ваню по коротким волосам погладила.

— Он так оброс. Мама всех мальчишек стригла, и его заодно.

Ваня показал как.

— Вот так, папа, вжик — и всё. Быстро.

Павел кивнул.

— Да, вжик — и всё, и у Регины инфаркт.

— Ничего, быстро отрастут, — сказала Алёна. Заметила маму, да и Павел поспешил подняться. Руку женщине, что приглядывалась к нему с интересом и ожиданием, протянул.

— Здравствуйте. Я Павел.

— Здравствуйте, давно вас ждали. Я Нина Фёдоровна. — Она ещё окинула Павла изучающим взглядом, потом к Ване руку протянула. — Пойдём умываться, Аня воду нагрела. А потом цыплят кормить пойдёшь?

Ваня моргнул, явно разрываясь. На отца посмотрел.

— Папа, можно я пойду цыплят кормить? Я так люблю их кормить!

— Иди, конечно.

— А ты не уедешь? — бдительно поинтересовался мальчик.

Павел головой покачал.

А Нина Фёдоровна кинула на дочь долгий взгляд.

— И ты не стой, там ещё суп горячий, покорми.

— Сейчас, мама.

Дождалась, пока мама отведёт ребёнка на достаточное расстояние, и тогда уже сделала шаг, и Павел её обнял. Уткнулся лицом ей в грудь, руками обхватил, а Алёна наклонилась к нему. Прижалась губами к его макушке.

— Паша, я так переживала.

Он её погладил.

— Но я же здесь.

— Всё хорошо?

Он с ответом помедлил, после чего кивнул.

— Всё нормально.

Алёна положила ладони на его щёки, и в этот момент ей было всё равно, что он скажет, вспомнив о своих шрамах. Она наклонилась к нему и приняла долгожданный поцелуй. Опустилась на его здоровое колено и за шею обняла.

— Ты быстро нас нашёл?

— Поплутал немного по лесам и полям. Но нас с тобой этим разве напугаешь?

Она улыбнулась.

— Без охраны?

— Вряд ли твой батя обрадовался бы команде с оружием.

— Это точно.

— Вадим нас в райцентре ждёт.

— Когда?

— Сколько надо, столько и будет ждать. Лучше скажи мне: как дела?

Алёна задумалась, после чего кивнула.

— Наверное, хорошо. Мы даже с отцом поговорили. По крайней мере, попытались. Мне кажется, прогресс есть.

— Это замечательная новость.

Роско снова сунулся к ним, зажмурился, чувствуя руку хозяина. А Павел его по боку похлопал.

— Чем ты их кормила? Ты посмотри, какие бока.

— Всё тем же, Паша. Парное молоко, парное мясо. Мой младший брат просто голову потерял от Роско. Я его ругала, а он всё кусочки послаще ему таскал.

Павел головой качнул, а псу сказал:

— Тебя ждёт диета, приятель.

— Он и так первые дни отказывался есть, так что, не ругай его. Он молодец, от Вани не отходил. Только вымыть его не мешает. С шампунем от блох.

Роско как раз усадил себя и почесал лапой за ухом.

А Алёна снова к Павлу прижалась, но тут же поднялась.

— Пойдём, я тебя покормлю. Ты голодный?

В доме Павел осматривался с неподдельным удивлением. Было заметно, что дом перестраивали, достраивали, ремонтировали. Ни о какой красоте при этом не задумываясь. Главным было выгадать побольше места. Даже общей комнаты — зала или гостиной, можно назвать, как угодно, — в доме не оказалось. Местом общего сбора была кухня. И телевизора, правда, в доме не обнаружилось. Только старенькое радио у печки. Третью кухни занимала русская печь, такое сейчас редко встретишь, даже в деревнях, а вот у родителей Алёны печь была. Правда, в другом углу обычная электрическая плита. У неё Павел и увидел девушку,

русоволосую, правда, черты лица у них с Алёной были схожи. Но в глазах откровенное смущение, девушка негромко поздоровалась, а когда Павел протянул ей руку, жутко покраснела. Алёна же дёрнула его за рукав, пояснила:

— Это Аня, моя сестра. — А к ней обратилась: — Посмотришь, где Ваня? Я пока дорогого гостя накормлю.

Аня, кажется, этому обрадовалась, тут же из кухни убежала. А Павел в задумчивости хмыкнул, потом осмотрел кухню, к печке подошёл, приложил к ней ладони, ощутив тепло, и только потом присел за длинный стол. В кухню заглянули две девочки с косичками, его увидели, смущённо хихикнули и убежали.

— Сколько ты, говоришь, детей?

Алёна поставила перед ним тарелку с супом, поспешила хлеб нарезать. А в ответ негромко проговорила:

— Младших четверо. Пете, самому младшему, седьмой год. Они с Ваней подружились.

— Он выглядит довольным. И щёки во, — Костров даже щёки надул. Алёна улыбнулась, по волосам его погладила, наблюдая, как он ест.

— Я тебе про парное молоко ещё в усадьбе говорила, а ты мимо ушей пропустил. Вкусно, Паш?

Он кивнул, хлеба ещё взял.

— Оголодал?

— Ну, кормили не фонтан, малыш. Но терпимо.

— Всё закончилось? — тихо спросила она.

— Самое главное, чтобы на меня перестали всех собак вешать. А с остальным разберёмся.

— А Ирина?

Павел съел ещё пару ложек, прежде чем ответить.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе это здесь, на кухне твоих родителей?

Алёна решительно кивнула.

— Да. Я просто хочу знать.

— Я куплю ей квартиру в Майами. Или в Лос-Анджелесе. Где она захочет. Но не потому, что я такой добрый, просто я уверен, что оттуда она не вернётся.

— Думаешь, этого хватит?

— Я думаю, — проговорил он каменным голосом, — что больше ей никто не предложит. Если откажется, значит, полная дура. Пусть попробует со мной повоевать.

Алёна ещё немного придвинулась к нему, положила голову ему на плечо.

— Главное, что ты вернулся.

— Это на самом деле главное. — Павел голову повернул, посмотрел на неё. — Я больше за вас переживал, чем за себя. Пока Регина не сказала, что ты Ваньку увезти успела. Ну, думаю, если Алёнка его увезла, то его теперь ни одна собака не найдёт. Особенно, из твоих бывших дружков.

— Не говори так. Они не все плохие. Вот Серёжка хороший. И даже Рыбников.

— Куда уж нам без Рыбникова.

На кухню вбежал Ваня, а за ним другие дети. Ваня влез на стул рядом с отцом, показал чистые ладошки.

— Папа, я умылся.

— Хорошо. — Павел улыбнулся сыну, потом остальным детям, а старшему из них, Артёму, даже по-мужски протянул руку. Тот на рукопожатие ответил, и тут же заважничал.

— Папа, ты суп ешь? А мы будем молоко с булочками.

— Время полдника, — пояснила Алёна, поднялась, чтобы помочь вернувшейся Ане.

Расставила перед детьми чашки и разлила молоко. А Павел за сыном наблюдал, как тот подсел к детям, и они что-то принялись шёпотом обсуждать, прихлёбывая молоко и откусывая от румяных булочек. И его ребёнок, изнеженный заботой Регины, привыкший к швейцарскому сахарному печенью из железных банок, одетый и подстриженный по последней моде, сейчас с аппетитом ел и пил молоко из кружки со щербиной, и подпирал ладошкой румяную щёку. А ещё он дёргает морковь на огороде и кормит цыплят. Павел голову поднял, на Алёну посмотрел. Она стояла совсем рядом, в простеньком сарафане, с волосами, заплетёнными в косу, на него не смотрела, разговаривала с сестрой, а он руку протянул и обнял её за талию. Алёна его руку тут же скинула, глянула с намёком, а дети за столом захихикали. Да и Аню он, кажется, смутил окончательно.

— Здесь это не принято, — шикнула на него Алёна, когда они с кухни вышли.

— Я понял, дети.

— И это тоже.

Они зашли в тераску, Алёна закрыла дверь, и тогда уже позволила обнять себя. Сильные руки её смяли, прижали к мужскому телу, а горячие губы накрыли её губы.

— Я так ждала тебя, — шепнула она между поцелуями.

— А я о тебе думал. И скучал.

— Это я чувствую, — рассмеялась она, а когда Павел сделал попытку прижать её к двери, они вместе едва не вывалились наружу. Алёна рассмеялась и оттолкнула его. А Костров поинтересовался:

— Она что, не запирается?

— А зачем? — невинно переспросила Алёна.

Павлу пришлось выдохнуть. А Алёна повернулась к нему, провела ладонями по его плечам, разглаживая незаметные складки на рубашке-поло, и одновременно негромко проговорила:

— Веди себя прилично. А то папа выставит нас вон.

— Я веду себя прилично, — пробубнил Павел, разглядывая её. — Но тут даже двери не запираются.

— Здесь кругом дети.

Она улыбнулась ему и ускользнула. Павлу пришлось её отпустить.

Остаток дня Костров вёл себя, как Алёна и просила, прилично, и больше присматривался к происходящему. Вместе с отцом Алёны в доме появились её братья, снова пришлось знакомиться, жать парням руки, приглядываться к ним с тем же любопытством, которое и они к нему проявляли, но, правда, ни одного вопроса в лоб не прозвучало. Никто не спросил, кем он приходится их сестре, не спросили, где он был последние две недели. А если всё-таки были наслышаны о его проблемах, не поинтересовались, в какой стадии их решения он находится. Кажется, это никого не беспокоило.

В доме из-за детей было шумно, но при этом никто не мотался без дела. Все были чем-то заняты, кроме него. Женщины готовили ужин, дети дёргали траву в палисаднике, хотя больше дурачились, а мужчины что-то обсуждали, разглядывая просторный сарай. Кажется, его собирались перестраивать. К ним Павел присоединился, но только слушал и сарай разглядывал.

Коля, младший брат, был парнем задорным и фонтанирующим идеями, которые, по большей части, никуда не годились, но сдерживать он себя не умел. Эта черта у них с Алёной была схожа, значит, досталась от кого-то из родителей, и Павел поневоле стал присматриваться к старшим, пытаясь понять, от кого именно. Дмитрий Сергеевич казался человеком серьёзным, не склонным к авантюрам и лёгкому времяпрепровождению. А Нина Фёдоровна с Павлом душевные беседы вести не спешила, и поэтому выводы сделать было сложно. Но в целом обстановка в доме была спокойная, и всё было нацелено на детей. Ими занимались постоянно, воспитывали неустанно, но те не выглядели затюканными или испуганными, носились по дому

и двору, кричали, играли, и только при родителях мгновенно затихали и притворялись истинными паиньками. И его сын, кстати, полностью копировал их поведение. Как только видел кого-то из взрослых, замирал на месте и смотрел на всех абсолютно невинным взглядом. Это веселило.

— Это ваша машина? — спросил его Коля, когда ему надоело обсуждать сарай. Отошёл от отца и старшего брата, на Кострова уставился, всё же ему было любопытно. И Павел видел, какие взгляды он на него кидает. Николай, явно, не так представлял человека, который смог завоевать сердце его строптивой сестры. А судя по осторожности в голосе, Коля для себя решил, что предполагаемый зять весьма похож на его отца, да и по возрасту близок, и поэтому с ним лучше не шутить.

Павел оглянулся на «гелендваген», после чего кивнул.

— Я такую в журнале видел, — признался парень. — А вот так близко — никогда.

— Думаю, здесь такие машины появляются редко, — согласился с ним Павел.

К ним Роско подбежал, покрутился рядом, потом потёрся боком о ногу Кострова. И Павел заметил взгляд паренька, в этот момент в нём проскользнула неподдельная зависть. Павел собаку погладил, слегка похлопал по скуластой морде.

— Он так скупал, — сказал Коля. — Извёлся весь.

Павел даже присел на корточки, обнял пса за шею. И сказал:

— Он ещё молодой, чувствительный. Ему всего два года.

— А здоровяк такой!

— Понравился?

— Ещё бы. Хотя, мелкие перепугались, когда его увидели, — рассмеялся Коля. — Решили, что он их съест.

— Роско, сядь. — Роско уселся, высунул язык и хрипло задышал. Поглядывал на мужчин. — Я тебе подарю щенка, хочешь? — Павел поднялся, смотрел в ошарашенное лицо молодого человека.

— Алабая?

Костров кивнул. Глянул на подошедших Дмитрия Сергеевича и Максима. Те определённо к разговору прислушались. И Павел кивнул на отца Алёны.

— Если Дмитрий Сергеевич не против.

Коля совершенно по-детски, умоляюще посмотрел на отца.

— Папа, можно?

Тот задумчиво хмыкнул, на Роско посмотрел.

— Я знаю, сколько такая собака стоит. Точнее, представляю.

— Роско у нас отменный производитель, — усмехнулся Павел. — Нам с каждого помёта щенков полагается. Следующий твой, — пообещал он Коле. — Правильно воспитаешь — лучшим другом станет. А в отношении детей, сами должны были видеть. Ванька у меня верхом на нём катается, а Роско за счастье. Да, здоровяк?

— Мальчик с ним смешно смотрится, — улыбнулся Максим. — Они одного роста сейчас.

В общем, задобрил, как мог. Павел старался с речами и разговорами, а уж тем более советами, не соваться, держался в стороне, и только с Алёной шептался, когда возможность предоставлялась, да Ваньку на плече таскал. Тот, как уставал с детьми носиться, сразу к нему на руки просился. Соскучился не на шутку.

На ночь решили остаться. Родители Алёны не предлагали, не приглашали, но Костров понял, что это само собой разумелось. Просто забрать их дочь и своего ребёнка, сказать «спасибо» и уехать, казалось, неудобным. Поэтому без всяких слов и рассуждений Павел осматривал хозяйство, надо сказать, что немаленькое, и экскурсию ему проводил

воодушевлённый до нельзя Николай. Показывал хлев, показывал мастерскую, в которой старший брат занимался столярным делом и даже пытался научиться резке по дереву. Дмитрий Сергеевич предпочитал заниматься техникой, Коля похвастал, что они даже свой старый трактор, можно сказать, что сами собрали. А потом, посреди разговора о технике, он взял и спросил:

— Вы на Алёнке женитесь?

Павел как раз присел на корточки, чтобы погладить дворовую собаку, а услышав вопрос, откровенно хмыкнул.

— А что, думаешь, согласится?

— Да она-то точно согласится, — протянул Коля. — Она две недели слёзы лила по ночам.

— Серьёзно?

— Ага. Даже отец заметил.

Павел разглядывал чёрно-белую дворняжку, которая мела по земле хвостом и сама лезла под его ладонь. Улыбнулся украдкой.

— Значит, точно надо жениться.

— А вы хотите?

Костров поднялся, руки отряхнул. На парня посмотрел и честно признался:

— Мне эта мысль лет пятнадцать в голову не приходила. Но таких, как твоя сестра, больше нет. А я обожаю то, чего больше ни у кого нет. Так как я могу упустить такую удачу?

Николай смотрел на него во все глаза, потом до него дошёл тонкий намёк, и он несмело усмехнулся. Потом шире.

После ужина Павлу этот вопрос задали ещё раз. Уже без всяких обиняков, в лоб. И, признаться, Павел его ждал. Большую часть дня ждал, с того самого момента, как он протянул руку Дмитрию Сергеевичу для знакомства и встретил его прямой взгляд. Странно, что он ещё тогда не спросил:

— Когда у моей дочери штамп в паспорте появится? После всего-то...

И это было справедливо, и даже если бы Дмитрий Сергеевич его задал в первую же минуту знакомства, Костров бы не впал в ступор, не удивился и не поразился чужой прямолинейности. Потому что на самом деле: «после всего-то». А после шумного ужина в достаточно тесной для такой большой семьи кухне, где за столом, по меркам Павла, собралось невероятное количество людей, причём родственников, они с Дмитрием Сергеевичем вышли на улицу. Максим ещё до ужина уехал домой, в соседнюю деревню, Коля с Роско играл, бросал ему палку, а пёс без всякой усталости носился взад-вперёд, а дети затеяли игру в футбол неподалёку. Ванька тоже с ними бегал и даже пару раз до мяча смог дотянуться. Павел же с отцом Алёны сидел на скамейке, за всем этим наблюдал, и, если честно, жалел, что не вовремя бросил курить. Знал бы, повременил вот до этого разговора.

— Она меня не слушает никогда, — сказал Дмитрий Сергеевич, не глядя на Павла. — И говорить я ей ничего не буду. А ты мужик, взрослый. Вот и думай.

О чём именно «думай» было очевидно. Павел назад подался, привалился спиной к краю стола, локоть на нём пристроил. С сына глаз не сводил.

— А вас не пугает... то, что я взрослый? Для неё.

— Почему меня это должно пугать? Ей с тобой жить.

— И это, я вам скажу, Дмитрий Сергеевич, не сахар.

— Ты не прибедняйся, — обвинили его. — Вы и так живёте. Вот и будь последовательным. До конца.

Павел всё-таки посмотрел на него, постарался заверить:

— Да я не отказываюсь. Я даже очень «за». Просто вашим мнением интересуюсь.

— Я тебе своё мнение высказал: моя дочь — не наложница.

— Дмитрий Сергеевич!..

— Ты понял?

Под напором будущего тестя гонор пришлось смирить и просто ответить:

— Да.

Алёна как раз на крыльцо вышла, посмотрела вокруг из-под руки, заходящее солнце её ослепило, и Павел поневоле засмотрелся. А когда она по ступенькам легко спустилась и направилась к нему, улыбающаяся, в лёгком сарафане, явно позаимствованном у сестры, сама бы Алёна себе такой не купила, Костров как-то успокоился, и его «да», повторённое мысленно, было вполне искренним. И в этот момент он был бы не против это событие поторопить, хотя бы ради того, чтобы Дмитрий Сергеевич не буравил его взглядом, заметив, что Павел протянул руку к его дочери. Ведь прав у него на это ещё не было, по мнению будущих родственников. Потому что всё должно быть законно, с печатью и клятвами.

— О чём вы говорите? — спросила Алёна, изображая беззаботную улыбку, а на самом деле с тревогой вгляделась в лица отца и Павла.

— Мужские дела, — отозвался Костров. — Тебе не понять.

— Куда уж мне, — проворчала Алёна, ничуть не успокоившись.

Ваня пробежал мимо неё, только рукой за подол зацепился, но подбежал к отцу и повис у того на руках.

— Папа, ты видел, как я ударил? Я почти забил гол!

— Да, было круто. Ты у меня футболистом будешь? — Павел улыбнулся в лицо сыну.

— Не знаю, — бесхитростно отозвался Ваня. — Я пока не решил. Может, я буду вертолётчиком!

— Вертолётчиком? — повторил Павел за сыном и хмыкнул. — Это кто тебя такому слову научил?

— Артём. Он хочет быть вертолётчиком.

Павел улыбнулся, наклонился, сына поцеловал. А Ванька повис у него на руках. Откровенно баловался и, кажется, был этому обстоятельству весьма рад. А Дмитрий Сергеевич поднялся, дочь мягко подтолкнул на своё место.

— Садись. А я пойду, матери помогу.

Алёна вслед ему посмотрела, потом обхватила ладонью запястье другой руки, которого отец коснулся. Он давно её не касался, избегал. Она присела рядом с Павлом, взяла его под руку, а Ване улыбнулась.

— Ты не устал? — Тот головой помотал. Обнял одной рукой подбежавшего Роско. — Ещё помыться надо.

— Я ещё поиграю. Чуть-чуть, ладно?

Она кивнула, а Павел сына отпустил. Тот кинулся прочь, зовя за собой собаку. Павел снова сел поудобнее, ноги вытянул, а Алёне на колено ладонь положил. Признаться, опасался, что и это его действие сочтут незаконным и пресекут. Дмитрий Сергеевич вполне мог контролировать ситуацию со стороны. Костров даже подождал грозного окрика, не услышал его и расслабился. А Алёне сказал:

— Знаешь, я тут подумал: надо Ваньку к твоим родителям почаще отправлять. Дмитрий Сергеевич его муштровать будет. У меня как-то не получается.

— Ты его слишком любишь.

— Вот-вот. — Он кинул на Алёну любопытный взгляд. — Домой хочешь?

Она отвернулась от него, делала вид, что разглядывает нечто безумно интересное, а на самом деле пыталась спрятать взволнованную улыбку. Специально переспросила:

— Куда домой?

— Не хитри, — попросил её Павел.

Она рассмеялась, привалилась к его боку, позволила себя обнять за плечи. Призналась:

— Хочу. Альбина Петровна там с ума сходит, наверное.

Костров угукнул ей в ухо, носом потёрся.

— Просто удивительно, как нас судьба свела, — проговорил он.

Алёна за руку его взяла.

— Это не судьба, это я нас свела. Взяла и влезла через забор, прямо в твою жизнь.

— Хорошо, что забор вовремя отремонтировали. Обратной дороги нет.

Алёна повернулась к нему, оказалась так близко, что коснулась носом его носа.

— Паша, ты готов со мной беседы вести до утра. И это вместо того, чтобы просто сказать...

— Выходи за меня замуж, — перебил он её.

Алёна улыбнулась.

— Вообще-то, я надеялась услышать «люблю», но это предложение меня тоже радует. И я, конечно же, скажу...

— Люблю.

Она сделала осторожный вдох, прижалась щекой к его щеке.

— Я скажу тебе «да».

— Я думаю, что это плохая идея.

Павел сказал это, понял, что его не услышали или не захотели услышать, и тогда встряхнул газету и посмотрел поверх неё на женщин на диване. Рядом с ними читать было невозможно, ни одного шанса сосредоточиться, но Павел всё равно оставался с ними в одной комнате, и, наверное, именно ради того, чтобы сказать им именно эту фразу. Найти момент, вклиниться и сказать. Потому что он на самом деле так считал. Но его не услышали. И тогда он повторил громче:

— Я против!

Женщины замолчали, Алёна посмотрела на него, тёмные брови сошлись на переносице, а после она и головой качнула.

— Ты не можешь быть против, Паша.

— Почему это? Очень даже могу. И я против.

— Паша, это моя сестра.

— Да? А шкуру твой отец потом спустит с меня.

Дуся откровенно фыркнула.

— Павел Андреевич, — (кстати, она называла его по имени-отчеству только в моменты недовольства и язвительности, и в данный момент это служило намёком), — нельзя так трустить. Это неприлично.

— Да? А тащить девочку в Ярославль, чтобы там знакомить чёрт знает с кем, прилично? Она умрёт от смущения.

— Дуся говорит, что это очень хороший мальчик.

— А может, ей не нужен мальчик? Тебе-то ведь не нужен.

Алёна ему улыбнулась.

— И что ты предлагаешь?

— Предлагаю оставить её в покое. Всё в своё время случится.

— Где случится? — возмутилась Дуся и даже руками всплеснула. — Когда нам удастся вытащить её в город, ты привозишь её в усадьбу, и запираешь здесь. Большая разница!

Костров многозначительно закатил глаза, потом на жену посмотрел, столь же многозначительно.

— А тебе вообще недосуг сводничать. Роди сначала.

Алёна поудобнее устроилась на подушках, погладила большой живот. Плечами пожала.

— Рожу. Куда я денусь-то? Но судьба сестры меня заботит.

— Настолько, что ты готова отправить её за триста километров. Влюбляться.

Алёна расстроилась.

— Паша, я хочу, как лучше.

— Тогда отправь её в Европу. Одну. Ей куда больше необходим жизненный опыт, чем какой-то неизвестный мальчик.

Алёна с Дусей переглянулись и дружно ахнули.

— Одну?

— Вот за это, Павел Андреевич, мой брат вас точно проклянет.

Павел в досаде смял газету и поднялся. Махнул на них рукой.

— Делайте, что хотите!

— Паша! — Он обернулся в дверях, на Алёну посмотрел. Поневоле оттаял, мгновенно, как только встретился с ней взглядом. Алёна, располневшая, с округлившимся личиком, стала по-

особенному милой и казалась мягкой. Впечатление было обманчивым, он знал, и вряд ли она надолго останется пухлой хохотушкой, поэтому он старался её запомнить такой. До родов оставался месяц, времени совсем немного. И отказать он ей ни в чём не мог. Она не капризничала, характер был не тот, а он всё равно баловал и без конца что-то обещал. Хотя, как Алёна вчера ему призналась, она уже не хочет ничего, кроме как побыстрее родить. А ещё покачаться на качелях.

— Вот я рожу, — сказала она, — и сразу, сразу пойду на качели. Сяду на них и буду радоваться, что они подо мной не оборвутся. Паша, ты не представляешь, какое это будет счастье!

Вот как можно было на неё сердиться? И сейчас, если и всколыхнулось внутри врождённое раздражение, так тут же и растаяло, стоило жене в глаза посмотреть. А она ещё так мягко, с особой улыбкой, спросила:

— Тебе чай в кабинет принести? На кухне ещё пирог остался.

— Нет, — ответил он, заставил себя сдержать усмешку. — Оставьте для ярославского жениха. Две сводни.

Всё-таки любить родственников на расстоянии куда проще. В последний месяц в доме постоянно кто-то жил. То Регина приезжала на неделю, отдохнуть от столицы и побыть с Ваней, теперь вот Дуся, от этой шуму было куда больше. Ещё Аня гостила, но девочка была настолько тиха, что кроме пользы, никакого беспокойства от неё не было. Павел даже предложил бы ей остаться насовсем, Ане в усадьбе нравилось, но тесть бы точно не оценил и не понял. Да и права в чём-то Дуся: это равноценно её жизни в деревне, снова взаперти.

Роско подбежал, ткнулся влажным носом ему в ладонь, пробежал вперёд него в кабинет и разлёгся на ковре. Зевнул и клацнул зубами.

— Что, тоже от женской болтовни прячешься? Такая, парень, наша участь.

На столе нашёлся детский рисунок. Ваня нарисовал для него красную машину, а в квадратике, где на автомобиле должен быть госномер, кривоватыми буквами значилось: «папа». И если бы Павел был более чувствительным, как того порой хотела Алёна, он бы сказал, что ради таких вот мелочей и моментов и стоит жить. Но он чувствительным не был, поэтому не сказал. Он просто так подумал.

— Ваня! — послышался голос Алёны, кажется, с крыльца. — Ты обещал перед обедом почитать!

— Я не могу! — послышался отчаянный вопль. — Я занят! Алёна, я же шалаш строю!

— Я очень рада! Но через час обед, и в это время неплохо бы отдохнуть. Давай, бегом. Мне стоять тяжело!

— Ну, Алёна!

— После обеда тебе папа поможет. Иди ко мне!

Вот как можно работать в таких условиях? И это ещё Дуся не подключилась.

Кстати, Дуся, наверняка, умеет строить шалаши. С её неуёмной энергией она должна уметь всё на свете.

Вот только Дуся неожиданно засобиравалась в город. Не прошло и часа, как Павел услышал за дверью кабинета странный переполох и выглянул. И застал поспешные сборы родственницы. В дверях остановился, поглядывая с любопытством. В конце концов, поинтересовался, когда понял, что его самого и его интерес не замечают.

— Что за бегство?

Алёна обернулась на него, взглянула немного расстроено.

— Она уезжает!

Дуся остановилась перед зеркалом, поправила причёску, губы облизала.

— Я вернусь завтра. Хочу встретиться с Петей. Он как раз вернулся из Москвы. Костров хмыкнул.

— Это как-то ненормально — бегать на свидания к бывшему мужу.

Дуся замерла, потом повернулась к нему и взглянула с возмущением.

— Какие свидания? Что ты говоришь? Я замужняя женщина.

— Ага, — кивнул он. На жену глянул. — Не доверяй ей Аню. Она её не тому научит.

Дуся тоже на племянницу глянула.

— У твоего мужа ни грамма совести. — Она на Павла посмотрела. — Я тебе такую жену воспитала, где бы ты ещё такую нашёл? Неблагодарный!

Алёна головой покачала, абсолютно не расстроенная их перепалкой. Только попросила:

— Перестаньте. — Тётку расцеловала. — Поезжай, дяде Пете привет передавай.

Дуся тоже её поцеловала, а Павлу напоследок погрозила пальцем. Тот же усмехнулся.

На крыльце вышла ещё заминка, Ваня прибежал, и пока Дуся с ним прощалась, Алёна стояла рядом, а потом взяла мальчика за руку, чтобы не давать ему возможности вспомнить о ещё каком-нибудь чрезвычайно важном деле и куда-то умчаться. Ваня за год заметно подрос, в нём прибавилось энергии, и за ним был глаз да глаз. Правда, снова был коротко подстрижен, после пары недель в доме родителей Алёны. Всего лишь неделя в деревне превращала ребёнка из московского бледного, модно подстриженного приличного мальчика, в загорелого и румяного, с неуёмной энергией. Ваня там объедался блинами из русской печки, пил парное молоко и менялся разительно. Через неделю его узнать было невозможно, Павел каждый раз поражался. Зато после деревенских каникул очень трудно было усадить его за стол и заставить делать домашнее задание. Ваня хотел только одного — носиться по округе и играть. Вот Алёна и воевала с ним в последние дни.

За последний год в усадьбе тоже произошли перемены. И не только внешние. Полдома до сих пор стояла закрытым, зато с постройкой амбаров было покончено, но чем их занять, решения пока не было. Павел всерьёз подумывал о лошадях, но понимал, что в ближайшее время их с Алёной время и внимание будет занято куда более важным событием, поэтому решено было оставить все задумки хотя бы на год. Зато облагородили территорию перед домом. Этим занималась Алёна, Павел ей не мешал, и, в итоге, благодаря ландшафтным дизайнерам, были высажены кустарники, клумбы, насыпаны дорожки, и даже маленький пруд вычистили, и он теперь не смотрелся глубокой заросшей лужей. Но всё это было внешнее, даже беседка в старомодном стиле, которая нравилась всем без исключения, радовала глаз и не более. Куда важнее была атмосфера в доме. Прошёл год после известных событий, год после того, как они вернулись в усадьбу, понимая, что возвращаются домой, и уже тогда начался отсчёт перемен. Впервые, в дом так и не вернулись молоденькие домработницы. Больше никто не прислуживал за столом, поднося смену блюд. Это пресеклось именно Алёной, и спорить Павел не стал. Хотя, её желание взять на себя часть забот показалось странным, но она слышать ничего не хотела. Вместе с кухаркой в доме появилась женщина, которая помогала с уборкой, стиркой, она жила в усадьбе постоянно, и была настолько незаметна, что Павел долго не мог запомнить её в лицо. Они просто не пересекались, и он понятия не имел, когда именно она занимается своей работой. Она просто её делала, он не замечал, не задумывался, забывал об этом думать, и, в конце концов, оценил. В доме была его семья, и никого больше он, по сути, видеть и не хотел. Их даже за столом больше никто не перебивал и никто им не мешал. А по воскресеньям Алёна даже готовила сама, отпуская кухарку и домработницу на выходные. Только Альбина Петровна никогда никуда не уезжала, если только на несколько часов, отвлечься, и Алёна, в волну токсикоза и гормонального взрыва, как-то долго лила слёзы у Павла на плече, домоправительницу жалея. Ей ведь совершенно некуда пойти, у неё никого кроме нас нет. Всё-

таки женщины — странные создания, особенно женщины беременные.

— Паша, обед на столе. — Алёна в кабинет заглянула, остановилась, глядя на мужа. Руку в бок упёрла. Павел за последние три месяца так и не нашёл в себе смелости сказать ей о том, что с животом подбочениваться у неё грозно не получается. Это выглядит если не мило, то смешно. Чуть-чуть. Он и сейчас ничего ей не сказал, вместо этого поцеловал, когда оказался рядом.

— Как ты себя чувствуешь?

— Думаю о том, что ты сказал. — Она за руку его уцепилась, и они вместе пошли к столовой. — Но боюсь, что даже если бы Аня захотела поехать, папа её не отпустит.

— Ему не обязательно знать. Скажи ему, что она у нас.

Алёна остановилась и взглянула на него в изумлении, потом страшным шёпотом переспросила:

— Соврать папе?

Костров понял, что сказал откровенную глупость, причём опасную, глаза закатил, а жена подозрительно глянула ему в спину, когда он первым вошёл в столовую. Уличающе проговорила:

— Паша.

— Солнце моё, давай обедать.

Ваня уже сидел за столом, развернулся на стуле, когда их услышал.

— Папа, ты поможешь мне достроить шалаш?

— А ты много построил?

— Да, мне дядя Максимыч дал четыре палки, а сверху мы веток положим.

Алёна рядом с мальчиком остановилась, по голове его погладила.

— Весь в папу, всегда занятой.

Костров хмыкнул и подтвердил:

— Деятель.

— Можно я суп не буду? — тут же спросил «деятель».

— Хоть немножко съешь, — попросила его Алёна.

— Ну. Я курицу хочу.

Павел придвинул ближе к себе плетёнку с хлебом, протянул сыну кусок, и как бы между прочим сказал:

— Вань, мама сама готовила сегодня. Так что мы все едим суп.

Алёна на мгновение застыла за спиной мальчика, кинула на Павла особенный взгляд. Он его встретил, но остался спокойным, на сына глянул. Ванька же вздохнул, потерял салфетку. Потом сказал:

— Только чуть-чуть. Я хочу курицу с рисом.

Алёна снова его погладила, но пальцы были напряжёнными, ничего не могла с собой поделать. Некоторое время назад Павел начал в разговорах с мальчиком называть её мамой. Не говорил откровенно, не просил Ваню называть её так, это слово просто проскальзывало, и ребёнок только в первый раз в растерянности замер, а потом, как Алёна не присматривалась к нему, не замечала какой-то реакции. Он по-прежнему звал её Алёной, приходил к ней пообниматься, когда становилось грустно или он уставал, но слова «мама» он не знал, и Алёна нервничала куда больше Вани, слыша его даже из уст мужа. Вот и сейчас замерла, а потом поспешила из столовой выйти, хотя знала, что супницу принесёт Альбина Петровна. Вышла и пропустила один из самых важных разговоров их маленькой семьи. Потому что Ваня, в ожидании обеда, призадумался над словами отца, и бесхитростно поинтересовался у того:

— Алёна — моя мама? Настоящая?

Павел, признаться, и сам растерялся, услышав вопрос. Почему-то не ожидал. Пришлось подумать над ответом.

— Дело не в том, настоящая или нет. Дело в том, что она тебя любит. И ты её любишь. Да? Ребёнок кивнул.

— Вот, это самое главное. К тому же, Алёна станет мамой совсем скоро, мы с тобой об этом говорили. А мамы, они такие... Они для всех мамы. Просто мама, она всех любит.

Ванька немного сполз на стуле, выглядел задумчивым.

— Мне надо называть её мамой?

Павел руку протянул, погладил его по голове.

— Если ты этого хочешь. То, как ты её называешь, роли не играет. Она всё равно мама. Она о тебе заботится, она тебя любит, играет с тобой, книжки читает...

— Заставляет чистить зубы!

Павел кивнул.

— И это тоже.

— Пап, Данила в садике всегда говорит, что мама заставляет его чистить зубы, утром и вечером. И Алёна тоже заставляет меня. — Ваня дёрнул себя за ухо. — Значит, она точно мама.

— Открою тебе секрет, сын: они такими рождаются. Почти все. За редким исключением.

Алёна в столовую вернулась, прошла к столу, за ней Альбина Петровна спешила, поставила дымящуюся супницу. Алёна села, посмотрела на Павла, потом на Ваню. По их лицам поняла, что что-то пропустила. Переспросила:

— Что?

Костров плечами пожал.

— Обсуждаем чистку зубов.

— Алён, ты долго будешь меня заставлять чистить зубы?

Она немного растерялась.

— По крайней мере, пока ты не станешь делать этого без напоминания. А что?

Ваня хитро заулыбался. Головой качнул.

— Ничего.

— Он хочет сказать, что ему нравится, когда ты ему напоминаешь.

— Правда?

Павел спокойно кивнул. А Ваня добавил:

— Так мамы делают. Мне нравится. — Он на стуле развернулся, на экономку посмотрел: — Тётя Аля, мне чуть-чуть супа, я хочу курицу.

Ребёнок крутился, улыбался, дотянулся до плетёнки с хлебом, а Алёна сидела напротив, и дышала очень осторожно, боясь даже на Павла взглянуть. Потом заставила себя расстелить на коленях салфетку. И тут заметила руку Павла, он протягивал её ей, и Алёна в неё вцепилась. Смогла, наконец, перевести дыхание.

А через три недели в семье Костровых родилась девочка. Екатерина Павловна.

Конец.

2015г